
3 1761 09701308 0

Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной. 1854.

Non, mille fois non, ce n'est point ainsi que nous aimions notre pays dans notre jeunesse. Nous voulions son bien-être, nous lui désirions de bonnes institutions, nous allions même parfois jusqu'à lui souhaiter un peu plus de liberté si faire se pouvoit; nous le savions grand et puissant, plein d'avenir; mais nous ne pensions pas, ni qu'il fut le pays du monde le plus puissant, ni le plus fortuné. Nous étions loin de nous imaginer que la Russie représentât je ne sais plus quel principe abstrait, renfermant la solution définitive du problème social, qu'elle constituât à elle seule tout un monde à part, héritier direct et légitime du glorieux Empire d'orient, ainsi que de ses titres et vertus; qu'elle eut pour mission spéciale d'absorber dans son sein tous les peuples slaves et d'opérer par ce moyen la régénération du genre-humain; nous ne pensions pas surtout que l'Europe fut sur le point de retomber dans la barbarie et que nous fussions chargés de sauver la civilisation avec les quelques lambeaux de cette même civilisation qui avoient servi naguère à nous tirer de notre antique torpeur. Nous traitions l'Europe avec civilité, voire même avec respect, car nous savions qu'elle nous avoit enseigné beaucoup de choses, et entre autres notre propre histoire. Lorsqu'il nous arrivoit par hasard d'en triompher, comme Pierre-le-grand, nous disions, c'est à vous Messieurs que nous le devons. Et voilà comment un beau jour nous arrivâmes à Paris et qu'on nous y fit l'accueil que vous savez, oubliant pour un moment que nous n'étions au fond que de jeunes parvenus et que nous n'avions rien versé encore dans la caisse commune des nations, pas même un pauvre petit système solaire, comme les Polonois nos sujets, pas même quelque misérable algèbre, comme ces arabes infidèles, dont nous combattons aujourd'hui la religion absurde et barbare. On nous

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Ко, МОСКВА

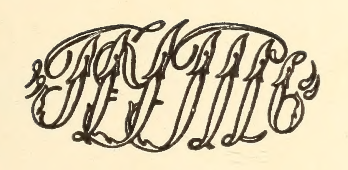
СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА

П. Я. ЧААДАЕВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ГЕРШЕНЗОНА

Т. II.

МОСКВА
1914

МОСКВА—1914.
Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская площадь, Филипповскій пер., д. 11.

При печатаніи переводовъ, входящихъ въ составъ этого тома, было принято за правило—давать каждое произведеніе или письмо *полностью,* т. е. въ письмахъ, подлежащихъ переводу только отчасти, не ограничиваться сообщеніемъ лишь перевода французскихъ строкъ, но перепечатывать и всю русскую часть письма, такъ, чтобы предъ читателемъ каждый разъ находился непрерывный и полный текстъ письма. Русскій переводъ всюду отмѣченъ прямыми скобками, указывающими начало и конецъ перевода.

Переводъ „Философическихъ писемъ", „Апологіи сумасшедшаго" и писемъ №№ 45, 87, 105, 107 и 139 сдѣланъ мною и былъ уже раньше въ печати; переводъ остальныхъ произведеній и писемъ исполненъ для настоящаго изданія Г. А. Рачинскимъ.

М. Г.

27 февраля 1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАРІАНТЫ.

Къ № 38.

Напеч. въ „Телескопѣ“ за 1836 г. № 15, стр. 275—310 (ценз. помѣтка № 15-го—29 сентября 1836 г.); было перепечатано въ 6-й книгѣ „Полярной Звѣзды“ 1861 г., въ Казанскомъ изданіи „Писемъ“ 1906 г. и Московскомъ 1908 г. (см. прим. къ № 38). Переводъ, по преданію, впрочемъ ничѣмъ документально не подтверждаемому, былъ исполненъ Н. Х. Кетчеромъ (см. по этому вопросу Лемке „Никол. жанд.“ стр. 417—418).

Философическія письма къ Г-жѣ ***.

Письмо первое *).

Я уважаю, я люблю въ васъ, болѣе всего, ваше чистосердечіе вашу искренность. Этѣ прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и навели на разговоръ о религіи, тогда-какъ все васъ окружавшее налагало на меня молчаніе. Представьте-же мое удивленіе, когда я получилъ ваше письмо. Вотъ все, что̀ могу я сказать о мнѣніи, которое, по вашему предположенію, долженъ составить о вашемъ характерѣ. Но перейдемъ-те къ важнѣйшей части вашего письма.

Отчего это возмущеніе въ вашихъ мысляхъ, которое, какъ вы говорите, волнуетъ, утомляетъ васъ до того, что разстроиваетъ самое здоровье? Неуже-ли это слѣдствіе нашихъ разговоровъ?

---

*) Письма этѣ писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія, даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ. *Изд.*

Вмѣсто спокойствія, мира, которые должно было воцарить новое чувство, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило томленіе, сомнѣнія, почти угрызенія совѣсти. Впрочемъ, чтожъ тутъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы. Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ членовъ общества до самыхъ нисшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію. Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы, дѣлаютъ васъ еще воспріимчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышете. Немногое, что̀ я могъ сказать вамъ, не могло дать должнаго направленія вашимъ мыслямъ посреди всего васъ окружающаго. Могъ-ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и въ-самомъ-дѣлѣ я ихъ предвидѣлъ. Вотъ причина частыхъ моихъ умолчаній, которыя не только не могли проникнуть вашу душу убѣжденіемъ, напротивъ должны были привести васъ въ недоумѣніе. Еслибъ я не былъ увѣренъ, что страданія, которыя можетъ возбудить религіозное чувство не вполнѣ развитое, всегда лучше совершеннаго равнодушія, я раскаявался-бы въ своей излишней ревнительности. Но облака, которыя затемняютъ теперь ваше небо, преобратятся въ благотворную росу, которая возраститъ сѣмена запавшія въ ваше сердце. Дѣйствіе на васъ немногихъ словъ служитъ мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше собственное разумѣніе доведетъ васъ впослѣдствіи до полнѣйшаго развитія. Предавайтесь безбоязненно религіознымъ чувствованіямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя.

Чтожъ касается до предметовъ внѣшнихъ, то на этотъ разъ вамъ довольно знать, что ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священнослужителями безпрерывно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи; потому-что вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ слитія всѣхъ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и постепеннаго образованія въ обществѣ духовнаго единства, или церкви, которая должна воцарять истину между людьми. Всякое другое ученіе, однимъ уже отдѣленіемъ отъ ученія первоначальнаго, уничтожаетъ значеніе высокаго воззванія Спасителя: „*Отче да будутъ едино, якоже и мы!*“, и противодѣйствуетъ осуществленію на землѣ царствія Божія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ васъ обязывали проявлять эту истину на землѣ; нѣтъ, не въ томъ состоитъ ваше призваніе. Напротивъ, по вашему положенію въ

свѣтѣ, самое начало, изъ котораго истекаетъ эта истина, обязываетъ васъ почитать ее не болѣе, какъ внутреннимъ свѣтильникомъ вашего вѣрованія. Я счастливъ, что могъ содѣйствовать религіозному направленію вашихъ мыслей; но почелъ-бы себя несчастнымъ, еслибъ, въ тоже время, возбудилъ укоры совѣсти, которые впослѣдствіи могли-бы охладить вашу вѣру.

Кажется, я говорилъ вамъ однажды, что религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ гораздо больше нежели предполагаютъ, которое налагали на себя величайшіе умы, по зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ, есть настоящее чествованіе Бога. Ничто такъ не укрѣпляетъ ума въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое выполненіе всѣхъ налагаемыхъ ими обязанностей. Кромѣ - того большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя онѣ выражаютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе, и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона! И для васъ, сударыня, что̀ можетъ быть приличнѣе одежды смиренія? Облекитесь въ нее: она такъ идетъ вашему полу. Повѣрьте, это средство всего скорѣе укротитъ волненія вашего ума, разольетъ сладостное спокойствіе по всему существу вашему.

Для женщины, которой образованный умъ находитъ прелесть въ ученіи и въ важныхъ занятіяхъ созерцанія, что̀ можетъ быть естественнѣе, даже по свѣтскимъ понятіямъ, какъ жизнь нѣсколько серьозная, посвященная преимущественно благочестивымъ помысламъ и выполненію обязанностей, налагаемыхъ религіей? Вы пишете, что ничто не говоритъ вашему воображенію такъ сильно, какъ описанія этѣхъ мирныхъ, ясныхъ существованій, взглядъ на которыя, какъ взглядъ на прелестное сельское мѣстоположеніе, озаренное послѣдними лучами солнца, успокоиваетъ душу и уноситъ ее на мгновеніе изъ міра нашей болѣзненной или безцвѣтной существенности. Что̀жъ мѣшаетъ вамъ осуществить одно изъ этѣхъ прелестныхъ созданій фантазіи? Вы одарены всѣмъ, что̀ для этого нужно. Вы видите, какъ я снисходителенъ: я отъискиваю успокоивающія средства въ собственныхъ вашихъ вкусахъ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ вашего воображенія.

Въ жизни есть сторона совершенно невещественная, относя-

щаяся собственно къ разумной стихіи нашего бытія: этой стороны никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діэтетическое содержаніе, точно также какъ и для тѣла; умѣнье подчинять ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторяю старую поговорку; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости. Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только-что открываются. И это оттого что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другаго. Мы существуемъ какъ-бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. Тò, чтò у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до-сихъ-поръ есть только умствованіе, теорія. Примѣры не далеки; вы сами, созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все чтò есть въ мірѣ благаго и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего чтò доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя наслажденія, скажите, далеко-ли ушли вы со всѣми этими достоинствами? Вы ищете даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то-что цѣлую жизнь. Вамъ не достаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ произшествія дня размѣщаются такъ естественно: условіе столь-же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете, что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ распредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ-будто на-ходу. Мы всѣ какъ-будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на чтò добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, чтò бы привязывало, чтò бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дóма мы будто на постоѣ, въ семействахъ, какъ чужіе, въ городахъ какъ-

будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому-что этѣ племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобъ этѣ замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Какъ добиваться намъ жизни чистыхъ духовъ! Научимся прежде жить благоразумно въ нашей данной существенности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины; но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что̀ сохранилось-бы въ памяти народовъ, къ чему могли-бы они привязаться, пристраститься; безъ него они дорожили-бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности; время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою, время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, пото̀мъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое-бы васъ остановило, ни одного памятника, которой-бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ безъ прошедшаго и будущаго. Еслижъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно нужнаго

и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ его существованія. Какъ можетъ процвѣтать общество, которое, даже вотношеніи къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ; общество, въ которомъ жизнь еще не составилась? Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что̀ могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою-то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этѣхъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобъ сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого, передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и можетъ-быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде-всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что-это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое соотношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ. „Что̀ такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго съ прошедшимъ?“ Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденные дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то̀, что̀ у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не

далѣе вчерашняго дня; мы, такъ-сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому-что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому-что мы заимствуемъ идеи уже развитыя. Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія; во внѣшности вся душа ихъ.

Народы существа нравственныя, точно также какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. Но мы, почти можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажется не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того чтобъ со-временемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?

Народы Европы имѣютъ одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Не смотря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и тевтоническую, на южную и сѣверную, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ, связь видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно-ли вся Европа называлась „христіанствомъ“, и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но кромѣ этого общаго характера, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ утомленія, безъ труда, собираетъ на жизненномъ пути свѣденія, разсѣянныя въ обществѣ, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много-ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ-бы то ни было образомъ, могли-бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтьте, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ; но просто о соприкосновеніи умовъ, объ тѣхъ идеяхъ, которыя овла-

дѣваютъ ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ, которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и общество. Хотите-ли знать, что̀ это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что̀ составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія Европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?

Не знаю, можно-ли вывести изъ сказаннаго что̀-нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ-этого, вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ и что̀ послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не та легкомысленность, которою нѣкогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостію, что̀ придавало обращенію болѣе прелести и любезности; нѣтъ! это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, оторваннаго отъ своей породы; жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о распространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и на-

деждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную. Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ нихъ частно, и ктому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣствицы. Находясь въ другихъ странахъ и вособенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не-разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что тоже самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ тоже время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріяльнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что, по милости этой-то безпечной отваги, у насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только нисшимъ; не замѣчаютъ, что имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ надобно изучить общій духъ, ихъ животворящій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только этотъ духъ можетъ довести ихъ до совершеннѣйшаго нравственнаго состоянія, до развитія безконечнаго.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собирательное разумѣніе націи, и заставляютъ ее двигаться впередъ. Между-тѣмъ какъ небольшое число мыслитъ, остальное чувствуетъ, и общее движеніе проявляется. Это истинно

вотношеніи всѣхъ народовъ, исключая нѣкоторыя поколѣнія, у которыхъ человѣческаго осталось только одно лицо. Первоначальные народы Европы, Цельты, Скандинавы, Германцы, имѣли Друидовъ, Скальдовъ, Бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріяльное просвѣщеніе Соединенныхъ-Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители! Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны-бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны-бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ниодной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ; ниодной великой истинны не возникло изъ-среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде-нежели наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили-бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣ-

та и что̀-же принесли домой? Однѣ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что̀ бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но, не правы и люди, которыхъ содѣйствіе, во всемъ что̀ свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего.

Что̀ дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслію религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, у растлѣнной, презираемой всѣми народами, Византіи. Мѣлкая суетность только-что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ ней идею, искаженную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отъискать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы моглибы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отъискалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, также какъ эти послѣдніе

возвышаются надъ Готтентотами и Лапландцами. Въ насъ не развились этѣ новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда-какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства.

Послѣ этого, скажите, справедливо-ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе, развивавшееся такъ медленно, и притомъ подъ прямымъ и очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы, съ-разу, даже не затрудняясь розысканіемъ, какъ это дѣлалось?

Тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ стороны чисто исторической; стороны, которая показывая, что̀ сдѣлало оно для людей и что̀ должно еще сдѣлать, заключаетъ въ себѣ всю его философію и составляетъ необходимую часть его догматики. Такимъ образомъ христіанская религія является не только нравственною системой, выразившеюся въ преходящихъ формахъ человѣческаго ума; но силою божественною, вѣчною, дѣйствующею во всемъ пространствѣ міра умственнаго; силою, которой видимыя дѣйствія должны намъ служить вѣчными уроками.

Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать, и въ самомъ-дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка. Въ противномъ случаѣ дѣйствительность противурѣчила-бы слову Господа: онъ не былъ-бы посреди своей церкви до скончанія вѣковъ. Новый порядокъ, царствіе Божіе, которое должно было осуществиться искупленіемъ, не отличалось-бы отъ прежняго порядка, отъ царства зла, которое искупленіе должно было уничтожить: тогда существовала-бы одна вообразительная усовершимость, о которой мечтаетъ философія и которую обличаетъ во лжи каждая страница исторіи; суетное волненіе ума, удовлетворяющее только нуждамъ существа матеріяльнаго, которое если когда и возносило человѣка на нѣкоторую высоту, то для того только, чтобъ низвергнуть потомъ въ глубочайшія пропасти.

Но вы вообразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безсомнѣнія, мы

христіане: но развѣ Абиссинцы не христіане-же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ Японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство Абиссинцевъ и образованность Японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію-минуту, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что этѣ жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?

Въ христіанствѣ есть два направленія, рѣзко отличающіяся одно отъ другаго: это его дѣйствіе на человѣка и дѣйствіе на всемірное разумѣніе. Онѣ сливаются оба въ Верховномъ Разумѣ и ведутъ къ одной и той-же цѣли. Но наше ограниченное зрѣніе не можетъ обнять время, впродолженіе котораго должны осуществиться вѣчныя предначертанія божественной мудрости. По-этому мы должны различать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ данное время въ жизни человѣка, отъ проявляющагося только въ безконечности. Конечно, въ день окончательнаго исполненія великой тайны искупленія всѣ сердца и всѣ умы соединятся въ одно чувство и въ одну мысль, и всѣ преграды, раздѣляющія народы и вѣроисповѣданія, исчезнутъ; но, въ настоящее время, каждый долженъ знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанъ, то-есть долженъ знать, чѣмъ и какъ можетъ содѣйствовать онъ и все его окружающее конечной цѣли, предположенной всему человѣчеству.

По-этому необходимо долженъ быть особенный кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества, въ которомъ должна достигаться эта конечная цѣль, то-есть гдѣ возбужденная мысль должна созрѣть и достигнуть всей полноты своей. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера даютъ обществу особенный родъ существованія, особенный взглядъ, которые не будучи совершенно тождественны для каждаго недѣлимаго этого общества, какъ вотношеніи насъ, такъ и вотношеніи другихъ не-европейскихъ народовъ, составляютъ одинаковый способъ ихъ бытія: слѣдствіе огромной умственной работы осьмнадцати вѣковъ, работы въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ выгоды, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы проходили этѣ столѣтія рука-въ-руку, и въ настоящее время, не смотря на всѣ случайныя отклоненія, онѣ всегда будутъ сходиться на одной и той-же дорогѣ. Чтобъ

понять семейное развитіе этихъ народовъ не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса, и вы увидите какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, однѣми и тѣми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебные гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ его благодѣяній: дивный концертъ, въ тысячу разъ изящнѣйшій, возвышеннѣйшій всѣхъ гармоній міра физическаго! И такъ если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если напротивъ враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если этѣ причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно-ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новаго общества совершается въ области мнѣнія. Слѣдовательно здѣсь настоящее воспитаніе. Новое общество, основанное на этомъ началѣ, двигалось впередъ только мыслію. Выгоды всегда слѣдовали за идеями, но никогда имъ не предшествовали. Мнѣнія раждали выгоды, но выгоды никогда не раждали мнѣній. Всѣ успѣхи Запада въ сущности были успѣхи нравственные. Искали истину, и нашли благосостояніе. Вотъ какъ объясняется явленіе новаго общества и его образованіе; иначе оно совершенно непонятно.

Первыя столѣтія новой исторіи наполняются: гоненіями за вѣру, мученичествомъ, распространеніемъ христіанской вѣры, ересями и соборами. Движеніе всей этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано тѣсно съ усиліями новѣйшаго разума еще въ дѣтствѣ. Вторую эпоху наполняютъ: образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти и безпрерывное распространеніе религіи на Сѣверѣ. За-тѣмъ слѣдуютъ: усиленіе религіознаго чувства до высочайшей степени и упроченіе религіозной власти. Философическое и литтературное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такоеже право на названіе священной, какъ и исторія древняго

избраннаго народа. Наконецъ, и настоящее положеніе общества заимствуетъ свой характеръ отъ религіознаго противодѣйствія, отъ новаго направленія, которое религія дала человѣческому духу. Такимъ образомъ, можно сказать, что у новѣйшихъ народовъ мнѣніе было единственнымъ могучимъ дѣятелемъ; оно поглощало всѣ матеріяльныя, положительныя и личныя выгоды.

Знаю: вмѣсто-того чтобъ дивиться этому дивному порыву человѣчества къ возможному совершенству, его называли фанатизмомъ, суевѣріемъ. Но чтобы ни говорили, подумайте, какъ сильно должно отпечатлѣться на характерахъ этихъ народовъ, какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, это развитіе общественности, вполнѣ совершенное однимъ чувствомъ! Пусть поверхностная философія вопіетъ, что̀ хочетъ, противъ войнъ за вѣру, противъ костровъ зажженныхъ нетерпимостію: мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой сшибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ.

Повторяю еще: въ Европѣ не все было умно, добродѣтельно, религіозно; но въ ней все проникнуто таинственною силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій; въ ней все слѣдствіе того безконечнаго сцѣпленія идей и явленій, которыя образовали настоящее общество. Изъ многихъ доказательствъ, вотъ одно. У народа, физіономія котораго оттѣнена рѣзче прочихъ, постановленія котораго проникнуты наиболѣе новѣйшимъ духомъ, словомъ у Англичанъ, почти одна религіозная исторія. Что̀ такое бурная эпоха Карла I и Кромвеля, предшествовавшая ихъ настоящему благосостоянію, и весь этотъ длинный рядъ происшествій, ее породившихъ, до самаго Генриха VIII, какъ не развитіе чисто религіозное? Во всемъ этомъ періодѣ, выгоды чисто политическія появляются второстепенными побудителями, и часто исчезаютъ совершенно, или приносятся въ жертву мнѣнію. Даже въ эту самую минуту, какъ я пишу *), что̀ волнуетъ эту привиллегированную землю? Выгоды религіозныя. Коротко, есть-ли въ Европѣ народъ, который не нашелъ-бы въ своемъ національномъ сознаніи, еслибъ только захотѣлъ поискать, этого особеннаго начала, которое, подъ видомъ священной мысли, постоянно было животворящимъ дѣятелемъ, душею общественнаго бытія, во все продолженіе его существованія?

*) 1829.

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на умы людей. Исполинское предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ сопряженій, въ которыхъ человѣчество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Отсюда понятно, что все свершившееся съ перваго дня нашей эры, или лучше съ той минуты, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *„идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари!“* неисключая и самыя гоненія на христіанство, совершенно согласуется съ этимъ общимъ понятіемъ объ его вліяніи. Чтобъ убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей, проявленіе сознательное или безсознательное, вольное или невольное. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ несовершенства, на все что̀ есть дурнаго и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому-что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ.

Теперь позвольте мнѣ заключить это разсужденіе о вліяніи религіи на общество выпискою изъ одной вамъ неизвѣстной статьи, написанной мною гораздо прежде.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ я, что тотъ, кто не замѣчаетъ дѣйствій христіанства, вездѣ, гдѣ человѣческая мысль приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какимъ бы то ни было образомъ, даже противодѣйствуя ему, тотъ не имѣетъ объ немъ настоящаго понятія. Вездѣ, гдѣ произносится имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей противъ ихъ воли. Ничто не обнаруживаетъ такъ божественнаго начала этой религіи, какъ этотъ отблескъ безусловной всемірности, которымъ она проникаетъ въ душу всѣми возможными способами; овладѣваетъ умами, даже въ то время, когда они, кажется, противятся ей наиболѣе; покоряетъ, сообщая разумѣнію истины, дотолѣ ему неизвѣстныя, возбуждая въ сердцѣ ощущенія, до-сихъ-поръ имъ не испытанныя, вдыхая въ насъ чувства, которыя безъ нашего вѣденія вводятъ насъ въ порядокъ общій. Такимъ образомъ она опредѣляетъ кругъ дѣйствій каждаго вособенности, устремляя въ тоже время дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. При разсматриваніи христіанства съ этой точки, каждое изъ пророческихъ изреченій

Христа дѣлается осязаемою истиною. Отсюда можно видѣть ясно игру всѣхъ рычаговъ, которые приводитъ въ движенiе его всемогущая рука, ведя человѣка къ его предназначенiю, никакъ не ограничивая его дѣятельности, никакъ не подавляя ни одной изъ силъ ему врожденныхъ, но напротивъ удвояя ихъ, возвышая до безконечности. Ниодно изъ нравственныхъ началъ не остается бездѣйственнымъ; оно пользуется всѣми способностями мысли, всею пламенною расширимостiю чувства, героизмомъ души сильной и преданностiю ума покорнаго. Доступное всякому созданiю, одаренному разумѣнiемъ, сливаясь съ каждымъ бiенiемъ нашего сердца, оно поглощаетъ все, ростетъ и даже укрѣпляется препятствiями, которыя встрѣчаетъ. Съ генiяльнымъ человѣкомъ, оно возносится на высоту недосягаемую для другихъ; съ умомъ робкимъ, идетъ по землѣ мѣрнымъ шагомъ; въ умѣ мыслящемъ, безусловно, глубоко; въ душѣ преобладаемой воображенiемъ, эфирно, творитъ мирiады образовъ; въ сердцѣ нѣжномъ, любящемъ, проявляется милосердiемъ и любовью. Оно идетъ всегда вмѣстѣ съ разумѣнiемъ ему предавшимся, сообщая ему силу, теплоту, ясность. Посмотрите, какъ разнообразны природы, какъ многочисленны силы, которыя оно приводитъ въ движенiе; сколько различныхъ дѣятелей сливается во-едино, сколько сердецъ, совершенно несходныхъ одно съ другимъ, бьется для одной единственной идеи!“

„Еще удивительнѣе общее дѣйствiе христiанства. Взгляните на картину полнаго развитiя новаго общества, и вы увидите, что христiанство преобразуетъ всѣ человѣческiя выгоды въ свои собственныя; потребность вещественную вездѣ замѣняетъ потребностiю нравственною; возбуждаетъ въ мiрѣ мыслительномъ этѣ великiя пренiя, которыхъ вы не встрѣтите въ исторiи другихъ эпохъ, другихъ обществъ; воспламеняетъ это ужасное боренiе мнѣнiй, въ которомъ цѣлая жизнь народовъ становится одною великою идеею, однимъ безконечнымъ чувствованiемъ. Вы увидите, что все создано имъ, и только имъ: и жизнь частная и жизнь общественная, и семейство и отечество, и наука и поэзiя, и умъ и воображенiе, и воспоминанiя и надежды, и восторги и горести. Счастливы тѣ, которые въ глубинѣ души сознаютъ свои дѣйствiя въ этомъ великомъ движенiи мiра, движенiи возбужденномъ самимъ Богомъ!

Но время обратиться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ тяжело оторваться отъ этихъ общихъ взглядовъ. Картина, ко-

торая съ этой высоты представляется мнѣ, есть для меня источникъ всего утѣшительнаго. Сладостное вѣрованіе въ будущее благоденствіе человѣчества живитъ мою душу, когда, сдавленный жалкою, окружающею меня существенностію, я жажду подышать воздухомъ чистѣйшимъ, взглянуть на небо яснѣйшее. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я не употребилъ вашего терпѣнія во зло. Прежде всего надобно было показать вамъ точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на христіанскій міръ и на наши дѣйствія въ нашемъ мірѣ. Можетъ-быть вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполнѣ. Впрочемъ духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предразсудковъ, потому-что они разъединяютъ людей болѣе всего.

Это письмо довольно длинно. Вначалѣ я полагалъ, что выскажу все въ немногихъ словахъ, но впослѣдствіи увидѣлъ, что разсмотрѣніе этого предмета можетъ составить цѣлый томъ. Вы мнѣ напишете, согласны-ли вы съ моими мнѣніями. Но во всякомъ случаѣ, вы не избавитесь втораго письма, потому-что мы только приступили къ предмету нашего разсужденія....

Некрополисъ.
1829, декабря 1.

Къ № 39.

Нѣчто изъ переписки NN.

(Съ Французскаго).

Напечатано въ „Телескопѣ“ 1832 г. № 11, стр. 347—357. Въ составъ этой статьи входятъ: 1) „четвертое“ „Философич. письмо“ въ переводѣ съ *ранней* редакціи (по сравненію съ текстомъ, напечатаннымъ у насъ въ т. I), и 2) шесть отрывковъ изъ числа тѣхъ, которые напечатаны у насъ подъ № 39, но въ другомъ переводѣ (см. прим. къ этому №). Примѣчаніе, предпосланное статьѣ редакціей „Телескопа“, напечатано выше, т. I, въ прим. къ № 39-му.

— Вы находите еще, милостивая государыня, странную связь между геніемъ Архитектуры Египетской и геніемъ Германскаго Зодчества и хотите знать, что̀ можетъ быть общаго, напр. между пустынною пирамидой Египта и шпилемъ Христіанскихъ храмовъ, между обелискомъ Капра и остроконечными окнами среднихъ

вѣковъ. Эта аналогія, существующая между двумя Архитектурами, столь отдаленными во времени, но дѣйствительно сливающимися, достойнымъ удивленія образомъ, въ одной идеѣ, весьма поразительна, и вы необходимо должны были дойдти до ней, по самой связи мыслей, представлявшихся въ размышленіяхъ нашихъ объ Исторіи. Замѣтьте во первыхъ геометрическую фигуру, тріугольникъ, въ которой помѣщаются обѣ Архитектуры: она даетъ имъ обѣимъ особенный характеръ и рисунокъ. Но это только матеріяльное ихъ выраженіе, ихъ форма пластическая. Въ послѣдствіи найдете вы, что обѣ сіи Архитектуры имѣютъ также общій идеальный характеръ, весьма ясно проявляющійся въ какой-то *безполезности*, или лучше въ исключительной идеѣ монумента, которая особенно въ нихъ господствуетъ. Кромѣ того, отличаетъ и выражаетъ обѣ сіи Архитектуры вертикальная линія, которая собственно и образуетъ оба стиля. Но вотъ, что̀ важно. Вертикальная линія, въ противуположность горизонтальной линіи Греческой Архитектуры, даетъ намъ истинную физіономію всѣхъ Архитектуръ міра; и этотъ антитезъ въ послѣдовательности искусства совершенно выражаетъ особенныя черты различныхъ временъ и народовъ.

Стиль Греческій есть пристанище, жилище, домъ; стиль Египетскій и Готическій—монументъ, поэзія, мысль. Первый относится къ матеріяльнымъ нуждамъ человѣка, второй къ его нуждамъ нравственнымъ. Пирамидальная Архитектура есть слѣдовательно вещь святая, небесная. Горизонтальная архитектура вещь человѣческая, земная. А понимаете ли вы, что̀ все это значитъ? То великое раздѣленіе человѣческаго ума, которое объемлетъ умственное движеніе всѣхъ вѣковъ: *Сенсуализмъ* и *Идеализмъ!*

Итакъ, видите ли вы глубокое, проистекающее отсюда, сближеніе первобытнаго міра съ міромъ Христіанскимъ? Видите ли вы, какъ мысль, принадлежащая эпохѣ происхожденія человѣческаго рода, совпадаетъ съ мыслію, принадлежащею временамъ совершенія судебъ его? Ибо Архитектура, еще нынѣ видимая на берегахъ Нила, есть, безъ сомнѣнія, древнѣйшая въ мірѣ. Если и предположить существованіе древности, болѣе отдаленной, нежели древность Египетская, то она не относится къ Зодчеству, какъ на пр. построенія Циклопеанскія не суть Зодчество; въ противномъ случаѣ Архитектура Индійская была бы древнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ, но это не Архитектура. Итакъ должно

признавать Египетскую Архитектуру за содержащую въ себѣ первообразъ красоты архитектонической, первоначально вымышленной геніемъ человѣка; а въ семъ непонятномъ сходствѣ двухъ крайностей Исторіи нельзя не сознать того великаго указанія Исторической Философіи, что первообразною мыслію человѣка, необходимо была мысль истины и закона, и что такимъ образомъ два мгновенія, находящіяся на обоихъ концахъ времени, совершаемаго человѣкомъ—первое мгновеніе его сотворенія и послѣднее мгновеніе его конечнаго развитія—встрѣчаются въ общемъ понятіи преданія и утверждаютъ собою метафизическое событіе и положительную идею существованія человѣческаго.

Мнѣ кажется, что Готическая башня достойна особеннаго вниманія, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ созданій воображенія. Жители Европы, слишкомъ свыкшіеся съ симъ страннымъ произведеніемъ Зодчества, не умѣютъ, по моему мнѣнію, довольно цѣнить его. Намъ, жителямъ другаго міра, надлежитъ понять его. Прозрачная атмосфера и безцвѣтная природа южныхъ странъ весьма много способствуютъ къ увеличенію эффекта, производимаго Греческими и Римскими памятниками; прибавьте къ тому кучу воспоминаній и всѣ принадлежности протекшаго и настоящаго, которыя толпятся около сихъ памятниковъ и окружаютъ оныя всѣми очарованіями, питающими мечтательность: тогда поймете вы, въ чемъ состоитъ красота сихъ памятниковъ. Но уединенная башня Сѣвера, о которой не говоритъ ни слова исторія, а развѣ какую-нибудь темную легенду разсказываетъ при очагѣ внучкамъ старая бабушка, эта башня, высящаяся надъ жилищами людей, въ мрачное облачное небо, не заимствуетъ поэзіи своей отъ міра, ей совершенно чуждаго, ни отъ предметовъ, ее окружающихъ. Около ней хижины и облака—больше ничего! Вся ея магія, все ея достоинство въ ней самой. Она, какъ мысль могучая и прекрасная, одна стремится къ небу, уноситъ васъ съ земли и ничего отъ земли не беретъ; принадлежитъ особенному чину идей и не проистекаетъ отъ земнаго; видѣніе чудеснѣйшее, безъ начала и причины на землѣ!

Колоссы Нила, равно какъ и Христіанскіе храмы, при первомъ на нихъ взглядѣ, кажутся только украшеніями. Замѣтьте, что сей наружный характеръ безполезности есть также характеръ красотъ самой природы. Видъ звѣзднаго свода, ярящагося океана, покрытой вѣчными льдами цѣпи горъ, всѣ сіи разительнѣйшія зрѣлища натуры, равно какъ и самыя красивыя, какъ на пр. пальма Афри-

ки, дубъ Англіи, сначала не порождаютъ въ васъ непосредственно идеи о ихъ полезности; но возбуждаютъ въ васъ мысли совершенно безкорыстныя. Полезность есть конечно въ нихъ, но она сокрыта и уже представляется по нѣкоторомъ размышленіи. Таковъ обелискъ, недающій даже довольно тѣни, чтобъ укрыть васъ отъ зноя почти тропическаго солнца. Кажется, онъ ни къ чему не полезенъ; но онъ по неволѣ заставляетъ васъ устремить взоръ на небо. Такова великая церковь Христіанскаго міра! Когда въ часы сумрака блуждаете вы подъ огромными ея сводами и глубокій мракъ уже распростерся по всей ея внутренности, а надъ вашею головой окна купола горятъ еще послѣдними огнями заходящаго солнца: къ чему, кажется, сей огромный сверх-человѣческой размѣръ? Но онъ говоритъ вамъ, что для поклоненія Божеству, разъ дана была мысли человѣка возможность возрасти до высоты самой природы. Или когда вы, идя въ осеннюю ночь по берегамъ Рейна, подходите къ одному изъ тамошнихъ старинныхъ городовъ, смиренно разстилающемуся у подножія своего высокаго собора, въ то время какъ луна стоитъ надъ вершиною сего величественнаго исполина: зачѣмъ исполинъ сей представляется вашимъ взорамъ? Но, можетъ быть, внушитъ онъ вамъ мечтанія благочестивыя, можетъ быть, преклонитъ долу чело ваше, въ изліяніи чувствъ вашихъ предъ Богомъ, источникомъ сей высокой поэзіи, и заставитъ васъ съ необыкновеннымъ, новымъ для васъ жаромъ вѣры произнести вечернюю вашу молитву: вотъ для чего предъ вами сей исполинъ!

Наконецъ, прекраснѣйшій Греческій храмъ есть не что̀ иное, какъ домъ: съ пріятными ощущеніями, доставляемыми вамъ его изящною соразмѣрностію, необходимо соединена мысль, что онъ созданъ для чьего-либо жилища. И это весьма понятно. Греки дѣйствительно должны были строить жилища своимъ богамъ. Мы, Христіане, воздвигаемъ только священные памятники, ибо намъ некого помѣщать въ нашихъ храмахъ. Вспомните слова Гжи Сталь, сказанныя ею о музыкѣ, что одной ей принадлежитъ прекрасная безполезность и что именно по сей-то причинѣ поражаетъ она насъ такъ глубоко. И въ сей-то мысли, какъ и во всемъ, мною выше сказанномъ, безполезность есть безличность; а ею все доброе, все изящное — связываются и соединяются въ нравственномъ мірѣ.

— Намъ предписано любить ближняго; но для чего?—Чтобы отклонить любовь нашу отъ самихъ себя.—Это не мораль, а просто логика.—Что̀ бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становится что-то постороннее; и это постороннее—это я самъ. Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, слѣдовательно, средство открыть ее: отстранить свое *я*. Потому, мнѣ кажется, хорошобъ было, еслибъ мы часто повторяли самимъ себѣ то, что̀ Діогенъ сказалъ Александру: *посторонись, ты заслоняешь мнѣ солнце!*

— Онъ умеръ, тотъ, кого вы любили, передъ кѣмъ вы благоговѣли, и вамъ осталось отъ него одно грустное воспоминаніе—грустное и, можетъ быть, сладкое въ тоже время. Но вы уже не любите его, не благоговѣете передъ нимъ, по прежнему; и можно-ли благоговѣть передъ прахомъ, любить разрушеніе?—Что̀, однако, если онъ не умеръ? Если онъ живетъ еще, гдѣ нибудь далеко, въ какой нибудь далекой сторонѣ? Если онъ только въ отсутствіи, подобно столькимъ изъ вашихъ друзей?—Тогда, зачѣмъ не возвратите вы ему всѣхъ прежнихъ чувствъ вашихъ?—И вотъ на чемъ основано поклоненіе святымъ. Вѣровать искренно, твердо въ безсмертіе души и, между тѣмъ, отказывать въ благоговѣніи людямъ, достойнымъ этаго чувства, отказывать только потому, что они не живутъ уже здѣсь, на этой землѣ—скажите: не значитъ-ли это противорѣчить самому себѣ?

— Христіанское безсмертіе, есть жизнь безъ смерти, совсѣмъ не то, что̀ обыкновенно воображаютъ: жизнь послѣ смерти.

— Помните-ли вы, что̀ съ вами было на первомъ году вашей жизни?—Нѣтъ, говорите вы.—Такъ мудрено-ли, что вы забыли и то, что̀ съ вами было прежде вашего рожденія!

— Думаете-ли вы, что человѣку смерть понятнѣе рожденія?—Безъ сомнѣнія нѣтъ! Онъ видитъ, что вокругъ него существа образуются и разрушаются, и между прочимъ существа ему подобныя. Онъ не знаетъ, жили-ли они подъ другимъ видомъ, прежде принятія настоящаго; не знаетъ, будутъ-ли жить въ другомъ видѣ, утративъ настоящій образъ. Не смотря на то, онъ боится смерти; стало быть думаетъ, что постигаетъ ее.—Страшитъ его не страданіе: почему знать ему, будетъ-ли онъ страдать? Также не уничтоженіе пугаетъ его; ибо что̀ ужаснаго въ

прекращеніи бытія?—Слѣдовательно, его страшитъ другое: онъ какъ-то узналъ, неизвѣстно какъ, что послѣ смерти онъ будетъ жить еще. Но онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ эта вторая жизнь; и жить этою новою жизнію, отличною отъ настоящей—вотъ что̀ кажется ему ужаснымъ!—Итакъ—видите—здѣсь находимъ мы опять одно изъ тѣхъ великихъ преданій, которыхъ происхожденіе теряется во временахъ неизвѣстныхъ, подобно столькимъ другимъ идеямъ, служащимъ основаніемъ человѣческому разуму, идеямъ, коихъ разумъ не изобрѣлъ, но которыя были сообщены ему тогда, когда во вселенной создавалась интеллигенція.

— Что̀ же такое смерть?—Тотъ моментъ посреди всего продолженія человѣка, когда человѣкъ перестаетъ понимать себя въ тѣлѣ...

Къ № 49.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Ранняя редакція).

Напеч. въ „Вѣстн. Европы“ 1871 г., ноябрь, стр. 325—326.

Августа 16, 1833.

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ!

Приношу живѣйшую благодарность вашему сіятельству за участіе, которое изволите принимать въ судьбѣ моей. Получивъ письмо ваше, чрезвычайно тронутъ былъ, увидавъ, что для собственной пользы моей вы не вручили государю императору всеподданнѣйшаго моего письма. Возвращая вашему сіятельству это самое письмо, не имѣю въ виду сдѣлать его извѣстнымъ Его Величеству, но прошу васъ только его прочесть: увѣренъ, что, прочитавъ его, убѣдитесь, что не имѣлъ безумія включить въ письмо къ государю диссертацію о дѣлахъ государственныхъ и что въ немъ не содержится ничего подобнаго на легкомысленные поступки французовъ, о которыхъ упоминаете. Мнѣніе государево для меня неоцѣненно; но и мнѣніе ваше цѣню высоко: потому и рѣшился представить письмо это на ваше сужденіе.

Позвольте только прибавить еще одно слово о томъ выраженіи, изъ котораго вы вѣроятно заключили, что въ письмѣ моемъ находятся разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. Мнѣ ка-

жется, что состояніе народной образованности не есть вещь государственная, что можно судить объ этомъ предметѣ, отнюдь не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительства, что каждый изъ насъ, по собственному опыту, вѣдать можетъ, какія средства въ отечествѣ его употребляются для образованія юношества, а глядя на себя, отчасти оцѣнить ихъ достоинство. Итакъ, говоря про несовершенство нашего образованія, я могъ разумѣть способъ или методу ученья нашего, которыхъ недостатковъ питаю въ себѣ сознаніе, ни мало не помышляя осуждать мѣры или дѣйствія правительства. Прошу ваше сіятельство покорнѣйше простить мнѣ это скромное прекословіе, внушенное желаніемъ оправдать себя предъ вами и уваженіемъ къ мнѣнію вашему.—Имѣю честь быть и пр.

Къ № 68.

М. Я. Чаадаеву.

(Ранняя редакція).

Уже по отпечатаніи I тома кн. А. В. Звенигородскимъ была доставлена нижеслѣдующая копія письма № 68, писанная М. Я. Чаадаевымъ. На подлинномъ рукою М. Я. сверху написано: „1837 г. Февр: 16.—Къ Memor: III 6.—братъ П. Я. Ч.—Копія съ письма брата П. Я. Ч. ко мнѣ, безъ означ: года, мѣсяца и числа полученнаго чрезъ почту въ С. Хрипун: 14 Февр: 1837 г.“ Копія представляетъ значительные варіанты; это несомнѣнно первоначальная редакція, тогда какъ текстъ I тома—исправленная. Очевидно Ч., отославъ письмо, затѣмъ по своему обыкновенію выправилъ черновую и въ такомъ исправленномъ видѣ давалъ письмо на прочтеніе своимъ знакомымъ.

Благодарю тебя любезный братъ за твое доброе участіе въ моемъ приключеніи. Я никогда не сомнѣвался въ твоей дружбѣ, но теперь мнѣ особенно пріятно было видѣть ей доказательство. Ты желаешъ знать подробности этаго страннаго дѣла для того чтобъ быть мнѣ полезнымъ. Напередъ тебѣ сказываю, что дѣлать нечего ни тебѣ ни кому другому; но вотъ какъ оно произошло. Издателю Телескопа попался въ руки переводъ моего письма шесть лѣтъ тому назадъ написаннаго, и всѣмъ давно извѣстнаго; онъ отдалъ его въ цензуру не сказавъ мнѣ ни слова, цензуру не знаю какъ уговорилъ пропустить; потомъ сталъ печатать, и тогда извѣстилъ меня что печатаетъ. Я съ начала не хотѣлъ тому вѣрить, но получивъ корректуру, и видя въ самой чрезвычай-

ности сего случая, такъ сказать волю провидѣнія, далъ свое согласіе. Вотъ все мое участіе. Статья вышла безъ моего имени, но сей часъ была мнѣ приписана, а тѣ которые ее прежде не читали подняли крикъ. Чрезъ двѣ недѣли потомъ изданіе журнала прекращено, журналистъ и цензоръ призваны въ Петербургъ для отвѣта, а у меня по Высочайшему повелѣнію взяты бумаги, и самъ я объявленъ сумашедшимъ. Нынѣ издатель сосланъ въ вологду, цензоръ отставленъ отъ должности, а я продолжаю быть сумашедшимъ. Пораженіе мое произошло 28 октября, слѣдовательно вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ я сошелъ съ ума. Теперь думаю тебѣ ясно видно, что все происходило законнымъ порядкомъ, и что просить не объ чемъ, это говорю я не шутя. Во всѣхъ государствахъ власть самодержавная, въ чьихъ нибудь рукахъ находится, и дѣйствуетъ иногда не соображаясь съ обрядами судебными, въ этомъ же случаѣ общая польза вѣроятно требовала такого дѣйствія.

Говорятъ что правительство мыслило поступить со мною снисходительно. Это очень можетъ статься, ибо нѣтъ сомнѣнія что оно могло поступить несравненно жесточе. Говорятъ также, что публика крайне была оскорблена нѣкоторыми выраженіями сего отрывка, и это можетъ быть, странно только то, что будучи читанъ и перечитанъ въ продолженіи шести лѣтъ, и къ тому же въ подлинникѣ, гдѣ разумѣется каждая мысль выражена несравненно сильнѣе, онъ никогда никого не оскорблялъ, въ слабомъ же переводѣ всѣхъ поразилъ.

Вотъ впрочемъ настоящій видъ этого дѣла. Письмо это было написано не для публики, это видно изъ всего письма и изъ каждой строки, вышло оно въ свѣтъ по странному случаю, въ которомъ участіе сочинителя ничтожно; очевидно что журналистъ воспользовался неопытностью автора въ дѣлахъ книгопечатанія. Къ тому же, по собственному его сознанію, онъ желалъ оживить издыхающій журналъ или уморить его со славою; наконецъ дѣйствіе принадлежитъ не издателю и не сочинителю который не могъ желать явиться предъ публикою въ весьма слабомъ переводѣ, въ то время какъ онъ давно спокойно пользовался не только въ своемъ отечествѣ, но отчасти и въ другихъ земляхъ именемъ хорошаго писателя, и такъ правительство преслѣдуетъ не поступокъ а мнѣнія автора, но можетъ быть эти мнѣнія, выраженныя тому шесть лѣтъ назадъ не суть уже его мнѣнія и нынѣшній его образъ мыслей, тому образу мыслей совершенно

противенъ. Объ этомъ правительство не подумало, и даже не спросило автора признаетъ ли онъ себя авторомъ статьи. Правда что остается на немъ отвѣтственность за согласіе имъ легкомысленно данное, то есть за это одно слово: «пожалуй печатайте». Но спрашивается можетъ ли это одно слово составить corpus delicti? и есть ли можетъ, то соразмѣрно ли наказаніе съ онымъ? Это я думаю рѣшить не легко.

Положеніе мое состоитъ въ томъ, что кромѣ одной прогулки въ день, никуда выходить не могу. Ко мнѣ ходятъ доктора ex officio; одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лѣкарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ; но теперь пресѣкъ свои посѣщенія. Пріятели бываютъ у меня довольно часто, и многіе изъ нихъ поступаютъ съ рѣдкимъ благородствомъ; особенно-же нахожу утѣшеніе въ неоцѣненной дружбѣ моихъ хозяевъ; бумагъ до сихъ поръ не возвратили, и это всего мнѣ чувствительнѣе, ибо тамъ труды всей моей жизни, все что составляло цѣль ея. Развязки покамѣстъ не предвижу, легко человѣка свести съ ума, возвратить же ему разумъ не бездѣлица. Многое потерялъ не возвратно: нѣкоторыя связи рушатся; труды останутся неоконченными, кругъ дѣйствія болѣе сомкнется, наконецъ твердость бытія поколеблется.

Я примѣчаю что я въ расказѣ своемъ слишкомъ распространился, позабывъ твое отвращеніе къ многословію и собственныя твои заботы. Ты говоришь мнѣ о крайне непріятныхъ обстоятельствахъ, но не сказываешь въ чемъ они состоятъ. По праву братства и дружбы скажу тебѣ, что я слышалъ, что будто ты разлучился съ женою. Не могу тебѣ выразить сколько мнѣ было грустно это слышать. Прошу тебя покорнѣйше меня увѣдомить, правда ли это или нѣтъ. Не зная обстоятельствъ, ничего болѣе про это говорить не стану, но надѣюсь, что ты не оставишь меня въ неизвѣстности, и хотя въ короткихъ словахъ скажешь что есть.

Отъ тетушки получилъ сей часъ письмо съ Максимомъ, и судя по оному и по словамъ Максима, она еще довольно крѣпка и здорова. О моемъ дѣлѣ она ничего не знаетъ, слѣдовательно есть ли будешь къ ней писать, не долженъ объ этомъ говорить. Въ Маѣ мѣсяцѣ, есть ли положеніе мое измѣнится, а здоровье не разрушится съѣзжу къ ней непремѣнно.

Прощай мой другъ. Прошу тебя еще разъ не медлить отвѣтомъ.

Къ № 74.

(Ранняя редакція).

Печатается впервые, съ копіи, находящейся въ Тургенев. архивѣ, въ И. Акад. Наукъ.

Apologie d'un fou.

Adveniat regnum tuum.

La charité, dit St Paul, souffre tout, croit tout, supporte tout: ainsi souffrons, croyons, supportons tout, soyons charitables. Mais d'abord, la catastrophe qui vient de briser notre existence philosophique et jeter au vent le travail d'une vie entière n'est que le résultat obligé du cri poussé à l'apparition de notre article, de cette page acerbe, si vous voulez, mais qui certes, méritait autre chose encore que la clameur dont on l'a salué. Le gouvernement, après tout, n'a fait que son devoir: on peut même dire que la mesure qu'il a prise à notre égard est parfaitement libérale, puisqu'elle n'a point depassée l'attente du public. Que voulez vous que fasse le gouvernement le mieux intentionné, si ce n'est de se conformer au voeu général. Quant à la clameur publique, c'est tout autre chose. Il y a differentes manières d'aimer son pays. Le Samoyède, par exemple, qui aime les neiges natales qui l'ont rendu myope, l'iourte enfumée où il reste blotti une moitié de sa vie, la graisse rance de ses rennes qui l'environne d'une atmosphère nauséabonde, n'aime point assurément son pays de la même manière que l'Anglais fier des institutions et de la haute civilisation de son île bienheureuse: et il serait quelque peu facheux, sans doute, si nous étions encore à chérir les lieux qui nous virent naitre à la façon des Samoyèdes.

C'est une très belle chose que l'amour de la patrie; mais il y a quelque chose de mieux que cela, c'est l'amour de la vérité. L'amour de la patrie fait les héros, l'amour de la vérité fait les sages, les bienfaiteurs de l'humanité; c'est l'amour de la patrie qui divise les peuples, qui nourrit les haines nationales, qui parfois couvre la terre de deuil; c'est l'amour de la vérité qui répand les lumières, qui crée les jouissances de l'esprit, qui rapproche les hommes de la divinité. Ce n'est point par le chemin de la patrie, c'est par celui de la vérité que l'on monte au ciel. Il est vrai que, nous autres Russes, nous eûmes peu d'hommes parmi nous amoureux de la vérité: les exemples nous manquent. Il ne faut donc pas trop en

vouloir à une nation qui s'est de tout tems fort peu souciée de ce qui est vrai ou non, si elle s'est tant émue à une apostrophe un peu virulente à ses infirmités. Aussi, n'ai-je point de rancune, je vous assure, contre ce cher public qui me fit si long-tems pate-develours: c'est de sang-froid, sans irritation aucune que je cherche à me rendre raison de mon étrange situation. Ne faut-il pas que j'essaie de m'expliquer où en est vis-à-vis de ses semblables, vis-à-vis de ses concitoyens, vis-à-vis de son Dieu, l'homme à qui l'on imposa la démence?

Je n'ai jamais fait grand cas de la populace: je n'eus jamais les goûts démocratiques, je n'ai jamais brigué les ovations populaires, ni estimé les jugements de la foule. J'ai toujours pensé que le genre humain ne saurait marcher qu'à la suite de ses élus, à la suite de ceux qui ont mission de le conduire; que la raison générale n'est point la raison absolue, ainsi que l'a cru un grand écrivain de nos jours, que les instincts des majorités sont nécéssairement plus égoïstes, plus passionnés, plus étroits que ceux de l'homme isolé; que ce qu'on appèle le bon sens du peuple, n'est point du tout le bon sens; que la vérité ne saurait être representée par un chiffre; enfin, que l'intelligence humaine ne se manifeste jamais dans toute sa puissance que dans l'esprit solitaire, centre et soleil de la sphère. Comment se fait-il donc que je me sois trouvé un jour en face d'un public en colère, d'un public dont je n'ai jamais ambitionné les suffrages, dont les caresses ne m'ont jamais réjouis, dont les boutades ne m'ont jamais ému? Comment se fait-il qu'une pensée qui ne fut pas adressée au monde, que mille fois je declarais n'avoir rien à faire aux contemporains, que j'avais légué dans le plus profond de mes convictions aux générations à venir, aux générations mieux informées, et avec ce caractère de demi-publicité qui lui était déjà acquis, comment se fait-il que cette pensée ait un jour brisé ses entraves, qu'elle se soit echappée de son cloitre, qu'elle se soit precipitée dans la rue, bondissante au milieu de la foule stupefaite? Certes, je ne saurais le dire: mais voici ce que je puis affirmer avec une parfaite assurance.

Il y a trois cents ans que la Russie aspire à se confondre avec l'occident, qu'elle s'avoue inférieure à l'occident, qu'elle tire de l'occident toutes ses idées, tous ses enseignements, toutes ses jouissances. Depuis un siècle elle fait mieux que cela. Le plus grand de nos rois, notre gloire, notre demi-dieu, celui qui commença pour nous une ère nouvelle, à qui nous devons notre grandeur et tous

les biens que nous possedons, a abjuré il y a de cela cent ans la vieille Russie à la face du monde entier. Il a balayé de son souffle puissant toutes nos vieilles institutions; il a creusé un abime entre notre passé et notre présent, et il a jeté pèle-mèle toutes nos traditions; lui même il est allé se faire le plus petit en occident, et il est revenu le plus grand parmi nous; il s'est prosterné devant l'occident, et il s'est relevé notre maitre et notre legislateur; il a introduit dans notre idiome les idiomes de l'occident; les caractères de notre écriture, il les a moulé sur ceux de l'occident; les vétements de nos pères il les a meprisé, et il nous fit prendre l'habit de l'occident; sa nouvelle capitale il l'appela d'un nom de l'occident; son titre héréditaire, il le rejeta et prit un titre de l'occident; enfin il renonça à son propre nom, et il signa d'un nom de l'occident. Depuis ce tems là, les regards constamment tournés vers l'occident, nous ne fimes plus que humer les émanations qui nous arrivaient de là, et nous en nourrir. Nos princes, qui toujours furent en avant de la nation, qui toujours nous trainèrent malgré nous dans la route du perfectionnement, qui toujours remorquèrent le pays à leur suite, sans que le pays y fut pour rien, eux mêmes nous imposèrent les moeurs, le langage, le luxe de l'occident. Nous apprimes à lire dans les livres de l'occident, nous apprimes à parler des hommes de l'occident; notre propre histoire, c'est l'occident qui nous l'enseigna; nous puisames tout dans l'occident, nous traduisimes l'occident tout entier, et enfin nous fumes heureux de ressembler à l'occident et glorieux quand il nous compta parmi les siens.

Elle fut belle, il faut en convenir, cette création de Pierre-le-Grand, cette pensée de l'homme de génie qui nous dicta la route que desormais nous devions suivre: elle fut profonde cette parole qui nous dit: Voyez vous là bas cette civilisation, fruit de tant de travaux, ces sciences, ces arts qui coutèrent tant de sueurs à tant de générations? tout cela est à vous, à condition que vous vous dépouillerez de vos superstitions, que vous répudierez vos prejugés, que vous ne serez point fiers de votre passé barbare, que vous ne vous vanterez pas de vos siècles d'ignorance, que vous ne serez ambitieux que de vous approprier les travaux de tous les peuples, les richesses acquises par l'ésprit humain à toutes les latitudes du globe. Et ce n'est point pour sa nation seule que travaillait le grand homme; ces hommes de la providence sont toujours envoyés pour l'univers entier: un peuple les réclame d'abord, puis ils s'absorbent dans le genre

humain, comme ces grands fleuves qui fertilisent d'abord de vastes contrées, puis vont s'écouler dans l'Ocean. Le spectacle unique qu'il offrit à l'univers, lorsque quittant la majesté royale et son pays, il alla se cacher dans les derniers rangs des peuples civilisés, que fut-ce autre chose, sinon un nouvel effort du génie de l'homme pour sortir de la sphère étroite de la patrie, pour s'établir dans la grande sphère de l'humanité? Telle était la leçon que nous devions en recueillir. Nous en profitames en effet, et jusqu'à ce jour nous marchames dans la voie que le grand Empereur nous avait tracé. Notre immense développement n'est que le fruit de cette vaste pensée. Jamais peuple ne fut moins infatué de lui même que le peuple russe fait par Pierre-le-grand. La haute intelligence de cet homme extraordinaire devina parfaitement quel devait être notre point de départ. Il vit que la donnée historique nous manquait complétement, que par conséquent nous ne pouvions asseoir notre avenir sur cette base toute vide; il comprit que, placés en face de la vieille civilisation de l'Europe, nous n'avions que faire de nous étouffer dans notre histoire, de nous trainer comme les peuples de l'occident, à travers le monde des prejugés nationnaux, par les sentiers étroits des idées municipales; qu'il nous fallait enlever d'un élan spontané les destinées qui nous sont promises. Il nous delivra donc de tous ces antécedants qui encombrent les sociétés historiques, qui arrêtent leur marche; il ouvrit notre intelligence à tout ce qu'il y a parmi les hommes de grandes et belles idées: il nous livra l'occident tout entier, tel que les siècles l'ont fait, et il nous donna toute son histoire pour histoire, tout son avenir pour avenir.

Croyez vous que, s'il eut trouvé au milieu de sa nation une histoire riche et féconde, des traditions vivantes, des institutions enracinées, il n'eut pas hesité à la jeter dans un monde nouveau à la dépouiller de sa nationalité? N'aurait-il pas cherché, au contraire, dans cette nationalité même, les moyens de la régenérer? Et la nation, aurait-elle souffert qu'on lui ravit son passé, qu'on lui imposa, en quelque sorte, celui de l'Europe? Mais il n'en fut pas ainsi. Pierre-le-grand ne trouva chez lui qu'une feuille de papier blanc, et il écrivit dessus: Europe et occident; dès-lors nous fumes de l'Europe et de l'occident. Il ne faut pas s'y tromper: quel que fut le génie de cet homme, son oeuvre ne fut possible qu'au sein d'une nation dont les antécédents ne lui commandaient pas impérieusement la marche qu'elle avait à suivre, dont les traditions n'avaient pas la faculté de lui créer un avenir, dont les

souvenirs pouvaient être impunément effacés par un legislateur audacieux. Si nous fumes si dociles à la voix du prince qui nous entrainait dans une vie nouvelle, c'est que nous n'eûmes rien dans notre existence passée de quoi légitimer la résistence. Le trait le plus profond de notre physionomie sociale, c'est la spontanéité. Chaque fait dans notre histoire est un fait isolé, un fait imposé; chaque idée nouvelle une idée detachée; une idée importée. Ainsi le lien entre l'événement du jour et celui de la veille nous manque naturellement. Mais il n'y a rien dans ce point de vue dont le sentiment national puisse justement se formaliser: s'il est vrai, il faut l'accepter, voila tout. Que la logique humaine nous ait fait faute, la logique de la providence veillait sur nous, et nous conduisait à ses fins. Il y a de grandes nations, tout comme il y a de grands personnages historiques qui ne s'expliquent point par les lois de notre raison, mais que la raison suprême décrète dans son mystère: ainsi de nous; encore une fois, l'honneur national n'a rien à faire dans tout cela.

L'histoire d'un peuple n'est point seulement une suite de faits qui se succèdent, mais encore une série d'idées qui s'enchainent. Il faut que le fait se traduise par une idée; alors vous avez une histoire; alors le fait n'est pas perdu; il a silloné l'intelligence, il est resté gravé dans les coeurs. Cette histoire, ce n'est point l'historien qui la fait, c'est la marche des choses; l'historien vient un jour, la trouve toute faite et la raconte: mais qu'il vienne ou non, elle n'en existe pas moins; chacun la porte dans le fond de son être. Voila précisement l'histoire que nous n'avons pas. Il faut apprendre à nous en passer, et non lapider les gens qui se sont aperçus de cela les premiers. Nos Slavons fanatiques pourront bien dans leurs fouilles diverses exhumer encore de tems à autre des objets de curiosité pour nos musées, pour nos bibliothèques; mais il est permis de douter qu'ils tirent jamais des entrailles de notre sol historique de quoi combler les vides de nos âmes, de quo condenser le vague de nos ésprits. Voyez l'Europe au moyen âge! point d'événement qui ne soit là en quelque sorte, d'une nécéssité absolue. Aussi, que de sillons cette histoire a creusé dans les intelligences, comme elle a labouré le terrain sur lequel s'agite l'esprit humain! Je sais bien, que toutes les histoires n'ont pas la marche rigoureuse et logique de celle de cette époque prodigieuse, mais il n'en est pas moins vrai que c'est là le veritable caractère d'un développement historique, soit d'un peuple, soit d'un groupe

de peuples, et que les nations dépourvues d'un passé ainsi fait, doivent chercher ailleurs que dans leur mémoire la base de leur progrès ulterieur. Il en est de la vie des peuples, comme de celles des individus: tout les hommes ont vécu mais il n'y a que l'homme de génie qui ait une histoire. Qu'un peuple par un concours de circonstances qu'il n'a point créées, par l'effet d'une position géographique qu'il n'a point choisie, se répande sur une immense étendue de pays, sans avoir l'intelligence de ce qu'il fait, et qu'un jour il se trouve être un peuple puissant, ce sera assurément un phénomène étonnant, et l'on pourra l'admirer en silence, mais que voulez vous que l'histoire en dise? L'histoire de ce peuple ne commencera que du jour où il se sera saisi de l'idée qui lui est confiée, qu'il est appelé à réaliser, et où il se mettera à la poursuivre avec cet instinct pérséverant, quoique obscur, qui conduit les peuples à leurs destinées. Voila le moment que j'évoque pour mon pays de toutes les puissances de mon coeur, voila la tache que je voudrais vous voir entreprendre, à vous mes chers amis et concitoyens, qui vivez dans un siècle de haute instruction et qui venez de m'apprendre combien vous êtes vivement enflammés du saint amour de la patrie.

Le monde fut de tout tems partagé en deux sphères, en orient et en occident. Ce n'est point là une division géographique, c'est un ordre de choses qui découle de la nature même de l'être intelligent. Ce sont deux principes qui répondent aux deux forces dynamiques de la nature, et sont deux idées qui embrassent toute l'économie du genre humain. C'est en se concentrant, en se recueillant, en se renfermant dans sa propre activité, que l'ésprit de l'homme trouva en orient ses puissances; c'est en s'épandant au dehors, en rayonnant dans tous les sens, en luttant avec tous les obstacles, qu'il se développe en occident. La société se constitua naturellement sur ces données primitives. En orient, la pensée retirée en elle même, refugiée en repos, cachée dans le désert, laissa le pouvoir social maitre de tous les biens de la terre; en occident, l'idée se projettant partout, embrassant tous les besoins de l'homme, aspirant à tous les bonheurs, fonda le pouvoir sur le principe du droit. Néanmoins, dans l'une et l'autre de ces sphères, la vie fut forte et féconde; dans l'une et l'autre les hautes inspirations, les pensées profondes, les créations sublimes ne faillirent point à l'intelligence humaine. L'orient vint le premier, et versa sur la terre des flots de lumière du sein de sa méditation silencieuse; puis vint l'occident avec son immense activité, sa vive parole, s'empara de

ses travaux, acheva ce que l'orient avait commencé et l'enveloppa enfin dans sa vaste étreinte. Mais en orient, les intelligences dociles, agenouillées devant l'autorité des tems, s'epuisèrent dans les premiers âges du monde à l'exercice de leur soumission absolue, et restèrent un jour immobiles et muettes, sans se douter des destinées nouvelles qui se preparaient pour elle; tandis qu'en occident elles marchèrent fières et libres, ne s'inclinant que devant l'autorité de la raison et du ciel, ne s'arrêtant que devant l'inconnu, et l'oeil toujours fixé sur l'avenir sans bornes. Et elles y marchent encore, vous le savez: et vous savez aussi que depuis Pierre-le-grand nous crumes marcher avec elles.

Mais voici venir chez nous une école nouvelle. On ne veut plus de l'occident, on veut démolir l'oeuvre de Pierre-le-grand, on veut reprendre le chemin du désert. Oublieux de ce que l'occident a fait pour nous, on l'injuria, ingrat envers le grand homme qui nous régénéra, envers l'Europe qui nous instruisit, on renie et le grand homme et l'Europe; et déjà dans son ardeur hative, ce patriotisme de nouvelle date nous proclame de l'orient. Quel besoin, dit-on, avions nous de chercher des lumières dans les pays de l'Europe? Il fallait laisser faire le tems, abandonnés à nous mêmes, nous eussions sans doute depassé tous ces peuples livrés à l'erreur et au mensonge. Qu'avions nous donc à envier à l'occident? les guerres de religion, l'inquisition, le Pape, les Jésuites? belles choses en vérité! Ce n'est point l'occident, c'est l'orient qui est la patrie de la science et de vastes pensées. Retirons nous donc dans cet orient que nous touchons partout, d'où nous tirâmes naguères nos croyances, nos lois, nos vertus, tout ce qui nous rendit le peuple le plus puissant de la terre. Le vieil orient s'en va: hé bien! nous sommes ses héritiers naturels; c'est parmi nous que vont se pérpétuer les grandes et mystérieuses vérités qu'il conserva si longtems pour le bien de l'humanité! Vous comprenez maintenant d'où partit l'orage qui s'abattit l'autre jour sur moi, et vous voyez qu'il se passe au milieu de nous une véritable réaction. Mais cette fois l'impulsion ne vient pas d'en haut. Jamais, au contraire, dans les régions suprèmes de la société la mémoire de notre grand regénérateur ne fut plus vénérée, qu'aujourd'hui. L'initiative est donc toute au pays. Où nous ménera ce premier acte de la raison émancipée de la nation, Dieu le sait. Mais on ne peut, si l'on aime sérieusement son pays, ne pas être tristement affecté de cette apostasie de nos esprits les plus avancés, à ce qui fit jusqu'ici notre gloire, notre bonheur; et

il est d'un bon citoyen de chercher à apprécier de son mieux ce phénomène singulier.

Nous sommes situés à l'orient de l'Europe, cela est positif; mais nous ne fumes jamais de l'orient pour cela. L'orient, comme nous venons de le voir, est en possession d'une idée qui y est incrustée dans les esprits depuis les premiers jours de la création. C'est une idée féconde qui amena en son tems un immense développement de l'intelligence. Elle établit le principe spirituel au plus haut de la société; elle soumit tous les pouvoirs à une loi suprème, inviolable, la loi des tems, elle conçut profondément les hiérarchies sociales; et, bien qu'elle eut comprimé la vie dans une enceinte bornée, elle l'avait pourtant soustraite à toute action extérieure. Tout cela nous fut parfaitement étranger. Le principe spirituel ne fut jamais chez nous assis au haut de la société; la loi des tems, la tradition, ne régna jamais chez nous; de hiérarchies sociales, nous n'en eûmes jamais; enfin la vie ne fut jamais indépendante chez nous. Nous sommes tout simplement un pays du nord, et par nos idées tout autant que par nos climats fort loin de la vallée parfumée de Kachemire et des rives sacrées du Gange. Quelques unes de nos provinces avoisinent les empires de l'orient, il est vrai; mais nos centres ne sont point là, notre vie n'est point là, et n'y seront jamais, à moins que l'axe du monde ne se déplace, ou qu'un cataclysme nouveau ne jète encore une fois les organisations du midi dans les glaces du pôle.

Le fait est que nous n'avons jamais encore consideré notre histoire du point de vue philosophique; aucun des grands événements de notre vie passée n'a été bien caractérisé, aucune de nos grandes époques n'a été appreciée de bonne foi: de là toutes nos singulières imaginations. Des savants allemands découvrirent nos annalistes il y a de cela cinquante ans; ensuite Karamsine raconta en style sonore les faits et gestes de nos princes; de nos jours, des écrivains médiocres, n'ayant ni la science des allemands, ni le style de l'illustre prosateur, prétendent peindre des tems et des moeurs dont personne n'a conservé ni la mémoire, ni l'amour: tel est le sommaire de nos travaux sur l'histoire nationale. Il faut convenir que l'on ne saurait guères tirer de ce peu de choses de quoi faire pressentir à un grand peuple les destinées qui l'attendent. Or, c'est de cela précisement qu'il s'agit aujourd'hui, ce sont précisement ces resultats qui font de nos jours tout l'intérêt des études historiques; ce que réclame la pensée sérieuse des tems où nous vivons,

c'est une méditation sévère, une analyse impartiale des moments où la vie s'est manifestée chez un peuple avec plus ou moins d'intensité, car là sont les avenirs, là les éléments de son développement possible. Que si de telles époques sont rares dans votre histoire, que si la vie ne fut point toujours chez vous puissante et profonde, ne repoussez point la vérité, ne vous nourissez point de mensonges, ne vous imaginez point avoir vécu alors que vous vous trainiez d'une tombe en l'autre; mais si vous arrivez après cela, à travers ce néant, à un instant où la nation s'est tout-de-bon sentie vivre, où son coeur s'est vraiment mis à palpiter, et que vous entendez la voix du flot populaire retentir et monter autour de vous, alors arretez vous, méditez, étudiez: vos peines ne seront pas perdues, vous apprendrez ce que peut votre pays dans les grands jours, ce qu'il peut ésperer dans l'avenir. Tel fut chez nous, par exemple, ce moment qui termina le drame terrible de l'interegne, où la nation, après avoir elle même terrassé son ennemi, éleva sur le pavois la noble maison qui règne sur nous: moment unique, et que l'on ne peut assez admirer si l'on considère le vide des siècles précédents et la situation toute spéciale de notre patrie. On voit que je suis fort loin d'exiger, comme on l'a prétendu, que l'on fasse main basse sur tous nos souvenirs; je dis seulement qu'il est tems de jeter un coup d'oeil lucide sur notre passé, et cela, non pour extraire de vieilles reliques tombées en pourriture, de vieilles idées que le tems a dévoré, de vieilles antipathies dont le bon sens de nos princes a depuis long-tems fait raison, mais pour savoir à quoi nous en tenir sur nos antecédents. C'est ce que je tentais de faire dans un travail resté incomplet et auquel le morceau qui vient de soulever si étrangement les vanités nationales, devait servir d'introduction. Sans doute ce premier jet d'une idée vivement sentie, fut trop passionné, sans doute il y avait de l'impatience dans l'expression, de l'excès au fond de la pensée, mais l'émotion qui domine le morceau entier n'est rien moins qu'hostile à la patrie: c'est une sombre tristesse exprimée en paroles véhémentes, rien de plus.

Plus que qui que ce soit, croyez moi, je chéris ma patrie, je suis ambitieux de sa gloire, je sais apprécier les éminentes qualités de ma nation; mais il est vrai que le sentiment patriotique qui m'anime n'est point fait exactement comme celui des hommes dont les cris bouleversent mon existence obscure, et relancèrent sur leur océan de misères ma barque échouée au pied de la croix. Il est vrai que je n'ai point appris à aimer ma patrie les yeux fermés, le

front courbé, la bouche close; je trouve qu'on ne saurait être utile à son pays, qu'à la condition d'y voir clair; je crois que les tems des aveugles amours sont passés, que les fanatismes d'aucun genre ne sont plus de saison: j'aime mon pays ainsi que Pierre-le-Grand m'instruisit à l'aimer. Je n'ai point, je l'avoue, ce patriotisme béat, ce patriotisme paresseux, qui s'arrange pour voir tout au beau, qui s'endort sur ses illusions, et dont malheureusement beaucoup de nos bons esprits sont aujourd'hui affligés. Je pense que, si nous sommes venus après les autres, c'est pour faire mieux que les autres, pour ne point tomber dans leurs superstitions, dans leurs aveuglements, dans leurs engouements. Ce serait, à mon avis, étrangement méconnaitre le rôle qui nous est échu, que de nous réduire à répéter la longue série de folies et de calamités que les nations moins favorisées que nous ont dû subir. Je trouve que c'est une heureuse situation que la nôtre, pourvu que nous sachions l'apprécier; que c'est un beau privilège que celui de pouvoir contempler et juger le monde de la hauteur d'une pensée délivrée des passions effrenées, des pitoyables intérèts qui l'envahissent. Il y a plus: j'ai l'intime conviction que nous sommes appelés a résoudre la plupart des problèmes de l'ordre social, à achever la plupart des idées surgées dans les vieilles sociétés, à prononcer sur les plus graves questions de celles qui préocuppent le genre humain. Je l'ai souvent dit, et j'aime à le répéter, nous sommes constitués par la force même des choses, véritable jury pour mainte procès se plaidant devant les grands tribunaux du monde.

Voyez, en effet, ce qui se passe de nos jours dans ces pays que j'ai trop vanté peut être, mais qui n'en sont pas moins les exemplaires les plus parfaits de tous les genres de civilisation. Une idée nouvelle y vient elle à éclore, tout ce qu'il s'agite d'égoïsmes, de vanités, de partis sur la surface de la société, se jette dessus, s'en empare, la défigure, la travestit: un moment après, broyée par ces agents divers, la voilà emportée dans les régions abstraites où vont s'amonceler toutes les poussières stériles de l'esprit humain. Chez nous, point de ces intérêts passionnés, de ces opinions toutes faites, de ces préjugés constitués; nous arrivons avec des esprits vierges en face de chaque vérité nouvelle. Dans nos institutions, oeuvres spontanées de nos princes, dans nos moeurs qui n'ont point un siècle d'existence, dans nos opinions qui cherchent encore à se stationner sur les moindres choses, rien ne s'oppose aux biens que la providence destine à l'humanité. Il suffit qu'une volonté souve-

raine se prononce au milieu de nous, pour que toutes les opinions s'effacent, pour que toutes les croyances fléchissent, pour que tous les esprits s'ouvrent à la pensée nouvelle qui leur est offerte. Peut-être eut-t-il mieux valu, traverser toutes les épreuves parcourues par les autres peuples chrétiens, y puiser comme eux, des puissances, des énergies, des méthodes nouvelles, et peut-être notre position isolée nous eut elle préservé des calamités qui accompagnèrent la longue éducation de ces peuples; mais ce n'est plus de cela qu'il s'agit maintenant; il ne s'agit plus que de bien saisir le caractère actuel du pays, tel qu'il est donné, tel qu'il est irrévocablement fixé par la nature des choses, et d'en tirer tout le profit imaginable. L'histoire n'est plus à nous, il est vrai, mais la science est à nous; nous ne saurions recommencer tout le travail de l'ésprit humain, mais nous pouvons participer à ses travaux ultérieurs; le passé n'est plus en notre pouvoir, mais l'avenir nous appartient.

On ne peut en douter, le monde est opprimé par sa tradition: ne lui envions pas le cercle borné où il se débat: il est certain qu'il y a dans le coeur de toutes les nations un sentiment profond de la vie accomplie qui domine la vie actuelle, un souvenir obstiné des jours écoulés qui remplit les jours d'aujourd'hui: laissons les lutter avec leur passé inéxorable. Nous ne vécumes jamais sous l'empire des nécéssités historiques; jamais une loi toute puissante ne nous précipita dans les abimes que les tems creusent devant les peuples: n'allons pas aujourd'hui nous livrer à ces sombres fatalités que nous ne connûmes jamais; jouissons avec bonheur de l'immense avantage de pouvoir marcher en avant avec la conscience de la route que nous avons à parcourir, de n'obéir qu'à la voix d'une raison éclairée, d'une volonté réfléchie. Sachons qu'il n'existe point pour nous de nécéssité absolue; que nous ne sommes point, grâce à Dieu, situés sur la pente rapide qui emporte les autres peuples vers leurs destinées inconnues; qu'il nous est donné de mesurer chaque pas que nous faisons, de raisonner chaque idée qui vient effleurer notre intelligence; qu'il nous est permis d'aspirer à des prospérités plus vastes que celles que rèvent les plus ardents ministres de la religion du progrès, et que pour arriver à ses résultats définitifs, il ne nous faut qu'une volonté puissante, telle que celle qui naguère nous régénèra.

Hé bien! est ce là un avenir mesquin que j'offre à ma patrie, sont ce là, des destinées sans gloire que j'évoque pour elle? Cependant ce grand avenir qui se réalisera, ces belles destinées qui

s'accompliront, n'en doutons pas, ils ne seront qu'un résultat de cette nature spéciale, de cette nature spontanée du peuple russe qui a été signalée dans le fatale article. Toutefois il me tarde de le dire et je suis heureux d'avoir été amené à faire cet aveu: oui, il y avait de l'exagération dans cette éspèce de réquisitoire contre un grand peuple, dont tout le tort n'était autre au bout du compte que d'avoir été relégué aux extremités du monde civilisé, loin des centres où toutes les lumières durent naturellement s'accumuler, loin des foyers d'où elles jaillirent pendant tant de siècles; il y avait de l'exageration à ne pas reconnaitre que nous vinmes au monde sur un sol où les empires ne fleurirent point, que les générations ne remuèrent point, où rien ne nous parlait des âges écoulés, où il n'y avait nul véstige des civilisations anterieures, nul souvenir, nul monument du monde évanoui; il y avait de l'éxagération à ne point faire sa part à cette église si humble, si héroïque parfois, qui seule console du vide de nos annales, à qui revient l'honneur de chaque acte de courage, de chaque beau dévouement de nos pères; enfin, il y avait de l'éxagération, sans doute, à désésperer un moment d'une nation qui porta dans ses flancs la grande âme de Pierre-le-grand. Mais après cela il faut aussi convenir que les caprices et les fantaisies de notre public sont inconcevables.

On se rappèle que quelques jours avant la publication dont il s'agit, une pièce nouvelle fut jouée sur notre scène. Hé bien! jamais nation ne fut fustigée de la sorte, jamais pays ne fut ainsi trainé dans la boue, jamais on ne jetta tant de son ordure au visage du public, et jamais cependant succès ne fut plus complet!

Къ № 81.

Шеллингу.

(Ранняя редакція).

Напечатано въ изд. И. С. Гагарина, стр. 203—206, откуда и воспроизводится здѣсь. У Гагарина это письмо датировано „15 avril 1841 ou 1842“. Число и мѣсяцъ очевидно значились на подлинникѣ, съ котораго печаталъ Гагаринъ, и потому должны считаться достовѣрными; что же касается года, выставленнаго предположительно, то несомнѣнно вѣрна дата Лонгиновской редакціи, т.-е. 1842-ой г. (см. выше, т. I, стр. 401). Письмо не могло быть писано въ апрѣлѣ 1841 г., такъ какъ Шеллингъ только осенью этого года занялъ каѳедру въ Берлинѣ

(началъ чтеніе лекцій 15 ноября 1841 г., см. Куно-Фишеръ, Ист. нов. фил.: *Шеллингъ*, пер. Н. О. Лосскаго, СПБ. 1905, стр. 259). Нижеслѣдующій текстъ представляетъ собою повидимому *болѣе раннюю* редакцію письма по сравненію съ напечатаннымъ въ т. I Лонгиновскимъ текстомъ.

Въ Турген. архивѣ есть копія этого письма (№ 2684), вся писанная рукою Чаадаева, но безъ обращенія и подписи; она тожественна съ нижеслѣдующимъ текстомъ, за исключеніемъ немногихъ варіантовъ, которые приводятся здѣсь въ примѣчаніяхъ.

Moscou, 15 avril.

Monsieur,

Depuis que vous m'avez fait [1]) l'honneur de m'écrire, il s'est passé bien des choses dans le monde philosophique; mais celle qui m'a le plus vivement intéressé, c'est de vous voir paraître sur le nouveau théâtre où un grand roi vient de vous appeler. Sitôt que j'ai appris [2]) votre arrivée à Berlin, j'ai voulu [3]) vous adresser mes voeux pour le succès de vos doctrines en ces parages [4]); diverses préoccupations m'en ont empêché [5]); aujourd'hui je n'ai plus qu'à vous féliciter d'un triomphe dont au fond je ne doutais pas. Vous pensez bien, monsieur, que je n'ai pas la présomption de croire que mes compliments puissent vous toucher infiniment; mais je n'ai pu résister à l'envie de vous informer des sympathies profondes dont l'élite de notre public littéraire salua votre entrée dans cette nouvelle période de votre carrière philosophique. Vous n'y serez certainement pas indifférent, et elles réveilleront, je n'en doute pas, toutes les vôtres, du moment que vous en connaîtrez la nature. Ce n'est pas que la philosophie spéculative n'ait étendu ses ravages jusqu'en nos régions lointaines, ni qu'une partie de notre jeunesse ne se soit emparée de cette sagesse toute faite dont les formules tranchantes semblent dispenser de l'étude approfondie des choses et plaisent tant aux vanités juvéniles; mais je puis vous assurer que tous nos esprits sérieux lui sont restés parfaitement étrangers. Il faut vous dire que nous nous trouvons au milieu d'une espèce de crise intellectuelle qui décidera probablement de l'avenir de notre

---

[1]) Рукоп. Тург. арх.: me fites.
[2]) Тоже: j'appris.
[3]) Тоже: je voulus.
[4]) Тоже: latitudes.
[5]) Тоже: m'en empéchérent.

civilisation; que nous sommes travaillés par une réaction indigène, résultat naturel des tendances exotiques dans lesquelles nous avons vécu [1]) jusqu'à ce jour. Chaque incident dans la marche de l'esprit humain est donc pour nous [2]) de la plus grande importance. Si [3]) la philosophie qui régnait souverainement à Berlin avant votre arrivée dans cette ville, en pénétrant chez nous et en se combinant dans quelques-unes de nos jeunes intelligences avec les idées à l'ordre du jour, nous menaçait de fausser complétement notre sentiment national; sa prodigieuse élasticité, qui se prête à toutes sortes d'applications [4]), allait semant parmi nous une foule d'imaginations bizarres sur notre histoire; sa logique fataliste, qui supprime presque le libre arbitre et trouve partout une nécessité inexorable, se tournant vers notre passé, allait réduire toute notre histoire à une arrogante apothéose de nous-mêmes; enfin elle allait peut-être nous dépouiller du plus bel héritage de nos pieux ancêtres, de ces vertus modestes qu'une religion sévère avait implantées dans leurs coeurs; jugez donc si pour tous ceux d'entre nous [5]) qui aiment sérieusement leur pays, votre philosophie fut la bienvenue au foyer de celle dont l'influence pouvait nous devenir si funeste [6]). Il est des moments dans la vie des peuples où toute nouvelle doctrine se trouve naturellement investie d'une puissance extraordinaire, en raison du mouvement extraordinaire des esprits qui caractérise ces époques. Or, il faut l'avouer, l'ardeur avec laquelle on s'agite chez nous sur la surface de la société pour retrouver je ne sais quelle nationalité perdue est incroyable. On fouille dans tous les coins de notre histoire, dans tous les coins du globe, et tandis que cette nationalité indocile échappe à toutes ces vaines recherches, on en fabrique une nouvelle que l'on prétend imposer au pays, parfaitement indifférent d'ailleurs à ce transport fiévreux de notre [7]) littérature imberbe. Mais les fièvres se gagnent, monsieur, et si le système qui enseigne la marche dynamique de l'esprit humain et réduit à rien le rôle de l'esprit individuel continuait à fleurir dans votre métro-

---

[1]) Тоже: vécumes.

[2]) Тоже: pour nous aujourdhui.

[3]) Тоже: Or.

[4]) Тоже: à toutes les applications possibles.

[5]) Тоже: de nous.

[6]) Тоже... funeste. Et ne pensez pas que j'éxagére cette influence.

[7]) Тоже: sa.

pole savante, nous verrions, j'en suis sûr, toute notre littérature [1]) conquise à ce système désastreux. En fait de philosophie, nous sommes encore à notre point de départ; il s'agit donc de savoir si nous allons nous livrer à un ordre d'idées philosophiques qui provoque au plus haut degré toutes les espèces d'infatuations personnelles, ou si, fidèles à la route que nous avons suivie jusqu'ici, nous continuerons à marcher dans les voies de cette sage humilité qui fut toujours le trait le plus profond de notre caractère national, et en dernier lieu le principe de notre développement rapide. Continuez donc, monsieur, de triompher de cette philosophie superbe [2]) qui prétendait supplanter la vôtre: vous le voyez, les destinées intellectuelles d'une grande nation dépendent en partie du succès que vos doctrines vont obtenir aujourd'hui.

Puissions-nous un jour voir mûrir chez nous tous les fruits de la vraie philosophie et vous le devoir!

Recevez, je vous prie, monsieur, l'assurance de toute mon admiration.

Къ № 109.

Кн. П. А. Вяземскому.

(Ранняя редакція).

Напечатано въ „Рус. Архивѣ" 1866 г. № 7, ст. 1082–1088. См. прим. къ № 109, т. I, стр. 411.

Басманная, 29 апрѣля 1848.

Спасибо, любезнѣйшій князь, за ваше милое письмо. Дѣло К-на постараемся сами устроить, а васъ все таки благодаримъ за ваше участіе. Съ вашимъ сужденіемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я не совершенно согласенъ, хотя впрочемъ вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Неужто надобно непремѣнно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно можно дѣлать и то и другое, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мысль, и не выраженная еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ.

---

[1]) Тоже:... littérature b i e n t ô t.

[2]) Тоже: à t r i o m p h e r d'u n e p h i l o s o p h i e s u p e r b e.

Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Что дѣлать? знать, грамотка намъ не далась. Но за то, еслибъ вы послушали наши толки! Нѣтъ такого современнаго и несовременнаго вопроса, котораго бы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толку. Міръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневный. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и вамъ и намъ общемъ. У васъ, слышно, радуются книгою Гоголя, а у насъ ею очень не довольны. Это, я думаю, происходитъ отъ того, что мы болѣе васъ были пристрастны къ автору; онъ насъ немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ, не самъ Гоголь, а то, что̀ его такимъ сотворило, какимъ онъ намъ теперь представился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время геніальный человѣкъ, закуренный ладаномъ со всѣхъ сторонъ, не зазнался, чтобъ голова его не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство общаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Если народъ Русскій выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и всякой даровитый Русскій человѣкъ выше всѣхъ даровитыхъ людей другихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чувство было искони въ обычаѣ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, такого роду явленія рѣдки, потому что они тамъ на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не могутъ; у насъ же эта слабость вдругъ развернулась, неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала въ расплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено-ли, что и люди умные отъ нея дурѣютъ? Недостатки книги Гоголя принадлежатъ не ему, а тѣмъ, которые его превозносили до безумія, которые преклонялись предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ Русскаго духа, которые ожидали отъ него какого-то преображенія Русскаго слова, которые налагали на него какое-то всемірное значеніе; достоинства же ея принадлежатъ ему самому. Смиреніе, сколько его есть въ его книгѣ, есть плодъ того новаго направленія, которое онъ себѣ далъ; гордость ему привита его друзьями. Это онъ самъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ князю

Львову, на дняхъ мною читанномъ. Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю, въ особенности, о его Московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что намъ въ Москвѣ сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени. Это странно, но это сущая правда; этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю; они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно, во что бы ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся, на первый случай, такой маленькій наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, и въ слухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію Русскаго слова, въ немъ таился зародышъ этой самой гордости, которую такъ удачно въ немъ развили ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія: это я знаю отъ него самого, и вы можете въ этомъ увѣриться изъ письма его къ Погодину. Отъ этого родилось въ немъ какое-то безпокойное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала его болѣзненнымъ состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ. У насъ въ Москвѣ многіе думаютъ, что это направленіе ему дано такъ называемымъ западомъ, страною, гдѣ онъ пребываетъ, Іезуитами, къ которымъ его очень добросердечно причисляютъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ Московской газетѣ, и вѣроятно разовьетъ ее въ слѣдующемъ письмѣ, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Но іезуитство, такъ какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; за нимъ не нужно ходить въ чужбину: его вездѣ можно найти, и даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые его въ немъ укоряютъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли, а это видано вездѣ. Для этого не только не нужно быть Іезуитомъ, но и не нужно вѣрить въ Бога. Въ Гоголѣ того вовсе нѣтъ; онъ слишкомъ спѣсивъ, слишкомъ простодушенъ, слишкомъ

откровененъ, откровененъ даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ не ловокъ, чтобы быть Іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его хулителей особенно отличаются своею ловкостію, искусствомъ промышлять всѣмъ что̀ имъ ни попадется подъ руку, и въ этомъ отношеніи они совершенные Іезуиты. Онъ больше ничего, какъ даровитый писатель, котораго чрезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все таки онъ тотъ же самый геніальный человѣкъ, какой и прежде былъ, и все таки онъ, и въ томъ болѣзненномъ состояніи души, въ которомъ теперь находится, выше всѣхъ своихъ хулителей, и, когда захочетъ, то сокрушитъ ихъ однимъ словомъ и размететъ ихъ, какъ быліе непотребное. — Эти строки были написаны до полученія вашей книжечки. Съ тѣхъ поръ былъ я боленъ и не могъ писать, а потомъ не писалъ по другимъ причинамъ. Благодарю за присылку. Не стану переначинать письмо, а скажу вамъ въ двухъ словахъ, какъ съумѣю, свое мнѣніе о вашей статьѣ. Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ я не участвую. Я увѣренъ, что, если вы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, или недовольно на нихъ обратили вниманія, то это потому, что вамъ до нихъ не было дѣла, что они и безъ того достаточно были выставлены другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мыслящихъ людей, какъ самое честное слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все что ни было сказано о ней другими, исполнено какою то странною злобою противъ автора. Ему какъ будто не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени, ему вздумалось разъ поговорить съ нами не въ шутку; что съ нимъ случилось то, что̀ ежечасно случается съ другими людьми, менѣе извѣстными, въ кругу обыкновенной жизни, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, особенно писатель столь извѣстный — не частный человѣкъ; что ему скрыть свои новыя, задушевныя чувства, было не возможно и не должно, и что все дѣло состоитъ въ томъ, какъ онъ ихъ выразилъ; позабываютъ, что подлѣ нѣкоторыхъ страницъ слабыхъ, мелкихъ, и даже виновныхъ, есть въ этой книгѣ страницы красоты изумительной, страницы

такія, что, читая ихъ, радуешься и гордишься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни съ любовью относитесь о книгѣ и авторѣ. Спасибо вамъ! День ото дня источникъ любви болѣе и болѣе у насъ изсякаетъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ печатномъ; и такъ, спасибо вамъ, еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что онъ пересталъ насъ тѣшить, и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется предъ нами и старается, по силамъ, намъ сказать доброе и поучительное слово. Все что̀ мнѣ бы желалось вамъ объ этомъ сказать, вы уже сами сказали несравненно лучше, нежели какъ бы мнѣ удалось то выразить особенно на языкѣ, которымъ столь безсильно владѣю; но одно, о чемъ уже говорилъ въ первыхъ своихъ строкахъ, вы, кажется, упустили изъ виду, а именно высокомѣрный тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Я уже сказалъ, какому вліянію приписываю этотъ тонъ; но нельзя же и самого Гоголя въ немъ оправдать, особенно при томъ стремленіи, которое въ его книгѣ обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смирные и умы смиренные. Такъ воспитала насъ наша Церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величіемъ, своимъ значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе избраннѣйшихъ умовъ нашихъ, именно къ тому клонится, и не льзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который столь рѣзко намъ высказалъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ идутъ другіе народы. Мы конечно достигнемъ всего того, изъ чего они бьются, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что безумно намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ. Ваша дѣловая, Петербургская жизнь заглушаетъ васъ; вамъ не все слышно что̀ творится на землѣ Русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ; они вамъ повѣдаютъ дивныя вещи. Въ первой половинѣ вашей статьи вы сказали нѣсколько умныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности, но ни слова не упомянули о томъ, что мы невидимо стремимся къ искаженію народнаго характера. Помыслите объ этомъ. Не повѣрите, до какой степени личности людей въ нашемъ краю измѣнились, съ тѣхъ поръ,

какъ мы облеклись этой народною гордынею, невѣдомой отцамъ нашимъ. Вотъ что̀ меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя, и чего вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ, я съ вами за одно. Прошу васъ сохранить ко мнѣ ваше благорасположеніе и вѣрить моей сердечной преданности.

Петръ Чаадаевъ.

ПЕРЕВОДЫ.

1820 г.

1.—М. Я. Чаадаеву.

С. Петербургъ. 14 Генваря 1820.

Благодарю тебя мой другъ за твое писаніе; я совсѣмъ не ожидалъ отъ тебя письма и увѣренъ былъ что ты не будешь вовсе ко мнѣ писать. Я страхъ какъ радъ что ты выходишь въ отставку; Нейдхардтъ, съ которымъ я пишу, позволитъ тебѣ дожидаться ее въ Москвѣ. Скажи мнѣ ради Бога чѣмъ ты боленъ? я увѣренъ что ты это себѣ вообразилъ и принимаешь скуку за болѣзнь. Изъ твоего письма видно что ты порядочнаго расположенія духа, да и Щербаковъ мнѣ сказывалъ, что слышалъ отъ Облеухова что ты веселъ [и, какъ тотъ нѣкто,] здоровъ, тученъ и дѣлами не замученъ. Комерція Щербатова идетъ своимъ порядкомъ и онъ располагаетъ на будущее лѣто пустить корабль въ море. Храповицкій сей часъ выйдетъ въ отставку; хвала тебѣ естли твое краснорѣчіе его къ этому побудило; это славнѣе — *) онъ заставлялъ только *горы* прохаживаться, а глупый человѣкъ хуже всякой горы. Ты теперь въ Москвѣ, слѣдовательно болѣе не сидишь на карячкахъ. Я не понимаю, чѣмъ ты будешь жить [въ этой великой столицѣ,] хотя и не на карячкахъ. Деньги я получилъ и всѣхъ удовольствовалъ.

2.—М. Я. Чаадаеву.

[Петербургъ, 25 Марта 1820.

Спѣшу сообщить вамъ, что вы уволены въ отставку; можетъ быть, вы это уже знаете. Итакъ, вы свободны, весьма завидую

*) [Неразобранное слово].

вашей судьбѣ и воистину желаю только одного: возможно поскорѣе оказаться въ томъ же положеніи. Если бы я подалъ прошеніе объ увольненіи въ настоящую минуту, то это значило бы просить о милости; быть можетъ, мнѣ и оказали бы ее—но какъ рѣшиться на просьбу, когда не имѣешь на то права? Возможно, однако, что я кончу этимъ. О моемъ дѣлѣ рѣшительно ничего не слыхать.

Разсказать вамъ что-нибудь о здѣшнихъ новостяхъ? Знайте, что здѣсь была дуэль, привлекшая всеобщее вниманіе; это было чѣмъ то вродѣ судебнаго поединка, по крайней мѣрѣ по отношенію къ числу присутствовавшихъ зрителей; я былъ въ публикѣ. Одинъ изъ бойцовъ погибъ, это былъ родной братъ моего товарища Лачинова, Ланской. Онъ былъ убитъ на-повалъ. Не нахожу словъ передать то впечатлѣніе, которое на меня произвела эта смерть; это былъ молодой человѣкъ, красавецъ, единственный сынъ. Я не предполагалъ въ себѣ такой чувствительности—но вы знаете, что бываютъ смѣшныя стороны даже во всемъ томъ, что случается наиболѣе печальнаго на свѣтѣ. Чтобы не отступить отъ этого правила, мой товарищъ Лачиновъ, братъ покойнаго, вздумалъ убить себя и излилъ свое отчаяніе въ красивомъ письмѣ къ Васильчикову, написанномъ отмѣнно красивымъ почеркомъ, гдѣ онъ толкуетъ о своемъ желаніи покинуть эту долину слезъ, погрузиться въ вѣчность, и т. д., и т. д. Вся эта невыносимая галиматья и весь этотъ паѳосъ убѣдили таки моего дурака, и онъ прибѣжалъ—вырвать роковой ножъ изъ его рукъ; въ результатѣ чего получилась весьма забавная сцена изъ мелодрамы. А на дѣлѣ, этотъ, повергнутый въ отчаяніе, братъ узналъ о дуэлѣ, когда все уже было кончено, что можетъ вамъ дать понятіе о степени его нѣжности къ несчастному брату.—

Я замѣчаю, впрочемъ, что съ этой болтовней я забываю поговорить съ вами о дѣлахъ; поэтому обращусь теперь къ другому несчастному, къ вашему Ischavenss (?). Ему причитается не десять тысячъ рублей, а только 600, которые онъ и немедленно получитъ, какъ только онъ побезпокоится придти за ними или поручитъ кому-нибудь получить ихъ за него, пославъ этому послѣднему на сей предметъ довѣренность. Время, когда эти деньги будутъ выдаваться, будетъ объявлено въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе; говорятъ, что это будетъ черезъ мѣсяцъ или два.

Еще большая новость—и эта послѣдняя гремитъ по всему міру: революція въ Испаніи закончилась, король принужденъ былъ подписать конституціонный актъ 1812 года. Цѣлый народъ возставшій, революція, завершенная въ 8 мѣсяцевъ, и при этомъ ни одной капли пролитой крови, никакой рѣзни, никакого разрушенія, полное отсутствіе насилій, однимъ словомъ ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дѣло, что вы объ этомъ скажете? Происшедшее послужитъ отмѣннымъ доводомъ въ пользу революцій. Но во всемъ этомъ есть нѣчто, ближе насъ касающееся,—сказать ли? довѣрить ли сіе этому нескромному листку? Нѣтъ, я предпочитаю промолчать; вѣдь уже теперь толкуютъ, что я демагогъ! дураки! они не знаютъ, что тотъ, кто презираетъ міръ, не думаетъ о его исправленіи.

Еще новость, на этотъ разъ послѣдняя. Въ одномъ изъ городскихъ садовъ нашли рысь, погибшую отъ холода. Это по вашей спеціальности. Какъ это животное могло пробѣжать по улицамъ незамѣченнымъ? Какъ оно могло перелѣзть черезъ стѣну? Какъ оно не напало ни на кого, прежде чѣмъ умереть съ голоду? вотъ вамъ пища на три дня.

Прощайте, мой добрый другъ, мой милый, дорогой братъ. Извиняюсь за свою болтливость, но не обѣщаю исправиться; я можетъ быть и сейчасъ продолжалъ бы, если бы листокъ не отказывался принимать мою болтовню. Итакъ, прощайте. Сообщите мнѣ, пожалуйста, то, что получится изъ вашихъ разговоровъ съ нежеланнымъ (?) другомъ. Вамъ, можетъ быть, было бы любопытно узнать, какъ себя чувствуетъ Семеновскій vas (?) послѣ злой шутки, которую съ нимъ сыграли (Шварцъ), но объ этомъ другой разъ.]

1821 г.

3 —Княжнѣ А. М. Щербатовой.

[С.-Петербургъ, 2-го января 1821 года].

[На этотъ разъ, дорогая тетушка, пишу вамъ, чтобы сообщить положительнымъ образомъ, что я подалъ въ отставку. Разсчитываю черезъ мѣсяцъ имѣть возможность написать вамъ, что получилъ ее. Моя просьба (объ отставкѣ) произвела сильное впе-

чатлѣніе на нѣкоторыхъ лицъ. Сначала не хотѣли вѣрить, что я серьезно домогаюсь этого, затѣмъ пришлось повѣрить, но до сихъ поръ не могутъ понять, какъ я могъ рѣшиться на это въ ту минуту, когда я долженъ былъ получить то, чего, казалось, я желалъ, чего такъ желаетъ весь свѣтъ, и что получить молодому человѣку въ моемъ чинѣ считается въ высшей степени лестнымъ. И сейчасъ еще есть люди, которые думаютъ, что во время моего путешествія въ Троппау я обезпечилъ себѣ эту милость, и что я подалъ въ отставку лишь для того, чтобъ набить себѣ цѣну. Черезъ нѣсколько недѣль они убѣдятся въ своемъ заблужденіи. Дѣло въ томъ, что я дѣйствительно долженъ былъ получить флигель-адъютанта по возвращеніи Императора, по крайней мѣрѣ по словамъ Васильчикова. Я нашелъ болѣе забавнымъ презрѣть эту милость, чѣмъ получить ее. Меня забавляло выказывать мое презрѣніе людямъ, которые всѣхъ презираютъ. Какъ видите, все это очень просто. Въ сущности я долженъ вамъ признаться, что я въ восторгѣ отъ того, что уклонился отъ ихъ благодѣяній, ибо надо вамъ сказать, что нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе глупо высокомѣрнаго, чѣмъ этотъ Васильчиковъ, и то, что я сдѣлалъ, является настоящей штукой, которую я съ нимъ сыгралъ. Вы знаете, что во мнѣ слишкомъ много истиннаго честолюбія, чтобы тянуться за милостью и тѣмъ нелѣпымъ уваженіемъ, которое она доставляетъ. Если я и желалъ когда-либо чего-либо подобнаго, то лишь какъ желаютъ красивой мебели или элегантнаго экипажа, однимъ словомъ игрушки; ну что-жъ, одна игрушка стоитъ другой. Я предпочитаю позабавиться лицезрѣніемъ досады высокомѣрной глупости.

Самое большое черезъ два мѣсяца я увижусь съ вами. Братъ и я основемся на нѣкоторое время въ Москвѣ, я до тѣхъ поръ, пока не представится возможность удалиться въ Швейцарію, гдѣ я думаю обосноваться навсегда, а братъ до переѣзда на житье въ свое имѣніе. Вы вѣроятно послѣдуете за нимъ туда? Чего вамъ лучше? Будете жить спокойно и въ полной независимости. Я буду навѣщать васъ каждые три года, каждые два года, можетъ быть ежегодно, но моей страной будетъ Швейцарія... Мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ основаніямъ....]

1823 г.

4.—М. Я. Чаадаеву.

2 іюля 1823 С. Петербургъ.

Другъ прелюбезный, я не писалъ тебѣ, мнѣ хотелось пріѣхавши въ Любекъ въ одно время написать о отбытіи моемъ и о щастливомъ прибытіи въ чужую — въ обѣтованную землю; твое письмо напомнило мнѣ мое обѣщаніе извѣстить тебя объ имени корабля и капитана; корабль зовутъ Hoffnung, а капитана Lunau — судно любекское. Ѣду я взавтра въ Кронштадтъ, на другой день вѣроятно пущусь въ путь. На 20,000 взялъ я кредитивъ у Штиглица во всѣ города свѣта; прежде нежели увижу весь свѣтъ проживу съ полтора мѣсяца въ сосѣдствѣ Гамбурга, въ Куксгавенѣ, гдѣ буду купаться въ морѣ; мнѣ это настоятельно предписано здѣшнимъ докторомъ Миллеромъ— великой человѣкъ!—онъ мнѣ объявилъ что во мнѣ все нервическое, и даже слабость желудочная. — Я посылаю тебѣ книгу о гемороѣ, не думаю чтобы ты ее уже получилъ; многому научешся, прочти ее со вниманіемъ, увидешъ въ чемъ состоитъ гемороидальной режимъ. Я воображаю себѣ съ какимъ восхищеніемъ ты увидешъ что непремѣнно должно ходить на на дворъ на горшокъ, это по нѣмецки называется aus freyer Hand. Я не имѣю времени тебѣ дать замѣтить что меня всего болѣе въ этой книгѣ фрапировало, въ отношеніи къ твоему здоровью; одно только помню, водки отнюдь не пить и особѣнно Ерофѣича, и никакихъ желудочныхъ капель, все это связываетъ и насилствѣнно крепитъ желудокъ. Къ стати, нельзя мнѣ не сказать тебѣ любезный, что какъ ты не хвастаешъ своею прозорливостію на щетъ твоего здоровья, а я признаюсь не встречалъ въ тебѣ ни одной здравой мысли объ этомъ предмѣтѣ; прочти сдѣлай милость со вниманіемъ эту книгу— [обдумай и изучи это съ бо̀льшимъ прилежаніемъ, чѣмъ старыя газеты, если только можешь.]

Прости мой другъ; тороплюсь, собираюсь — угорелый. По пріѣздѣ въ Гамбургъ отпишу тебѣ сей часъ. Писать ко мнѣ покамѣсть и долго такимъ манеромъ. *Въ Гамбургъ* Его В. П. Я. Чаад. вручитъ тамошнему банкиру Г. Силлемъ-Бенеке (Sillem-Benecke). Адресъ можешъ сдѣлать по руски, на границѣ

перевѣдуть. Прости еще разъ мой другъ, со мною ѣдетъ въ Кронштадтъ Матвѣй Муравьевъ, я страхъ какъ ему благодаренъ. При семъ записка о тетушкиномъ дѣлѣ. Прости до Гамбурга. Если имѣешъ что написать то отпиши не ожидая моего письма.

Иванъ ѣдетъ со мною, онъ меня упросилъ.

5.—М. Я. Чаадаеву.

Кронштадтъ. 5 іюля 1823.

Мой другъ, я сижу у моря и жду погоды. Пишу къ тебѣ для того чтобы тебѣ сказать что ѣду я не въ Гамбургъ а въ Англію. Пріѣхавши сюда подрядилъ я было Любское судно; но увидавши славной англинской корабль который идетъ прямо въ Лондонъ, не могъ утерпеть и решилъ ѣхать на немъ; благодаря моему кредитиву ѣхать мнѣ можно куды вздумается, деньги у меня есть вездѣ. Корабль мой лихой ходокъ, трехъмачтовый, имя его *Kitty*, а капитана *Call*. На Любскомъ суднѣ мнѣ бы было страхъ какъ дурно, тѣсно, нечисто и голодно, палуба вся загромозжена бочками и всякой дрянью; а здѣсь напротивъ того все хорошо и удобно. Третій день живемъ мы здѣсь съ Матвѣемъ Муравьевымъ и Раевскимъ, которые пріѣхали меня провожать, ждемъ вѣтра; взавтра по признакамъ обѣщаютъ намъ моряки вѣтра. Прости прелюбезный другъ; Муравьевъ надѣется тебя увидать зимою въ Москвѣ, онъ тебѣ разскажетъ мой отъѣздъ и повѣселить тебя разными разностями. Въ хлопотахъ не имѣю времени писать тетушкѣ, напиши ей вмѣсто меня что я ѣду въ Англію. Вотъ Вамъ мой адресъ—я сей часъ спрашивалъ какъ дѣлать адресы въ чужіе краи — a Monsieur, Monsieur Baring et c. a Londres, pour remettre a M. M. de Tschaadaieff — по французски, сообщи и тетушкѣ порядочно, да не позабывайте — 1-ое писать на тонкой бумашкѣ, и не въ двухъ пакетахъ а въ одномъ — 2-ое отнюдь не дѣлать рускихъ пакетовъ а печатать письма ваши такъ какъ мое запечатано, или похоже на это. Осень вѣроятно всю пробуду въ Англіи а на зиму буду въ Парижѣ. Я прошу тебя, мой милый писать ко мнѣ въ Англію не ожидая моего письма, и поразказать про твое существованіе въ Нижнемъ. Естьли бу-

дешъ писать къ Якушкину или увидишъ его, нежно поклонись ему отъ меня. Прости.

Позабылъ было, ты вѣрно спросишъ, чтоже ванны морскіе?— да развѣ въ Англіи нѣтъ моря?.

[Дальше другой рукою].

[Если мнѣ будетъ позволено, милостивый государь, напомнить вамъ обо мнѣ... а почему бы и нѣтъ! Говорятъ, что я дѣлаю, или вѣрнѣе пишу глупости, поэтому скажу вамъ безъ дальнихъ словъ, что я восхищенъ возможностью пожать вамъ руку, (хотя бы на письмѣ) и очень огорченъ, что вы не съ нами, что вѣдь могло бы случиться. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вамъ пришла мысль посѣтить Москву этой зимою. Я кончаю, потому что вашъ братъ говоритъ мнѣ, что я опять, какъ и всегда, пишу глупости. Прощайте.—Изъ самолюбія Nota Bene — конвертъ моей работы. Я дѣлаю конверты *).]

6.—М. Я. Чаадаеву.

19/31 іюля. Корабль Китти, въ виду Копенгагена.

Капитанъ обѣщаетъ выпустить насъ на несколько часовъ на берегъ въ Гельзингорѣ, пользуюсь этимъ случаемъ. Товарищъ мой, (за исключеніемъ трехъ сотъ бочекъ сала, насъ только двое пассажировъ), сидитъ со мною и тагже пишетъ въ матушку Россію. Это тотъ самый англичанинъ который жилъ противъ К. Д. М. и извѣстенъ подъ Девичьемъ подъ именемъ пакостнаго. Онъ меня надоумелъ писать, безъ того бы не сталъ— да и что писать съ корабля?

Плывемъ мы страхъ какъ плохо, попутнаго вѣтра было только два дни, на третій набѣжалъ на насъ шквалъ и поломалъ мачты; мы принуждены были зайти въ заливъ Монтвикъ верстъ за 70 отъ Ревеля, и тамъ чиниться — до самаго Ревеля не могли добраться. Необыкновѣнный случай! Я стоялъ съ пакостнымъ на палубѣ, солнце сіяло прекрасно, мы бѣжали по 6-ти узловъ; вдругъ на небѣ не знаю отъ куды взялась тучка; не успѣлъ онъ мнѣ показать ее и промолвить: бѣда! какъ одинъ бортъ уже былъ подъ водою, паруса разлѣтелись,

*) „Faire des paquets“ значитъ также „сплетничать‘. *Прим. пер.*

а мачты съ трескомъ повалились въ море. Насъ било не болѣе двухъ часовъ; послѣ наступила опять ясная погода,—корабль какъ будто ударило плетью.

Вотъ тебѣ, мой милый, морской розказъ; не прогнѣвайся, чѣмъ Богъ послалъ! — Хочешъ ли знать что дѣлаю на кораблѣ? Во перьвыхъ, любуюсь на море, не налюбуюсь! Такъ велико, такъ великолепно, что нельзя выразить что чувствуешь; особѣно въ бурную ночь не нарадуешся! подъ тобою черная пучина шумитъ и плещетъ а на тихомъ небѣ плыветъ луна и свѣтитъ какъ будто надъ лугами и мирными долинами!—Во вторыхъ, читаю. Мнѣ попалась въ Петербургѣ необыкновенная книга, романъ *Anastaze*; это записки Грека, въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ шатается по всѣму Леванту; вообрази себѣ восточнаго Жилблаза; разумѣется что вмѣсто ошибокъ, преступленія, вмѣсто шалостей, злодѣйства, вмѣсто страстишекъ, страсти памѣнные; но за то и вмѣсто добродушія простаго доблести великія; вся эта картина освѣщена яркимъ восточнымъ солнцемъ; вѣрность въ описаніяхъ чрезвычайная, подробности любопытнѣйшія, однимъ словомъ славнѣйшее произвѣденіе; книга въ рукахъ не держится. Постарайся себѣ достать ее; впротчемъ товарищъ мой который чрезъ два мѣсяца будетъ назадъ въ Москву можетъ быть ее привезетъ.

Я было позабылъ спросить тебя получилъ ли книгу о *гемороѣ*, и письмо изъ Кронштада? Такъ какъ письма мои имѣютъ непохбальную привычку затереваться, то не худо думаю некоторыя вещи повторить, а имѣнно: корабль мой зовется Kitty (Китти), капитанъ Cole (Коль), онъ же великая скотина—моритъ меня съ голоду; впротчемъ діэта какъ ты самъ вѣдаешъ не худое дѣло.

Меня провожалъ изъ Кронштада Мат. Муравьевъ; онъ сошелъ съ корабля почти у самой брандвахты, то есть на самой границѣ; онъ мнѣ говорилъ что провожаетъ меня за всѣхъ моихъ старыхъ друзей. Спасибо ему милому за его дружбу, я ему крайне благодаренъ. Не льзя не сказать, всегда старый другъ лучше новыхъ двухъ; изъ моихъ петербургскихъ пріятелей никто не пришелъ со мною и проститься; они любятъ не меня, а иной любитъ мою голову, другой мой видъ, третій душу, меня же бѣднаго изъ нихъ никто не любитъ.—Прости меня мой другъ за [всю эту болтовню,] кажеться ты не жалуешъ одного моего словѣстнаго болтанья, а писмѣнное тебѣ помнится непротивно.

Тетушкѣ я изъ Кронштада не писалъ а просилъ тебя извѣстить ее что ѣду не въ Любекъ а прямо въ Англію, и вмѣстѣ послать ей мой адресъ въ Лондонѣ, Baring brothers.

Вотъ мои планы. Въ Лондонѣ пробуду съ начала не болѣе трехъ дней, чтобы успѣть въ Брейтонѣ покупаться въ море съ мѣсяцъ; остальную часть осени стану ходить по Англіи а на зиму въ Парижъ. Какъ не пожалеть мой милой что мы только что умѣемъ другъ друга любить, а общихъ забавъ и утѣхъ имѣть не можемъ!

Чтобы меня застать въ Англіи тебѣ должно писать сей часъ по полученіи сего письма. Пиши прошу тебя; не скупись временемъ и трудомъ; помни, что не болѣе какъ разъ въ три мѣсяца можемъ имѣть другъ объ другѣ извѣстія. Въ письмахъ своихъ, подробностей о себѣ какъ можно больше: что за жилы у тебя? что ѣшъ, что піешъ, какъ гуляешъ? Какъ ладешъ съ православными и съ самимъ собою? Особенно-же пиши объ своемъ здоровьи. Въ книгѣ которую тебѣ послалъ увидешъ что весь режимъ, состоитъ въ одномъ: ничего горячительнаго не употреблять и не дѣлать, слѣд. и сильнаго движенія; водка же и aqua-tophana, при нашемъ сложеніи совѣршенно все равно. Что ни говори, ты сложенъ лучше моего, съ половиною моей умѣренности былъ бы здоровъ какъ быкъ; у себя въ деревнѣ можешъ дѣлать что хочешъ и жить какъ угодно, дай Богъ чтобы тебѣ хотелось дѣло и жилось бы порядочно! Хотелось бы мнѣ чтобъ иногда ты вспоминалъ что независимость не есть блаженство а одно только средство къ оному.

Прости другъ; кланяйся брату Якушкину когда станешъ писать къ нему; жаль что вы невмѣстѣ, письма мои могли бы вамъ быть обоимъ.

Поклонъ Ивану; моего Ивана рветъ частенько.

Заключая письмо вспомнилъ твое пифагорейское уваженіе къ числамъ: изъ Кронштада выѣхалъ 6 числа Іюля, стар. штиля, за проѣздъ съ человѣкомъ заплатилъ 775 рубл.; на кораблѣ насъ 20 человѣкъ; въ Лондонѣ (можемъ положить) буду 1-го августа ст. шт.

Я несколько разъ думалъ почему ты никогда не говорилъ мнѣ про морское свое путешествіе, [невозможно, чтобы великія впечатлѣнія отъ природы на морѣ не поразили тебя,] послѣ догадался, ты плылъ съ полкомъ, это былъ походъ, вы везли

съ собою все разсѣяніе товарищества—бури же не было—вы больше проводили времяни за стаканомъ или лучше сказать за бутылкой нежели какъ въ созерцаніяхъ и размышленіяхъ—[а это другое дѣло.]

[Еще разъ прощай — будь здоровъ и люби меня.

— Я распечаталъ письмо, чтобы вамъ сказать, что я запечатываю его въ Эльзинёрѣ; я вышелъ на берегъ съ моимъ товарищемъ въ десять часовъ вечера; мѣстность чудная, берега моря очаровательны, къ несчастью слишкомъ темно, чтобы гулять; надо вернуться на корабль завтра на разсвѣтѣ—прощаюсь съ вами только потому, что надо идти спать.]

7. — М. Я. Чаадаеву.

Сентября 12/1 1823. Сомтингъ.

Я передъ тобою виноватъ мой милый другъ пре-много; слишкомъ три недѣли какъ я въ Англіи, а къ тебѣ еще не писалъ. Можетъ быть ты прочелъ въ газетахъ какія бушевали бури въ Бальтикѣ прошлаго мѣсяца и безпокоился о моей участи, тетушка тоже; [признаюсь, что я недостоинъ смотрѣть на свѣтъ Божій, даже на туманный свѣтъ Англіи.] Дай Богъ чтобы письмо мое дошло къ вамъ прежде газетныхъ извѣстій! Повѣришъ ли мой другъ? въ минуты бури самыя ужасныя, мысль о вашемъ горѣ есть ли погибну, всего болѣе меня ужасала! — Въ извиненіе, скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ какъ въ Англіи, я все въ снѣ; насъ занесло южными вѣтрами чортъ знаетъ куды, и вмѣсто Лондона я вышелъ на берегъ близъ Ярмута, въ графствѣ Норфолькскомъ, миль за 150 отъ столицы. Мы носились по морю 17 дней, около норвѣжскихъ и англійскихъ береговъ; великое наше щастіе что вѣтры застали насъ по выходѣ изъ Категата—и, что мы прежде того потеряли наши topsels *) (какъ по руски не знаю; верьхушки мачтъ); со старыми, гнилыми мачтами мы бы навѣрно погибли. — Впротчемъ, я почитаю великою милостію Бога, что онъ мнѣ далъ прожить слишкомъ полмѣсяца съ безпрестанною гибелью передъ глазами! — [Вы позволите мнѣ не разсказывать вамъ подробнѣе о нашемъ плаваніи; оставимъ это для домашняго очага.]

*) Объ этой оказіи кажеться я тебѣ писалъ изъ Гельзингора.

Я пробылъ въ Лондонѣ четыре только дни; былъ въ Вестминстерѣ и взлѣзалъ на Павловской соборъ, какъ водиться. Самою разительною вещью въ Лондонѣ мнѣ показалось [его необъятность,] а самою прекрасною парки; надобно тебѣ знать, что всѣ они рядомъ, St. James-Park, Green-Park, Hyde-Park и Kengsincton's-Gardens, что составляетъ несколько сотъ дѣсятинъ зеленаго пространства; это страхъ какъ хорошо. [Впрочемъ, Лондонъ, какъ мнѣ кажется, представляетъ то, что есть наименѣе любопытнаго въ Англіи, это—столица, какъ и многія другія, грязь, лавки, нѣсколько красивыхъ улицъ, вотъ и все. Что касается страны, то это дѣло другое; остроумный Симонъ далеко не исчерпалъ вопроса; и увѣряю васъ, что здѣсь можно еще весьма многое сказать, чего не было сказано имъ. Что болѣе всего поражаетъ на первый взглядъ, это, во-первыхъ, что нѣтъ провинціи, а исключительно только Лондонъ и его предмѣстья; затѣмъ, что видишь такую массу народа, движущегося по странѣ, половина Англіи въ экипажахъ.

То обстоятельство, что я вышелъ на берегъ на значительномъ разстояніи отъ столицы, дало мнѣ преимущество обозрѣть около двухсотъ миль англійской земли. Я торопился въ Брайтонъ; поэтому я пустился въ путь тотчасъ, какъ только покончилъ дѣло съ паспортомъ и взялъ немного денегъ. Пріѣхавъ, я узналъ, что морскія купанья въ самомъ разгарѣ. Пребываніе въ Брайтонѣ показалось мнѣ прелестнымъ въ началѣ; мое очарованіе было таково, что, прогуливаясь вдоль моря на другой день послѣ пріѣзда, я не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть нѣсколько разъ, что же я сдѣлалъ такого, чтобъ заслужить столько наслажденія; а наслажденіе было столь сильно, что я за него упрекалъ себя, когда вспоминалъ о васъ, о тетушкѣ и о Лизѣ, о вашихъ горестяхъ и заботахъ. Чтобы сдѣлать вамъ понятнымъ это глупое восхищеніе, пришлось бы замучить васъ описаньями и картинами, этому конца бы не было: пришлось бы сказать вамъ, что это самый прелестный городъ на свѣтѣ, мѣсто встрѣчи свѣтскаго общества, и т. д., и т. д.; вмѣсто всего этого вы получите эту маленькую гравюрку. Въ одномъ изъ этихъ домовъ я жилъ; нѣчто въ родѣ подвижныхъ будокъ, которыя вы видите на берегу моря,—въ нихъ ѣдутъ къ морю. Я купаюсь почти каждый день, и, между нами будь сказано, не замѣчаю отъ этого какой-либо особой пользы себѣ, но наслажденіе это большое. Надо вамъ знать, что среди впечатлѣній, ощущеній и размышленій, тѣсня-

щихся въ моемъ умѣ и въ моей душѣ, ничто не можетъ отвлечь меня отъ моей любви къ морю.

Въ ту минуту, когда я пишу вамъ, я проживаю въ деревенскомъ домѣ, въ коттеджѣ, за нѣсколько миль отъ Брайтона, на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ морскаго берега. Я плачу три гинеи въ недѣлю (что составляетъ на русскія деньги 30 руб. серебромъ) за помѣщеніе и пансіонъ для меня и моего лакея. Сознайтесь, что это немного,—въ особенности, если принять въ соображеніе, что мой домъ весь обвитъ плющемъ и виноградной лозою, что онъ стоитъ среди горъ, и что у меня въ садикѣ—кипарисы, лавры и розовый кустъ, поднимающійся до самой крыши, и цвѣты котораго раскачиваются въ моемъ окнѣ.]

Теперь ты спросишъ, доволенъ ли я? божусь, не знаю, дай опомниться.—Признаюсь тебѣ въ-протчемъ, что завираться по прежнему въ письмахъ какъ то боюсь; меня пугаетъ твой грозный видъ; на всякое слово отъ души мнѣ слышеться: [напыщенность, тщеславіе,] притворство, [слабость!] Прости меня мой милой другъ за эту выходку, и ради Бога не принимай за выговоръ. Покойнику Руссо говорили тоже, люди не хуже тебя; онъ въ отвѣтъ озарялъ свѣтомъ генія своего и ихъ и весь родъ человѣческій,—этаго я дѣлать признаться не умѣю,—а любить умѣю. Естьли читая эту галиматью, мой другъ, ты улыбнешся то я виноватъ, естьли же наморщишся, то я правъ.

Когда то я отъ тебя получу письмо? Банкиру своему вѣлелъ я посылать ко мнѣ письма въ Брейтонъ, но еще не получалъ. Не затрудняетъ ли тебя адресъ? очень просто: *à Monsieur Monsieur Baring a Londres, pour remettre a M. le capitaine Tschaadaieff.* Второе письмо напиши такимъ же манеромъ въ Парижъ,—Ротшильду (Rothschild), о третьемъ говорить еще нечего. Естьли почувствую отъ морского купанья помощь то пробуду здѣсь или въ Брейтонѣ мѣсяца полтора, а тамъ поѣду на зиму въ Парижъ. Естьли же нѣтъ то уѣду прежде. Я живу здѣсь въ близи отъ острова *Вейтъ* извѣстнаго по живописнымъ своимъ видамъ; погода прелѣстная, но дни коротки, потому не знаю решусь ли съѣздить туды погулять.—Естьли тетушка будетъ спрашивать о моемъ адресѣ, то попроси ее доставлять къ тебѣ свои письма для отсылки, недѣля или двѣ разницы ничего не значитъ, главное дѣло чтобы доходили.—Якушкину, скажи или отпиши, чтобы онъ не сердился на меня, за то что не пишу—не повѣришъ какъ скучно писать тоже

къ двумъ или тремъ. Когда поселюсь на несколько времени въ Парижѣ то отпишу ко всѣмъ.

Прости мой милый другъ. Про здоровье свое мнѣ нечего тебѣ сказать; никакого измѣненія нѣтъ; иногда хорошо, иногда очень дурно; бурное наше плаваніе было истощило меня, но теперь я несколько поправился. Болезнь моя совѣршенно одна съ твоею, только что нѣтъ такихъ сильныхъ пальпитацій какъ у тебя потому что я не отравливаю себя водкою какъ ты. Когда будешъ писать комнѣ объ своемъ здоровьѣ пиши по обстоятельнѣе моего, потому что пароксизмы твои тяжелѣе, отъ того что ты отравливаешъ себя водкою, и несравнѣнно опаснѣе, отъ того что ты себя отравливаешъ водкою. Прости мой милый.

(есть P. S.)

P. S. Не знаю написалъ ли я тебѣ все что желаешъ знать про меня и про мое странствіе? есть разные подробности которые тебя очень занимаютъ, а меня нѣтъ. Можетъ бы хочешъ знать не затрудняетъ ли меня слуга? не очень; по сихъ поръ это не вводитъ меня въ чрезвычайныя издѣржки. Впротчемъ есть тысячу средствъ прожить дешево въ Англіи, но надобно ихъ узнать, а за науку заплатить. Тьма домовъ въ родѣ нашей тавернѣ, Boarding-houses, въ которыхъ чрезвычайно дешево жить. Сверхь того, газеты наполнены объявленіями о семѣйствахъ предлагающихъ взять къ себѣ на содѣржаніе одного или двухъ господъ, gentelmen. По деревнямъ, въ прекраснѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, въ самыхъ красивыхъ домикахъ, увидешъ бумашки на окнѣ съ надписью: Lodgings, тагже съ содѣржаніемъ. Такимъ образомъ я нашелъ свою дачьку. Пріѣхалъ погулять въ городокъ названіемъ Ворзингъ, спросилъ gig поѣздить по окрестностямъ; мальчикъ подвѣзъ мнѣ таратайку, сошелъ и подалъ бичь, я хлестнулъ по лошади и поѣхалъ въ горы. Въ концѣ каштановой алѣи увидалъ этотъ домикъ, и—взялъ его на недѣлю.—Однимъ словомъ все что я предвиделъ справѣдливо.

Можетъ быть пожелаешъ побольше описаній и розказовъ, этому не было бы конца мой другъ. Разумѣется всякая вещь замѣчательна, но всего не напишешъ, это бы былъ [дневникъ путешествія.] Къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ живу на дачѣ, въ уѣдиненіи, перьвые впечатленія по изгладились, а собирать ихъ теперь не хочеться. — Разительная вещь! безпрестаное

скаканье этаго народа! Въ некоторыхъ улицахъ Лондона не надивишся! Изо всякаго трактира, ежечастно по несколько дѣсятковъ каретъ, всѣхъ возможныхъ видовъ, отправляется во всѣ части государства и въ окрестности столицы—одна другой лучше и забавнѣе. — Еще разъ мой другъ прости — будь здоровъ и люби меня.

Сдѣлай дружбу поклонись Натальѣ Дмитріевнѣ—да про себя постарайся мнѣ изьяснить [какъ вы представляете себѣ ваше существованіе въ Хрипуновѣ—и какого рода наслажденіями вы тамъ пользуетесь?]—Адресъ лучше писать: a Londres, Messieurs Baring freres et C.—это ихъ комерческая ихъ фирма—а потомъ pour M. le capit. Tschaad.

8.—М. Я. Чаадаеву.

20 Ноября. Лондонъ.

Двѣ недѣли тому назадъ написалъ я тетушкѣ что ѣду въ Парижъ и что къ тебѣ мой другъ писать болѣе не буду изъ Англіи, вмѣсто того простудился и остался здѣсь; потомъ когда выздоровѣлъ еще остался на несколько дней чтобы видеть праздниство Лорда-Мера, и теперь все еще здесь живу самъ не знаю зачѣмъ. Решительно ѣду черезъ недѣлю. Я доволенъ что виделъ Англію хотя не могу сказать чтобы хорошо разглядѣлъ сквозь туманъ. Объ этомъ туманѣ, кто невидалъ понятія имѣть не можетъ; въ Лондонѣ иногда днемъ ѣздятъ съ фонарями, а когда ночью случится то народъ бѣгаетъ по улицамъ и аукается какъ въ лѣсу, едва виденъ свѣтъ огней, и много народа гибнетъ. Желалъ бы тебѣ разказать много чего, но по разнымъ притчинамъ не могу, изъ коихъ перьвая, что не умѣю; сколько ни брался за перо, ни строки не могу написать. Оттадай кто етому виноватъ? ты, мой другъ; ты самъ безсловѣстное животное и меня сдѣлалъ безсловѣстнымъ. Странно и смѣшно! мараю и поправляю какъ будто пишу къ любовницѣ! боюсь написать вздоръ а дѣла написать не умѣю. Не смѣшно ли на примѣръ что пишу къ тебѣ объ туманѣ какъ будто въ Англіи ничего нѣтъ любопытнѣе тумана! Чтобы не написать тебѣ письмо пустое и неудовлетворительное, чтобъ незавраться, все нужное скажу разомъ.—Я вскорѣ послѣ того какъ написалъ

перьвое къ тебѣ письмо бросилъ свою деревушку и горы и перешелъ въ сосѣднiй городъ Ворзингъ; въ деревнѣ противъ моего чаянiе здоровье мое по разстроилось; въ городѣ нашелъ я доктора который меня возкресилъ; рецепты его сохраняю, ими живу: полагаю что и тебѣ пригодятся, болезнь наша совѣршенно одна. Изъ Ворзинга ѣздилъ я въ Портсмутъ и на островъ Вейтъ и по другимъ живописнымъ мѣстамъ. При всѣхъ этихъ прогулкахъ разумѣется тьма разныхъ случаевъ и подробностей любопытныхъ и забавныхъ; розсказать тебѣ ничего не умѣю и лень; мое нервическое разположенiе, [я говорю это краснѣя,] всякую мысль превращаетъ въ ощущенiе, [такъ что вмѣсто выраженiя я всякiй разъ нахожу только смѣхъ, слезу или жестъ.] Я по большей части разъѣзжалъ по Англiи одинъ, безъ Ивана, и увѣрился такимъ образомъ, что безъ труда могъ бы безъ него обойтиться; онъ мнѣ дорого стоитъ, дѣлать нечего!—Я пробылъ слишкомъ мѣсяцъ въ Ворзингѣ и возвратился въ Лондонъ почти здоровымъ. Полтора мѣсяца какъ я въ Лондонѣ; все виделъ что могъ но не все что желалъ. Отправляюсь въ парижъ и признаюсь что не безъ сожаленiя оставляю Англiю, [этотъ уголокъ земли пришелся мнѣ по вкусу;] но остаться здѣсь не возможно, надобно поселиться, безъ того и дорого, и скучно.—Въ Лондонѣ получилъ я два твоихъ письма, престарые! Въ одномъ пишешъ что совѣршенно доволенъ своимъ житьемъ въ Хрипуновѣ и что здоровъ какъ никогда не бывалъ; за эту милою новость, тебѣ мой другъ спасибо, сто разъ спасибо. Тетушка думала что тебя замучатъ дѣла крестьянскiя; а братъ Якушкинъ полагалъ что ты тамъ съ ума сойдешъ отъ скуки, или женишся, или по крайней мѣрѣ повѣсишся; вмѣсто того, ты живешъ тамъ какъ въ раю. Я этому ничуть не дивлюсь; крестьянскiя дѣла не служба, долгой ящикъ при тебѣ; [къ тому же развѣ эти добрые люди такъ ужъ торопятся насладиться тѣмъ счастьемъ, которое вы имъ прiуготовляете? не думаю, чтобы это было такъ;]—но пуще всего безпредѣльная, золотая независимость! люди и связи людскiя не необходимы для тебя, игрушки! въ твои же лѣта какъ не прожить безъ игрушекъ? я и самъ живу безъ нихъ, давно.

Въ другомъ письмѣ пишешъ что Лихачи негодуютъ и предлагаешъ свои услуги; съ Богомъ мой другъ! прими ихъ подъ свое высокое покровительство; не понимаю впротчемъ почему они мнѣ нежаловались; Степанъ не могъ имъ помѣшать,

онъ зналъ что ты будешъ въ Хрипуново. Я посылаю тебѣ оффиціяльное письмо; естьлиже пологаешъ что нуженъ настоящій документъ, то пришли.—Оброка они платятъ 10,728 рублей, кромѣ хлебныхъ сборовъ. Что касается до лѣса, то 1) Вырученные за него деньги опредѣлены на уплату занятыхъ мною въ нынешнемъ году 2500 рублей изъ рекрутской суммы; за лѣсъ примѣрно положено было получить 1764 рубли, остальные же 736 рублей дополнить фурсовскимъ билетомъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. 2) Нуждающимся вѣлено выдать потребный лѣсъ и впредь давать безъ затрудненія, и такъ кому нуженъ тотъ пусть требуетъ, отказу быть не можетъ. Впротчемъ дѣлай мой другъ что тебѣ угодно, на все имѣешъ мое согласіе; я даже прошу тебя во всемъ поступать по собственному своему розсмотренію; [эти подробности были необходимы, чтобы выяснить дѣло.]

9.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 16.

1824 г.

10.—М. Я. Чаадаеву.

15/3 февраля. Парижъ.

Скажи мой милый что съ вами сдѣлалось? никто ко мнѣ не пишетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я за границею ни на одно письмо свое не получалъ отвѣта. Перьвое написалъ изъ Іельзингора въ Іюлѣ мѣсяцѣ; этому слишкомъ пять мѣсяцевъ. Изъ Англіи написалъ я къ вамъ четыре письма, два изъ деревни и два изъ Лондона; наконецъ изъ Парижа—перваго Генваря н. шт.—два письма. Ни на одно нѣтъ отвѣта. Во все время получилъ я отъ васъ три письма, два твоихъ и одно тетушкино, всѣ три отъ августа мѣсяца. Четыре мѣсяца какъ я получилъ эти письма; съ тѣхъ поръ ни слова!

Пишу безъ всякой надѣжды. Всѣ ращеты и всѣ разсужденія истощилъ, ничего удовлетворительнаго выдумать не могу. Списокъ моихъ банкировъ у васъ есть, сверхь того во всякомъ

своемъ письмѣ писалъ я куды и какъ ко мнѣ писать. Предположить что письма наши задѣрживаютъ невозможно; за чѣмъ? Чтобы вы ко мнѣ не писали тагже не могу предположить; что письма ваши ко мнѣ еще не дошли быть не можетъ болѣе мѣсяца письма изъ Россіи не бываютъ въ пути. Въ домѣ въ которомъ я живу трое Рускихъ всѣ во время получаютъ письма.

Нечего говорить вамъ про мою печаль; разумѣеться вы знаете каково жить въ чужой землѣ безъ всякаго извѣстія объ своихъ родныхъ. Можетъ быть вы тагже ко мнѣ пишете, пишете, а отвѣта не получаете и тагже горюете какъ и я. [Что меня касается, то мое горе такъ велико, что я буквально не нахожу словъ его выразить. Мысли самыя черныя приходятъ мнѣ въ голову. Если съ вашей стороны была въ данномъ случаѣ только случайная нерадивость, то постарайтесь, мой другъ, сдѣлать усиліе и напишите мнѣ. Одна только мысль утѣшаетъ меня: невозможно, чтобы съ вами приключилось какое-либо серьезное несчастье — мнѣ бы объ этомъ сообщили!..]

Письма свои обыкновѣнно адресую въ домъ К. Д. М. на Дмитріевкѣ. Можетъ статься Акимъ не принимаетъ ихъ; плата за заграничные письма довольно значительна, а отъ васъ можетъ быть не имѣетъ препорученія. Можетъ быть тагже и то что принимаетъ однѣ письма на имя тетушкино. За это письмо заплачу впередъ.

Прости мой милый другъ. Изъ Лондона послалъ я къ тетушкѣ большой пукъ картинъ; получили ихъ? Къ тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ объ дѣлахъ деревѣнскихъ, въ другомъ объ деньгахъ, обстоятельно и съ полнымъ ращетомъ. Повторять все это не вижу нужды; да и признаться не имѣю духа говорить объ этихъ пустякахъ; одно скажу, съ имѣніемъ дѣлай что хочешъ; объ моей пользѣ не думай, а объ крестьянской. Естьли въ мартѣ не получу отъ васъ писемъ, сяду на корабль въ Гаврѣ или Марселѣ и отправлюсь домой.

Когда станешъ писать, скажи сколько писемъ получилъ и сколько написалъ, и какъ къ тебѣ писать? Ты вѣлелъ письма мои адрѣсовать въ Хрипуново, это глупо, надобно въ Москву. Всего лучше въ домъ К. Д. М. подъ Дѣвичьемъ, а тамъ препоручи получать письма и дай на это деньги. Твоему Марки не годиться; онъ можетъ перемѣнить квартеру, умеретъ.

Я слава Богу здоровъ; вы каковы, Богъ знаетъ!

Твой братъ Петръ.

Вотъ тебѣ другой адресъ, попробуй, не будетъ ли лучше? Два пакета; на одномъ

Madame, Madame Raimond,
Rue du Dauphin № 6. Hotel de Sully.
На другомъ
Pour Monsieur le capitaine de Chadaieff.

Изъ почтамта можно вытребовать непринятыя письма. Естьли вы писали въ Англію, судно почтовое могло погибнуть; впротчемъ помниться мнѣ что я въ одномъ изъ своихъ писемъ, не вѣлелъ вамъ туды писать, а въ Парижъ. Отвѣтъ на письмо мое изъ Парижа, 1-ое Генваря написанное ожидаю въ перьвыхъ числахъ марта н. шт., [самое позднее.]

[Дорогая тетушка! Вотъ письмо для Михаила, которое прошу васъ не отказать переслать ему. Мое здоровье не оставляетъ желать ничего лучшаго, и я очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ. Единственное, что меня огорчаетъ, это то, что я уже болѣе пяти мѣсяцевъ не получаю вѣстей отъ васъ. Напишу вамъ завтра.]

11.—М. Я. Чаадаеву.

1 Апреля, н. шт. Парижъ.

Наконецъ мой милый другъ получилъ я отъ тебя письмо; несколько дней прежде получилъ отъ тетушки два рядомъ, потомъ еще одно отъ нѣеже и наконецъ отъ Княж. Лизаветы. Вы всѣ слава Богу живы и здоровы. Какова была моя радость сказать тебѣ не умѣю.—Тетушка такъ разстрогалась моими жалобами что я не радъ и жизни что жаловался; въ послѣднемъ своемъ письмѣ особѣнно пишетъ прежалобныя вещи и съ обыкновѣнною своею добротою бранитъ себя и обвиняетъ непростительнымъ образомъ. Но скажи, какъ мнѣ было не жаловаться?—Целыхъ пять мѣсяцевъ не имѣлъ объ васъ никакого извѣстія! — Она пишетъ что собирается ѣхать съ княжною въ Витебскъ; эта добрая тетушка всегда готова служить своимъ роднымъ; шутка-ли въ ее лѣта, съ ее нездоровьемъ и въ эту пору пуститься за пять сотъ верстъ! Я съ нетерпѣніемъ стану ожидать дальнѣйшаго извѣстія объ этой поѣздкѣ.—

На твое прелюбезное и преогромное письмо отвѣчать не бездѣлица. — Во перьвыхъ, Шаликовъ тебя напугалъ напрасно; переѣздъ мой изъ Довра въ Кале былъ самый благополучный и пріятный, не болѣе четырехъ часовъ въ морѣ и при прекраснѣйшей погодѣ. Во вторыхъ, здоровье мое несравнѣнно лучше прежняго; лекарствъ болѣе не принимаю; все дѣло теперь состоитъ въ одной слабости желудка; противъ этаго одно средство, діэтъ и правильная жизнь; когда живешъ на мѣстѣ это ничего не стоитъ, въ дорогѣ другое дѣло. — Ты мой другъ, про свое здоровье ничего не пишешъ. Тетушкѣ сказывала Княгиня П. Д. что ты потолстелъ, правда ли? Я этимъ переразсказамъ не больно довѣряю. Ты вообще ни слова не говоришъ объ себѣ, хорошее ли это дѣло! Въ прежнихъ своихъ письмахъ писалъ что совѣршенно доволенъ своимъ положеніемъ, теперь ничего болѣе не говоришъ; что это значитъ? То ли что ты тагже доволенъ какъ и прежде или то что ты скучаешъ а мнѣ этаго сказать не хочешъ? лѣто, полагаю провелъ ты довольно весело, въ поляхъ и лѣсахъ, но какъ сладилъ ты съ зимою? въ твоемъ покоѣ чай стужа страшная, ветеръ дуетъ, и бѣгаютъ тараканы.

Я тебѣ сказалъ, что писавши къ тебѣ мараю и поправляю какъ будто пишу къ любовницѣ; ты надъ этимъ смѣешся и приписываешъ это тщеславію; теперь повторяю тебѣ еще разъ тоже самое и увѣряю тебя что это письмо начиналъ сто разъ, то по французски, то по руски; не хочу тебѣ сказать ничего кромѣ необходимыхъ вещей и чувствъ самыхъ простыхъ дружбы и любви, но словъ ни на что не нахожу и съ досадою бросаю перо. Суди это какъ хочешъ.

На примѣръ, мнѣ бы хотелось сказать тебѣ, что обвиняешъ меня въ тщестлавіи напрасно, потому что безъ всякаго тщестлавія можно краснеть когда чувствуешъ что мѣлишъ вздоръ, и что естьли ты этаго не разумѣешъ, то это потому что тебя Богъ обобралъ стыдкомъ. Еще, хотелось бы мнѣ тебѣ сказать что не надивлюсь какъ ты [не] чувствуешъ нужды мнѣ сказать слова два про твое житье бытье въ деревнѣ? Еще, что по пальцамъ знаю что было въ томъ письмѣ которое ты съ почты воротилъ, а имянно: «какъ де тебѣ не стыдно шататься по «свѣту и оставлять крестьянъ своихъ безъ попеченія, прожи- «ваться, а что всего хуже скучать даже путешествуя» — На все на это разумѣеться желалъ бы тебѣ представить некоторыя

возраженія, тѣмъ болѣе что, и въ томъ письмѣ которое получилъ, [вкратцѣ,] тоже самое только въ другихъ словахъ, но ничего дѣльнаго сказать не умѣю и потому прошу тебя только быть по снисходительнѣе; это намъ будетъ обоимъ выгодно, [вамъ потому, что терпимость есть добродѣтель, въ которой весьма пріятно упражняться, мнѣ потому, что я нуждаюсь въ оной. Скажу вамъ еще лишь одно. Я сознаюсь, хотя и знаю, что вы не высоко ставите подобныя признанія, что нервическое воображеніе часто обманываетъ меня въ моихъ собственныхъ чувствахъ, и я проникаюсь смѣшной жалостью къ моему собственному состоянію; но скажите, какой вредъ я этимъ приношу ближнему?

Что же касается вашего запрещенія мнѣ ѣхать въ Италію, то я увѣренъ, что вы отмѣните его, если немного обдумаете это дѣло. Что тетушка совѣтуетъ мнѣ вернуться и притомъ возможно скорѣе, это меня мало удивляетъ, я отлично знаю, насколько мое отсутствіе огорчаетъ ее, и мысль о ея печали несказанно терзаетъ меня. Но вы, я думалъ, что вы достаточно благоразумны, чтобы не отклонять меня отъ этого путешествія. Если Италія не представляетъ ничего соблазнительнаго для вашего воображенія, то это потому, что вы Гуронъ, но меня-то, который въ этомъ не повиненъ, за что вы меня хотите лишить удовольствія ее видѣть. А затѣмъ, неужели вы желаете, чтобы, находясь въ Швейцаріи, у самыхъ вратъ Италіи, и видя съ высоты Альпъ ея прекрасное небо, я удержался отъ того, чтобъ спуститься въ эту землю, которую мы съ дѣтства привыкли считать страной очарованія? Подумайте, вѣдь кромѣ немедленныхъ наслажденій, которыя даетъ такое путешествіе, это еще цѣлый запасъ воспоминаній, которыя вамъ остаются на всю жизнь, и даже ваша желчная философія согласится, я думаю, что хорошо запасаться воспоминаньями, а въ особенности тому, кто такъ рѣдко доволенъ настоящимъ. Еще разъ, я увѣренъ, что, если вы обдумаете это, вы согласитесь со мною, но я заявляю вамъ, мой другъ, что я требую отъ васъ согласія формальнаго и полнаго, ибо я не желаю во время этого путешествія, о которомъ я мечтаю, какъ о праздникѣ, носиться съ тяжелой мыслью, что вы не отъ добраго сердца дали свое согласіе. Я обѣщаю вамъ, впрочемъ, что это въ послѣдній разъ въ моей жизни, что я насилую васъ. Что касается до времени, то это будетъ только шесть лишнихъ мѣсяцевъ, а надо вамъ знать, что у меня много вре-

мени впереди, ибо знаменитый Галль, краніологъ, который меня лечилъ, объявилъ мнѣ, что я проживу цѣлую вѣчность; вы можете усмотрѣть изъ этого, что у меня еще хватитъ времени до моей смерти привести свои дѣла въ порядокъ и даже исправиться.]

Изо всѣхъ твоихъ разсужденій одно похоже на дѣло а имянно объ деньгахъ. На этотъ щетъ имѣю я тебѣ доложить слѣдующее. Я уже тебѣ признался что въ ращетѣ своемъ ошибся, тебѣ этаго мало, тебѣ желалось бы чтобъ я свѣрхь того признался что я безщотная скотина; съ большимъ удовольствіемъ. Вѣрь или не вѣрь, все произошло отъ слуги котораго я взялъ съ собою изъ жалости; безъ того увѣряю тебя что не изстратилъ бы ни гроша свѣрхь предположеннаго. Увидевши же что мнѣ съ нимъ нельзя прожить чемъ разщитывалъ, решился покупать разныя вещи, книги, картинки, белье, и проч. Однѣхъ книгъ купилъ на 1500 фр., картинъ на 1000. Что доходы мои поубаватся по возвращеніи моемъ это сущая правда, но разсуди что это путешествіе послѣдняя моя *шалость*, что послѣ этаго мнѣ нечего болѣе будетъ дѣлать какъ быть умнымъ какъ ты и поселиться въ деревнѣ. Эту послѣднюю *шалость* позволь мнѣ додѣлать какъ можно повеселѣе и поудобнѣе. Впротчемъ гдѣ бы я возвратившись не поселился, въ Москвѣ ли, въ будущей подмосковной или въ Лихачахъ, съ меня будетъ того что останеться. Этому не мудрено будетъ тебѣ повѣрить есть ли потрудишся вспомнить какъ я прожилъ прошлые два года, и что хозяйства мнѣ новаго заводить не прійдеться потому что все мое добро цело.

Написавъ это, взглянулъ еще разъ на твое письмо и вижу что вы съ тетушкою не на шутку требуете чтобы я *съ полученія сего ни мало не мѣдля имѣлъ къ вамъ явиться.* Есть ли въ васъ Богъ! хоть разъ въ жизнь будьте разсудительны.— [Послушавъ васъ, скажешь, что разумному человѣку непозволительно ѣздить въ Италію. Все, что вы говорите объ этомъ, если отдѣлить ту часть, которая приходится на долю дружбы, можно было бы принять за глупыя шутки. Вы все толкуете объ обѣщаніи, которое я далъ,—вернуться черезъ годъ; что-жъ это по вашему—великодушно? Вы, который такъ любите проповѣдовать противъ эгоизма, какъ вы назовете то, что вы дѣлаете въ данномъ случаѣ. Ибо вамъ не увѣрить меня, что вы серьезно опасаетесь для меня карбонаріевъ и Везувія; я полагаю, что

вы не думаете, чтобы я бросился въ кратеръ волкана въ моментъ изверженія или похоронилъ себя подъ пепломъ, какъ Плиній, чтобы получше наблюсти этотъ феноменъ. Что же касается карбонаріевъ, то развѣ я представляю изъ себя нѣкоторую силу? я не хочу воевать съ вами, мой добрый другъ, но согласитесь, что было бы изъ-за чего; впрочемъ, всякій любитъ людей на свой ладъ. Моя тетушка, напримѣръ, любитъ ихъ видѣть, я ищу взаимной любви, а вамъ они нужны, чтобы ворчать на нихъ и дѣлиться съ ними вашимъ достояніемъ; будемъ же дѣлать каждый, что мы умѣемъ дѣлать, но постараемся тѣмъ не менѣе быть благоразумными.

Я знаю также, что, независимо отъ печали разлуки и отъ опасеній, какъ бы моя неосторожность и мое легкомысліе не втянули меня въ безумныя траты, мое путешествіе озабочиваетъ васъ и съ другихъ сторонъ и обременяетъ васъ множествомъ разныхъ хлопотъ; повѣрьте поэтому, что не безъ внутренней боли я рѣшаюсь причинять вамъ всѣ эти затрудненія. Но вы сами хотѣли этого, и я разсчитываю на нашу дружбу.]

Ты говоришъ что мнѣ еще понадобяться другія 10,000; можетъ быть; но объ деньгахъ сдѣлай милость не заботся и дай мнѣ это путешествіе докончить порядочно. Мнѣ бы очень хотелось тебѣ изьяснить что тутъ нѣтъ никакой бѣды и что естьли мнѣ останеться по возвращеніи моемъ 12,000 доходу, то я буду страхъ какъ доволенъ.—

О Парижѣ я тебѣ ничего не говорю, ты самъ не вѣлелъ; скажу тебѣ только что здѣсь есть два старыхъ нашихъ знакомцевъ, Дюпаръ и Mad. Теодоръ; оба они на лучшихъ здѣшнихъ театрахъ и очень любимы публикою особѣнно М. Теодоръ.— Вчера виделъ я въ перьвый разъ человѣка тагже намъ ненезнакомаго, Максима Ивановича Дамаса, въ видѣ министра, въ палатѣ депутатовъ; онъ взлѣзъ на кафедру и страхъ какъ заврался; мнѣ хотелось ему закричать, ужо тебя Криднеръ!—

Прости мой милый другъ. Люби меня какимъ хочешъ манеромъ, бранись сколько тебѣ угодно, только не сердись, вовсе не за что.

8 апреля н. шт. Твой братъ Петръ.

Тебя всякая вещь мой милый затрудняетъ; ты возишся съ адресами, не разумѣя 1-ое что со всякимъ адресомъ письмо дойдетъ; 2-ое что Штиглицъ перьвый банкиръ въ Петерб. а

Ротшильдъ перьвый въ свѣтѣ, что полагаю сказывалъ тебѣ несколько разъ К. Шаликовъ.—Мой адресъ все тотъ же: Mad. Raimond, Rue du Dauphin № 6 pour remettre a M. Chadaieff. Когда отъ сюды поѣду пришлю другой; изъ Женевы же или изъ Лозаны не тронусь безъ вашего мои милые позволенія. [Если вы будете жестоки ко мнѣ, то мнѣ придется объѣхать Италію галопомъ, что конечно можетъ разрушить мое здоровье.]

За Лихачевскую прозьбу премного благодаренъ; изъ нѣе узналъ что крестьяне совѣршенно довольны; жалуются на одну только вещь, пустую, не про чтоже другое ни слова не говорятъ.—Напиши мнѣ мой другъ, каково мѣстоположеніе Лихачей?

Деньги еще не пришли.—Не худо бы тебѣ занять на всякой случай 10,000 въ восп. Домѣ и держать ихъ у себя. Естьли же это не возможно по притчинѣ существующаго запрещенія на Хрипуново, то надобно будетъ въ крайности попросить Лихачевскихъ крестьянъ, дать изъ рекрутской сумы. На заложеніе Лихачей мнѣ не льзя прислать къ тебѣ довѣренности, потому что для этаго нужно подробное описаніе имѣнія.—

Ради Бога побольше пиши про себя; не льзя ли несколько словъ объ крестьянскихъ дѣлахъ? все ли идетъ по твоему желанію? не встречаешъ ли какихъ нибудь досадныхъ помѣшательствъ? несколько подробностей про свое житье и здоровье? пьешъ ли водку? Да сдѣлай милость постарайся меня увѣрить что письмо мое въ тебѣ никакого не произвѣло гнѣвнаго чувства. [Я знаю, что нѣтъ ничего заслуживающаго порицанія въ томъ, что я дѣлаю, но мнѣ важно убѣдиться, что я не отягчаю еще болѣе печаль нашей разлуки.] — А тетушку извѣсти что прошлые бури вовсе неопасны и что Везувій не всегда пышетъ огнемъ. — Что ни говори, ни на что не похоже, что вы меня не пускаете въ Италію! Богъ вамъ судья!

Княгинѣ мой поклонъ; попроси ее написать мнѣ сколько въ ее ребенкѣ росту; мнѣ это нужно чтобы удобнѣе его воброжать себѣ.

[Вотъ уже шестая страница, а я не сказалъ вамъ еще и половины того, что имѣлъ сказать вамъ. Итакъ, до другого раза. Сообщилъ ли я вамъ, что я дѣлалъ въ Парижѣ?]

Это письмо посылаю къ Маркѣ; заграничныя письма стоятъ дорого; надобно ему дать денегъ, и вѣлеть ему взять нужныя мѣры въ случаѣ болезни и перемѣны квартиры.—

Якушкину поклонъ; а онъ чтобы Надѣждѣ Николаевнѣ и своей женѣ поклонился.—

Я позабылъ тебѣ сказать что такъ какъ твое сложенiе одно съ моимъ, слѣд. ты проживешъ столь же долго какъ и я, съ чемъ и имѣю честь поздравить.

12.—М. Я. Чаадаеву.

[Парижъ 12/1 апрѣля.

Дорогой другъ, я писалъ вамъ вчера, сегодня снова пишу вамъ. Мнѣ надо сказать вамъ кое-что по поводу денегъ, которыя вы должны прислать мнѣ. Мнѣ нужно будетъ получить ихъ здѣсь, а не въ Швейцарiи, какъ я рѣшилъ сначала. Значитъ, необходимо, чтобъ онѣ пришли въ Парижъ въ послѣднихъ числахъ будущаго мѣсяца. Я избѣгну этимъ путемъ многихъ затрудненiй и расходовъ. Не знаю сказалъ ли я вамъ, когда просилъ прислать ихъ къ Штиглицу, что надо доставить ему одновременно и документъ Коммерческаго Банка. Но вамъ, конечно, извѣстна эта необходимая формальность, и мнѣ незачѣмъ было указывать вамъ на нее. Если Штиглицъ пришлетъ вамъ вексель, перешлите мнѣ его немедленно по почтѣ; если нѣтъ, то не безпокойтесь о немъ.

Какъ ни просты всѣ эти дѣла, они тѣмъ не менѣе, въ этомъ я увѣренъ, представляютъ не малую тягость для васъ. Въ сущности Степанъ могъ бы все это сдѣлать не хуже васъ. Поэтому мнѣ приходило въ голову передъ отъѣздомъ поручить все это ему, но вы не захотѣли. Скажите мнѣ, мой другъ, не раскаиваетесь ли вы въ этомъ? Было бы еще нетрудно избавить васъ отъ всѣхъ этихъ заботъ. Вамъ достаточно было бы сообщить ему мои распоряженiя и мой адресъ. Необходимо было бы еще, чтобъ онъ прислалъ мнѣ подробную записку о моемъ имѣнiи, дабы я могъ распорядиться о составленiи довѣренности ему на залогъ.

Я только что получилъ еще письмо отъ дорогой тетушки. Она сообщаетъ мнѣ, что поѣздка въ Витебскъ отложена; я очень доволенъ этимъ. Въ это время года путешествiе было бы ужасно, тогда какъ, если онѣ поѣдутъ лѣтомъ, это будетъ для нихъ развлеченiе безъ труда и усталости.

Погода продолжаетъ быть холодной и плохой; я еле могу

выбрать въ теченіе дня минуту для обязательной моей прогулки; чтобы утѣшиться, высказываю предположеніе, что лѣто будетъ тѣмъ прекраснѣе и длиннѣе. По счастью, дурная погода не мѣшаетъ спектаклямъ идти своимъ чередомъ. Чаще всего я хожу во французскій театръ, не потому, чтобъ онъ былъ наиболѣе занимательнымъ, но въ немъ.....*).

Покончивъ съ обѣдомъ, я поддаюсь влеченію туда отправиться, сажусь всегда на то же мѣсто въ оркестрѣ и заканчиваю свой день наиприятнѣйшимъ образомъ.

Когда вы будете писать мнѣ, мой другъ, не забудьте, пожалуйста, отвѣтить на всѣ вопросы, которые я вамъ поставилъ, а главное—сообщите о вашемъ здоровьѣ. Вотъ уже скоро годъ, какъ вы въ Хрипуновѣ; чѣмъ вы были заняты? Еще вопросъ: думаете ли вы, что намъ можно будетъ когда-нибудь соединиться съ тетушкой, и желаете ли вы этого? Vale et me ama, что значитъ: всегда любите меня. Другой разъ напишу обстоятельнѣе.]

13.—М. Я. Чаадаеву.

Парижъ. 26/14 мая.

Любезный другъ. Пришли мнѣ поскорѣе денегъ. Со мною случился во все не предвиденный случай. Лошадь моя верьховая подо мною спотыкнулась, я перелѣтелъ черезъ голову, *не ушибся,* но лошадь испортила себѣ ногу; съ меня требуютъ цену лошади. Эта шутка мнѣ станетъ слишкомъ тысячу франковъ. Я писалъ къ тебѣ два раза; ты мой другъ не отвѣчаешъ, хорошее ли это дѣло! Въ этихъ письмахъ просилъ тебя поспѣшить посылкою денегъ, для того чтобы ихъ получить здѣсь а не въ Швейцаріи. Не знаю получилъ ли ты эти письма; оба адресованы были къ Маркѣ; одно предлинное, другое страничка. Сдѣлай дружбу пиши и обстоятельно отвѣчай на всѣ мои запросы. Свое житье въ деревни разтолкуй мнѣ хорошенько; я своимъ однимъ воображеніемъ ничего не могу себѣ представить.—Есть ли крестьяне лихачевскіе не выплатили оброковъ и денегъ нѣтъ, то не бойся меня этимъ испугать; но вышли сколько есть чтобы было мнѣ съ чѣмъ домой пріѣхать.

Я страхъ какъ не доволенъ собою за то что тебя безжалост-

*) [Дальше письмо прорѣзано].

не обременяю своими хлопотами и божусь, не простилъ бы себѣ этаго есть ли бъ не надѣялся возвратившись въ Россію повиннымъ своимъ повѣденіемъ загладить вину. Мысль что я гажу твое житье и что безъ меня ничто не нарушало бы твоего спокойствія, скорѣе всего другаго меня загонитъ назадъ въ Россію. Желалъ бы я чтобы ты мнѣ откровѣнно сказалъ до какой степѣни я тебѣ досаждаю? Я знаю что вмѣсто всего этаго, ты бы лучше желалъ чтобъ я сказалъ тебѣ что живу здѣсь въ радости и весельи. Я таки здѣсь очень пріятно живу,—но не льзя же было не сказать тебѣ что не радъ жизни что причиняю тебѣ своимъ путешествіемъ столько заботъ. Моя радость, твоя тягость.

Прости мой милый. Твой Петръ.

Въ то время какъ писалъ къ тебѣ, входитъ хозяинъ лошади и весьма учтиво говоритъ что соглашается на мое предложеніе, помириться на 600 франковъ. Я этаго вовсе не ожидалъ; вообрази мое восхищеніе! Я былъ у полицейскаго комиссара и у стряпчаго всѣ присудили меня заплатить цену лошади; вмѣсто того этотъ доброй человѣкъ мирится на половинѣ. Можетъ быть по закону и того много,—но въ чужой землѣ неушто велишъ судиться?—

Тетушка пишетъ ко мнѣ часто, не потвому. Въ послѣднемъ письмѣ сказываетъ что ты былъ въ Нижнемъ а теперь ожидаетъ тебя къ себѣ. Всѣ эти разьѣзды по моимъ дѣламъ; я увѣренъ что они тебѣ стоятъ страшнаго труда. [Постыдно съ моей стороны смущать такимъ образомъ твой покой, тѣмъ болѣе, что тебѣ только это и нужно; до остальнаго тебѣ дѣла нѣтъ.]

Естьли прошлыя письма получилъ и по нихъ изсполнилъ то деньги должны уже быть въ пути. Выѣхать мнѣ отъ сюды безъ нихъ не льзя будетъ слѣд. естьли скоро не прійдутъ то пробуду здѣсь болѣе нежели какъ предпологалъ.

Сдѣлай милость разскажи подробно все что касается до денежныхъ разпоряженій. Не встретилъ ли ты какихъ нибудь затрудненій, и не проклинаешъ ли меня завсе за это?—тетушкѣ лучше про этотъ случай не сказывай; она приметъ это за бурю.—

14.—М. Я. Чаадаеву.

22 Іюля. Парижъ.

Премилый другъ. Письмо твое отъ 28 апреля и деньги 11,000 рублей получилъ. Не имѣю времени отвѣчать обстоятельно на твое письмо; пишу для того только чтобы тебя успокоить. Я жилъ долго безъ денегъ и перебивался не безъ труда, но до тюрьмы дѣло не доходило. Не имѣя здѣсь ни одной пріятельской души не могъ занять, и прожилъ самъ не знаю какъ; продовалъ старое платье, книги, и разную дрянь. По щастію погода стояла предурная все лѣто, слѣдственно сидеть дома не тяжело было, а въ Швейцарію ѣхать было не зачѣмъ. Недѣли съ двѣ назадъ, встретилъ я на улицѣ некотораго К. Гагарина, онъ мнѣ предложилъ тысячу рублей, я ожилъ,—и по старой примѣтѣ, что одно добро никогда безъ другого не приходитъ, предвиделъ что скоро получу твое письмо и деньги,—такъ и случилось. Погода съ того времени стала прелестная, и я пустился по окрестностямъ Парижа.

Твое письмо меня не нарадуетъ; ты страхъ какъ милъ и снизходителенъ, а что всего лучше здоровъ и веселъ; моими письмами доволенъ—сталобы все ладно.

Тебѣ хочеться насъ съ тетушкою перетащить къ себѣ въ Хрипуново; изъ этаго заключаю что тебѣ въ Хрипуновѣ хорошо, безъ того не сталъ бы насъ туды манить.—Я отъ этаго не прочь; по мнѣ, главное дѣло жить намъ вмѣстѣ. Но признаюсь за тетушку боюсь. Старость ее пустое, она здоровѣе насъ съ тобою, благодаря Бога; но вотъ въ чемъ дѣло; каково ей будетъ разлучиться съ домомъ К. Д. М. къ которому, что ни говори, она очень привыкла; чѣмъ ты замѣнишъ зимою Москву, а лѣтомъ занятіи своего маленькаго хозяйства утѣху собствѣнности и забаву всякихъ плановъ и проектовъ. Сверхъ того жить ей у тебя въ гостяхъ не то что у К. Д. М., она привыкла видеть тебя у себя въ гостяхъ а не себя у тебя. Все это можетъ быть тебѣ покажеться пустяками, но вспомни что вся жизнь стараго человѣка состоитъ изъ пустяковъ. Впротчемъ, изпытай, пусть побываетъ въ Хрипуновѣ, увидимъ, что скажетъ. [Вотъ еще что. Не забудьте, что въ деревнѣ необходимо на первыхъ порахъ нѣкоторое изобиліе, ибо предполагается, что мы сами производимъ все, что намъ необходимо, и производимъ въ

количествѣ нѣсколько превышающемъ потребность. Затѣмъ, что недостаточно однихъ забавъ и развлеченій, чтобы наполнить время, надо, чтобы и умъ былъ занятъ; ну а чѣмъ, скажите на милость, можетъ заняться моя тетушка въ Хрипуновѣ? Единственнымъ средствомъ было бы передать въ ея руки полностью все хозяйство, что я бы и сдѣлалъ безъ всякаго сомнѣнія, если бы мнѣ удалось пріобрѣсти имѣніе.]

Дай Богъ чтобъ намъ удалось поселиться въ Хрипуновѣ. Заготовляй матеріалу; тѣсу, кирпича на фундаменты, и прч. а осенью сажай вездѣ деревца, березки, иву; дѣлай простую мебель рамы, двери. На эти всѣ дѣла есть у тебя Степанъ. Вотъ тебѣ работа, и доказательство что я не противлюсь твоимъ планамъ. Про подмосковную говорить нечего, разумѣется что безъ меня не купится.

Ты объ денежныхъ обстоятельствахъ не пишешъ ни слова,— чтобы не изспортить моего веселаго духа, да здравствуетъ остроуміе!

Мнѣ хотелось сказать тебѣ одно слово, вмѣсто того; заговорился—и написалъ целое письмо. Прощай мой милый.

Позабылъ было сказать тебѣ что письмо твое отъ 28 апреля получилъ въ Іюлѣ 16 н. шт.; по штемпелю вижу что границу оно перешло 4 Іюля н. шт. слѣд. безъ малаго два мѣсяца таскалось по Россіи! Спрашиваеться за чѣмъ? Тетушкины письма приходятъ всегда въ 25 дней, твоимъ надлѣжитъ приходить въ 30. Или твои комиссіонеры шалятъ, или господъ читательщиковъ писемъ чужихъ затрудняютъ твои тараборскія писмена. Прежнее твое письмо адресованное къ Ротшильду получилъ тагже оченъ поздно—по винѣ скотины Ротшильда.

Я полагаю что ты въ Алексѣевскомъ. Тетушкѣ скажи что до Швейцаріи писать ей не буду. — Письма ваши опять адресуйте къ Ротшильду а имя мое пишите по прежнему Tschaadayef потому что перьвые письма къ нему такъ были написаны.

Галь меня избавилъ отъ гипохондріи, но не вылечилъ, безъ Карлсбада дѣло не обойдется слѣд. прежде будущаго лѣта къ вамъ не буду. Когда заложишъ имѣніе припаси мнѣ 10, или 15, тысячь, которые пришлешъ по перьвому слову, не такъ какъ эти деньги. Дѣло прошлое а оно много мнѣ стоило дурной крови; благодаря твоему письму, ясному солнцу и нервической моей натурѣ, все забыто.—*Доходы всѣ обращай въ уплату долговъ.*

Въ Генварѣ будешъ имѣть 11 тысячь—слѣд. всѣ частные

долги заплачены будутъ.—Есть ли въ оброкѣ есть значительныя недоимки отпиши любезный ко мнѣ.—Тетушкѣ не сказывай что старые штаны продовалъ, она приметъ это за бурю.—

Пришли мнѣ адресъ Степана Иванова.

15.—М. Я. Чаадаеву.

Парижъ. 1 августа н. шт.

Я написалъ къ тебѣ мой другъ чтобъ письма свои адресовалъ ты по прежнему къ Ротшильду; я воображалъ себѣ что присланъ ко мнѣ кредитивъ; вмѣсто того получилъ векселя на разные дома, слѣд. чрезъ него писать не льзя; къ тому же онъ свинья, связываться съ нимъ не хочу. Есть ли ты ужъ послалъ къ нему письмо, то щитай что пропало, и напиши другое. Вотъ мой адресъ въ Швейцаріи: a Berne en Suisse. A Monsieur M. le chevalier de Berg (Берхъ) attaché a la mission de Russie, pour etre remis à M. le capitaine Chadayef. Тетушкѣ это сообщи.

Ты радуешся мой дорогой что меня вылечили отъ гипохондріи; была ли у меня гипохондрія или нѣтъ, не знаю, спорить объ этомъ съ тобою не стану потому что это дѣло по твоей части; но скажу тебѣ что извлекъ изъ своего странствія другую еще пользу, вотъ какую,—увѣрился, что сколько по бѣлу свѣту не шатайся, а домой надобно. Чувствую, что и двухъ лѣтъ не въ силахъ буду прожить безъ васъ. Но вотъ бѣда! хочу домой, а дому нѣтъ. Дай то Богъ чтобъ вы безъ меня оба разположились въ Хрипуновѣ; тогда, какъ прійдетъ время ѣхать назадъ, скажу, не запнувшись, пошолъ въ Хрипуново. Вотъ еще другая бѣда. Кромѣ васъ двухъ есть еще добрые люди на свѣтѣ, какъ на примѣръ, К. Лизавета, Якушкинъ, съ которыми хотелось бы тагже видаться; спрашиваеться, изъ Хрипунова какъ съ ними видаться? на это ты скажешъ, пріѣзжать зимою въ Москву—дѣло; быть по сему.

Отпиши мнѣ мой милый, поскорѣе, не подавешнему можно ли или не льзя занять въ воспитательномъ домѣ 15,000, и есть ли можно, къ какому времени? Мѣжду тѣмъ пришли рекрутскія деньги; ихъ было до 9,000. Не говори мнѣ что это пакость, грабительство! разумѣется пакость; но надѣюсь вымолить у крестьянъ себѣ прощеніе, и настоящимъ загладить прошедшее.

Богъ прощаетъ грешныхъ, не учто, ты меня съ крестьянами не простишь. Я бы могъ тебѣ въ оправданіе представить разные непредвиденные случаи, имянно непредвиденные; но зачемъ? ты скажешь, не ходить было на галеру? Одинъ случай съ лошадью чего стоить! Съ начала помирились было на 650 фр.; потомъ ввели меня въ тяжбу и принудили заплатить до 800. Про другія случаи не стану тебѣ говорить *что бъ не испортить твоего веселаго духа*, — [что, получилъ!]

Не худо тебѣ постараться разобрать отъ чего письмо твое и деньги такъ долго ко мнѣ не доходили; впередъ взялъ бы лучшія мѣры. Въ Парижѣ прожилъ безъ денегъ, хотя съ трудомъ, но прожилъ; естьли-же такая бѣда застанетъ гдѣ нибудь въ глуши, съ ума сойдешъ. Ты послалъ деньги почти во время 1-го Мая, слѣд. себя винить тебѣ не въ чемъ; изъ Петербурга же они посланы 8 Іюня; слишкомъ пять недѣль таскались они по Россіи; штиглицъ ихъ не могъ у себя задержать—слѣд. которой нибудь изъ твоихъ комиссіонеровъ шалитъ.

Вотъ тебѣ мой милый глупое, преглупое письмо; все деньги да деньги.—Снизсходительность и любовь! Будь здоровъ и люби меня.

[Когда пріѣду назадъ, отдамся въ ваше распоряженіе со связанными руками и ногами, а до тѣхъ поръ удержите вашъ неистовый нравъ, если только это возможно.]

Твой Петръ.

Тетушка заѣхала въ свое Алексѣевское и умолкла—ты чай тагже въ Алексѣевскомъ.— Въ Геневу ѣду чрезъ недѣлю.— Пишите ко мнѣ мои милые.

Деньги посылать по прежнему къ Штиглицу—*пошли къ нему мой адресъ*—чтобъ послалъ *ихъ въ Швейцарію.*

[Внизу письма сдѣлана помѣтка Мих. Як. Чаадаевымъ:]

Получено 18-го августа 1824-го года. Понедѣльн. [при выходѣ изъ кареты по прибытіи моемъ изъ Нижняго въ Хрипуново.] Слѣд. оно шло до Ардатова 28 дней.

16.— М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 33.

17.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 34.

18.— М. Я. Чаадаеву.

На твое письмо отъ 7 сентября я тебѣ отвѣчалъ. Я не хотелъ было писать къ тебѣ пока не получу отвѣта на мой отвѣтъ въ которомъ просилъ у тебя прощенія. Но сей часъ получилъ другое твое письмо, отъ 8 октября,—и разумѣеться, не до моего прощенія.— Возможно ли такія вещи писать! Естьли въ тебѣ жалость! Раззоренъ, замученъ, боленъ, и болѣе ни слова! Каково бы тебѣ было естьли-бъ я такія вещи тебѣ написалъ? Раззоренъ!—но какъ ты замученъ и боленъ? Естьли это старая твоя меланхолія, то, сущая бѣда!— Въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, ты писалъ ко мнѣ, что совѣршенно доволенъ своимъ положеніемъ, и здоровъ и веселъ; куды это все дѣвалось? Я увѣренъ былъ, что живучи на волѣ и въ свою радость, ты никогда не соскучишся въ Хрипуновѣ; вмѣсто того, что вышло? и можетъ быть всему этому я притчиною. Проклятое путешествіе! Естьлибъ я былъ близко отъ моря, сей часъ бы селъ на корабль; но въ какую сторону ни ступай, вездѣ полгода ѣзды. Естьли ѣхать не останавливаясь можно и сухимъ путемъ поспеть мѣсяца въ полтора, много въ два, но на это здоровья у меня не станетъ, — хотя впротчемъ я слава Богу довольно здоровъ.

Ты собирался ѣхать къ тетушкѣ, теперь не ѣдешъ, и въ тоже время посылаешъ ко мнѣ 2000 руб. своихъ денегъ. Что изъ этаго долженъ заключить? что и этому я виноватъ. Не знаю куды дѣться съ моею виновною головою.—Я люблю тебя разумѣеться не за твою щедрость, а за любовь, которой знаки у меня такъ живы въ памяти что никогда безъ слезы про нихъ вспомнить не могу; я геройства никогда за собою никакого не зналъ и много у тебя перебралъ въ свою жизнь денегъ, и въ этомъ себѣ не пеняю, но теперь совсѣмъ другое дѣло,—я тебя обобралъ, обокралъ, и что всего хуже навелъ на тебя тоску.

Сто тысячь мои целы, какимъ же манеромъ ты раззоренъ? отъ куды взялась вся эта бѣда,—не понимаю. Естьли все вдругъ такъ изгадилось, то какъ не написать, пріѣзжай назадъ непремѣнно, вотъ почему и вотъ почему.

Я! знаю, что не стою твоего уваженія, слѣд. и дружбы,—я себя разглядѣлъ и вижу что никуды не гожусь,—но неучто и жалости я не стою? Я написалъ тебѣ пакостное письмо изсполненное гнуснаго егоизма, но разсуди что я никакого понятія не имѣлъ объ твоемъ положеніи и воображалъ себѣ по перьвымъ твоимъ письмамъ, что ты живешъ въ Хрипуновѣ хорошо и весело, и что можно тебя поторопить безъ бѣды. Свѣрхь того, я не просилъ денегъ, а хотелъ только знать когда имѣнно могу ихъ получить,—съ этимъ увѣреніемъ могъ бы отправиться въ Италію, и какъ говорилъ, объѣхать большую часть осенью. Я получилъ твое письмо (отъ 7-го Сент.) въ началѣ октября, а отъ сюды до Неаполя мѣсяцъ ѣзды.—

Но что тебѣ до этаго, и что мнѣ до этаго! до Италіи ли теперь!—Не знаю что дѣлать? лѣтеть не могу. Когда узнаю, что твоя болезнь! что твоя тоска! Естьлибъ эта тоска съ тобою случилась весною, то я бы надѣялся что лѣто, зелень и солнце тебя розвеселитъ, но теперь дѣло идетъ къ зимѣ; какой тебя чортъ розвѣселитъ? Покой у тебя навѣрно сквѣрный, темной, смрадной—пройтиться негдѣ—живъ ли Медорка не знаю.—

Выѣду отъ сюды черезъ недѣлю; прямымъ путемъ ѣхать не льзя, за дорогами; Рейнъ разлился; долженъ ѣхать черезъ Миланъ. Не знаю какъ здоровье дозволитъ ѣхать скоро. Прости. Адресъ тотъ же. Когда имянно буду дома сказать не могу, потому что зависитъ отъ здоровья и отъ разныхъ случаевъ. Полагая меня на пути въ Россію, не вздумай по этому мнѣ написать.—Прости еще разъ. Богъ милостивъ! и позволитъ можетъ быть намъ увидаться въ радости и пожить вмѣстѣ—впротчемъ, [блаженны плачущіе, ибо они утѣшаться,] сказалъ Христосъ.—

30 ноября.
Женева.

Неучто ты мнѣ не напишешъ, въ чемъ имянно дѣло состоитъ, и какія съ тобою случились бѣды? Неучто пока не доѣду до дому ничего не узнаю ни объ твоихъ дѣлахъ ни объ твоемъ здоровьи?

19.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 37.

1824 августъ—1825 февраль.

20.—Зам. о духовѣдѣніи.

[23 Августа 1824, послѣ 6 ч. послѣ полудня ad son. всенощ. который я видѣлъ не былъ тотъ, о которомъ я грезилъ бодрствуя, весной того же года. Еще 11 августа я вновь вернулся къ этой старой мысли, какъ можно видѣть изъ того, что я говорю о ней въ замѣткахъ по поводу согласія моихъ теперешнихъ надеждъ съ мыслями, приходившими мнѣ 14 марта этого года, и тогда я болѣе чѣмъ когда либо утверждался въ тѣхъ ложныхъ мысляхъ, которыя внушалъ мнѣ духъ, весьма ощутимо дѣйствовавшій на меня съ 25 Декабря 1822 года, причемъ я ни малѣйшимъ образомъ не подозрѣвалъ этого до 17 Апрѣля 1823 года. Нѣсколько дней тому назадъ я отдѣлался отъ этой насильственной иллюзіи, для чего потребовалось ни много ни мало, какъ очевиднѣйшее согласіе разума, былыхъ и настоящихъ обстоятельствъ, предчувствій и внутренняго голоса, сомнѣваться въ которомъ я не имѣлъ возможности, ибо это значило бы, что я желаю предаваться самоослѣпленію и упорно принимать за знаменіе голосъ, предвѣщающій мнѣ нѣчто, что мой разумъ находитъ вполнѣ сообразнымъ со всѣми относящимися къ сему обстоятельствами.

§ 30. Неизмѣримый эфиръ въ пространствѣ нашей міровой системы есть стихія духовъ, въ коей они и живутъ и движутся. Въ особенности туманная оболочка вокругъ нашей земли, проникающая до средоточія ея, является, и главнымъ образомъ ночью, мѣстопребываніемъ падшихъ ангеловъ и человѣческихъ душъ, не обратившихся передъ смертью. Все это пространство Библія называетъ *Шеоломъ* или *Гадесомъ*, то есть хранилищемъ мертвыхъ (власти, міроправители тьмы вѣка сего, духи злобы поднебесные. Ефес. VI, 12. Смерть и гробъ *). Апок. XX, 14).

послѣ 8 ч. вечера.

§ 31. Передъ наступленіемъ Царствія Господа, воздухъ будетъ очищенъ отъ всѣхъ злыхъ духовъ; они будутъ заточены въ вели-

*) Чаадаевъ переводитъ невѣрно или цитируетъ по неточному французскому переводу; въ подлинникѣ: „*καὶ ὁ θάνατος καὶ ὁ ᾅδης*“—„и смерть и адъ вверженa быста въ езеро огненное“. *Прим. пер.*

кую бездну, находящуюся внутри земли. (И смерть и гробъ повержены были въ озеро огненное. Апок. XX, 14).

§ 33. Души и духи сообщаютъ другъ другу свои мысли *актомъ воли:* если одинъ хочетъ, чтобы другой зналъ нѣчто, то другой уже и знаетъ это, *послѣднiй вычитываетъ это въ первомъ, какъ сомнамбулъ въ душѣ того, съ кѣмъ онъ поставленъ въ отношенiе.*

§ 34. *Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше* — души, которыя еще не умерли для мiра, остаются тѣмъ самымъ внизу, въ темныхъ областяхъ, *и если онѣ потворствовали плотскимъ страстямъ, онѣ пребываютъ при своихъ тѣлахъ во гробѣ.*

§ 36. Души истинныхъ христiанъ, шедшихъ здѣсь путемъ священiя, съ истинной вѣрой въ *Iисуса Христа,* въ Его благодать примиренiя, (слово Versöhnung навело меня на слѣдующiя мысли: ver—söhnen, при—мирить, sohn, segen, мир, имр, segen) и умершихъ съ полнымъ отреченiемъ отъ всего земного, прiемлются тотчасъ по пробужденiи отъ смертной дремы ангелами и безъ задержки вводятся ими въ чистыя области свѣта, гдѣ они вкушаютъ полноту блаженствъ. (Слушающiй слово Мое и вѣрующiй въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь.... наступаетъ время, и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божiя и услышавши (и уразумѣвъ сердцемъ. Матѳ. XIII, 23, 15) оживутъ. Iоаннъ V, 24).

§ 37. Когда души безбожниковъ покидаютъ тѣло, ихъ окружаютъ злые духи и многообразно мучаютъ ихъ; чѣмъ безбожнѣе онѣ были, тѣмъ глубже погружаются онѣ въ бездну.] (Безъ чувствъ низверглись со троновъ въ бездну адскiе духи, надъ каждымъ въ паденьи стремился утесъ, надъ каждымъ пропасть разверзлась. Стихи изъ Клопшт. Месс. перев. Сахацкаго *въ началѣ его Мейнерсовой Теорiи и Литт. изящ. наукъ).* [*Страданiя ихъ ужасны.*

§ 38. Отшедшiя души обладаютъ творческой силой, которой онѣ могли пользоваться въ земной своей жизни, въ неповоротливомъ тѣлесномъ мiрѣ, лишь съ трудомъ и затратами, да къ тому же и весьма несовершенно, *но послѣ смерти ихъ воля можетъ и въ дѣйствительности воспроизводить то, что себѣ представляетъ воображенiе.*

§ 42. Поэтому слѣдуетъ заблаговременно, чѣмъ раньше тѣмъ лучше, отдѣлаться отъ всякой привязанности къ земному; (чтобы

не «блуждать тысячу лѣтъ и носиться вокругъ этихъ береговъ». Верг. Эн. Кн. VI, ст. 329) и если бы кому либо въ послѣдніе часы жизни пришло въ голову нѣчто, что̀ ему еще надо сдѣлать или выполнить, а онъ этого уже не можетъ болѣе, то пусть онъ вручитъ это дѣло тому, кто все можетъ привести къ доброму концу; да пребудетъ онъ въ этомъ твердомъ упованіи и послѣ смерти: ибо его возвращеніе и появленіе противно установленному Богомъ порядку. *Впрочемъ могутъ быть и исключенія изъ этого правила:* (Когда это необходимо, верховная справедливость Бога пріостанавливаетъ Имъ же установленный порядокъ; Онъ дозволяетъ смерти нарушить данные ей законы къ ужасу земли и въ поученіе царямъ. Вольтеръ, Семирамида). *На томъ, кому является духъ, лежитъ строжайшая обязанность обращаться съ такимъ существомъ серьезно и любовно и ставить его на надлежащее мѣсто.*

§ 44. Около каждаго человѣка есть одинъ или нѣсколько духовъ защитниковъ; таковыми являются добрые ангелы, быть можетъ также благочестивыя отшедшія души людей. О дѣтяхъ заботятся исключительно добрые духи. (Ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лицо Отца Моего Небеснаго. Матѳ. XVIII. 10). По мѣрѣ того какъ человѣкъ постепенно (это послѣднее слово напомнило мнѣ естественную послѣдовательность картинъ, данную въ нижеслѣдующихъ стихахъ:]

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Восходитъ бездна звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Ломонос. Веч. разм. о Бож. вел.)

[склоняется ко злу, къ нему приближаются и злые духи. Но добрые посему еще не оставляютъ его, пока они, наконецъ, не увидятъ, что онъ упорствуетъ въ грѣхахъ и становится окончательно неисправимымъ; тогда они отступаютъ отъ него, и предоставляютъ его его страшной участи.

§ 45. По мѣрѣ того какъ человѣкъ отъ зла обращается къ добру, къ нему приближаются съ великой радостью добрые духи; и чѣмъ болѣе онъ возрастаетъ въ вѣрѣ и священіи себя, тѣмъ дѣйственнѣе и богаче становится помощь ихъ. *Добрые духи*

имѣютъ власть надъ злыми, но воля человѣка свободна; если онъ склоняется къ злымъ, то добрые помочь ему не могутъ. **Но мы не смѣемъ искать общенія и съ духами защитниками, мы нигдѣ не имѣемъ указаній на нихъ.** (Мы не должны желать узнать никого, кромѣ Іисуса распятаго; *ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись. Дѣян. IV. 12).*

§ 55. Собственно осужденіе также начинается лишь съ Воскресенія: (нѣкоторые — вѣчное. Даніилъ, XII. 2. время — осужденіе. Іоаннъ, V, 28, 39. Брошены живыми въ озеро огненное, горящее сѣрою. Апок. XIX. 20. мертвые, малые и великіе, стоящіе передъ Богомъ, ... судимы были по дѣламъ ихъ . . . . . и кто не найденъ былъ записаннымъ въ книгѣ жизни, тотъ брошенъ былъ въ озеро огненное. Апок. 12, 15) тогда соединяется зерно воскресенія въ тѣлѣ грѣховномъ съ душою, и такимъ образомъ весь человѣкъ изгнанъ бываетъ ко всѣмъ злымъ духамъ, въ бездну, средоточіе коей—геенна (гдѣ звѣрь и лжепророкъ. Апок. XX. 10), горящая огнемъ и сѣрою и находящаяся въ центрѣ земного шара. Господь милосердный, который есть вѣчная любовь, да охранитъ всѣхъ читателей сей книги отъ этой страшной участи. Аминь!

23 Августа 1824 // 10 ч. вечера.

24 Августа 1824 утромъ son de mess.

Мѣста отмѣченныя въ *Апологіи теоріи духовѣдѣнія.*

стр. 4. Наша наводящая на мысли современность наталкиваетъ вниманіе даже просто природнаго человѣка на *библейскія пророчества;* начинаешь размышлять, сравнивать съ ними важнѣйшія политическія событія, и тогда мало-по-малу изъ этого возникаютъ такъ называемыя *откровенія* по отношенію къ ближайшему будущему, и вотъ достаточно—въ особенности у истеричныхъ женщинъ и мущинъ, склонныхъ къ ипохондріи—одного только шага, чтобы начались видѣнія, восторги, видишь ангеловъ, духовъ, даже самого *Христа;* предсказываешь вещи, которыя сбываются, говоришь объ отсутствующемъ, и также оказывается правда; и вотъ начинаешь воображать, что это—божественное откровеніе. Такъ называемый просвѣщенный смѣется надъ этимъ и не изслѣдуетъ, ибо считаетъ все это преднамѣреннымъ обманомъ, но это не такъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ душевной болѣзнью, поражающей тончайшую нерв-

ную структуру. (10 ч. утр. послѣ ч.). Но рядоваго человѣка, даже самаго благочестиваго, увлекаетъ то, что̀ онъ видитъ и слышитъ, ибо онъ умозаключаетъ такъ: *То, что̀ происходитъ въ будущемъ или въ нашемъ отсутствіи никому не извѣстно, кромѣ Бога, но данное лицо знаетъ это, слѣдовательно это ему открываетъ Богъ.* А что это умозаключеніе въ основѣ своей не вѣрно, это непреложно доказывается въ духовѣдѣніи. Изъ этого источника искони возникали опаснѣйшія секты и ужаснѣйшія мечтанія.

стр. 16. Этотъ народъ (евреи) остается достовѣрнымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ истинности священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

стр. 19. повсюду мое стремленіе направлено на то, чтобы согласовать разумъ съ откровенными истинами. (Я сейчасъ написалъ это мѣсто по недосмотру, не замѣтивъ, что отмѣтка на поляхъ не къ нему относилась. Тѣмъ не менѣе, вспомнивъ одно изъ событій сегодняшняго дня, я оставляю эти строки, какъ онѣ мной были написаны).

стр. 20. Когда мы созерцаемъ человѣческую душу, со всѣми ея порывами, съ ея алканіемъ безконечнаго наслажденія истиной, красотой и добромъ, съ ея вѣчнымъ стремленіемъ къ непрестанно возрастающему познанію прошлаго, настоящаго, будущаго и всего творенія въ пространствѣ и времени; когда мы представляемъ себѣ ея желаніе пролетѣть, подобно свѣтовому лучу, сквозь все въ его цѣломъ и вездѣ прослѣдить чудеса природы и находимъ ее при этомъ заключенной въ косномъ звѣроподобномъ тѣлѣ, преграждающемъ дорогу всѣмъ этимъ ея желаніямъ и дѣйствительно и воистину держащемъ ее въ заключеніи, (подобно тому, какъ домъ не столь благопріятенъ для наблюденія неба и остальной природы, какъ открытое поле) и не только это: но манящемъ ее ко грѣху безчисленными опасностями, всякаго рода печалями и столь могучими соблазнами и многообразно мучающемъ ее,—то возможно ли не признать, *что душа въ этой земной жизни какъ бы сослана и заключена въ животное тѣло, что тѣло является ея земной тюрьмой, а жизнь ея земнымъ плѣненіемъ?* (гдѣ мы стенаемъ въ надеждѣ на свободу славы дѣтей Божіихъ. Рим. VIII. 21. 22. Смотри также Платона въ Федонѣ).

стр. 33. При этомъ быстромъ вращеніи тяжелыя матеріи не могли оставаться около средоточія земли, но всѣ должны были

въ зависимости отъ ихъ тяжести удалиться отъ средоточія, и та изъ нихъ, которая почти не содержитъ тяжести, а именно огненная и свѣтовая матерія, принимаетъ въ центрѣ шарообразную форму. (Это мѣсто, которое мнѣ встрѣтилось 29 іюля, напомнило мнѣ подобныя же мысли, развитыя мною въ № 2-мъ Магазина, апрѣль 1823 года, и впослѣдствіи брошенныя мною, какъ нелѣпыя).

Мѣста отмѣч. 5 августа 1824.

стр. 40. врата *Ада*, Матѳ. XVI. 18.

стр. 41. злой языкъ, воспаляемый *геенною*. Іак. III. 6.

стр. 43. 44. Никто не можетъ цѣнить реформаторовъ и ихъ заслуги выше, чѣмъ это дѣлаю я, но они—не апостолы, иначе они не расходились бы столь рѣзко въ своихъ взглядахъ и не спорили бы по этому поводу столь страстно другъ съ другомъ.

стр. 45. Всѣ, умирающіе въ истинной вѣрѣ во Христа, искупленные и очищенные Его кровью, не приходятъ на судъ или въ адъ, но немедленно переходятъ въ радость Господа своего.

стр. 46. а именно въ *аду*, въ мѣстѣ покоя и мира, гдѣ находились ветхозавѣтные отцы. Это мѣсто евреи временъ Христа называли *раемъ*, равно какъ мѣсто мукъ въ *аду* они называли *геенной*.

стр. 47. Лаодикійскимъ побѣждающимъ дано будетъ даже возсѣсть на престолѣ Отца и Сына, на престолѣ всѣхъ міровъ. (У меня было написано *небо* рядомъ со словами *престолъ Отца и Сына*, и было при этомъ ясное представленіе, въ силу котораго мнѣ уже не казалось столь страннымъ, какъ прежде, выраженіе: *Я дамъ ему сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ*. Апок. III. 21. Я искалъ тогда это мѣсто, и оно мнѣ сразу открылось. Въ настоящее время я не могу припомнить этого представленія. Мои мысли вновь какъ бы скованы. Я всталъ, не чувствуя никакого стремленія къ Богу, съ трудомъ молился, раздражался на всякую малость, безпокойныя мысли ожесточали меня противъ другихъ людей, наконецъ я впалъ въ изнеможеніе, связанное съ болѣзненной слабостью рукъ. Ничтожная помѣха заставила меня горько расплакаться. Столь же незначительное обстоятельство успокоило меня. Я все еще чувствую боль и внутреннюю тревогу, связанную съ разстройствомъ мысли).

стр. 47. Итакъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что рай есть пред-

дверіе неба, вѣчное утро. О, благо тому, кто получитъ хоть это отечество мѣстомъ пребыванія своего!

(‖ 1. 11 ч. 40 м.).

стр. 47. Отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ. Апок. XIV. 13. (Это мѣсто напомнило мнѣ нѣкоторое впечатлѣніе, произведенное на меня тѣми же словами, когда они были приведены выше на страницѣ 30, въ началѣ. Я не могу теперь припомнить, каково было это впечатлѣніе).

стр. 49. Итакъ Христосъ единожды закланъ. (Безплодно стараясь понять во всей полнотѣ смыслъ отмѣтки на поляхъ § Ар. и d. 6., я бросилъ взглядъ на предыдущую страницу и испыталъ впечатлѣніе, заставившее меня въ особенности замѣтить слова: съ этого времени великихъ напастей, возвѣщаемыхъ ad. cop. 31 Генв. 1825. ‖ ad. 8 h.? ben. d. build. in troublesome times? здѣсь, *съ наступившихъ дней*, блаженны умирающіе въ Господѣ, ибо они изъемлются до невзгодъ, они достигаютъ мира, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними). Во второй разъ Онъ явится для наказанія и награжденія, то есть для суда. (Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. Апок. XXII. 12).

стр. 54. Что же касается легкомыслія, откладывающаго обращеніе даже до вѣчности, то прошу принять въ соображеніе хотя бы то, могутъ ли столь ужасныя и повергающія въ трепетъ явленія, въ мрачные часы полночи, въ наводящихъ страхъ образахъ, со всѣми доказательствами тяжкихъ страданій и жалобами на ихъ печальное состояніе, на ихъ пребываніе въ гробахъ, подъ глухими подземными сводами, на ихъ общество и муки, причиняемыя имъ злыми духами, побудить даже легкомысленнѣйшаго отложить свое раскаяніе и обращеніе до той поры, пока и онъ попадетъ въ это ужасное положеніе? (Одна мысль о состояніи души, сохраняющей за предѣлами гроба привязанность къ мірскимъ предметамъ, покинутымъ ею, (3/4 перваго вернув. изъ М.) показалась мнѣ столь страшной въ исторіи, приведенной въ § 182 *Теор. Духовѣд.*, что я вновь началъ серьезно слѣдить за своимъ собственнымъ состояніемъ и истреблять въ себѣ первые зачатки всякаго чувства, противнаго единственному стремленію, которое душа должна въ себѣ непрестанно хранить,—стремленію къ *Царству Божію и правдѣ его.* Матѳ. VI. 33).

(копія начат. 31 Генв. 1825 ‖ послѣ 9¼ ч.).

Одно изъ послѣдующихъ мѣстъ напомнило мнѣ весьма сильное впечатлѣніе, испытанное мною весной прошлаго года, когда я писалъ статью для Магазина въ такомъ состояніи, *«что прямо не имѣлъ возможности ни говорить, ни дѣлать что-либо» (Саллюстій).* Я собирался представить, какъ одинъ изъ источниковъ описываемаго мною заблужденія, мнѣніе нѣкоего автора, казавшееся мнѣ въ то время столь же противнымъ разуму, сколь нынѣ представляется мнѣ противнымъ ему то мнѣніе, которое я имѣлъ тогда, и отъ котораго Господь избавилъ меня теперь, какъ отъ нѣкоего гнета, лежавшаго у меня на душѣ. Я уже собирался начать фразу, которую имѣлъ въ виду написать, когда ($4^1/_2$ по полудни) мнѣ попались слѣдующія слова: и поругаются надъ нимъ, и будутъ бить его, и оплюютъ его. Маркъ, X. 34, и я испыталъ одновременно впечатлѣніе, подобное весьма явственному знаку, какъ бы поданному мнѣ кѣмъ нибудь, чтобъ отклонить меня отъ необдуманнаго поступка, имѣвшаго причинить вредъ лицу, въ которомъ подававшій принималъ большое участіе; это впечатлѣніе вызвало во мнѣ тѣ же мысли, какъ если бы мнѣ сказали, что то, что̀ я собираюсь написать, дастъ врагамъ автора поводъ покрыть его позоромъ и высмѣять его. Это заставило меня тотчасъ же отказаться отъ своего намѣренія.

стр. 58. Смыслъ этихъ словъ (Апок. XXII, 11) таковъ: Богъ, чрезъ откровеніе въ Словѣ Своемъ, сдѣлалъ нынѣ все, что можетъ сдѣлать любвеобильный отецъ; отнынѣ, кто хочетъ быть злымъ и нечистымъ, да будетъ имъ, а кто хочетъ быть добрымъ и благочестивымъ, да будетъ таковымъ, каждому предоставлена свобода.

...хула на Духа Святого... не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Матѳ. XII. 32. (слова: *на землѣ.* Маркъ II. 10, согласно замѣчанію автора, *что Іисусъ Христосъ высказывается всегда опредѣленно, не говоря ни одного слова болѣе или менѣе, чѣмъ необходимо*, страница 59., при сравненіи со словами у Луки XII. 58. 59., наводятъ на заключеніе, что *отпущеніе грѣховъ можетъ быть получено лишь въ настоящей жизни*, а что въ будущей жизни *придется заплатить до послѣдней полушки.*

стр. 60. И, правду сказать! при той матеріи, обсужденію которой посвящено мое Духовѣдѣніе, не много чести наживешь; я конечно могъ предвидѣть, что всполошу осиное гнѣздо и получу въ награду злыя насмѣшки и позоръ.

стр. 62. «Короче, трусливые люди, принимающіе приведенные въ книгѣ разсказы за безспорную истину, скоро не будутъ въ состояніи, въ особенности по ночамъ, сдѣлать шага безъ того, чтобъ не повстрѣчаться съ духомъ».

Отвѣтъ... Простодушные, слабонервные и пугливые люди находятъ въ моемъ Духовѣдѣніи вѣрныя средства исцѣлиться отъ суевѣрія и столь безполезной боязни привидѣній. Эта боязнь имъ присуща, независимо отъ того, попадалась ли имъ на глаза моя книга, или нѣтъ; (Помню, что еще до измѣненія моихъ взглядовъ на христіанство, во времена, когда я сомнѣвался во всемъ и менѣе всего былъ склоненъ вѣрить въ привидѣнія, я все же испытывалъ иногда крайній страхъ въ темнотѣ; не то, чтобы я вѣрилъ въ эти минуты въ возможность такихъ вещей, но я боялся, какъ бы мое воображеніе не представило мнѣ нѣкоего призрака, какъ нѣчто реальное.) если въ рѣчахъ съ ними отвергать все это, то они думаютъ: намъ то это лучше извѣстно, и молчатъ, слѣдовательно по этому пункту никакое просвѣтительство, никакая софистика, никакая борьба насмѣшками рѣшительно не помогутъ (1 февраля 1825? Sublim ad transcrib). *Но если разсказываешь факты, раздѣляешь истинное отъ ложнаго и затѣмъ выскажешь имъ въ поученіе,* что нѣтъ ничего глупѣе, какъ бояться привидѣній, ибо подобныя существа не могутъ повредить никому, hic ven. мел. confirm. d. transcr. Зап. incip. (ad transcrib.), если обращаться съ ними, какъ указано въ моей книгѣ, то пріобрѣтаешь ихъ довѣріе, они начинаютъ вѣрить, слѣдуютъ добрымъ совѣтамъ, а страхъ и суевѣріе пропадаютъ. Вѣра въ существованіе привидѣній не есть суевѣріе, но страхъ передъ ними и проистекающія изъ этого страха послѣдствія.— Странное, но весьма замѣчательное явленіе, что люди немедленно начинаютъ раздражаться и отбиваться руками и ногами отъ всѣхъ доказательствъ, какъ только пойдетъ рѣчь о явленіяхъ духовъ; признающаго дѣйствительность таковыхъ высмѣиваютъ, бранятъ и стыдятъ. Я попрошу каждаго отвѣтить по совѣсти, *чѣмъ это вызвано?*—Развѣ это нѣчто не стоющее труда—возжечь свѣтъ въ этомъ темномъ дѣлѣ, дабы отличить истинное отъ ложнаго, и показать затѣмъ, какое поведеніе въ такихъ случаяхъ будетъ разумнымъ и христіанскимъ? — Гдѣ аподиктическій доводъ и гдѣ математическое доказательство, что явленія духовъ невозможны? — а пока его нѣтъ, господа фило-

софы не должны позволять себѣ обзывать слабоумнымъ честнаго человѣка, держащагося другого мнѣнія, чѣмъ они. Вѣчные крики о суевѣріи и расписываніе ужасныхъ послѣдствій, имѣющихъ проистечь изъ вѣры въ подобныя вещи, не представляютъ дѣйствительнаго основанія, причина скрыта глубже.

стр. 70. «Авторъ явно противорѣчитъ себѣ, говоря: Поэтому то мнѣ и приходится постоянно со всей серьезностью предостерегать отъ умствованія надъ библейскими пророчествами въ цѣляхъ узнать изъ нихъ близкое будущее, и если кто-либо объясняетъ библейскія пророчества и указываетъ, чтò изъ нихъ такъ или иначе исполнилось, или чему еще надлежитъ исполниться, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ высказывается рѣшительно, то онъ становится подозрительнымъ. И тѣмъ не менѣе самъ онъ высказывается въ довольно рѣшительномъ тонѣ о близкомъ будущемъ: Всѣ вы, любезные читатели! Великое всеобщее испытаніе, или часъ искушенія, когда испытана будетъ и засвидѣтельствована кровью претерпѣвающая до конца вѣрность истинныхъ поклонниковъ Христа, уже близится».

Отвѣтъ... Развѣ это можетъ быть названо достойнымъ наказанія умствованіемъ? или развѣ изъ этого можетъ воспослѣдовать что-либо вредное и ложное? (Развѣ говорить: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.* Матѳ. III. 2. значитъ *развращать Израиля* I Царствъ XVIII. 17). *).

Я только что увидалъ въ своемъ дневникѣ, что въ тотъ же день, 5 Августа, проснувшись, я подумалъ о первой страницѣ этой Апологіи и вспомнилъ одновременно слова *осуждали его.*— Будутъ предавать васъ въ синагоги.—Матѳ. X. 17. 18. Лука XXI. 12.—Но и волосъ съ головы вашей не пропадетъ. Лука XXI. 18.—Это навело меня на размышленія о жизни Штиллинга. Теперь я увидалъ, что приведенныя выше греческія слова находятся у Марка X. 33 и составляютъ часть стиха, предшествующаго тому, о которомъ я говорилъ выше.

послѣ 8 ч. вечера.

стр. 74. Другіе, еще болѣе опасные, люди принимаютъ благочестивый, человѣколюбивый тонъ, похищая у христіанина все, что только есть святого. (Іуда, цѣлованіемъ ли предаешь Сына Человѣческаго. Лука XXII. 48).

*) По счету славянской Библіи III кн. Царствъ. *Прим. пер.*

...Никто не можетъ ставить выше и чтить выше, чѣмъ это дѣлаю я, этихъ великихъ мужей (реформаторовъ, Коперника, Декарта, Лейбница, Ньютона и другихъ), но это было бы поруганіемъ ихъ, если бы я объявилъ ихъ непогрѣшимыми. (Развѣ для того, чтобы кадить передъ хладнымъ прахомъ, слѣдуетъ измѣнять истинѣ? Guibert Ess. de Tact. Disc. Prelim. «Сами они, если бы вернулись къ жизни, не только не потребовали бы этого, но воздали бы должное свѣту, въ которомъ они предстали бы при пробужденіи». Онъ говоритъ нѣчто подобное: въ точности его словъ я не помню).

стр. 75. Испытующій сердца и утробы знаетъ мои намѣренія; Онъ знаетъ также, что́, кромѣ приведенныхъ мною въ началѣ поводовъ, побудило меня написать эту книгу. Воистину! не деньги, и еще менѣе почетъ; ибо взамѣнъ ихъ я пожалъ позоръ, насмѣшки, презрѣніе и стыдъ, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать заранѣе. Ему, моему небесному Вождю, предоставляю я послѣдствія, которымъ никакой запретъ не помѣшаетъ, а скорѣе поспособствуетъ; ибо нѣтъ книгъ, которыя читались бы усерднѣе и съ большимъ интересомъ, чѣмъ запрещенныя.

...*Свидѣтель мой на небесахъ, и знающій меня въ вышнихъ живетъ!*

(закон. около 9 ч. ⊥ вечера 24 Августа 1824.— кончилъ переписывать 1 Февраля 1825 ⊥ до обѣденъ).

26 Января 1825.. ⊥ $9^1/_4$ утра.

24 Января на меня напало сильное любопытство узнать число, когда впервые былъ прочитанъ Угрозъ Ч. VII въ 1822 году, а должно было это быть около 25 Января, какъ мнѣ извѣстно по одной изъ бумагъ того времени, хотя я и не могъ точно опредѣлить, въ какой именно день начато было чтеніе, а добиться этого мнѣ очень хотѣлось. Затѣмъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть число, отмѣченное на первомъ томѣ «приключеній по смерти» тѣмъ лицомъ, которое подарило мнѣ эту книгу. Это было— 25 февраля 1822. У меня есть предисловіе къ этому сочиненію, и мнѣ пришла мысль перечитать его вмѣсто *Исторіи Церкви Годо*, которую я въ то время читалъ. Въ нерѣшимости, что̀ мнѣ читать, я молился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ слѣдующее мѣсто: *И если дѣлаете добро лишь тѣмъ, кото-*

рые дѣлаютъ вамъ добро, и т. д. Лука VI. 33. Это мѣсто было уже помѣчено 19 Ноябремъ 1823, и это число, напомнивъ мнѣ обстоятельства, при которыхъ я его отмѣтилъ, побудило меня рѣшиться на чтеніе «приключеній по смерти», открывъ мнѣ, хотя еще смутно, что это—мой долгъ. Я забылъ сказать еще, что, какъ только у меня явилась мысль перечитать «приклю-

(hic ? отъ Kms. pag. inexpect. T. des. ? — scripsi et ? prosper et hic ?? *κατα* ?? ut desiderabam evenit, ?? *μεγαλην* благовѣст—ми Г. ранѣе, неж. дум. и prosperius, q. putabam. С. ? и М. не выход. еще, ut ? sine explic. ?? et a M. ? a Kms. tj. si Г. placat, recipero. - in Kms. нем. multa ad ?—? incipiens hoc scribere ad Ел. ? et. ?? Г. video in his rebus)

ченія послѣ смерти», я тотчасъ же почувствовалъ какъ бы лучъ надежды, что это чтеніе вернетъ мнѣ тѣ чувства радости, которыя я находилъ въ І. Христѣ и въ Евангеліи въ первые три года по обращеніи моемъ, которыя достигли своей высшей точки при чтеніи *Угроза* Ч. VII. приблизительно около того же времени, въ Январѣ 1822. Но когда мое настоящее состояніе смутно выступило въ моемъ сознаніи, надежда смѣнилась чувствомъ горькаго отчаянія и печали, сжавшимъ до слезъ мое сердце. Послѣ того, какъ я началъ чтеніе и дошелъ до страницы 16-ой, мнѣ пришла мысль написать что-нибудь въ этомъ родѣ и послать въ знакъ благодарности тому лицу, которое, путемъ этихъ двухъ произведеній, Ч. VII Угроза и приключ. по смерт., а также другихъ произведеній Штиллинга, которыя оно дало мнѣ нѣсколько времени спустя прочесть, стало наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ, которымъ Богу благоугодно было воспользоваться для

<u>|</u> legi a M. litt. an Kms. et locut ad rem.—въ Храмъ Спаса Нерукотвореннаго въ Новгородѣ отъ М. ден. на свѣч. дано 25 к. с.—чувст. глуб. давно неощущ. мира и свѣтл. радост. ? —ad verb M. de K. cum vellem dic. d. boy bonill. impatientia doc. ??? sine prisr. отч. и höllisch. agit.— ad $11^{1}/_{4}$ M ambul. et ? inveni upon. the table q. ad. scrib. ad. ? sive transcrib. *Mem. G.*

моего спасенія. Эта мысль вызвала во мнѣ трепетную радость, я помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ Луки VIII. 13. Но немного спустя я увидалъ и стихъ 16, 25 и 27. Этотъ послѣдній напомнилъ мнѣ мѣсто: *возвратись въ домъ твой и разскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ* (стихъ 39), и въ то же время мнѣ стало яснымъ отношеніе этихъ словъ къ мѣсту Луки VI. 33, которое мнѣ только что открылось. Вскорѣ затѣмъ ясное и мирное чувство подтвердило мнѣ выборъ чтенія, сдѣланный мною; при чтеніи 45 страницы мнѣ пришла мысль написать

вышеупомянутому лицу, и у меня появилось нѣчто вродѣ предчувствія, вызвавшаго во мнѣ трепетную радость. Я открылъ Евангеліе и увидалъ Луки XVII. 13. *И они воскликнули: Іисусъ Наставникъ помилуй насъ!* Я закрылъ книгу съ чувствомъ досады на то, что не открылось ничего подходящаго къ моему случаю. Тогда на меня напалъ одинъ изъ обычныхъ моихъ припадковъ печали и отчаянія, который побудилъ бы меня немедленно бросить чтеніе книги, начатое мною, если бы я не чувствовалъ внутренно остатка силы, противившейся этому. При чтеніи слѣдующей страницы припадокъ сталъ еще сильнѣе, такъ что я отбросилъ книгу съ величайшей досадой.—Тогда мысль моя обратилась къ Богу съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ горечью и досадой, причемъ я почти постоянно проходилъ черезъ эти альтернативы, словно здѣсь имѣлось въ виду причинить великую муку душѣ моей, которой легче было бы сжиться съ опредѣленнымъ состояніемъ, каково бы оно ни было. Я поставилъ книгу на мѣсто, какъ бы рѣшивъ ничѣмъ больше не заниматься. Вскорѣ этотъ припадокъ прошелъ, и я вновь приступилъ къ чтенію, которое прервалось на весь вчерашній день, и которое я продолжалъ сегодня 26 Января съ большимъ удовольствіемъ. При чтеніи 106 страницы я началъ раздумывать, что̀ бы послать тому лицу, о которомъ я говорилъ выше, ибо эта мысль не покидала меня, и наконецъ я остановился на этой *Запискѣ по теоріи духовѣдѣнія*, какъ только мнѣ пришла мысль переписать ее и послать по почтѣ. Эта мысль всецѣло завладѣла моей душою, исполнила меня свѣтлымъ чувствомъ и радостью, повергшей меня въ трепетъ. Но прежде чѣмъ достать тетрадь, я бросился на колѣна, обратился съ молитвой къ Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ: *не бойтесь; ибо я возвѣщаю вамъ великую радость*. Лука II. 10. Я тотчасъ же досталъ тетрадь и приготовилъ все, чтобы приступить немедленно къ перепискѣ. Первыя слова, бросившіяся мнѣ въ глаза въ Запискѣ, были тѣ, которыми заканчивается написанное до записи сегодняшняго дня: *Свидѣтель мой на небесахъ*. (hic transcrib. 26 Генв. 1825 ♃ р. $2^1/_2$ г. resep. a. K.)

Теперь я приступлю къ перепискѣ сказанной Записки.

Я только что хотѣлъ приступить къ этому дѣлу, начиная съ первой страницы, какъ мнѣ пришла мысль послать ее по частямъ и начать съ того, что̀ я только что написалъ, прибавивъ къ сему нѣкоторую часть, которую я успѣю переписать, чтобы послать

все это возможно скорѣе. Это повергло меня въ замѣшательство, и я нѣсколько минутъ былъ въ нерѣшимости, мои мысли замутились, такъ что я не зналъ какое принять рѣшеніе, и я въ раздумьѣ перелистывалъ тетрадь, гдѣ увидалъ слѣдующія слова: *и открываютъ тому, кто стучится.* (См. 9 Августа, въ $5^1/_2$ ч. по полудни). Я тотчасъ же палъ ницъ, помолился и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ слова: *по сему будетъ,* Лук. XVII. 30. Впечатлѣніе, которое я ощутилъ, понудило меня отнести это къ новой мысли, пришедшей мнѣ, которую я и исполню. Ven.? M.? d. aq. vis. amar. sed nolui, um schreib. anzufangen. ad. $12^1/_2$ ч.

1825 г.

21.—Н. И. Тургеневу.

См. т. I, стр. 53.

22.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 54.

23.—М. Я. Чаадаеву.

Флоренція. Мая 25.

Я получилъ твое письмо отъ 14 Генваря за несколько дней до своего отъѣзда изъ Рима; въ то время собирался я въ Неаполь. потому не отвѣчалъ тебѣ, хотелъ отъ туды отвѣчать; вмѣсто Неаполя очутился я во Флоренціи, по какому имянно случаю, чтобы употребить твое любимое выраженіе, долго тебѣ сказывать, но главное *вѣтеръ* называемый *Широко,* про который ты вѣроятно слыхалъ но того конечно объ немъ не знаешъ чаю, [чтобы употребить твое любимое выраженіе,] долго тебѣ Римѣ изспыталъ я его дѣйствіе, бѣгу отъ него на сѣверъ.—

Отъ сюды чрезъ два дни ѣду въ Карлсбадъ на леченье, отъ котораго ожидаю чудеса по самымъ законымъ притчинамъ. Съ восхищеніемъ воображаю себѣ что нахожусь наконецъ на пути

въ Россію; возвращусь къ вамъ здоровый, слѣд. кромѣ забавы вамъ отъ меня ничего не будетъ, по крайней мѣрѣ на несколько времени.

Твое письмо очень утешительно; я въ немъ разобралъ двѣ вещи, 1-ое что ты точно здоровъ, 2-ое что хоть дѣла твои и въ плохомъ положеніи, но унынія въ тебѣ болѣе нѣтъ. Такъ какъ деньги мои целы то раззореніе твое меня не очень тревожитъ, надѣюсь что ихъ станетъ на поправленіе твоихъ дѣлъ.—Я получилъ отъ Якушкина письмо, не твоему чета, всякихъ премилыхъ подробностей куча,—жаль что ты такихъ писемъ писать не умѣешъ! Онъ пишетъ что ты къ нему ѣдешъ, мнѣ ты этаго не пишешъ, почему не знаю?

Напрасно ты меня находишъ правымъ; лучше бы было тебѣ сказать мнѣ, Богъ тебя проститъ, впередъ дряни не дѣлай; что ты точно вины моей не видалъ, этаго быть не можетъ, слѣд. ты лжешъ.—

Прощай мой другъ. Твое письмо очень старо, неучто ты съ генваря мѣсяца ко мнѣ не писалъ?—Надѣюсь тебя скоро увидать (въ октябрѣ мѣсяцѣ), нехочеться ничего тебѣ разсказывать, да и времени нѣтъ.—

Римъ чрезвычайная вещь—ни начто непохожая, превосходящая всякое ожиданіе и всякое воображеніе; я провелъ тамъ два пріятныхъ мѣсяца, оттадай съ кѣмъ? съ старымъ, съ добрымъ своимъ пріятелемъ Ник. Тургеньевымъ.—

Пиши ко мнѣ въ Карлсбадъ,—Monsieur Tchadayef, a Carlsbad en Boheme, poste-restante. Естьли пошлешъ деньги то штиглицу напиши чтобъ прислалъ въ Карлсбадъ.

24.— М. Я. Чаадаеву.

Карлсбадъ. 28/16 августа.

Я здѣсь живу мой милый третій мѣсяцъ, тебѣ не писалъ не разу во все это время, все ожидалъ отъ тебя письма; ты не пишешъ, надобно наконецъ тебѣ сказать что я живъ; и такъ— я живъ, а здоровъ надѣюсь скоро буду. Тетушка опять пишетъ что ты очень не доволенъ, а чѣмъ по обыкновенію не говоритъ; ты конечно обстоятельно ей объ себѣ не пишешъ или перезсказать не умѣетъ. Здѣсь доктора запрещаютъ думать объ чѣмъ

бы то ни было, всякая дума говорятъ бѣда, того и смотри желчъ, а тогда все леченье хоть брось. По этому стараюсь и объ тебѣ не думать, но какъ не думать! что съ тобою дѣлаеться? по словамъ тетушки, Хрипуново тебѣ постыло, а отъ Хрипунова ты всего на свѣтѣ ожидалъ! гдѣ ты себя теперь пріютишъ? ничего тебѣ не удалось, ничего не сбылось! Всего болѣе навѣрно я причиняю тебѣ огорченія; можетъ быть оброковъ не получаешъ, не знаешъ что со мною дѣлать, бѣсишся,—я давно тебѣ не писалъ объ деньгахъ, изъ этаго тебѣ должно бы было заключить что деньгами ни нуждаюсь, и право не нуждаюсь, когда могу занимаю, когда же не могу живу на мѣстѣ, вотъ вся бѣда; а иногда не только что не бѣда но и щастье, на примѣръ въ Римѣ я прожилъ по этой притчинѣ лишній мѣсяцъ, и это точно прещастливый случай.

Чего мой другъ не хотелось бы мнѣ тебѣ наговорить, разсказать, пересказать, обо всемъ на свѣтѣ, и объ себѣ и объ тебѣ и обо всѣхъ васъ моихъ милыхъ, но есть ли возможность! по полгоду не пишешъ! [перестаешь другого понимать,] языкъ не ворочится! Куды это несносно! и этому притчиною деньги! Ты ищешъ вѣроятно для меня занять, не находишъ или въ банкѣ невыдаютъ, а мѣжду тѣмъ ко мнѣ не пишешъ; думаешъ, что ему до моихъ писемъ! не письма а деньги ему надобны—вѣрь или не вѣрь, право я не вовсе блудный сынъ, есть и во мнѣ сколько нибудь чувства,—я въ сотый расъ тебѣ это повторяю, знаю что все напрасно.—

Вотъ тебѣ журналъ моего путешествія и разные разности. Изъ Рима кажется написалъ къ тебѣ что убѣжалъ отъ туды отъ широко. Въ Флоренціи пробылъ двѣ недѣли, отъ туды отправился въ Венецію; я былъ тамъ въ самое то время въ которое въ старину бывалъ тамъ карнавалъ, а выѣхалъ въ самый день въ который Дожъ бывало пируетъ свою свадьбу съ моремъ—изъ Венеціи поѣхалъ въ Верону, а отъ туды черезъ Тироль въ Мюнхенъ, отъ туды въ Карлсбадъ; все это путешествіе совѣршилъ довольно хорошо и здорово. Здѣсь живу дѣсятую недѣлю съ добрымъ пріятелемъ своимъ Тургеньевымъ. Лѣчусь изо всѣй мочи; страхъ какъ хочеться пріѣхать къ вамъ здоровымъ. Объ Карлсбадѣ имѣю тебѣ сказать множество чудесныхъ вѣщей, главное то, что тебѣ непремѣнно здѣсь должно побывать когда нибудь; протчее до другаго времени; не зная что съ тобою дѣлаеться, право не знаю какъ и что съ тобою

говорить, не понимаю самъ какъ пишу къ тебѣ вторую страницу!—Сдѣлай милость напиши что нибудь объ себѣ, что угодно, что не напишешъ всѣму буду радъ. Естьлибъ я получилъ здѣсь во время своего леченья одно такое письмо какія ты ко мнѣ писывалъ съ начала моего путешествія, то увѣренъ что многіе симтомы моей болезни сей часъ бы изчезли, объ этомъ и думать ненадобно!—

Я здѣсь пробуду не болѣе трехъ недѣль. Естьли вздумаешь писать, пиши въ Дрезденъ, aux soins obligeants de l' Embassade de Russie; тетушкѣ потрудись сообщить этотъ адресъ, а Штиглицу когда будешъ посылать деньги скажи *только въ Дрезденъ*. Не у тетушки ли ты теперь? пора, пора, давно она тебя бѣдная ожидаетъ. Въ Дрезденѣ должно мнѣ пробыть недѣль шесть подъ смотреньемъ доктора, такъ водиться; онъ мнѣ скажетъ что отъ воды произошло со мною и что впередъ мнѣ дѣлать. На родину поѣду черезъ Вѣну. Естьлиже долго не пришлешъ денегъ или пришлешъ мало, такъ что прійдется мнѣ дожидаться другихъ денегъ, то пробуду въ Дрезденѣ по долѣе а домой поѣду прямо черезъ Варшаву.

Хотелось бы мнѣ тебя спросить объ разныхъ вѣщахъ, но когда получу отвѣтъ? развѣ когда самъ къ тебѣ буду!—Богъ милостивъ—свѣтъ хорошъ, есть на свѣтѣ всякіе люди, есть люди не люди, есть и божьи люди, есть люди безтолковые, свѣрхь того есть лѣнивые люди,—ото всѣхъ бѣда.—Прости мой другъ.

Тетушкѣ не пишу; писать здѣсь не бѣздѣлица, это письмо написалъ такъ сказать украдкою самъ отъ себя, въ лехкую минуту. Вотъ въ чѣмъ состоитъ леченье. Пьешъ воду, до дѣсяти и болѣе кружекъ, по кружкѣ всякія четверть часа, во все это время ходишъ, и еще целый часъ ходишъ послѣ питья; то запоръ, то поносъ, то насилу таскаешъ ноги, то бѣгаешъ какъ бѣшеный съ тоски; свѣрхъ того случаются разные пароксизмы, припадки, отъ которыхъ приходишъ въ совѣршенное разслабленіе.—Въ голову ничего не лѣзитъ, и доктора не вѣлятъ чтобъ лѣзло что нибудь въ тебя а чтобъ все вылѣзало. Воды кажеться дѣйствуютъ на меня хорошо; теперь нахожусь въ моментъ критическій, то есть рѣшительный; по всѣмъ вѣроятіямъ надѣяться долженъ хорошихъ послѣдствій.—

Я просилъ тетушку чтобъ она поискала занять пять тысячь рублей; естьли нашла (въ чѣмъ разум. сомнѣваюсь) то пошли

ихъ въ Петербургъ, (не худо черезъ *Дазера,* т. е. Нюремберца*) Его Высокобл. Василью Алексѣевичу *Перовскому* атьютандту Никол. Павловича, въ Михайловскомъ замкѣ,—срокъ прошелъ, а это святой долгъ; Дазеръ можетъ воротить росписку;—есть-ли же нельзя черезъ него то послать можно крестьянину К. Д. М. чтобъ доставилъ *Перовскому,—и* это кажеться лучше.

25.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 58.

26.—М. Я. Чаадаеву.

26 Сентября.

Письмо твое съ векселемъ получилъ 13 числа; вексель не только хорошъ, но при теперешнемъ курсѣ на Гамбургъ есть и значительный барышъ. Ты вѣлишъ мнѣ сей часъ отвѣчать, а я отвѣчаю черезъ двѣ недѣли; резонъ тотъ что я боленъ,—въ постели не лѣжу, но голова кружится день и ночь и желудокъ не варитъ,—слѣдствіе излишняго употребленія водъ а послѣ дурнаго леченья.—

Получивъ твое письмо сей часъ хотелъ сѣсть въ коляску и ѣхать, потомъ отложилъ на недѣлю, а теперь вижу что прежде мѣсяца не въ силахъ буду выѣхать, и то какъ Богу будетъ угодно!—а вы меня ожидаете къ новому году!—не умѣю тебѣ сказать сколько меня это огорчаетъ! можетъ быть, не выдѣржу, поѣду больной,—естьли почувствую себя полехче несколько дней сряду, поѣду навѣрно во чтобы то-ни стало. Повѣришь ли, не могу вспомнить про васъ — безъ слезъ; когда хожу по городу въ сумѣркахъ, то всякаго человѣка въ длиннополомъ сюртукѣ и въ шапкѣ принимаю за тебя,—а ты, какъ тебѣ не стыдно! говоришъ что сталобы вами не интересуюсь есть-

*) [Это слово написано неразборчиво].

ли не ѣду,—не грешно ли тебѣ такія вещи говорить!—Во первыхъ, развѣ ты не знаешъ, что въ целый годъ получилъ я всего изъ дому 7000 руб. Правда, я безъ денегъ не былъ, занималъ, и занималъ столько что и не знаю какъ разплачусь,—но не зная когда получу свои деньги какъ мнѣ было путемъ разспорядиться? я впередъ никогда не могъ никакого плана сдѣлать, вездѣ проживалъ лишнѣе время.—Со всѣмъ тѣмъ, изъ Рима пріѣхалъ бы домой навѣрно,—но недолжно ли мнѣ было изспытать Карлсбада!—Впротчемъ суди меня какъ хочешъ, пожалуй принимай меня за блуднаго сына—[вы заколете жирнаго тельца, когда я вернусь.]

Письмо это пролежало у меня на столѣ несколько дней; все собирался написать тебѣ что ѣду, ѣду—вмѣсто того долженъ написать что прежде мѣсяца никакъ не вижу возможности выѣхать,—тѣмъ болѣе что въ головѣ у меня обнаружился рюматизмъ. Все таки, увѣряю тебя—естьли минуту найду въ себѣ здоровую то поѣду навѣрно.—Прости, мой милый, мой жестокій, строгій, великій, безтолковый братъ,—постарайся меня пролюбить до моего пріѣзда, а тамъ надѣюсь докажу, что стою твоей любви.—Къ тому же мнѣ крайняя нужда въ твоей любви,—свѣрхъ того, любовь, щастье,—должно кого нибудь любить, а каго же ты можешъ любить естьли не меня! Я все таки лучше всѣхъ,—для тебя.—

Ты съ ума сходишъ на порядкѣ,—адресъ былъ написанъ на тряпкѣ очень обстоятельно,—содрали въ дарогѣ, вотъ все,—никто этому не виноватъ.—

Накопи къ моему пріѣзду по больше денегъ, а гдѣ возьмешъ не знаю,—надобно будетъ розплачиваться,—впротчемъ, естьли взять негдѣ, нечего дѣлать,—добрые люди подождутъ, одинъ есть долгъ банкирскій,—въ 4000—этому срокъ чрезъ два мѣсяца.—

Отъ тетушкѣ здѣсь не [нашелъ] писемъ—спасибо тебѣ что ты у нѣе,—очень спасибо.—

29 числа.

1826 г.

27.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 61.

28.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 62.

29.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 63.

30.—М. Я. Чаадаеву.

25 Мая.

Денегъ не нашелъ,—обѣщали, не дали,—продать ничего не могу, да естьлибы и могъ, не сталобы,—разплотившись съ докторами и совсѣми ни осталось ни гроша.—Въ болезни своей, жилъ безъ всякаго толку, потому прожилъ бѣздну—впротчемъ, можетъ быть и безъ того прожилъ столько же бы.—Не смотря на дурную погоду, про которую вѣроятно читалъ въ газетахъ,—и не смотря на все протчее, то есть на плохое еще состояніе здоровья, совсѣмъ былъ готовъ ѣхать,—съ теплымъ воздухомъ лихорадка прошла,—принужденъ остаться.—Не ругай меня.—

Когда пришлешъ денегъ? гдѣ возмешъ? Когда васъ увижу? почему надѣюсь,—какое имѣю право надѣяться?

Естьли думаешъ что стою сколько нибудь жалости, то напиши когда надѣешся имѣть денегъ и сколько.—Впротчемъ, здѣсь могу прожить сколько нибудь времени безъ денегъ,—для того перехожу сей часъ въ трактиръ.

Имѣю предчувствіе что возвратившись, заслужу передъ вами [все то огорченіе, которое я вамъ причиняю,]—безъ этаго предчувствія сошелъ бы съ ума.—

Во всемъ этомъ нѣтъ-ли экзажераціи и другой дряни, какъ то гипохондріи и пр.:—самъ не знаю.

[Во всякомъ случаѣ]—надѣжда еще есть, слѣд. жить можно.

Есть ли бъ у тебя были деньги! Есть либъ ты ихъ сей часъ прислалъ!

31.—Н. И. Тургеневу.

[Дрезденъ, 6 Іюня.

Дорогой другъ. Вашъ братъ Сергѣй только что прибылъ сюда,—мнѣ нечего говорить Вамъ, какъ я обрадовался свиданію съ братомъ лучшаго изъ моихъ друзей,—и какъ я счастливъ, что могу пробыть съ нимъ нѣкоторое время. — Здоровье его недурно,—онъ только что получилъ письма отъ Александра, которыя доставили ему величайшее удовольствіе,—тѣмъ болѣе, что въ нихъ сообщалось, что Ваше здоровье настолько хорошо, что Вы, повидимому, не нуждаетесь въ Карлсбадѣ. Онъ поручилъ мнѣ сказать Вамъ, что на этихъ дняхъ онъ пошлетъ Вамъ письменный совѣтъ Крейсига о томъ, что Вамъ дѣлать въ Брайтонѣ. —

Что касается до меня, мой дорогой другъ,—то я пишу Вамъ всего два слова лишь потому, что имѣю такъ много сказать Вамъ, что даже пытаться не стану говорить съ Вами о чемъ либо, кромѣ того, что мнѣ необходимо было сообщить Вамъ. Сегодня день почты, и вашему брату некогда было писать.

Будьте здоровы, мой дорогой и достойный другъ. П. Чаадаевъ.]

32.—А. И. Тургеневу

[Дрезденъ, 15 Іюня.

Вашъ братъ уже три недѣли, какъ здѣсь, что Вамъ вѣроятно извѣстно. Тѣлесно онъ чувствуетъ себя недурно, но душевныхъ страданій онъ перенесъ много. Мнѣ думается, что Вы сдѣлали бы хорошо, если бы пріѣхали сюда; онъ очень желалъ бы повидать Васъ; онъ самъ поручилъ мнѣ написать Вамъ. Крейсигъ находитъ состояніе его здоровья сноснымъ; онъ приписываетъ разстройство его нервовъ болѣзни, которую онъ перенесъ въ Неаполѣ, и неправильному режиму, которому его подвергли.

Онъ прибылъ сюда въ состояніи крайняго нервнаго раздраженія; въ настоящее время онъ значительно спокойнѣе. Ему предписано брать ванны каждый день,—это принесло ему большую пользу.

Онъ довѣрилъ мнѣ тайну своей любви къ Ольгѣ Пушкиной. Эта мысль, повидимому, очень занимаетъ его. Я думаю, что г-жа Пушкина, такъ же какъ и молодая дѣвушка, не имѣли бы ничего противъ этого брака, если бы только онѣ могли быть увѣрены, что это чувство не напало на него въ зависимости отъ того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ въ настоящее время находится.

Мнѣ нечего говорить Вамъ, что я не оставлю его и не тронусь съ мѣста, пока не получу отвѣта отъ Васъ. Къ несчастью разстройство моего здоровья и всякаго рода домашнія заботы мѣшаютъ мнѣ ухаживать за нимъ такъ, какъ того требуетъ его положеніе и повелѣваетъ дружба.

Прощайте. Я постараюсь исполнить мой долгъ; надѣюсь, что Богъ пошлетъ мнѣ на это силъ.

Онъ сообщилъ мнѣ о всѣхъ вашихъ дѣлахъ.

Тревожиться Вамъ нѣтъ основаній, даю Вамъ въ томъ честное слово,—но пріѣхать Вамъ надо.

П. Чаадаевъ.

Я убѣдилъ его не писать Вамъ,—это могло бы ему повредить.]

33.—А. И. Тургеневу.

[Дрезденъ, 17 Іюня.

Вашему брату лучше, — печальная вѣсть о смерти Карамзина сильно повліяла на него,—въ то же время она вызвала спасительный кризисъ въ его умственномъ состояніи,—я нашелъ его на другой день почти совершенно поправившимся.—Надѣюсь, что, когда Вы прибудете сюда, Вы уже не найдете въ немъ никакихъ слѣдовъ того состоянія, въ которомъ онъ былъ еще нѣсколько дней тому назадъ.

Онъ хочетъ, чтобы Вы сообщили г. Жихореву и г-жѣ Нефедовой о его брачныхъ намѣреніяхъ.

Прилагаю списокъ порученій, который онъ посылаетъ Вамъ.

Будьте здоровы,—пріѣзжайте. Молитесь Богу, дорогой Александръ—и будемъ надѣяться.

Онъ не писалъ Николаю.

П. Чаадаевъ.]

34.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 67.

35.—Показанія Чаадаева въ 1826 году.

См. т. I, стр. 67.

1827 г.

36.—С. П. Жихареву.

См. т. I, стр 72.

1829 г.

37.—А. С. Пушкину.

[Мое пламеннѣйшее желаніе, другъ мой, видѣть васъ посвященнымъ въ тайну времени. Нѣтъ болѣе огорчительнаго зрѣлища въ мірѣ нравственномъ, чѣмъ зрѣлище геніальнаго человѣка, не понимающаго свой вѣкъ и свое призваніе. Когда видишь, какъ тотъ, кто долженъ былъ бы властвовать надъ умами, самъ отдается во власть привычкамъ и рутинамъ черни, чувствуешь самого себя остановленнымъ въ своемъ движеніи впередъ; говоришь себѣ, зачѣмъ этотъ человѣкъ мѣшаетъ мнѣ идти, когда онъ долженъ былъ бы вести меня? Это поистинѣ бываетъ со мною всякій разъ, какъ я думаю о Васъ, а думаю я о васъ столь часто, что совсѣмъ измучился. Не мѣшайте же мнѣ идти, прошу васъ. Если у васъ не хватаетъ терпѣнія, чтобъ научиться тому, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, то погрузитесь въ себя и извлеките изъ вашего собственнаго существа тотъ свѣтъ, который неизбѣжно находится во всякой душѣ, подобной вашей. Я убѣжденъ, что вы можете принести безконечное благо этой бѣдной Россіи, заблудившейся на землѣ. Не обманите вашей судьбы, мой другъ. Послѣднее время стали вездѣ читать по-русски; вы знаете, что г. Булгаринъ переведенъ и поставленъ рядомъ съ г. де-Жуи; что касается васъ, то нѣтъ ни одной книжки журнала, гдѣ бы не

шла рѣчь о васъ; я нахожу имя моего друга Гулянова, съ уваженіемъ упомянутое въ толстомъ томѣ, и знаменитый Клапротъ присуждаетъ ему египетскій вѣнецъ; повидимому, онъ потрясъ пирамиды въ ихъ основаніяхъ. Видите, что могли бы сдѣлать Вы для своей славы. Обратитесь съ воплемъ къ небу,—оно отвѣтитъ вамъ.

Я говорю вамъ все это, какъ вы видите, по поводу книги, которую вамъ посылаю. Такъ какъ въ ней всего понемножку, то, быть можетъ, она пробудитъ въ васъ нѣсколько хорошихъ мыслей. Будьте здоровы, мой другъ. Говорю вамъ, какъ нѣкогда Магометъ говорилъ своимъ арабамъ,—о, еслибъ вы знали!]

1829—1831 гг.

38.—Философическія письма.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

[Да пріидетъ Царствіе Твое.]

[Сударыня,

Именно ваше чистосердечіе и ваша искренность нравятся мнѣ всего болѣе, именно ихъ я всего болѣе цѣню въ васъ. Судите же, какъ должно было удивить меня ваше письмо. Этими прекрасными качествами вашего характера я былъ очарованъ съ первой минуты нашего знакомства, и они-то побуждали меня говорить съ вами о религіи. Все вокругъ васъ могло заставить меня только молчать. Посудите же, еще разъ, каково было мое изумленіе, когда я получилъ ваше письмо! Вотъ все, что я могу сказать вамъ по поводу мнѣнія, которое, какъ вы предполагаете, я составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Но не будемъ больше говорить объ этомъ и перейдемъ не медля къ серьезной части вашего письма.

Во-первыхъ, откуда эта смута въ вашихъ мысляхъ, которая васъ такъ волнуетъ и такъ изнуряетъ, что, по вашимъ словамъ, отразилась даже на вашемъ здоровьѣ? Ужели она—печальное слѣдствіе нашихъ бесѣдъ? Вмѣсто мира и успокоенія, которые должно было бы принести вамъ новое чувство, пробужденное въ вашемъ сердцѣ,—оно причинило вамъ тоску, безпокойство, почти угрызенія совѣсти. И однако, долженъ ли я этому удивляться? Это — естественное слѣдствіе того

печальнаго порядка вещей, во власти котораго находятся у насъ всѣ сердца и всѣ умы. Вы только поддались вліянію силъ, господствующихъ здѣсь надо всѣми, отъ высшихъ вершинъ общества до раба, живущаго лишь для утѣхи своего господина.

Да и какъ могли бы вы устоять противъ этихъ условій? Самыя качества, отличающія васъ отъ толпы, должны дѣлать васъ особенно доступной вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышите. То немногое, что я позволилъ себѣ сказать вамъ, могло ли дать прочность вашимъ мыслямъ среди всего, что васъ окружаетъ? Могъ ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и я ихъ дѣйствительно предвидѣлъ. Отсюда тѣ частыя умолчанія, которыя, конечно, всего менѣе могли внести увѣренность въ вашу душу и естественно должны были привести васъ въ смятеніе. И не будь я увѣренъ, что, какъ бы сильны ни были страданія, которыя можетъ причинить не вполнѣ пробудившееся въ сердцѣ религіозное чувство, подобное состояніе все же лучше полной летаргіи,—мнѣ оставалось бы только раскаяться въ моемъ рвеніи. Но я надѣюсь, что облака, застилающія сейчасъ ваше небо, претворятся современемъ въ благодатную росу, которая оплодотворитъ сѣмя, брошенное въ ваше сердце, а дѣйствіе, произведенное на васъ нѣсколькими незначительными словами, служитъ мнѣ вѣрнымъ залогомъ тѣхъ еще болѣе важныхъ послѣдствій, которыя безъ сомнѣнія повлечетъ за собою работа вашего собственнаго ума. Отдавайтесь безбоязненно душевнымъ движеніямъ, которыя будетъ пробуждать въ васъ религіозная идея: изъ этого чистаго источника могутъ вытекать лишь чистыя чувства.

Что касается внѣшнихъ условій, то довольствуйтесь пока сознаніемъ, что ученіе, основанное на верховномъ принципѣ *единства* и прямой передачи истины въ непрерывномъ ряду его служителей, конечно, всего болѣе отвѣчаетъ истинному духу религіи; ибо онъ всецѣло сводится къ идеѣ слiянія всѣхъ существующихъ на свѣтѣ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и къ постепенному установленію такой соціальной системы или *церкви*, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое другое ученіе уже самымъ фактомъ своего отпаденія отъ первоначальной доктрины заранѣе отвергаетъ дѣйствіе высокаго завѣта Спасителя: *Отче святый,*

соблюди ихъ, да будетъ едино, якоже и мы *), и не стремится къ водворенію царства Божія на землѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы вы были обязаны исповѣдовать эту истину передъ лицомъ свѣта: не въ этомъ, конечно, ваше призваніе. Наоборотъ, самый принципъ, изъ котораго эта истина исходитъ, обязываетъ васъ, въ виду вашего положенія въ обществѣ, признавать въ ней только внутренній свѣточъ вашей вѣры, и ничего болѣе. Я счастливъ, что способствовалъ обращенію вашихъ мыслей къ религіи; но я былъ бы весьма несчастливъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ повергъ вашу совѣсть въ смущеніе, которое съ теченіемъ времени неминуемо охладило бы вашу вѣру.

Я, кажется, говорилъ вамъ однажды, что лучшій способъ сохранить религіозное чувство — это соблюдать всѣ обряды, предписываемые церковью. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и которое величайшіе умы возлагали на себя сознательно и обдуманно, есть настоящее служеніе Богу. Ничто такъ не укрѣпляетъ духъ въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое исполненіе всѣхъ относящихся къ нимъ обязанностей. Притомъ, большинство обрядовъ христіанской религіи, внушенныхъ высшимъ разумомъ, обладаютъ настоящей животворной силой для всякаго, кто умѣетъ проникнуться заключенными въ нихъ истинами. Существуетъ только одно исключеніе изъ этого правила, имѣющаго въ общемъ безусловный характеръ, — именно, когда человѣкъ ощущаетъ въ себѣ вѣрованія высшаго порядка сравнительно съ тѣми, которыя исповѣдуетъ масса, — вѣрованія, возносящія духъ къ самому источнику всякой достовѣрности, и въ то же время нисколько не противорѣчащія народнымъ вѣрованіямъ, а, наоборотъ, ихъ подкрѣпляющія; тогда, и только тогда, позволительно пренебрегать внѣшнею обрядностью, чтобы свободнѣе отдаваться болѣе важнымъ трудамъ **). Но горе тому, кто иллюзіи своего тщеславія или заблужденія своего ума принялъ бы за высшее просвѣтленіе, которое будто бы освобождаетъ его отъ общаго закона! Вы же, сударыня, что вы можете сдѣлать лучшаго, какъ не облечься въ одежду смиренія, которая такъ

*) Іоанн. XVII, 11.

**) Эта фраза была опущена въ русскомъ переводѣ, напечатанномъ въ *Телескопѣ*. *Прим. М. Г.*

къ лицу вашему полу? Повѣрьте, это всего скорѣе умиротворитъ вашъ взволнованный духъ и прольетъ тихую отраду въ ваше существованіе.

Да и мыслимъ ли, скажите, даже съ точки зрѣнія свѣтскихъ понятій, болѣе естественный образъ жизни для женщины, развитой умъ которой умѣетъ находить прелесть въ познаніи и въ величавыхъ эмоціяхъ созерцанія, нежели жизнь сосредоточенная и посвященная въ значительной мѣрѣ размышленію и дѣламъ религіи? Вы говорите, что при чтеніи ничто не возбуждаетъ такъ сильно вашего воображенія, какъ картины мирной и серьезной жизни, которыя, подобно виду прекрасной сельской мѣстности на закатѣ дня, вливаютъ въ душу миръ и на минуту уносятъ насъ отъ горькой или пошлой дѣйствительности. Но эти картины — не созданія фантазіи; отъ васъ одной зависитъ осуществить любой изъ этихъ плѣнительныхъ вымысловъ; и для этого у васъ есть все необходимое. Вы видите, я проповѣдую не слишкомъ суровую мораль: въ вашихъ склонностяхъ, въ самыхъ привлекательныхъ грезахъ вашего воображенія я стараюсь найти то, что способно дать миръ вашей душѣ.

Въ жизни есть извѣстная сторона, касающаяся не физическаго, а духовнаго бытія человѣка. Не слѣдуетъ ею пренебрегать; для души точно такъ же существуетъ извѣстный режимъ, какъ и для тѣла; надо умѣть ему подчиняться. Это — старая истина, я знаю; но мнѣ думается, что въ нашемъ отечествѣ она еще очень часто имѣетъ всю цѣнность новизны. Одна изъ наиболѣе печальныхъ чертъ нашей своеобразной цивилизаціи заключается въ томъ, что мы еще только открываемъ истины, давно уже ставшія избитыми въ другихъ мѣстахъ и даже среди народовъ, во многомъ далеко отставшихъ отъ насъ. Это происходитъ оттого, что мы никогда не шли объ руку съ прочими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода; мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы внѣ времени, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода.

Эта дивная связь человѣческихъ идей на протяженіи вѣковъ, эта исторія человѣческаго духа, вознесшія его до той высоты, на которой онъ стоитъ теперь во всемъ остальномъ

мірѣ,—не оказали на насъ никакого вліянія. То, что въ другихъ странахъ уже давно составляетъ самую основу общежитія, для насъ—только теорія и умозрѣніе. И вотъ примѣръ: вы, обладающая столь счастливой организаціей для воспріятія всего, что есть истиннаго и добраго въ мірѣ, вы, кому самой природой предназначено узнать все, что даетъ самыя сладкія и самыя чистыя радости душѣ,—говоря откровенно, чего вы достигли при всѣхъ этихъ преимуществахъ? Вамъ приходится думать даже не о томъ, чѣмъ наполнить жизнь, а чѣмъ наполнить день. Самыя условія, составляющія въ другихъ странахъ необходимую рамку жизни, въ которой такъ естественно размѣщаются всѣ событія дня, и безъ чего такъ же невозможно здоровое нравственное существованіе, какъ здоровая физическая жизнь безъ свѣжаго воздуха,—у васъ ихъ нѣтъ и въ поминѣ. Вы понимаете, что рѣчь идетъ еще вовсе не о моральныхъ принципахъ и не о философскихъ истинахъ, а просто о благоустроенной жизни, о тѣхъ привычкахъ и навыкахъ сознанія, которые сообщаютъ непринужденность уму и вносятъ правильность въ душевную жизнь человѣка.

Взгляните вокругъ себя. Не кажется ли, что всѣмъ намъ не сидится на мѣстѣ? Мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ. Ни у кого нѣтъ опредѣленной сферы существованія, ни для чего не выработано хорошихъ привычекъ, ни для чего нѣтъ правилъ; нѣтъ даже домашняго очага; нѣтъ ничего, что привязывало бы, что́ пробуждало бы въ васъ симпатію или любовь, ничего прочнаго, ничего постояннаго; все протекаетъ, все уходитъ, не оставляя слѣда ни внѣ, ни внутри васъ. Въ своихъ домахъ мы какъ будто на постоѣ, въ семьѣ имѣемъ видъ чужестранцевъ, въ городахъ кажемся кочевниками, и даже больше, нежели тѣ кочевники, которые пасутъ свои стада въ нашихъ степяхъ, ибо они сильнѣе привязаны къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. И не думайте, пожалуйста, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не важенъ. Мы и безъ того обижены судьбою,—не станемъ же прибавлять къ прочимъ нашимъ бѣдамъ ложнаго представленія о самихъ себѣ, не будемъ притязать на чисто-духовную жизнь; научимся жить разумно въ эмпирической дѣйствительности.—Но сперва поговоримъ еще немного о нашей странѣ; мы не выйдемъ изъ рамокъ нашей темы. Безъ этого вступленія вы не поняли бы того, что я имѣю вамъ сказать.

У каждаго народа бываетъ періодъ бурнаго волненія, страстнаго безпокойства, дѣятельности необдуманной и безцѣльной. Въ это время люди становятся скитальцами въ мірѣ, физически и духовно. Это—эпоха сильныхъ ощущеній, широкихъ замысловъ, великихъ страстей народныхъ. Народы мечутся тогда возбужденно, безъ видимой причины, но не безъ пользы для грядущихъ поколѣній. Черезъ такой періодъ прошли всѣ общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаніями, героическимъ элементомъ своей исторіи, своей поэзіей, всѣми наиболѣе сильными и плодотворными своими идеями; это — необходимая основа всякаго общества. Иначе въ памяти народовъ не было бы ничего, чѣмъ они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь къ праху земли, на которой живутъ. Этотъ увлекательный фазисъ въ исторіи народовъ есть ихъ юность, эпоха, въ которую ихъ способности развиваются всего сильнѣе и память о которой составляетъ радость и поученіе ихъ зрѣлаго возраста. У насъ ничего этого нѣтъ. Сначала—дикое варварство, потомъ грубое невѣжество, затѣмъ свирѣпое и унизительное чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть,—такова печальная исторія нашей юности. Этого періода бурной дѣятельности, кипучей игры духовныхъ силъ народныхъ, у насъ не было совсѣмъ. Эпоха нашей соціальной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, была заполнена тусклымъ и мрачнымъ существованіемъ, лишеннымъ силы и энергіи, которое ничто не оживляло, кромѣ злодѣяній, ничто не смягчало, кромѣ рабства. Ни плѣнительныхъ воспоминаній, ни граціозныхъ образовъ въ памяти народа, ни мощныхъ поученій въ его преданіи. Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство,—вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы вамъ о прошломъ, который возсоздавалъ бы его предъ вами живо и картинно. Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не въ надеждѣ или разсчетѣ на какое-нибудь общее благо, а изъ дѣтскаго легкомыслія, съ какимъ ребенокъ силится встать и протягиваетъ руки къ погремушкѣ, которую показываетъ ему няня.

Истинное развитіе человѣка въ обществѣ еще не началось для народа, если жизнь его не сдѣлалась болѣе благоустроенной,

болѣе легкой и пріятной, чѣмъ въ неустойчивыхъ условіяхъ первобытной эпохи. Какъ вы хотите, чтобы сѣмена добра созрѣвали въ какомъ-нибудь обществѣ, пока оно еще колеблется безъ убѣжденій и правилъ даже въ отношеніи повседневныхъ дѣлъ и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это—хаотическое броженіе въ мірѣ духовномъ, подобное тѣмъ переворотамъ въ исторіи земли, которые предшествовали современному состоянію нашей планеты. Мы до сихъ поръ находимся въ этой стадіи.

Годы ранней юности, проведенные нами въ тупой неподвижности, не оставили никакого слѣда въ нашей душѣ, и у насъ нѣтъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой отъ всемірнаго движенія человѣчества, мы также ничего не восприняли и изъ *преемственныхъ* идей человѣческаго рода. Между тѣмъ, именно на этихъ идеяхъ основывается жизнь народовъ; изъ этихъ идей вытекаетъ ихъ будущее, исходитъ ихъ нравственное развитіе. Если мы хотимъ занять положеніе, подобное положенію другихъ цивилизованныхъ народовъ, мы должны нѣкоторымъ образомъ повторить у себя все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого къ нашимъ услугамъ исторія народовъ и передъ нами плоды движенія вѣковъ. Конечно, эта задача трудна и, быть можетъ, въ предѣлахъ одной человѣческой жизни не исчерпать этотъ обширный предметъ; но прежде всего надо узнать, въ чемъ дѣло, что представляетъ собою это воспитаніе человѣческаго рода, и каково мѣсто, которое мы занимаемъ въ общемъ строѣ.

Народы живутъ лишь могучими впечатлѣніями, которыя оставляютъ въ ихъ душѣ протекшіе вѣка, да общеніемъ съ другими народами. Вотъ почему каждый отдѣльный человѣкъ проникнутъ сознаніемъ своей связи со всѣмъ человѣчествомъ.

Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о прошлыхъ событіяхъ не связываетъ настоящаго съ прошедшимъ! Мы же, придя въ міръ, подобно незаконнымъ дѣтямъ, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, жившими на землѣ раньше насъ, мы не хранимъ въ нашихъ сердцахъ ничего изъ тѣхъ уроковъ, которые предшествовали нашему собственному существованію. Каждому изъ насъ приходится самому связывать порванную нить родства. Что у другихъ народовъ обратилось въ привычку, въ инстинктъ, то намъ приходится вбивать въ головы ударами молота. Наши воспоминанія не идутъ далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы

такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ прошедшій мигъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Это—естественный результатъ культуры, всецѣло основанной на заимствованіи и подражаніи. У насъ совершенно нѣтъ внутренняго развитія, естественнаго прогресса; каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старыя, потому что она не вытекаетъ изъ нихъ, а является къ намъ Богъ вѣсть откуда. Такъ какъ мы воспринимаемъ всегда лишь готовыя идеи, то въ нашемъ мозгу не образуются тѣ неизгладимыя борозды, которыя послѣдовательное развитіе проводитъ въ умахъ и которыя составляютъ ихъ силу. Мы растемъ, но не созрѣваемъ; движемся впередъ, но по кривой линіи, т. е. по такой, которая не ведетъ къ цѣли. Мы подобны тѣмъ дѣтямъ, которыхъ не пріучили мыслить самостоятельно; въ періодъ зрѣлости у нихъ не оказывается ничего своего; все ихъ знаніе—въ ихъ внѣшнемъ бытѣ, вся ихъ душа—внѣ ихъ. Именно таковы мы.

Народы—въ такой же мѣрѣ существа нравственныя, какъ и отдѣльныя личности. Ихъ воспитываютъ вѣка, какъ отдѣльныхъ людей воспитываютъ годы. Но мы, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ—народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ націй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ. Наставленіе, которое мы призваны преподать, конечно, не будетъ потеряно; но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде чѣмъ исполнится наше предназначеніе?

Всѣ народы Европы имѣютъ общую физіономію, нѣкоторое семейное сходство. Вопреки огульному раздѣленію ихъ на латинскую и тевтонскую расы, на южанъ и сѣверянъ—все же есть общая связь, соединяющая ихъ всѣхъ въ одно цѣлое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вникъ въ ихъ общую исторію. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христіанскимъ міромъ, и это выраженіе употреблялось въ публичномъ правѣ. Кромѣ общаго характера, у каждаго изъ этихъ народовъ есть еще свой частный характеръ, но и тотъ, и другой всецѣло сотканы изъ исторіи и традиціи. Они составляютъ преемственное идейное наслѣдіе этихъ народовъ. Каждый отдѣльный человѣкъ пользуется тамъ своею долей этого наслѣдства; безъ труда и чрезмѣрныхъ усилій онъ набираетъ

себѣ въ жизни запасъ этихъ знаній и навыковъ и извлекаетъ изъ нихъ свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находимъ у себя въ повседневномъ обиходѣ элементарныхъ идей, которыми могли бы съ грѣхомъ пополамъ руководствоваться въ жизни? И замѣтьте, здѣсь идетъ рѣчь не о пріобрѣтеніи знаній и не о чтеніи, не о чемъ-либо касающемся литературы или науки, а просто о взаимномъ общеніи умовъ, о тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ въ колыбели, окружаютъ его среди дѣтскихъ игръ и передаются ему съ ласкою матери, которыя въ видѣ различныхъ чувствъ проникаютъ до мозга его костей вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и создаютъ его нравственное существо еще раньше, чѣмъ онъ вступаетъ въ свѣтъ и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это—идеи долга, справедливости, права, порядка. Онѣ родились изъ самыхъ событій, образовавшихъ тамъ общество, онѣ входятъ необходимымъ элементомъ въ соціальный укладъ этихъ странъ.

Это и составляетъ атмосферу Запада; это—больше, нежели исторія, больше, чѣмъ психологія: это—физіологія европейскаго человѣка. Чѣмъ вы замѣните это у насъ? Не знаю, можно ли изъ сказаннаго сейчасъ вывести что-нибудь вполнѣ безусловное и извлечь отсюда какой-либо непреложный принципъ; но нельзя не видѣть, что такое странное положеніе народа, мысль котораго не примыкаетъ ни къ какому ряду идей, постепенно развившихся въ обществѣ и медленно выраставшихъ одна изъ другой, и участіе котораго въ общемъ поступательномъ движеніи человѣческаго разума ограничивалось лишь слѣпымъ, поверхностнымъ и часто неискуснымъ подражаніемъ другимъ націямъ, должно могущественно вліять на духъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ этомъ народѣ.

Вслѣдствіе этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ извѣстной увѣренности, умственной методичности, логики. Западный силлогизмъ намъ незнакомъ. Наши лучшіе умы страдаютъ чѣмъ-то большимъ, нежели простая неосновательность. Лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки. Человѣку свойственно теряться, когда онъ не находитъ способа привести себя въ связь съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, и съ тѣмъ, что за нимъ слѣдуетъ. Онъ лишается тогда всякой твердости, всякой увѣренности. Не руководимый чувствомъ непре-

рывности. онъ видитъ себя заблудившимся въ мірѣ. Такіе растерянные люди встрѣчаются во всѣхъ странахъ; у насъ же это общая черта. Это вовсе не то легкомысліе, въ которомъ когда-то упрекали французовъ и которое въ сущности представляло собою не что иное, какъ способность легко усваивать вещи, не исключавшую ни глубины, ни широты ума, и вносившую въ обращеніе необыкновенную прелесть и изящество; это—безпечность жизни, лишенной опыта и предвидѣнія, не принимающей въ разсчетъ ничего, кромѣ мимолетнаго существованія особи, оторванной отъ рода, жизни, не дорожащей ни честью, ни успѣхами какой-либо системы идей и интересовъ, ни даже тѣмъ родовымъ наслѣдіемъ и тѣми безчисленными предписаніями и перспективами, которыя въ условіяхъ быта, основаннаго на памяти прошлаго и предусмотрѣніи будущаго, составляютъ и общественную, и частную жизнь. Въ нашихъ головахъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго; все въ нихъ индивидуально и все шатко и неполно. Мнѣ кажется даже, что въ нашемъ взглядѣ есть какая-то странная неопредѣленность, что-то холодное и неувѣренное, напоминающее отчасти физіономію тѣхъ народовъ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Въ чужихъ странахъ, особенно на югѣ, гдѣ физіономіи такъ выразительны и такъ оживленны, не разъ, сравнивая лица моихъ соотечественниковъ съ лицами туземцевъ, я поражался этой нѣмотой нашихъ лицъ.

Иностранцы ставятъ намъ въ достоинство своего рода безшабашную отвагу, встрѣчаемую особенно въ низшихъ слояхъ народа; но имѣя возможность наблюдать лишь отдѣльныя проявленія національнаго характера, они не въ состояніи судить о цѣломъ. Они не видятъ, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываемъ такъ отважны, дѣлаетъ насъ всегда неспособными къ углубленію и настойчивости; они не видятъ, что этому равнодушію къ житейскимъ опасностямъ соотвѣтствуетъ въ насъ такое же полное равнодушіе къ добру и злу, къ истинѣ и ко лжи, и что именно это лишаетъ насъ всѣхъ могущественныхъ стимуловъ, которые толкаютъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что именно благодаря этой безпечной отвагѣ даже высшіе классы у насъ, къ прискорбію, несвободны отъ тѣхъ пороковъ, которые въ другихъ странахъ свойственны лишь самымъ низшимъ слоямъ общества; они не видятъ, наконецъ, что если намъ присущи кое-какія доброде-

тели молодыхъ и малоразвитыхъ народовъ, мы не обладаемъ зато ни однимъ изъ достоинствъ, отличающихъ народы зрѣлые и высоко культурные.

Я не хочу сказать, конечно, что у насъ одни пороки, а у европейскихъ народовъ однѣ добродѣтели; избави Богъ! Но я говорю, что для правильнаго сужденія о народахъ слѣдуетъ изучать общій духъ, составляющій ихъ жизненное начало, ибо только онъ, а не та или иная черта ихъ характера, можетъ вывести ихъ на путь нравственнаго совершенства и безконечнаго развитія.

Народныя массы подчинены извѣстнымъ силамъ, стоящимъ вверху общества. Онѣ не думаютъ сами; среди нихъ есть извѣстное число мыслителей, которые думаютъ за нихъ, сообщаютъ импульсъ коллективному разуму народа и двигаютъ его впередъ. Между тѣмъ какъ небольшая группа людей мыслитъ, остальные чувствуютъ, и въ итогѣ совершается общее движеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отупѣлыхъ племенъ, сохранившихъ лишь внѣшній обликъ человѣка, сказанное справедливо въ отношеніи всѣхъ народовъ, населяющихъ землю. Первобытные народы Европы—кельты, скандинавы, германцы—имѣли своихъ друидовъ, скальдовъ и бардовъ, которые были по-своему сильными мыслителями. Взгляните на племена Сѣверной Америки, которыя такъ усердно старается истребить матеріальная культура Соединенныхъ Штатовъ: среди нихъ встрѣчаются люди удивительной глубины.

И вотъ я спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслилъ за насъ, кто теперь за насъ мыслитъ? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разсудокъ, и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земного шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ Провидѣніемъ. Больше того: оно какъ бы совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ своего благодѣтельнаго дѣйствія на человѣческій разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ; поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ, можно было бы сказать,

что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы исказили. Съ первой минуты нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на безплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды; мы не дали себѣ труда ничего выдумать сами, а изъ того, что выдумали другіе, мы перенимали только обманчивую внѣшность и безполезную роскошь.

Странное дѣло: даже въ мірѣ науки, обнимающемъ все, наша исторія ни къ чему не примыкаетъ, ничего не уясняетъ, ничего не доказываетъ. Если бы дикія орды, возмутившія міръ, не прошли по странѣ, въ которой мы живемъ, прежде чѣмъ устремиться на Западъ, намъ едва ли была бы отведена страница во всемірной исторіи. Если бы мы не раскинулись отъ Берингова пролива до Одера, насъ и не замѣтили бы. Нѣкогда великій человѣкъ захотѣлъ просвѣтить насъ, и для того, чтобы пріохотить насъ къ образованію, онъ кинулъ намъ плащъ цивилизаціи; мы подняли плащъ, но не дотронулись до просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь, пріобщая насъ къ своему славному предназначенію, провелъ насъ побѣдоносно съ одного конца Европы на другой; вернувшись изъ этого тріумфальнаго шествія чрезъ просвѣщеннѣйшія страны міра, мы принесли съ собою лишь идеи и стремленія, плодомъ которыхъ было громадное несчастіе, отбросившее насъ на полвѣка назадъ. Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. И въ общемъ мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустотѣ и обособленности нашего соціальнаго существованія. Разумѣется, въ этомъ повиненъ отчасти неисповѣдимый рокъ, но, какъ и во всемъ, что совершается въ нравственномъ мірѣ, здѣсь виноватъ отчасти и самъ человѣкъ. Обратимся еще разъ къ исторіи: она—ключъ къ пониманію народовъ.

Что мы дѣлали о ту пору, когда въ борьбѣ энергическаго

варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслью христіанства складывалась храмина современной цивилизаціи? Повинуясь нашей злой судьбѣ, мы обратились къ жалкой, глубоко презираемой этими народами Византіи за тѣмъ нравственнымъ уставомъ, который долженъ былъ лечь въ основу нашего воспитанія. Волею одного честолюбца *) эта семья народовъ только что была отторгнута отъ всемірнаго братства, и мы восприняли, слѣдовательно, идею, искаженную человѣческою страстью. Въ Европѣ все одушевлялъ тогда животворный принципъ единства. Все исходило изъ него и все сводилось къ нему. Все умственное движеніе той эпохи было направлено на объединеніе человѣческаго мышленія; всѣ побужденія коренились въ той властной потребности отыскать всемірную идею, которая является геніемъ-вдохновителемъ новаго времени. Непричастные этому чудотворному началу, мы сдѣлались жертвою завоеванія. Когда же мы свергли чужеземные иго, и только наша оторванность отъ общей семьи мѣшала намъ воспользоваться идеями, возникшими за это время у нашихъ западныхъ братьевъ,—мы подпали еще болѣе жестокому рабству, освященному, притомъ, фактомъ нашего освобожденія.

Сколько яркихъ лучей уже озаряло тогда Европу, на видъ окутанную мракомъ! Бо́льшая часть знаній, которыми теперь гордится человѣкъ, уже были предугаданы отдѣльными умами; характеръ общества уже опредѣлился, а, пріобщившись къ міру языческой древности, христіанскіе народы обрѣли и тѣ формы прекраснаго, которыхъ имъ еще недоставало. Мы же замкнулись въ нашемъ религіозномъ обособленіи, и ничто изъ происходившаго въ Европѣ не достигало до насъ. Намъ не было никакого дѣла до великой міровой работы. Высокія качества, которыя религія принесла въ даръ новымъ народамъ и которыя въ глазахъ здраваго разума настолько же возвышаютъ ихъ надъ древними народами, насколько послѣдніе стояли выше готтентотовъ и лапландцевъ; эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческій умъ; эти нравы, которые, вслѣдствіе подчиненія безоружной власти, сдѣлались столь же мягкими, какъ раньше были грубы, — все это насъ совершенно миновало. Въ то время, какъ христіанскій міръ величественно шествовалъ по пути, предначертанному его божественнымъ основа-

*) Фотія.

телемъ, увлекая за собою поколѣнія,—мы, хотя и носили имя христіанъ, не двигались съ мѣста. Весь міръ перестраивался заново, а у насъ ничего не созидалось; мы попрежнему прозябали, забившись въ свои лачуги, сложенныя изъ бревенъ и соломы. Словомъ, новыя судьбы человѣческаго рода совершались помимо насъ. Хотя мы и назывались христіанами, плодъ христіанства для насъ не созрѣвалъ.

Спрашиваю васъ, не наивно ли предполагать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ у насъ, что этотъ прогрессъ европейскихъ народовъ, совершившійся столь медленно и подъ прямымъ и очевиднымъ воздѣйствіемъ единой нравственной силы, мы можемъ усвоить сразу, не давъ себѣ даже труда узнать, какимъ образомъ онъ осуществлялся?

Совершенно не понимаетъ христіанства тотъ, кто не видитъ, что въ немъ есть чисто историческая сторона, которая является однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ догмата и которая заключаетъ въ себѣ, можно сказать, всю философію христіанства, такъ какъ показываетъ, что́ оно дало людямъ и что дастъ имъ въ будущемъ. Съ этой точки зрѣнія христіанская религія является не только нравственной системою, заключенной въ преходящія формы человѣческаго ума, но вѣчной божественной силой, дѣйствующей универсально въ духовномъ мірѣ и чье явственное обнаруженіе должно служить намъ постояннымъ урокомъ. Именно таковъ подлинный смыслъ догмата о вѣрѣ въ единую Церковь, включеннаго въ символъ вѣры. Въ христіанскомъ мірѣ все необходимо должно способствовать—и дѣйствительно способствуетъ—установленію совершеннаго строя на землѣ; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Онъ пребудетъ въ Церкви своей до скончанія вѣка. Тогда новый строй,—царство Божіе,—который долженъ явиться плодомъ искупленія, ничѣмъ не отличался бы отъ стараго строя,—отъ царства зла,—который искупленіемъ долженъ быть уничтоженъ, и намъ опять-таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенствѣ, которую лелѣютъ философы и которую опровергаетъ каждая страница исторіи,—пустая игра ума, способная удовлетворять только матеріальныя потребности человѣка и поднимающая его на извѣстную высоту лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ низвергнуть въ еще болѣе глубокія бездны.

Однако, скажете вы, развѣ мы не христіане? и развѣ немыслима иная цивилизація, кромѣ европейской?—Безъ сомнѣ-

нія, мы христіане; но не христіане ли и абиссинцы? Конечно, возможна и образованность отличная отъ европейской; развѣ Японія не образована, притомъ, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже въ большей степени, чѣмъ Россія? Но неужто вы думаете, что тотъ порядокъ вещей, о которомъ я только-что говорилъ, и который является конечнымъ предназначеніемъ человѣчества, можетъ быть осуществленъ абиссинскимъ христіанствомъ и японской культурой? Неужто вы думаете, что небо сведутъ на землю эти нелѣпыя уклоненія отъ божескихъ и человѣческихъ истинъ?

Въ христіанствѣ надо различать двѣ совершенно разныя вещи: его дѣйствіе на отдѣльнаго человѣка и его вліяніе на всеобщій разумъ. То и другое естественно сливается въ высшемъ разумѣ и неизбѣжно ведетъ къ одной и той же цѣли. Но срокъ, въ который осуществляются вѣчныя предначертанія божественной мудрости, не можетъ быть охваченъ нашимъ ограниченнымъ взглядомъ. И потому мы должны отличать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ какое-нибудь опредѣленное время въ человѣческой жизни, отъ того, которое совершается въ безконечности. Въ тотъ день, когда окончательно исполнится дѣло искупленія, всѣ сердца и умы сольются въ одно чувство, въ одну мысль, и тогда падутъ всѣ стѣны, разъединяющія народы и исповѣданія. Но теперь каждому важно знать, какое мѣсто отведено ему въ общемъ призваніи христіанъ, т. е. какія средствъ онъ можетъ найти въ самомъ себѣ и вокругъ себя, чтобы содѣйствовать достиженію цѣли, поставленной всему человѣчеству.

Отсюда необходимо возникаетъ особый кругъ идей, въ которомъ и вращаются умы того общества, гдѣ эта цѣль должна осуществиться, т. е. гдѣ идея, которую Богъ открылъ людямъ, должна созрѣть и достигнуть всей своей полноты. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера въ свою очередь естественно обусловливаютъ опредѣленный строй жизни и опредѣленное міровоззрѣніе, которые, не будучи тождественными для всѣхъ, тѣмъ не менѣе создаютъ у насъ, какъ и у всѣхъ не европейскихъ народовъ, одинаковый бытовой укладъ, являющійся плодомъ той огромной 18-вѣковой духовной работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ интересы, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы шли впередъ въ вѣкахъ рука объ

руку; и какъ бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой,—они безпрестанно сходятся на одномъ и томъ же пути. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ родственно развитіе этихъ народовъ, нѣтъ надобности изучать исторію; прочтите только Тасса, и вы увидите ихъ всѣ простертыми ницъ у подножья Іерусалимскихъ стѣнъ. Вспомните, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ у нихъ былъ одинъ языкъ для обращенія къ Богу, одна духовная власть и одно убѣжденіе. Подумайте, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, они въ однихъ и тѣхъ словахъ возносили свой голосъ къ верховному существу, прославляя его за величайшее изъ его благодѣяній. Дивное созвучіе, въ тысячу кратъ болѣе величественное, чѣмъ всѣ гармоніи физическаго міра! Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы и въ которой въ одной человѣческій родъ можетъ исполнить свое конечное предназначеніе, есть результатъ вліянія религіи, и если, съ другой стороны, слабость нашей вѣры или несовершенство нашихъ догматовъ до сихъ поръ держали насъ въ сторонѣ отъ этого общаго движенія, гдѣ развилась и формулировалась соціальная идея христіанства, и низвели насъ въ сонмъ народовъ, коимъ суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всѣми плодами христіанства, то ясно, что намъ слѣдуетъ прежде всего оживить свою вѣру всѣми возможными способами и дать себѣ истинно-христіанскій импульсъ, такъ какъ на Западѣ все создано христіанствомъ. Вотъ что я подразумѣвалъ, говоря, что мы должны отъ начала повторить на себѣ все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новѣйшаго общества совершается на почвѣ мнѣній; такимъ образомъ, она представляетъ собою настоящее воспитаніе. Утвержденное изначала на этой основѣ, общество шло впередъ лишь силою мысли. Интересы всегда слѣдовали тамъ за идеями, а не предшествовали имъ; убѣжденія никогда не возникали тамъ изъ интересовъ, а всегда интересы рождались изъ убѣжденій. Всѣ политическія революціи были тамъ въ сущности духовными революціями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояніе. Этимъ объясняется характеръ современнаго общества и его цивилизаціи; иначе его совершенно нельзя было бы понять.

Религіозныя гоненія, мученичество за вѣру, проповѣдь христіанства, ереси, соборы—вотъ событія, наполняющія первые вѣ-

ка. Все движеніе этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано съ этими первыми, младенческими усиліями новаго мышленія. Слѣдующая затѣмъ эпоха занята образованіемъ іерархіи, централизаціей духовной власти и непрерывнымъ распространеніемъ христіанства среди сѣверныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ высочайшій подъемъ религіознаго чувства и упроченіе религіозной власти. Философское и литературное развитіе ума и улучшеніе нравовъ подъ державой религіи довершаютъ эту исторію новыхъ народовъ, которую съ такимъ же правомъ можно назвать священной, какъ и исторію древняго избраннаго народа. Наконецъ, новый религіозный поворотъ, новый размахъ, сообщенный религіей человѣческому духу, опредѣлилъ и теперешній укладъ общества. Такимъ образомъ, главный и, можно сказать, единственный интересъ новыхъ народовъ всегда заключался въ идеѣ. Всѣ положительные, матеріальные, личные интересы поглощались ею.

Я знаю—вмѣсто того, чтобы восхищаться этимъ дивнымъ порывомъ человѣческой природы къ возможному для нея совершенству, въ немъ видѣли только фанатизмъ и суевѣріе; но что бы ни говорили о немъ, судите сами, какой глубокій слѣдъ въ характерѣ этихъ народовъ должно было оставить такое соціальное развитіе, всецѣло вытекавшее изъ одного чувства, безразлично—въ добрѣ и во злѣ. Пусть поверхностная философія вопіетъ, сколько хочетъ, по поводу религіозныхъ войнъ и костровъ, зажженныхъ нетерпимостью,—мы можемъ только завидовать долѣ народовъ, создавшихъ себѣ въ борьбѣ мнѣній, въ кровавыхъ битвахъ за дѣло истины, цѣлый міръ идей, котораго мы даже представить себѣ не можемъ, не говоря уже о томъ, чтобы перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ объ этомъ мечтаютъ.

Еще разъ говорю: конечно, не все въ европейскихъ странахъ проникнуто разумомъ, добродѣтель и религіей,—далекко нѣтъ. Но все въ нихъ таинственно повинуется той силѣ, которая властно царитъ тамъ уже столько вѣковъ, все порождено той долгой послѣдовательностью фактовъ и идей, которая обусловила современное состояніе общества. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ это. Народъ, физіономія котораго всего рѣзче выражена и учрежденія всего болѣе проникнуты духомъ новаго времени,—англичане,—собственно говоря, не имѣютъ иной исторіи, кромѣ религіозной. Ихъ послѣдняя революція, которой они

обязаны своей свободою и своимъ благосостояніемъ, такъ же какъ и весь рядъ событій, приведшихъ къ этой революціи, начиная съ эпохи Генриха VIII, — не что иное, какъ фазисъ религіознаго развитія. Во всю эту эпоху интересъ собственно-политическій является лишь второстепеннымъ двигателемъ и временами исчезаетъ вовсе или приносится въ жертву идеѣ. И въ ту минуту, когда я пишу эти строки *), все тотъ же религіозный интересъ волнуетъ эту избранную страну. Да и вообще, какой изъ европейскихъ народовъ не нашелъ бы въ своемъ національномъ сознаніи, если бы далъ себѣ трудъ разобраться въ немъ, того особеннаго элемента, который въ формѣ религіозной мысли неизмѣнно являлся животворнымъ началомъ, душою его соціальнаго тѣла, на всемъ протяженіи его бытія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на духъ человѣка. Огромная задача, которую оно призвано исполнить, можетъ быть осуществлена лишь путемъ безчисленныхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ комбинацій, гдѣ должна найти себѣ полный просторъ безусловная свобода человѣческаго духа. Отсюда ясно, что все совершившееся съ перваго дня нашей эры, или, вѣрнѣе, съ той минуты, когда Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *Идите по міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари,* — включая и всѣ нападки на христіанство, — безъ остатка покрывается этой общей идеей его вліянія. Стоитъ лишь обратить вниманіе на то, какъ власть Христа непреложно осуществляется во всѣхъ сердцахъ, — съ сознаніемъ или безсознательно, по доброй волѣ или принужденію, — чтобы убѣдиться въ исполненіи его пророчествъ. Поэтому, несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущія европейскому міру въ его современной формѣ, нельзя отрицать, что царство Божіе до извѣстной степени осуществлено въ немъ, ибо онъ содержитъ въ себѣ начало безконечнаго развитія и обладаетъ въ зародышахъ и элементахъ всѣмъ, что необходимо для его окончательнаго водворенія на землѣ.

Прежде чѣмъ закончить эти размышленія о роли, которую играла религія въ исторіи общества, я хочу привести здѣсь то, что говорилъ объ этомъ когда-то въ сочиненіи, вамъ неизвѣстномъ.

---

*) 1829.

Несомнѣнно, писалъ я, что пока мы не научимся узнавать дѣйствіе христіанства повсюду, гдѣ человѣческая мысль какимъ бы то ни было образомъ соприкасается съ нимъ, хотя бы съ цѣлью ему противоборствовать,—мы не имѣемъ о немъ яснаго понятія. Едва произнесено имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей, что бы они ни дѣлали. Ничто не обнаруживаетъ такъ ясно божественнаго происхожденія христіанской религіи, какъ эта ея безусловная универсальность, сказывающаяся въ томъ, что она проникаетъ въ души всевозможными путями, овладѣваетъ умомъ безъ его вѣдома, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, всего болѣе ей противится, подчиняетъ его себѣ и властвуетъ надъ нимъ, внося при этомъ въ сознаніе истины, которыхъ такъ раньше не было, пробуждая ощущенія въ сердцахъ, дотолѣ имъ чуждыя, и внушая намъ чувства, которыя безъ нашего вѣдома вводятъ насъ въ общій строй. Такъ опредѣляетъ она роль каждой личности въ общей работѣ и заставляетъ все содѣйствовать одной цѣли. При такомъ пониманіи христіанства всякое пророчество Христа получаетъ характеръ осязательной истины. Тогда начинаешь ясно различать движеніе всѣхъ рычаговъ, которые его всемогущая десница пускаетъ въ ходъ, дабы привести человѣка къ его конечной цѣли, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной изъ его природныхъ способностей, а наоборотъ, удесятеряя ихъ силу и доводя до безмѣрнаго напряженія ту долю мощи, которая заложена въ немъ самомъ. Тогда видишь, что ни одинъ нравственный элементъ не остается бездѣйственнымъ въ новомъ строѣ, что самыя энергичныя усилія ума, какъ и горячій порывъ чувства, героизмъ твердаго духа, какъ и покорность кроткой души—все находитъ въ немъ мѣсто и примѣненіе. Доступная всякому разумному существу, сочетаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, о чемъ бы оно ни билось, христіанская идея все увлекаетъ за собою, и самыя препятствія, встрѣчаемыя ею, помогаютъ ей расти и крѣпнуть. Съ геніемъ она поднимается на высоту, недосягаемую для остальныхъ людей; съ робкимъ духомъ она движется ощупью и идетъ впередъ мѣрнымъ шагомъ; въ созерцательномъ умѣ она безусловна и глубока; въ душѣ, подвластной воображенію, она воздушна и богата образами; въ нѣжномъ и любящемъ сердцѣ она разрѣшается въ милосердіе и любовь;—и каждое сознаніе, отдавшееся ей, она властно ведетъ впередъ, наполняя его жаромъ, ясностью и силой. Взгляните, какъ раз-

нообразны характеры, какъ множественны силы, приводимыя ею въ движеніе, какіе несходные элементы служатъ одной и той же цѣли, сколько разнообразныхъ сердецъ бьется для одной идеи! Но еще болѣе удивительно вліяніе христіанства на общество въ цѣломъ. Разверните вполнѣ картину эволюціи новаго общества, и вы увидите, какъ христіанство претворяетъ всѣ интересы людей въ свои собственные, замѣняя всюду матеріальную потребность потребностью нравственной и возбуждая въ области мысли тѣ великіе споры, какихъ до него не знало ни одно время, ни одно общество, тѣ страшныя столкновенія мнѣній, когда вся жизнь народовъ превращалась въ одну великую идею, одно безграничное чувство; вы увидите, какъ все становится имъ, и только имъ,—частная жизнь и общественная, семья и родина, наука и поэзія, разумъ и воображеніе, воспоминанія и надежды, радости и печали. Счастливы тѣ, кто носитъ въ сердцѣ своемъ ясное сознаніе части, ими творимой въ этомъ великомъ движеніи, которое сообщилъ міру самъ Богъ. Но не всѣ суть дѣятельныя орудія, не всѣ трудятся сознательно; необходимыя массы движутся слѣпо, не зная силъ, которыя приводятъ ихъ движенія, и не провидя цѣли, къ которой они влекутся,—бездушные атомы, косныя громады.

Но пора вернуться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ трудно оторваться отъ этихъ широкихъ перспективъ. Въ картинѣ, открывающейся моимъ глазамъ съ этой высоты,—все мое утѣшеніе, и сладкая вѣра въ будущее счастье человѣчества одна служитъ мнѣ убѣжищемъ, когда, удрученный жалкой дѣйствительностью, которая меня окружаетъ, я чувствую потребность подышать болѣе чистымъ воздухомъ, взглянуть на болѣе ясное небо. Однако я не думаю, что злоупотребилъ вашимъ временемъ. Мнѣ надо было показать вамъ ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на христіанскій міръ и на нашу роль въ немъ. То, что я говорилъ о нашей странѣ, должно было показаться вамъ исполненнымъ горечи; между тѣмъ я высказалъ одну только правду, и даже не всю. Притомъ, христіанское сознаніе не терпитъ никакой слѣпоты, а національный предразсудокъ является худшимъ видомъ ея, такъ какъ онъ всего болѣе разъединяетъ людей.

Мое письмо растянулось, и, думаю, намъ обоимъ нуженъ отдыхъ. Начиная его, я полагалъ, что сумѣю въ немногихъ словахъ изложить то, чтó хотѣлъ вамъ сказать; но, вдумываясь

глубже, я вижу, что объ этомъ можно написать цѣлый томъ. По сердцу ли это вамъ? Буду ждать вашего отвѣта. Но, во всякомъ случаѣ, вы не можете избѣгнуть еще одного письма отъ меня, потому что мы едва лишь приступили къ разсмотрѣнію нашей темы. А пока я былъ бы чрезвычайно признателенъ вамъ, если бы вы соблаговолили пространностью этого перваго письма извинить то, что я такъ долго заставилъ васъ ждать его. Я сѣлъ писать вамъ въ тотъ же день, когда получилъ ваше письмо; но грустныя и тягостныя заботы поглотили меня тогда всецѣло, и мнѣ надо было избавиться отъ нихъ, прежде чѣмъ начать съ вами разговоръ о столь важныхъ предметахъ; затѣмъ нужно было переписать мое маранье, которое было совершенно неразборчиво. На этотъ разъ вамъ не придется долго ждать: завтра же снова берусь за перо.

Некрополь, 1-го декабря 1829 г.]

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

[Можно спросить, какимъ образомъ среди столькихъ потрясеній, гражданскихъ войнъ, заговоровъ, преступленій и безумій — въ Италіи, а потомъ и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ находилось столько людей, трудившихся на поприщѣ полезныхъ или пріятныхъ искусствъ; въ странахъ, подвластныхъ туркамъ, мы этого не видимъ.

Вольтеръ, *Опытъ о нравахъ*.]

[Сударыня,

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ вы видѣли, какъ важно правильно понять развитіе мысли на протяженіи вѣковъ; но вы должны были найти въ нихъ еще и другую мысль: разъ проникшись этой основной идеей, что въ человѣческомъ духѣ нѣтъ никакой иной истины, кромѣ той, которую своей рукою вложилъ въ него Богъ, когда извлекалъ его изъ небытія,—уже невозможно разсматривать движеніе вѣковъ такъ, какъ это дѣлаетъ обиходная исторія. Тогда становится ясно, что не только нѣкое провидѣніе или нѣкій совершенно мудрый разумъ руководитъ ходомъ явленій, но и что онъ оказываетъ прямое и непрерывное

дѣйствіе на духъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ: если только допустить, что разумъ твари, чтобы придти въ движеніе, долженъ былъ первоначально получить толчокъ, исходившій не изъ его собственной природы, что его первыя идеи и первыя знанія не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ чудесными внушеніями высшаго разума, то не слѣдуетъ ли отсюда, что эта сформировавшая его сила должна была и на всемъ протяженіи его развитія оказывать на него то самое дѣйствіе, которое она произвела въ ту минуту, когда сообщила ему его первое движеніе?

Такое представленіе объ исторической жизни разумнаго существа и его прогрессѣ должно было, впрочемъ, стать для васъ совершенно привычнымъ, если вы вполнѣ усвоили себѣ тѣ идеи, относительно которыхъ мы съ вами предварительно условились. Вы видѣли, что чисто-метафизическое разсужденіе безусловно доказываетъ непрерывность внѣшняго воздѣйствія на человѣческій духъ. Но въ этомъ случаѣ даже не было надобности прибѣгать къ метафизикѣ; выводъ неоспоримъ самъ по себѣ, отвергнуть его—значитъ отвергнуть тѣ посылки, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Но если подумать о характерѣ этого постояннаго воздѣйствія божественнаго разума въ нравственномъ мірѣ, то нельзя не замѣтить, что оно не только должно быть, какъ мы сейчасъ видѣли, сходно съ его начальнымъ импульсомъ, но и должно осуществляться такимъ образомъ, чтобы человѣческій разумъ оставался совершенно свободнымъ и могъ развивать всю свою дѣятельность. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что существовалъ народъ, въ нѣдрахъ котораго традиція первыхъ внушеній Бога сохранялась чище, чѣмъ среди прочихъ людей, и что отъ времени до времени появлялись люди, въ которыхъ какъ бы возобновлялся первичный фактъ нравственнаго бытія. Устраните этотъ народъ, устраните этихъ избранныхъ людей,—и вы должны будете признать, что у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи всемірной исторіи и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ божественная мысль раскрывалась одинаково полно и одинаково жизненно,—а это значило бы, конечно, отрицать всякую индивидуальность и всякую свободу въ духовной сферѣ, иными словами—отрицать данное. Очевидно, что индивидуальность и свобода существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ разность умовъ, нравственныхъ силъ и познаній. А приписывая лишь немногимъ лицамъ, одному народу, нѣсколькимъ отдѣльнымъ интеллектамъ, спеціально предназначеннымъ

быть хранителями этого клада, чрезвычайную степень покорности начальнымъ внушеніямъ или особенно широкую воспріимчивость по отношенію къ той истинѣ, которая первоначально была внѣдрена въ человѣческій духъ, мы утверждаемъ лишь моральный фактъ, совершенно аналогичный тому, который постоянно совершается на нашихъ глазахъ, именно, что одни народы и личности владѣютъ извѣстными познаніями, которыхъ другіе народы и лица лишены.

Въ остальной части человѣческаго рода эти великія преданія также сохранялись болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ, смотря по положенію каждаго народа, и человѣкъ всюду могъ идти впередъ по предначертанной ему дорогѣ лишь при свѣтѣ этихъ могучихъ истинъ, рожденныхъ въ его мозгу не его собственнымъ, а инымъ разумомъ; но источникъ свѣта былъ одинъ на землѣ. Правда, этотъ свѣтильникъ не сіялъ подобно человѣческимъ знаніямъ; онъ не распространялъ далеко вокругъ себя обманчиваго блеска; сосредоточенный въ одномъ пунктѣ, вмѣстѣ и лучезарный, и незримый, какъ всѣ великія таинства міра, пламенный, но скрытый, какъ пламя жизни онъ все освѣщалъ, этотъ неизреченный свѣтъ, и все тянулось къ этому общему центру, между тѣмъ какъ съ виду все блистало собственнымъ сіяніемъ и стремилось къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ *). Но когда наступилъ моментъ великой катастрофы въ духовномъ мірѣ, всѣ пустыя силы, созданныя человѣкомъ, мгновенно исчезли, и среди всеобщаго пожара уцѣлѣла одна только скинія вѣчной истины. Только такъ можетъ быть понято религіозное единство исторіи, и только съ такой точки зрѣнія эта концепція возвышается до настоящей исторической философіи, въ которой разумное существо является подчиненнымъ общему закону наравнѣ со всѣмъ остальнымъ твореніемъ. Я очень желалъ бы, сударыня, чтобы вы освоились съ этой отвлеченной и глубокой точкой зрѣнія на историческія явленія; ничто не расширяетъ нашу мысль и не очищаетъ нашу душу въ большей степени, нежели это созерцаніе божественной воли, властвующей въ вѣкахъ и ведущей человѣческій родъ къ его конечнымъ цѣлямъ.

*) Безполезно пытаться точно опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ земли находился этотъ источникъ свѣта; но то достовѣрно, что преданія всѣхъ народовъ міра единогласно признаютъ родиной первыхъ человѣческихъ познаній однѣ и тѣ же страны.

Но постараемся прежде всего составить себѣ философію исторіи, способную пролить на всю безпредѣльную область человѣческихъ воспоминаній свѣтъ, который долженъ быть для насъ какъ бы зарею грядущаго дня. Это подготовительное изученіе исторіи будетъ для насъ тѣмъ полезнѣе, что оно само по себѣ можетъ представить полную систему, которою мы въ крайнемъ случаѣ смогли бы удовольствоваться, если бы что-нибудь роковымъ образомъ затормозило нашъ дальнѣйшій прогрессъ. Впрочемъ, не забывайте, пожалуйста, что я сообщаю вамъ эти размышленія не съ высоты каѳедры, и что эти письма являются лишь продолженіемъ нашихъ прерванныхъ бесѣдъ, тѣхъ бесѣдъ, которыя доставили мнѣ столько пріятныхъ минутъ и которыя, повторяю, были для меня настоящимъ утѣшеніемъ въ тѣ дни, когда я крайне нуждался въ немъ. Поэтому не ждите отъ меня въ этотъ разъ большей поучительности, чѣмъ обыкновенно, и не откажите сами, какъ всегда, возмѣщать собственной догадкой все, что окажется неполнымъ въ этомъ очеркѣ.

Безъ сомнѣнія, вы уже замѣтили, что современное направленіе человѣческаго духа побуждаетъ его облекать всѣ виды познанія въ историческую форму. Вдумываясь въ философскія основы исторической мысли, нельзя не признать, что она призвана теперь подняться на несравненно большую высоту, нежели на какой она держалась до сихъ поръ; можно сказать, что умъ чувствуетъ себя теперь привольно лишь въ сферѣ исторіи, что онъ старается ежеминутно опереться на прошлое и лишь настолько дорожитъ вновь возникающими въ немъ силами, насколько способенъ уразумѣть ихъ сквозь призму своихъ воспоминаній, пониманія пройденнаго пути, знанія тѣхъ факторовъ, которые руководили его движеніемъ въ вѣкахъ. Это направленіе, принятое наукою, разумѣется, чрезвычайно благотворно. Пора сознать, что человѣческій разумъ не ограниченъ той силой, которую онъ черпаетъ въ узкомъ настоящемъ,—что въ немъ есть и другая сила, которая, сочетая въ одну мысль и времена протекшія, и времена обѣтованныя, образуетъ его подлинную сущность и возноситъ его въ истинную сферу его дѣятельности.

Но не кажется ли вамъ, сударыня, что повѣствовательная исторія по необходимости неполна, такъ какъ она при всякихъ условіяхъ можетъ заключать въ себѣ лишь то, что удерживается въ памяти людей, а послѣдняя удерживаетъ не все

происходящее? Итакъ, очевидно, что нынѣшняя историческая точка зрѣнія не можетъ удовлетворять разума. Несмотря на полезныя работы критики, несмотря на помощь, которую въ послѣднее время старались оказать ей естественныя науки, она, какъ видите, не сумѣла достигнуть ни единства, ни той высокой нравственной поучительности, какая неизбѣжно вытекала бы изъ яснаго представленія о всеобщемъ законѣ, управляющемъ смѣною эпохъ. Къ этой великой цѣли всегда стремился человѣческій духъ, углубляясь въ смыслъ минувшаго; но та поверхностная ученость, которая пріобрѣтается столь разнообразными способами историческаго анализа, эти уроки банальной философіи, эти примѣры всевозможныхъ добродѣтелей,—какъ будто добродѣтель способна выставлять себя напоказъ на шумномъ торжищѣ свѣта,—эта пошлая поучительность исторіи, никогда не создавшая ни одного честнаго человѣка, но многихъ сдѣлавшая злодѣями и безумцами и лишь подстрекающая затягивать въ безконечныхъ повтореніяхъ жалкую комедію міра,—все это отвлекло разумъ отъ тѣхъ истинныхъ поученій, которыя ему предназначено черпать изъ человѣческаго преданія. Пока духъ христіанства господствовалъ въ наукѣ, глубокая, хотя и плохо формулированная мысль распространяла на эту отрасль знанія долю того священнаго вдохновенія, которымъ она сама была порождена; но въ ту эпоху историческая критика была еще такъ несовершенна, столько фактовъ, особенно изъ исторіи первобытныхъ временъ, сохранялись памятью человѣчества въ столь искаженномъ видѣ, что весь свѣтъ религіи не могъ разсѣять этой глубокой тьмы, и историческое изученіе, хотя и озаряемое высшимъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе подвигалось ощупью. Теперь раціональный способъ изученія историческихъ данныхъ привелъ бы къ несравненно болѣе плодотворнымъ результатамъ. Разумъ вѣка требуетъ совершенно новой философіи исторіи,—философіи, которая такъ же мало походила бы на господствующую теперь, какъ точныя изысканія современной астрономіи непохожи на элементарныя гномоническія наблюденія Гиппарха и другихъ древнихъ астрономовъ. Надо лишь замѣтить, что никогда не будетъ достаточно фактовъ, чтобы доказать все, и что уже во времена Моисея и Геродота ихъ было больше, чѣмъ нужно, чтобы дать возможность все предчувствовать. Поэтому, сколько бы ни накоплять ихъ, они никогда не приведутъ къ полной достовѣрности, которую можетъ дать намъ лишь

способъ ихъ группировки, пониманія и распредѣленія; совершенно такъ, какъ, напримѣръ, опытъ вѣковъ, научившій Кеплера законамъ движенія небесныхъ свѣтилъ, самъ по себѣ былъ не въ силахъ разоблачить предъ нимъ общій законъ природы, и для этого открытія потребовалось, какъ извѣстно, нѣкое сверхъестественное озареніе благочестивой мысли.

И прежде всего, къ чему эти сопоставленія вѣковъ и народовъ, которыя нагромождаетъ тщеславная ученость? Какой смыслъ имѣютъ эти родословныя языковъ, народовъ и идей? Вѣдь слѣпая или упрямая философія всегда сумѣетъ отдѣлаться отъ нихъ своимъ старымъ доводомъ о всеобщемъ однообразіи человѣческой природы и объяснить дивное сплетеніе временъ своей любимой теоріей о естественномъ развитіи человѣческаго духа, не обнаруживающемъ будто бы никакихъ признаковъ вмѣшательства Божьяго промысла и осуществляемомъ единственно собственной динамической силой его природы. Человѣческій духъ для нея, какъ извѣстно,—снѣжный комъ, который, катаясь, увеличивается. Впрочемъ, она видитъ всюду или естественный прогрессъ и совершенствованіе, присущія, по ея мнѣнію, самой природѣ человѣка, или безпричинное и безсмысленное движеніе. Смотря по свойству ума разныхъ своихъ представителей,—мраченъ ли онъ и безнадеженъ, или полонъ надеждъ и вѣры въ воздаяніе,—эта философія то видитъ въ человѣкѣ лишь мошку, безсмысленно суетящуюся на солнцѣ, то — существо, поднимающееся все выше въ силу своей выспренней природы; но всегда она видитъ предъ собою только человѣка и ничего болѣе. Она добровольно обрекла себя на невѣжество и, воображая, что знаетъ физическій міръ, на самомъ дѣлѣ познаетъ изъ него лишь то, что онъ открываетъ праздному любопытству ума и чувствамъ. Потоки свѣта, непрерывно изливаемые этимъ міромъ, не достигаютъ ея, и когда, наконецъ, она рѣшается признать въ ходѣ вещей планъ, намѣреніе и разумъ, подчинить имъ человѣческій умъ и принять всѣ вытекающія отсюда послѣдствія относительно всеобщаго нравственнаго міропорядка,—это оказывается для нея невозможнымъ. Итакъ, ни отыскивать связь временъ, ни вѣчно работать надъ фактическимъ матеріаломъ—ни къ чему не ведетъ. Надо стремиться къ тому, чтобы уяснить нравственный смыслъ великихъ историческихъ эпохъ; надо стараться точно опредѣлить черты каждаго вѣка по законамъ практическаго разума.

Къ тому же, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы увидимъ, что историческій матеріалъ почти весь исчерпанъ, что народы разсказали почти всѣ свои преданія и что если отдаленныя эпохи еще могутъ быть когда-нибудь лучше освѣщены (но во всякомъ случаѣ не той критикой, которая умѣетъ только рыться въ древнемъ прахѣ народовъ, а какими-нибудь чисто логическими пріемами), то—что касается фактовъ въ собственномъ смыслѣ слова—они уже всѣ извлечены; наконецъ, что исторіи въ наше время больше нечего дѣлать, какъ размышлять.

Разъ мы признаемъ это, исторія естественно должна войти въ общую систему философіи и сдѣлаться ея составной частью. Многое тогда, разумѣется, отдѣлилось бы отъ нея и было бы предоставлено романистамъ и поэтамъ. Но еще больше оказалось бы въ ней такого, что поднялось бы изъ скрывающаго его доселѣ тумана, чтобы занять первенствующее мѣсто въ новой системѣ. Эти вещи получали бы характеръ истины уже не только отъ хроники: отнынѣ печать достовѣрности налагалась бы нравственнымъ разумомъ, подобно тому, какъ аксіомы естественной философіи, хотя открываются опытомъ и наблюденіемъ, но только геометрическимъ разумомъ сводятся въ формулы и уравненія. Такова, напримѣръ, та, на нашъ взглядъ, еще столь мало понятая эпоха (и притомъ не по недостатку данныхъ и памятниковъ, но по недостатку идей), въ которой сходятся всѣ времена, въ которой все оканчивается и все начинается, о которой безъ преувеличенія можно сказать, что все прошлое рода человѣческаго сливается въ ней съ его будущимъ: я говорю о первыхъ моментахъ христіанской эры. Наступитъ время, я не сомнѣваюсь въ этомъ, когда историческое мышленіе болѣе не въ силахъ будетъ оторваться отъ этого внушительнаго зрѣлища крушенія всѣхъ древнихъ величій человѣка и зарожденія всѣхъ его грядущихъ величій. Таковъ и долгій періодъ, смѣнившій и продолжавшій эту эпоху обновленія человѣческаго существа,—періодъ, о которомъ философскій предразсудокъ и фанатизмъ еще недавно создавали такое невѣрное представленіе, между тѣмъ какъ здѣсь въ густомъ мракѣ скрывались столь яркіе свѣточи и столько разнообразныхъ силъ сохранялось и поддерживалось среди кажущейся неподвижности умовъ,—періодъ, который начали понимать лишь съ тѣхъ поръ, какъ историческія изслѣдованія приняли свое новое направленіе.

Затѣмъ выйдутъ изъ окутывающей ихъ тьмы нѣкоторыя гигантскія фигуры, затерянныя теперь въ толпѣ историческихъ лицъ, между тѣмъ какъ многія прославленныя имена, которымъ люди слишкомъ долго расточали нелѣпое или преступное поклоненіе, навсегда погрузятся въ забвеніе. Таковы будутъ, между прочимъ, новыя судьбы нѣкоторыхъ библейскихъ лицъ, не понятыхъ или презрѣнныхъ человѣческимъ разумомъ, и нѣкоторыхъ языческихъ мудрецовъ, окруженныхъ большей славой, чѣмъ какую они заслуживаютъ, напримѣръ, *Моисея* и *Сократа*, *Давида* и *Марка-Аврелія*. Тогда разъ навсегда поймутъ, что Моисей указалъ людямъ истиннаго Бога, между тѣмъ какъ Сократъ завѣщалъ имъ лишь малодушное сомнѣніе, что Давидъ— совершенный образецъ самаго возвышеннаго героизма, между тѣмъ какъ Маркъ-Аврелій—въ сущности только любопытный примѣръ искусственнаго величія и тщеславной добродѣтели. Точно такъ же о Катонѣ, раздирающемъ свои внутренности, тогда будутъ вспоминать лишь для того, чтобы оцѣнить по достоинству философію, внушавшую такія неистовыя добродѣтели, и жалкое величіе, которое создавалъ себѣ человѣкъ. Въ ряду славныхъ именъ язычества имя Эпикура, я думаю, будетъ очищено отъ тяготѣющаго на немъ предразсудка, и память о немъ возбудитъ новый интересъ. Точно такъ же и другія громкія имена постигнетъ новая судьба. Имя Стагирита, напримѣръ, будетъ произноситься не иначе, какъ съ извѣстнымъ омерзѣніемъ, имя Магомета—съ глубокимъ почтеніемъ. На перваго будутъ смотрѣть, какъ на ангела тьмы, въ теченіе многихъ вѣковъ подавлявшаго всѣ силы добра въ людяхъ; въ послѣднемъ же будутъ видѣть благодѣтельное существо, одного изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способствовали выполненію плана, предначертаннаго божественной мудростью для спасенія рода человѣческаго. Наконецъ,—сказать ли?—своего рода безчестіе покроетъ, можетъ быть, великое имя Гомера. Приговоръ Платона надъ этимъ развратителемъ людей, подсказанный ему его религіознымъ инстинктомъ, будутъ признавать уже не одной изъ его фантастическихъ выходокъ, а доказательствомъ его удивительной способности предвосхищать будущія мысли человѣчества. Долженъ наступить день, когда имя преступнаго обольстителя, столь ужаснымъ образомъ способствовавшаго развращенію человѣческой природы, будетъ вспоминаться не иначе, какъ съ краской стыда; когда-нибудь люди должны будутъ съ горестью

раскаяться въ томъ, что они такъ усердно воскуряли ѳиміамъ этому потворщику ихъ гнуснѣйшихъ страстей, который, чтобы понравиться имъ, осквернилъ священную истину преданія и наполнилъ ихъ сердце грязью. Всѣ эти идеи, до сихъ поръ едва затрогивавшія человѣческую мысль или, въ лучшемъ случаѣ, безжизненно покоившіяся въ глубинѣ нѣсколькихъ независимыхъ умовъ, навсегда займутъ теперь свое мѣсто въ нравственномъ чувствѣ человѣческаго рода и станутъ аксіомами здраваго смысла.

Но одинъ изъ самыхъ важныхъ уроковъ исторіи, понимаемой въ этомъ смыслѣ, состоялъ бы въ томъ, чтобы отвести въ воспоминаніяхъ человѣческаго ума соотвѣтствующія мѣста народамъ, сошедшимъ съ міровой сцены, и наполнить сознаніе существующихъ народовъ предчувствіемъ судебъ, которыя они призваны осуществить. Всякій народъ, отчетливо уяснивъ себѣ различныя эпохи своей прошлой жизни, постигъ бы также свое настоящее существованіе во всей его правдѣ и могъ бы до извѣстной степени предугадать поприще, которое ему назначено пройти въ будущемъ. Такимъ образомъ у всѣхъ народовъ явилось бы истинное національное сознаніе, которое слагалось бы изъ нѣсколькихъ положительныхъ идей, изъ очевидныхъ истинъ, основанныхъ на воспоминаніяхъ, и изъ глубокихъ убѣжденій, болѣе или менѣе господствующихъ надъ всѣми умами и толкающихъ ихъ всѣ къ одной и той же цѣли. Тогда національности, освободившись отъ своихъ заблужденій и пристрастій, уже не будутъ, какъ до сихъ поръ, служить лишь къ разъединенію людей, а станутъ сочетаться однѣ съ другими такимъ образомъ, чтобы произвести гармоническій всемірный результатъ, и мы увидѣли бы, можетъ быть, народы, протягивающіе другъ другу руку въ правильномъ сознаніи общаго интереса человѣчества, который былъ бы тогда не чѣмъ инымъ, какъ вѣрно понятымъ интересомъ каждаго отдѣльнаго народа.

Я знаю, что наши мудрецы ожидаютъ этого сліянія умовъ отъ философіи и успѣховъ просвѣщенія вообще; но если мы размыслимъ, что народы, хотя они и сложныя существа, являются на дѣлѣ такими же нравственными существами, какъ отдѣльные люди, и что, слѣдовательно, одинъ и тотъ же законъ управляетъ умственной жизнью тѣхъ и другихъ, то, мнѣ кажется, мы придемъ къ заключенію, что дѣятельность вели-

кихъ человѣческихъ семействъ необходимо зависитъ отъ того личнаго чувства, въ силу котораго они сознаютъ себя обособленными отъ остальнoго рода человѣческаго, имѣющими свое самостоятельное существованіе и свой индивидуальный интересъ; что это чувство есть необходимый элементъ всемірнаго сознанія и составляетъ, такъ сказать, личное *я* коллективнаго человѣческаго существа; что поэтому въ своихъ надеждахъ на будущее благоденствіе и на безграничное совершенствованіе мы точно такъ же не въ правѣ выдѣлять эти большія человѣческія индивидуальности, какъ и тѣ меньшія, изъ которыхъ первыя состоятъ, и что надо, слѣдовательно, всѣ ихъ принимать безусловно, какъ принципы и средства, заранѣе данныя для достиженія болѣе совершеннаго состоянія.

Итакъ, космополитическое будущее, обѣщаемое намъ философіей,—не болѣе какъ химера. Надо заняться сначала выработкой домашней нравственности народовъ, отличной отъ ихъ политической нравственности; надо, чтобы народы сперва научились знать и цѣнить другъ друга совершенно такъ же, какъ отдѣльныя личности, чтобы они знали свои пороки и свои добродѣтели, чтобы они научились раскаиваться въ содѣянныхъ ими ошибкахъ, исправлять сдѣланное ими зло, не уклоняться со стези добра, которою они идутъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, первыя условія истиннаго совершенствованія какъ индивидовъ, такъ равно и массъ. Лишь вникая въ свою протекшую жизнь, тѣ и другія научатся выполнять свое назначеніе; лишь въ ясномъ пониманіи своего прошлаго почерпнутъ они силу воздѣйствовать на свое будущее.

Вы видите, что при такомъ взглядѣ на дѣло историческая критика не сводилась бы только къ удовлетворенію суетнаго любопытства, но сдѣлалась бы высочайшимъ изъ трибуналовъ. Она свершила бы неумолимый судъ надъ красою и гордостью всѣхъ вѣковъ; она тщательно провѣрила бы всѣ репутаціи, всякую славу; она покончила бы со всѣми историческими предразсудками и ложными авторитетами; она направила бы всѣ свои силы на уничтоженіе лживыхъ образовъ, загромождающихъ человѣческую память, для того чтобы разумъ, увидѣвъ прошлое въ его истинномъ свѣтѣ, могъ вывести изъ него нѣкоторыя достовѣрныя заключенія относительно настоящаго и съ твердой надеждою устремить свой взоръ въ безконечныя пространства, открывающіяся передъ нимъ.

Я думаю, что одна огромная слава, слава Греціи, померкла бы тогда почти совсѣмъ; я думаю, что наступитъ день, когда нравственная мысль не иначе, какъ со священной печалью, будетъ останавливаться передъ этой страной обольщенья и ошибокъ, откуда геній обмана такъ долго распространялъ по всей остальной землѣ соблазнъ и ложь; тогда будетъ уже невозможно, чтобы чистая душа какого-нибудь Фенелона съ нѣгою упивалась сладострастными вымыслами, порожденными ужаснѣйшей испорченностью, въ какую когда-либо впадало человѣческое существо, и могучіе умы *) больше не дадутъ себя увлечь чувственнымъ внушеніямъ Платона. Напротивъ, старыя, почти забытыя мысли религіозныхъ умовъ, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ глубокихъ мыслителей, настоящихъ героевъ мысли, которые на зарѣ новаго общества одной рукой начертывали предстоящій ему путь, между тѣмъ какъ другой боролись съ издыхающимъ чудовищемъ многобожія, дивныя наитія тѣхъ мудрецовъ, которымъ Богъ довѣрилъ храненіе первыхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ присутствіи творенія,— найдутъ тогда столь же удивительное, какъ и неожиданное примѣненіе. И такъ какъ, вѣроятно, въ странныхъ видѣніяхъ будущаго, которыхъ были удостоены нѣкоторые избранные умы, увидятъ тогда главнымъ образомъ выраженіе глубокаго сознанія безусловной связи между эпохами, то поймутъ, что на дѣлѣ эти предсказанія не относятся ни къ какой опредѣленной эпохѣ, но являются указаніями, безразлично касающимися всѣхъ временъ; мало того, увидятъ, что достаточно, такъ сказать, взглянуть вокругъ себя, чтобы замѣтить, что они безпрестанно осуществляются въ послѣдовательныхъ фазисахъ общества, какъ ежедневное ослѣпительное проявленіе вѣчнаго закона, управляющаго нравственнымъ міромъ; такъ что факты, о которыхъ говорятъ пророчества, будутъ для насъ тогда столь же ощутительными, какъ и самые факты увлекающихъ насъ событій **).

Наконецъ, вотъ самый важный урокъ, который, по нашему

---

*) Какъ Шлейермахеръ, Шеллингъ, Кузенъ и др.

**) Тогда, напримѣръ, люди уже не будутъ искать великій Вавилонъ въ томъ или другомъ земномъ государствѣ, какъ это дѣлали еще недавно, но почувствуютъ, что сами живутъ среди грохота его разрушенія, т. е. они поймутъ, что вдохновенный историкъ будущихъ вѣковъ, разсказавшій намъ это ужасающее паденіе, имѣлъ въ виду не крушеніе одной какой-либо державы, но крушеніе матеріальнаго общества вообще, того общества, какое мы видимъ.

мнѣнію, преподала бы намъ исторія, такимъ образомъ понятая; и въ нашей системѣ этотъ урокъ, уясняя намъ мировую жизнь разумнаго существа, которое одно даетъ ключъ къ рѣшенію человѣческой загадки, резюмируетъ всю философію исторіи. Вмѣсто того, чтобы тѣшиться безсмысленной системой механическаго совершенствованія нашей природы, системой, такъ явно опровергнутой опытомъ всѣхъ вѣковъ, мы узнали бы, что, предоставленный самому себѣ, человѣкъ всегда шелъ, напротивъ, лишь по пути безпредѣльнаго паденія, и что если время отъ времени у всѣхъ народовъ бывали эпохи прогресса, моменты просвѣтленія въ міровой жизни человѣка, высокіе порывы человѣческаго разума, дивныя усилія человѣческой природы—чего нельзя отрицать,—то, съ другой стороны, ничто не свидѣтельствуетъ о постоянномъ и непрерывномъ поступательномъ движеніи общества въ цѣломъ, и что на самомъ дѣлѣ лишь въ томъ обществѣ, котораго мы члены, обществѣ, не созданномъ руками человѣческими, можно замѣтить истинное восходящее движеніе, дѣйствительный принципъ непрерывнаго развитія и прочности. Мы безъ сомнѣнія восприняли то, что умъ древнихъ открылъ раньше насъ, мы воспользовались этимъ знаніемъ и сомкнули такимъ образомъ звенья великой цѣпи временъ, порванной варварствомъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что народы пришли бы къ тому состоянію, въ которомъ они находятся нынѣ, когда бы не великое историческое явленіе, стоящее совершенно въ сторонѣ отъ всего предшествующаго, внѣ всякой естественной преемственности человѣческихъ идей въ обществѣ и всякаго необходимаго сцѣпленія вещей,—явленіе, которое отдѣляетъ древній міръ отъ новаго.

Если тогда, сударыня, взоръ мудраго человѣка обратится къ прошлому, міръ, какимъ онъ былъ въ моментъ, когда сверхъестественная сила сообщила ему новое направленіе, предстанетъ его воображенію въ своемъ истинномъ свѣтѣ — развратный, лживый, обагренный кровью. Онъ признаетъ тогда, что тотъ самый прогрессъ народовъ и поколѣній, которымъ онъ такъ восхищался, въ дѣйствительности лишь привелъ ихъ къ несравненно большему огрубѣнію, чѣмъ то, въ какомъ находятся племена, которыя мы называемъ дикими; и—что̀ особенно ясно свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ цивилизацій древняго міра,—онъ безъ сомнѣнія убѣдится, что въ нихъ не было никакого элемента прочности, долговѣчности. Глубокая

мудрость Египта, чарующая прелесть Іоніи, суровыя добродѣтели Рима, ослѣпительный блескъ Александріи, что сталось съ вами? спроситъ онъ себя. Блестящія цивилизаціи, древностью равныя міру, взлелѣянныя всѣми силами земли, пріобщенныя ко всякой славѣ, ко всѣмъ величіямъ и всѣмъ земнымъ владычествамъ, связанныя, наконецъ, съ обширнѣйшей властью, когда-либо тяготѣвшей надъ міромъ *), со всемірной имперіей, — какимъ образомъ могли вы обратиться въ прахъ? Къ чему же вела вся эта вѣковая работа, всѣ эти гордыя усилія разумной природы, если новые народы, явившіеся Богъ вѣсть откуда и не принимавшіе въ нихъ никакого участія, должны были современемъ разрушить все это, ниспровергнуть великолѣпное зданіе и провести плугъ по его развалинамъ? Такъ для того созидалъ человѣкъ, чтобы увидѣть когда-нибудь все твореніе рукъ своихъ обращеннымъ въ прахъ? для того онъ накопилъ такъ много, чтобы все потерять въ одинъ день? для того поднялся такъ высоко, чтобы еще ниже упасть?

Но не заблуждайтесь, сударыня: не варвары разрушили древній міръ. Это былъ истлѣвшій трупъ; они лишь развѣяли его прахъ по вѣтру. Развѣ эти самые варвары не нападали и раньше на древнія общества, не будучи однако въ силахъ хотя бы только поколебать ихъ? Но истина въ томъ, что жизненный принципъ, поддерживавшій дотолѣ человѣческое общество, истощился; что матеріальный, или, если хотите, реальный интересъ, которымъ однимъ до тѣхъ поръ опредѣлялось соціальное движеніе, такъ сказать, выполнилъ свою задачу, завершилъ предварительное образованіе рода человѣческаго; что человѣческій духъ, какъ бы онъ ни стремился выйти изъ своей земной среды, можетъ лишь изрѣдка подниматься въ высшія сферы, гдѣ пребываетъ истинный принципъ общественнаго бытія, и что, слѣдовательно, онъ не въ состояніи придать обществу его окончательную форму.

Мы слишкомъ долго привыкли видѣть въ мірѣ только отдѣльныя государства; вотъ почему огромное превосходство новаго общества надъ древнимъ еще не оцѣнено надлежащимъ образомъ. Упускали изъ виду, что въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ это общество составляло настоящую федеральную систему, которая была расторгнута только реформаціей; что до этого прискорбнаго событія народы Европы смотрѣли на себя не иначе,

*) Александръ, Селевкиды, Маркъ-Аврелій, Юліанъ, Лагиды и т. д.

какъ на части единаго соціальнаго тѣла, раздѣленнаго въ географическомъ отношеніи на нѣсколько государствъ, но въ духовномъ отношеніи составляющаго одно цѣлое; что долгое время у нихъ не было другого публичнаго права, кромѣ предписаній церкви; что войны въ то время считались междоусобіями; что, наконецъ, весь этотъ міръ былъ одушевленъ однимъ исключительнымъ интересомъ, движимъ однимъ стремленіемъ. Исторія среднихъ вѣковъ—въ буквальномъ смыслѣ слова—исторія одного народа,—народа христіанскаго. Главное содержаніе ея составляетъ развитіе нравственной идеи; чисто политическія событія занимаютъ въ ней лишь второстепенное мѣсто; и это въ особенности доказывается какъ разъ тѣми войнами изъ-за идеи, къ которымъ питала такое отвращеніе философія прошлаго вѣка. Вольтеръ справедливо замѣчаетъ, что только у христіанъ мнѣнія бывали причиною войнъ; но не надо было останавливаться здѣсь, надо было добраться до причины этого исключительнаго явленія. Ясно, что царство мысли могло водвориться въ мірѣ не иначе, какъ путемъ сообщенія самому элементу мысли всей его реальности. И если теперь положеніе вещей съ виду измѣнилось, то это является результатомъ раскола, который, нарушивъ единство мысли, уничтожилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство соціальное; но сущность вещей безъ всякаго сомнѣнія остается той же, что и прежде, и Европа все еще тожественна съ христіанствомъ, что бы она ни дѣлала и что бы ни говорила. Конечно, она не вернется больше къ тому состоянію, въ которомъ находилась въ эпоху своей юности и роста, но нельзя также сомнѣваться, что наступитъ день, когда границы, раздѣляющія христіанскіе народы, снова изгладятся, и первоначальный принципъ новаго общества еще разъ проявится въ новой формѣ и съ большей силой, чѣмъ когда бы то ни было. Для христіанина это предметъ вѣры; ему такъ же не позволено сомнѣваться въ этомъ будущемъ, какъ и въ томъ прошломъ, на которомъ основаны его вѣрованія; но для всякаго серьезнаго ума это вещь *доказанная*. И даже, кто знаетъ, не ближе ли этотъ день, чѣмъ можно было бы думать? Какая-то огромная религіозная работа совершается теперь въ умахъ; въ ходѣ науки, этой верховной владычицы нашего вѣка, замѣчается какое-то поворотное движеніе; души настроены торжественно и сосредоточенно; какъ знать, не предвѣстники ли это какихъ-нибудь великихъ соціальныхъ явленій, долженствующихъ вызвать

въ разумной природѣ нѣкое всеобщее движеніе, которое замѣнитъ достовѣрными доводами здраваго смысла то, что теперь— только чаянія вѣры? Слава Богу, реформація не все разрушила; слава Богу, общество было уже вполнѣ построено для вѣчной жизни, когда бичъ поразилъ христіанскій міръ.

Итакъ, истинный характеръ новаго общества надо изучать не въ той или другой отдѣльной странѣ, но во всемъ этомъ громадномъ обществѣ, составляющемъ европейскую семью; въ немъ находится истинный элементъ устойчивости и прогресса, отличающій новый міръ отъ міра древняго; въ немъ всѣ великіе свѣточи исторіи. Такъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ перевороты, которые постигли новое общество, оно не только ничуть не утратило своей жизненности, но что съ каждымъ днемъ его мощь возрастаетъ, съ каждымъ днемъ въ немъ рождаются новыя силы. Такъ, мы видимъ, что арабы, татары и турки не только не могли его уничтожить, но, напротивъ, лишь способствовали его укрѣпленію. Надо замѣтить, что первые два народа напали на Европу до изобрѣтенія пороха, что, слѣдовательно, вовсе не огнестрѣльное оружіе спасло ее отъ гибели, и что нашествію одного изъ нихъ въ то же самое время подверглись оба уцѣлѣвшія до сихъ поръ государства древняго міра *).

*) Изъ зрѣлища, представляемаго Индіей и Китаемъ, можно почерпнуть важныя назиданія. Благодаря этимъ странамъ, мы являемся современниками міра, отъ котораго вокругъ насъ остался только прахъ; на ихъ судьбѣ мы можемъ узнать, что сталось бы съ человѣчествомъ безъ того новаго толчка, который былъ данъ ему всемогущей рукою въ другомъ мѣстѣ.

Замѣтьте, что Китай съ незапамятныхъ временъ обладалъ тремя великими орудіями, которыя, какъ говорятъ, всего болѣе ускорили у насъ прогрессъ человѣческаго ума: компасомъ, книгопечатаніемъ и порохомъ. Между тѣмъ, къ чему они послужили ему? Совершили ли китайцы кругосвѣтное путешествіе? открыли ли они новую часть свѣта? обладаютъ ли они болѣе обширной литературой, чѣмъ какою обладали мы до изобрѣтенія книгопечатанія? Въ пагубномъ искусствѣ убивать были ли у нихъ, какъ у насъ, свои Фридрихи и Бонапарты? Что касается Индостана, то жалкая доля, на которую обрекли его сначала татарское, потомъ англійское завоеванія, ясно обнаруживаетъ, какъ мнѣ кажется, то безсиліе и ту мертвенность, какія присущи всякому обществу, не основанному на истинѣ, непосредственно исходящей отъ высшаго разума. Я лично думаю, что такое необыкновенное уничиженіе народа, являющагося носителемъ древнѣйшаго естественнаго просвѣщенія и зачатковъ всѣхъ человѣческихъ знаній, заключаетъ въ себѣ сверхъ того еще какой-то особый урокъ. Не въ правѣ ли мы видѣть здѣсь приложеніе къ коллективному уму народовъ того закона, дѣйствіе котораго

Паденіе Римской имперіи обыкновенно приписываютъ порчѣ нравовъ и проистекшему отсюда деспотизму. Но этотъ міровой переворотъ касался не одного Рима: не Римъ погибъ тогда, но вся цивилизація. Египетъ временъ фараоновъ, Греція эпохи Перикла, второй Египетъ Лагидовъ и вся Греція Александра, простиравшаяся дальше Инда, наконецъ самый іудаизмъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ эллинизировался,—всѣ они смѣшались въ римской массѣ и слились въ одно общество, которое представляло собою всѣ предшествовавшія поколѣнія отъ самаго начала вещей, и которое заключало въ себѣ всѣ нравственныя и умственныя силы, развившіяся до тѣхъ поръ въ человѣческой природѣ. Такимъ образомъ, не одна имперія пала тогда, но все человѣческое общество уничтожилось и снова возродилось въ этотъ день. Теперь, когда Европа какъ бы охватила собою земной шаръ, когда новый свѣтъ, поднявшійся изъ океана, пересозданъ ею, когда всѣ остальныя человѣческія племена до такой степени подчинились ей, что существуютъ лишь какъ бы съ ея соизволенія,—не трудно понять, что̀ происходило на землѣ въ то время, когда рушилось старое зданіе и на его мѣстѣ чудеснымъ образомъ воздвигалось новое: здѣсь получалъ новый законъ, новую организацію духовный элементъ природы. Матеріалы древняго міра конечно пошли въ дѣло при созиданіи новаго общества, такъ какъ высшій разумъ не можетъ уничтожать твореніе собственныхъ рукъ, и матеріальная основа нравственнаго порядка необходимо должна была остаться той же; другіе же человѣческіе матеріалы, совсѣмъ новые, изъ залежи, нетронутой древней цивилизаціей, были доставлены Провидѣніемъ. Мощный и сосредоточенный умъ сѣверныхъ народовъ сочетался съ пылкимъ

мы ежедневно наблюдаемъ на отдѣльныхъ лицахъ, именно, что умъ, по какой бы то ни было причинѣ ничего не заимствовавшій изъ массы распространенныхъ среди человѣчества идей и не подчинившійся дѣйствію общаго закона, но обособившійся отъ человѣческой семьи и совершенно замкнувшійся въ самомъ себѣ, неизбѣжно приходитъ тѣмъ въ большій упадокъ, чѣмъ своевольнѣе была его собственная дѣятельность? Въ самомъ дѣлѣ, была ли когда-либо какая другая нація доведена до такого жалкаго состоянія, чтобы стать добычей не другого народа, но нѣсколькихъ торговцевъ, которые въ своей родной странѣ сами являются подданными, здѣсь же неограниченными властителями? Притомъ, помимо этого неслыханнаго уничиженія индусовъ, явившагося слѣдствіемъ ихъ покоренія, самый упадокъ индусскаго общества начался, какъ извѣстно, гораздо раньше. Его литература и философія и самый языкъ, на которомъ онѣ изложены, относятся къ давно уже исчезнувшему порядку вещей.

духомъ Юга и Востока; казалось, всѣ разлитыя по землѣ духовныя силы проявились и соединились въ этотъ день, чтобы дать жизнь поколѣніямъ идей, элементы которыхъ были до тѣхъ поръ погребены въ самыхъ таинственныхъ глубинахъ человѣческаго сердца. Но ни планъ зданія, ни цементъ, скрѣпившій эти разнородные матеріалы, не были дѣломъ рукъ человѣческихъ: *все сдѣлала* идея истины. Вотъ что необходимо понять, и вотъ тотъ величайшей важности фактъ, котораго чисто историческое мышленіе, даже пользуясь всѣми орудіями человѣческой мысли, извѣстными нашей эпохѣ, никогда не въ состояніи будетъ выяснить настолько, чтобы удовлетворить умъ. Вотъ та ось, вокругъ которой вращается вся историческая сфера, и чѣмъ вполнѣ объясняется весь фактъ воспитанія человѣческаго рода. Конечно, уже одно величіе событія и его тѣсная, необходимая связь со всѣмъ, что ему предшествовало и за нимъ слѣдовало, сами по себѣ ставятъ его внѣ обычнаго теченія человѣческихъ дѣлъ, которыя никогда не бываютъ свободны отъ извѣстнаго произвола, отъ нѣкоторой прихотливости; но непосредственное воздѣйствіе этого событія на умъ человѣческій, новыя силы, которыми оно его сразу обогатило, новыя потребности, которыя оно сразу вызвало въ немъ, и въ особенности это чудесное уравненіе умовъ, совершонное тѣмъ, благодаря кому человѣкъ сталъ во всякомъ положеніи *жаждать истины и быть способнымъ къ ея познаванію*,—вотъ что налагаетъ на этотъ историческій моментъ поразительную печать Промысла и высшаго разума.

И вотъ взгляните: какъ часто человѣческая мысль ни возвращалась съ тѣхъ поръ къ вещамъ, которыя болѣе не существуютъ, не могутъ и не должны существовать,—въ основѣ она всегда крѣпко держалась за этотъ моментъ. Взгляните: развѣ сознаніе верховнаго разума не вошло цѣликомъ въ новый нравственный порядокъ, и развѣ эта часть міроваго ума, увлекающая за собой остальную его массу, не возникла въ самомъ дѣлѣ въ первый день нашей эры? Не знаю, можетъ быть, черта, отдѣляющая насъ отъ древняго міра, видна не всѣмъ взорамъ, но она, конечно, ощутительна для всякаго ума, наученнаго нравственнымъ чувствомъ сколько-нибудь понимать то, что раздѣляетъ элементы разумной природы, и то, что ихъ соединяетъ. Повѣрьте мнѣ, наступитъ время, когда своего рода возвратъ къ язычеству, происшедшій въ пятнадцатомъ вѣкѣ и очень неправильно названный возрожденіемъ наукъ, будетъ возбуждать

въ новыхъ народахъ лишь такое воспоминаніе, какое сохраняетъ человѣкъ, вернувшійся на путь добра, о какомъ-нибудь сумасбродномъ и преступномъ увлеченіи своей юности.

Замѣтьте притомъ, что, благодаря особаго рода оптическому обману, древность представляется намъ въ видѣ безконечнаго ряда вѣковъ, между тѣмъ какъ новый періодъ кажется начавшимся чуть ли не со вчерашняго дня. На самомъ же дѣлѣ исторія древняго міра, считая хотя бы отъ водворенія Пелазговъ въ Греціи, охватываетъ періодъ времени, не болѣе какъ на одно столѣтіе превышающій продолжительность нашей эры, а собственно историческій періодъ и того короче. И вотъ за такой-то короткій промежутокъ времени сколько государствъ погибло въ древнемъ мірѣ, между тѣмъ какъ въ исторіи новыхъ народовъ вы видите лишь всевозможныя перемѣщенія географическихъ границъ, самое же общество и отдѣльные народы *остаются нетронутыми!* Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что такіе факты, какъ изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, истребленіе американскихъ племенъ и уничтоженіе власти татаръ въ Россіи, только подтверждаютъ наше разсужденіе. Точно также и паденіе оттоманской имперіи, напримѣръ, отголоски котораго уже долетаютъ до нашего слуха, снова представитъ зрѣлище одной изъ тѣхъ страшныхъ катастрофъ, которыя христіанскимъ народамъ никогда не суждено испытать; затѣмъ наступитъ чередъ другихъ нехристіанскихъ народовъ, живущихъ у самыхъ отдаленныхъ предѣловъ нашей системы. Таковъ кругъ всемогущаго дѣйствія истины: отталкивая однѣ народности, другія принимая въ свою окружность, онъ безпрестанно расширяется, приближая насъ къ возвѣщеннымъ временамъ.

Надо сознаться, удивительно равнодушіе, съ которымъ долго относились къ новѣйшей цивилизаціи. Вы видите, однако, что понять ее правильно, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить весь соціальный вопросъ. Вотъ почему философія исторіи въ самыхъ широкихъ и самыхъ общихъ своихъ разсужденіяхъ волей-неволей принуждена возвращаться къ этой цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не содержитъ ли она въ себѣ плодъ всѣхъ истекшихъ вѣковъ, и грядущіе вѣка будутъ ли чѣмъ инымъ, какъ плодомъ этой цивилизаціи? Дѣло въ томъ, что нравственное существо всецѣло создано временемъ, и время же должно завершить выработку его. Никогда масса распространенныхъ въ мірѣ идей не была такъ сконцентрирована, какъ въ современномъ

обществѣ; никогда за все время существованія человѣка вся дѣятельность его природы не была до такой степени поглощена одной идеей, какъ въ наши дни. Прежде всего, мы безусловно унаслѣдовали все, что когда-либо было сказано или сдѣлано людьми; далѣе, нѣтъ ни одного мѣста, куда бы не простиралось вліяніе нашихъ идей; наконецъ, во всемъ мірѣ существуетъ теперь лишь одна умственная власть; такимъ образомъ всѣ основные вопросы нравственной философіи по необходимости заключены въ единомъ вопросѣ о новѣйшей цивилизаціи. Но люди думаютъ, что разъ они произнесли свои громкія слова о способности человѣка къ совершенствованію, о прогрессѣ человѣческаго ума,—этимъ все сказано, все объяснено: какъ будто человѣкъ искони неустанно шелъ впередъ, никогда не останавливаясь, никогда не возвращаясь вспять, какъ будто въ ходѣ развитія разумной природы никогда не было ни задержекъ, ни отступленій, а всегда только совершенствованіе и прогрессъ. Если бы дѣло обстояло такъ, то почему народы, о которыхъ я вамъ только-что говорилъ, остаются неподвижными съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ знаемъ? Почему азіатскія націи впали въ косность? Чтобы достигнуть состоянія, въ которомъ онѣ находятся теперь, имъ вѣдь надо было въ свое время, подобно намъ, искать, изобрѣтать, открывать. Почему же, дойдя до извѣстной ступени, онѣ на ней остановились и съ тѣхъ поръ не могли придумать ничего новаго? *). Отвѣтъ простой: дѣло въ томъ, что прогрессъ человѣческой природы вовсе не безграниченъ, какъ это обыкновенно воображаютъ; для него существуетъ предѣлъ, за который онъ никогда не переходитъ. Вотъ почему цивилизаціи древняго міра не всегда шли впередъ; вотъ почему Египетъ со времени посѣщенія его Геродотомъ вплоть до эпохи греческаго владычества не сдѣлалъ больше никакихъ успѣховъ; вотъ почему прекрасный и блестящій римскій міръ, сосредоточившій въ себѣ всю образованность, какая существовала тогда на пространствѣ отъ столбовъ Геркулеса до береговъ Ганга, въ моментъ, когда новая идея озарила человѣческій умъ, пришелъ въ то состояніе неподвижности, которымъ неизбѣжно завершается всякій чисто-человѣческій прогрессъ. Стоитъ только, отбросивъ классическія суевѣрія, поразмыслить объ этомъ

*) Когда говорятъ о какой-нибудь культурной націи, что она находится въ застоѣ, то надо прибавить, съ какихъ поръ она пришла въ это состояніе, иначе эта фраза совсѣмъ не имѣетъ смысла.

моментѣ, столь богатомъ послѣдствіями,—и станетъ ясно, что кромѣ отличавшей эту эпоху крайней развращенности нравовъ, кромѣ утраты всякаго понятія о добродѣтели, свободѣ, любви къ родинѣ, кромѣ настоящаго упадка въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго знанія, здѣсь наблюдался также полнѣйшій застой во всѣхъ остальныхъ, и умы дошли до такого состоянія, что могли вращаться только въ опредѣленномъ тѣсномъ кругу, за предѣлами котораго они неизбѣжно впадали въ тупую безпорядочность. Дѣло въ томъ, что какъ только матеріальный интересъ удовлетворенъ, человѣкъ больше не прогрессируетъ: хорошо еще, если онъ не идетъ назадъ! Не будемъ заблуждаться: въ Греціи, какъ и въ Индостанѣ, въ Римѣ, какъ и въ Японіи, вся умственная работа, какой бы силы ни достигала она въ прошломъ и въ настоящемъ, всегда вела и теперь ведетъ лишь къ одной и той же цѣли; поэзія, философія, искусство, все это, какъ прежде, такъ и теперь, всегда преслѣдуетъ тамъ только удовлетвореніе физическаго существа. Все, что есть самаго возвышеннаго въ ученіяхъ и умственныхъ привычкахъ Востока, не только не противорѣчитъ этому общему факту, но, напротивъ, подтверждаетъ его, такъ какъ кто же не видитъ, что безпорядочный разгулъ мысли, который мы тамъ встрѣчаемъ, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ иллюзіями и самообольщеніемъ матеріальнаго существа въ человѣкѣ? Не надо думать однако, что этотъ земной интересъ, являющійся исконнымъ двигателемъ всей человѣческой дѣятельности, ограничивается одними чувственными вожделѣніями; онъ просто выражаетъ общую потребность въ благополучіи, которая проявляется всевозможными способами и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ зависимости отъ большей или меньшей степени развитія общества и отъ разныхъ мѣстныхъ причинъ, но никогда не подымается до уровня чисто духовныхъ потребностей. Только христіанское общество по-истинѣ одушевлено духовными интересами, и именно этимъ обусловлена способность новыхъ народовъ къ совершенствованію, именно здѣсь вся тайна ихъ культуры. Какъ бы ни проявлялся у нихъ тотъ другой интересъ, вы видите, что онъ всегда подчиненъ этой могучей силѣ, которая овладѣваетъ всѣми способностями души, заставляетъ служить себѣ всѣ силы разума и чувства и направляетъ все въ человѣкѣ на выполненіе его предназначенія.

Этотъ интересъ, конечно, никогда не можетъ быть удовле-

творенъ: онъ безпредѣленъ по самой своей природѣ. Такимъ образомъ христіанскіе народы въ силу необходимости постоянно идутъ впередъ. При этомъ, хотя цѣль, къ которой они стремятся, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ другимъ благополучіемъ, на которое одно только и могутъ разсчитывать нехристіанскіе народы, но они попутно находятъ его и пользуются имъ. Утѣхи жизни, которыхъ единственно ищутъ другіе народы, достаются также на ихъ долю, согласно слову Спасителя: «*Ищите же прежде всего царства Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ*» *). Такимъ образомъ, огромный размахъ, который сообщаетъ всѣмъ умственнымъ силамъ этихъ народовъ идея, владѣющая ими, въ изобиліи обезпечиваетъ имъ всѣ тѣлесныя блага, такъ же какъ и духовныя. Нельзя, впрочемъ, и сомнѣваться въ томъ, что насъ никогда не постигнетъ ни китайскій застой, ни греческій упадокъ; еще менѣе можно себѣ представить полное уничтоженіе нашей цивилизаціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ кругомъ. Весь міръ долженъ былъ бы перевернуться, новый переворотъ, подобный тому, который придалъ ему его теперешнюю форму, долженъ бы произойти для того, чтобы современная цивилизація погибла. Безъ вторичнаго всемірнаго потопа невозможно вообразить себѣ полную гибель нашего просвѣщенія. Пусть даже, напримѣръ, погрузится въ море цѣлое полушаріе,—того, что уцѣлѣетъ отъ нашей цивилизаціи на другомъ полушаріи, будетъ достаточно, чтобы возродить человѣческій духъ. Нѣтъ, идея, которая должна завоевать вселенную, никогда не замретъ и не погибнетъ, если только не будетъ ей такъ опредѣлено свыше особою волею Того, кто вложилъ ее въ человѣческую душу. Этотъ философскій выводъ изъ размышленій объ исторіи, какъ мнѣ кажется, болѣе положителенъ, болѣе очевиденъ и болѣе назидателенъ, чѣмъ всѣ тѣ заключенія, которыя банальная исторія по-своему выводитъ изъ картины вѣковъ, ссылаясь на вліяніе почвы, климата, расы и т. д., и въ особенности на теорію *необходимаго совершенствованія*.

Надо сознаться однако, что если до сихъ поръ вліяніе христіанства на общество, на развитіе человѣческаго ума и на современную цивилизацію еще не оцѣнено достаточно, то это въ значительной степени вина протестантовъ. Вы знаете, что во

---

*) Мат., VI, 33.

всѣхъ пятнадцати вѣкахъ, предшествовавшихъ реформаціи, или по крайней мѣрѣ во всемъ періодѣ съ тѣхъ поръ, какъ первоначальное христіанство, по ихъ мнѣнію, исчезло,— они видятъ только папизмъ; поэтому ихъ нисколько не интересуетъ прослѣдить ходъ развитія христіанства въ продолженіе среднихъ вѣковъ; для нихъ эта эпоха—пробѣлъ въ исторіи: какъ же имъ понять воспитаніе новыхъ народовъ? Ничто такъ не способствовало искаженію картины новой исторіи, какъ предразсудки протестантизма. Это онъ такъ усердно преувеличивалъ важность возрожденія наукъ, котораго, собственно говоря, никогда не было, такъ какъ наука никогда не погибала совершенно; это онъ придумалъ множество разныхъ причинъ прогресса, которыя въ сущности вліяли лишь очень второстепеннымъ образомъ или проистекали всецѣло изъ главной причины. Къ счастію, менѣе пристрастная философія, исходящая изъ болѣе высокихъ взглядовъ, въ наши дни, обратившись къ прошлому, исправила наши понятія объ этомъ интересномъ періодѣ. Благодаря ей сразу открылось столько новаго, что самое упорное недоброжелательство не можетъ устоять передъ этими достовѣрными фактами, и, я думаю, мы имѣемъ право сказать, что если вразумленіе людей этимъ путемъ входитъ въ планы Провидѣнія, то недалекъ тотъ моментъ, когда яркій свѣтъ разгонитъ тьму, еще отчасти покрывающую прошлое новаго общества *).

Мы не можемъ не вернуться еще разъ къ упорству, съ которымъ протестанты утверждаютъ, что христіанство перестало существовать начиная со второго или, въ лучшемъ случаѣ, съ третьяго вѣка. Если вѣрить имъ, то въ этотъ періодъ отъ него уцѣлѣло лишь ровно столько, сколько нужно было, чтобы оно не погибло окончательно. Суевѣріе и невѣжество этихъ одиннадцати или двѣнадцати вѣковъ кажутся имъ столь безпросвѣтными, что во всей этой эпохѣ они не видятъ ничего, кромѣ идолопоклонства еще болѣе ужаснаго, чѣмъ у языческихъ народовъ. По ихъ мнѣнію, не будь вальденцевъ, нить священнаго преданія совершенно оборвалась бы, а не явись еще нѣсколько дней Лютеръ,—религія Христа перестала бы существовать. Но, спрашиваю васъ, можно ли признать печать божественности на такомъ ученіи, лишенномъ силы, долговѣчности и жизни, какимъ

*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, г. Гизо въ значительной степени оправдалъ нашу надежду.

они выставляютъ христіанство, ученіи преходящемъ и лживомъ, которое вмѣсто того, чтобы возродить родъ человѣческій и влить въ него новую жизнь, какъ оно обѣщало,—лишь на мгновеніе появилось на землѣ, чтобы затѣмъ угаснуть, возникло лишь для того, чтобы сейчасъ же исчезнуть или чтобы стать орудіемъ человѣческихъ страстей? Итакъ, судьба Церкви зависѣла лишь отъ желанія Льва X достроить базилику св. Петра? и если бы онъ не велѣлъ съ этой цѣлью продавать индульгенціи въ Германіи, то въ наше время уже почти не оставалось бы слѣдовъ христіанства? Не знаю, можетъ ли что-нибудь яснѣе показать коренное заблужденіе реформаціи, чѣмъ этотъ узкій и мелочный взглядъ на откровенную религію. Не значитъ ли это противорѣчить собственнымъ словамъ Іисуса Христа и всей идеѣ его религіи? Если слово его не должно прейти, доколѣ не прейдутъ небо и земля, и самъ онъ всегда среди насъ, то какимъ образомъ храмъ, воздвигнутый его руками, могъ быть близокъ къ паденію? И какъ могъ бы онъ столь долгое время оставаться пустымъ, точно покинутый домъ, готовый рухнуть?

Надо, однако, сознаться,—они были послѣдовательны. Если они сначала разожгли пожаръ въ цѣлой Европѣ, а затѣмъ разрушили связи, объединявшія всѣ христіанскіе народы въ одну семью, то они сдѣлали это потому, что христіанство было на краю гибели. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не надо было всѣмъ пожертвовать, лишь бы спасти его? Но вотъ въ чемъ дѣло: ничто лучше не доказываетъ божественность нашей религіи, чѣмъ ея постоянное дѣйствіе на человѣческій умъ,—дѣйствіе, которое, хотя и измѣнялось смотря по времени, хотя и сочеталось съ различными потребностями народовъ и вѣковъ, но никогда не ослабѣвало, не говоря уже о томъ, чтобы вовсе прекратиться. Это зрѣлище ея державной мощи, непрестанно дѣйствующей среди безконечныхъ препятствій, создаваемыхъ и порочностью нашей природы, и пагубнымъ наслѣдіемъ язычества,—вотъ что болѣе всего удовлетворяетъ въ ней разумъ.

Что же означаетъ утвержденіе, будто католическая Церковь выродилась изъ первоначальной Церкви? Развѣ, начиная съ третьяго вѣка, отцы Церкви не сокрушались объ испорченности христіанъ? И развѣ не повторялись тѣ же жалобы постоянно, въ каждомъ вѣкѣ, на каждомъ соборѣ? Развѣ истинное благочестіе не возвышало постоянно свой голосъ противъ злоупотребленій и пороковъ духовенства, а когда бывалъ къ тому поводъ,

и противъ захватовъ со стороны духовной власти? Что можетъ быть прекраснѣе тѣхъ яркихъ лучей свѣта, которые время отъ времени загорались въ глубинѣ темной ночи, окутывавшей міръ? Иногда это были примѣры самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей, иногда—случаи чудеснаго дѣйствія вѣры на духъ народовъ и отдѣльныхъ людей; Церковь собирала все это и создавала изъ этого свою силу и свое богатство: такъ сооружался вѣчный храмъ тѣмъ способомъ, который лучше всего могъ придать ему надлежащую форму. Первоначальная чистота христіанства естественно не могла сохраняться всегда; оно должно было пройти черезъ всѣ фазы испорченности, должно было принять всѣ отпечатки, какіе только могла наложить на него свобода человѣческаго разума. Сверхъ того, совершенство апостольской Церкви обусловливалось малочисленностью христіанской общины, затерянной среди огромной общины языческой; слѣдовательно оно не можетъ быть присуще всемірному человѣческому обществу. Золотой вѣкъ Церкви, какъ извѣстно, былъ вѣкомъ ея величайшихъ страданій,—вѣкомъ, когда еще совершалось мученичество, которое должно было лечь въ основу новаго порядка, когда еще лилась кровь Спасителя; нелѣпо мечтать о возвращеніи такого порядка вещей, который былъ порожденъ лишь безмѣрными несчастіями, сокрушавшими первыхъ христіанъ.

Хотите ли знать теперь, что сдѣлала эта реформація, хвалящаяся тѣмъ, будто она вновь обрѣла христіанство? Вы видите,—это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, какіе только можетъ задать себѣ исторія. Реформація снова повергла міръ въ языческую *разъединенность;* она возстановила тѣ огромныя нравственныя индивидуальности, ту обособленность умовъ и душъ, которую Спаситель приходилъ разрушить. Если она ускорила развитіе человѣческаго духа, то, съ другой стороны, она вытравила изъ сознанія разумнаго существа плодотворную и высокую идею всеобщности. Сущностью всякаго раскола въ христіанскомъ мірѣ является нарушеніе того таинственнаго *единства,* въ которомъ заключается вся божественная идея и вся сила христіанства. Вотъ почему католическая Церковь никогда не примирится съ отпавшими отъ нея общинами. Горе ей и горе христіанству, если фактъ раздѣленія когда-либо будетъ признанъ законною властью, ибо тогда все скоро съизнова превратилось бы въ хаосъ человѣческихъ идей, все стало бы ложью, тлѣномъ и прахомъ. Истина должна быть видимо, такъ сказать, осязательно закрѣ-

плена, чтобы царство духа могло устоять на землѣ; только осуществляясь въ формахъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, господство идеи становится прочнымъ и долговѣчнымъ. И затѣмъ, во что обратится таинство причастія, это дивное изобрѣтеніе христіанской мысли, которое — если можно такъ выразиться—матеріализуетъ души, чтобы лучше соединить ихъ,—во что обратится оно, если видимое единеніе будетъ отвергнуто, если люди будутъ довольствоваться внутренней общностью мнѣній, лишенной внѣшней реальности? Что пользы людямъ въ единеніи со Спасителемъ, если они разъединены между собою? Если силу любви и единенія, которую заключаетъ въ себѣ великое таинство, не познали свирѣпый Кальвинъ, убійца Сервета, буйный Цвингли и тиранъ Генрихъ VIII съ его лицемѣрнымъ Кранмеромъ,—я этому не удивляюсь; но непостижимо то, какимъ образомъ нѣкоторые глубокіе и истинно религіозные умы лютеранской Церкви, въ которой это искаженіе Евхаристіи не возведено въ догматъ, да и ревностно оспаривалось ея основателемъ,—какъ эти умы могли такъ странно ошибаться относительно духа этого таинства и слѣпо подчиняться мертвенной идеѣ кальвинизма. Нельзя не признать, что всѣ протестантскія церкви отличаются какой-то непонятной страстью къ разрушенію; онѣ какъ бы неудержимо стремятся къ самоуничтоженію, какъ бы нарочно отвергаютъ все то, что могло бы сдѣлать ихъ слишкомъ долговѣчными. Этому ли учитъ насъ Тотъ, кто явился принести на землю жизнь и побѣдилъ смерть? Развѣ мы уже на небѣ, чтобы безнаказанно отбрасывать условія существующаго порядка вещей? И что такое этотъ порядокъ вещей, какъ не сочетаніе самыхъ чистыхъ помысловъ разумнаго существа съ потребностями его существованія? Первая же изъ этихъ потребностей—общество, соприкосновеніе умовъ, сліяніе идей и чувствъ. Лишь удовлетворяя этому условію, истина становится живой и изъ области умозрѣнія спускается въ область реальнаго; лишь тогда идея дѣлается фактомъ, получаетъ, наконецъ, характеръ силы природы, и дѣйствіе ея становится такимъ же вѣрнымъ, какъ дѣйствіе всякой другой естественной силы. Но какъ можетъ все это произойти въ идеальномъ обществѣ, существующемъ лишь въ области желаній и воображенія? Вотъ что представляетъ собою невидимая Церковь протестантовъ; она дѣйствительно невидима, какъ все несуществующее.

Днемъ соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій будетъ

тотъ день, когда отдѣлившіяся Церкви съ полнымъ смиреніемъ, въ глубокомъ раскаяніи и самоуничиженіи признаютъ, что, отпавъ отъ Церкви-матери, онѣ далеко оттолкнули отъ себя исполненіе этой молитвы Спасителя: «Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и мы» *).

Допустимъ даже, что папство—человѣческое учрежденіе, какимъ его хотѣли бы представить,—если только явленіе такихъ размѣровъ можетъ быть дѣломъ рукъ человѣческихъ,—но оно существеннымъ образомъ вытекаетъ изъ самаго духа христіанства: это—видимый знакъ единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—въ виду происшедшаго раздѣленія—и символъ возсоединенія. На этомъ основаніи какъ не признать за нимъ верховной власти надъ всѣми христіанскими обществами? И кто не изумится его необыкновеннымъ судьбамъ? Несмотря на всѣ испытанныя имъ превратности и невзгоды, несмотря на его собственныя ошибки, несмотря на всѣ нападки невѣрія и даже его торжество, оно стоитъ непоколебимо и тверже, чѣмъ когда-либо! Лишившись своего человѣческаго блеска, оно стало отъ этого только сильнѣе, а равнодушіе, которое проявляютъ къ нему теперь, лишь укрѣпляетъ его еще болѣе и лучше обезпечиваетъ ему долговѣчность. Нѣкогда его поддерживало почитаніе христіанскаго міра, особый инстинктъ, въ силу котораго народы видѣли въ немъ оплотъ своего земного благополучія, какъ и залогъ вѣчнаго спасенія; теперь оно держится своимъ смиреннымъ положеніемъ среди земныхъ державъ. Но, какъ и прежде, оно въ совершенствѣ выполняетъ свое назначеніе: оно *централизуетъ* христіанскія идеи, сближаетъ ихъ между собою, напоминаетъ даже тѣмъ, кто отвергъ идею единства, объ этомъ высшемъ принципѣ ихъ вѣры,—и всегда, въ силу этого своего божественнаго призванія, величаво паритъ надъ міромъ матеріальныхъ интересовъ. Какъ бы мало вниманія ни удѣляли ему съ виду въ настоящее время, но пусть случилось бы невозможное и папство исчезло бы съ лица земли, вы увидите, въ какое смятеніе придутъ всѣ религіозныя общины, когда этотъ живой памятникъ исторіи великой общины не будетъ стоять передъ ихъ глазами. Они повсюду будутъ искать его тогда, это видимое единство, которымъ они такъ мало дорожатъ теперь, но его нигдѣ не окажется. И не подлежитъ сомнѣнію,

*) Іоан., XVII, 11.

что драгоцѣнное сознаніе своей великой будущности, наполняющее теперь христіанскій разумъ и сообщающее ему ту особую высшую жизнь, которая отличаетъ его отъ обыденнаго разума, неизбѣжно изгладится тогда, подобно надеждамъ, основаннымъ на воспоминаніи о дѣятельномъ существованіи: эти надежды утрачиваются съ той минуты, какъ вся дѣятельность оказывается безплодной, и самая память прошлаго ускользаетъ отъ насъ тогда, ставъ ненужной.]

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

[Сударыня,

Чѣмъ болѣе вы будете размышлять о томъ, что я говорилъ вамъ намедни, тѣмъ болѣе вы убѣдитесь, что все это уже сотни разъ было высказано людьми всевозможныхъ партій и мнѣній, и что мы только вносимъ въ этотъ предметъ особый интересъ, котораго до сихъ поръ въ немъ не находили. Однако, я не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы этимъ письмамъ случайно привелось увидѣть свѣтъ, ихъ обвинили бы въ парадоксальности. Когда съ извѣстной степенью убѣжденности настаиваешь даже на самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ, ихъ всегда принимаютъ за какія-то необычайныя новшества. Что касается меня, то на мой взглядъ время парадоксовъ и системъ, лишенныхъ реальнаго основанія, миновало настолько безвозвратно, что теперь было бы прямо глупостью впадать въ эти былыя причуды человѣческаго ума. Несомнѣнно, что если человѣческій умъ въ настоящее время и не такъ обширенъ, возвышенъ и плодовитъ, какъ въ великія эпохи вдохновенія и изобрѣтенія, то, съ другой стороны, онъ сталъ безконечно болѣе строгимъ, трезвымъ, непреклоннымъ и методичнымъ, словомъ, болѣе точнымъ, чѣмъ когда бы то ни было прежде. И я прибавлю съ чувствомъ истиннаго удовлетворенія, что съ нѣкотораго времени онъ сталъ также болѣе безличнымъ, чѣмъ когда-либо, что служитъ самой вѣрной гарантіей противъ безразсудности отдѣльныхъ мнѣній.

Если, размышляя о воспоминаніяхъ человѣчества, мы пришли къ нѣкоторымъ оригинальнымъ взглядамъ, несогласнымъ съ предразсудками, то это потому, что на нашъ взглядъ пора откровенно опредѣлить свое отношеніе къ исторіи, какъ это было сдѣлано въ прошломъ вѣкѣ относительно естественныхъ

наукъ, т. е. познать ее во всемъ ея раціональномъ идеализмѣ, какъ естественныя науки были познаны во всей ихъ эмпирической реальности. Такъ какъ предметъ исторіи и способы ея изученія — всегда одни и тѣ же, то ясно, что кругъ историческаго опыта долженъ когда-нибудь замкнуться; примѣненія никогда не будутъ исчерпаны, но къ установленному однажды правилу больше нечего будетъ прибавить. Въ физическихъ наукахъ каждое новое открытіе даетъ новое поприще уму и открываетъ новое поле наблюденію; чтобы не идти далеко, вспомнимъ, что одинъ только микроскопъ познакомилъ насъ съ цѣлымъ міромъ, о которомъ ничего не знали древніе естествоиспытатели. Такимъ образомъ, въ изученіи природы прогрессъ по необходимости безпредѣленъ; въ исторіи же всегда познается только человѣкъ и для познаванія его намъ всегда служитъ одно и то же орудіе. Поэтому, если въ исторіи дѣйствительно сокрыто важное поученіе, то когда-нибудь люди должны придти въ ней къ чему-нибудь опредѣленному, что разъ навсегда завершило бы опытъ, т. е. къ чему-нибудь вполнѣ раціональному. Прекрасная мысль Паскаля, которую я, кажется, уже приводилъ вамъ однажды, та мысль, что *весь послѣдовательный рядъ людей есть не что иное, какъ одинъ человѣкъ, пребывающій вѣчно*, должна современемъ изъ фигуральнаго выраженія отвлеченной истины стать реальнымъ фактомъ человѣческаго ума, который съ этихъ поръ будетъ, такъ сказать, вынужденъ для каждаго дальнѣйшаго шага потрясать всю огромную цѣпь человѣческихъ идей, простирающуюся черезъ всѣ вѣка.

Но, спрашивается, можетъ ли человѣкъ когда-нибудь, вмѣсто того вполнѣ индивидуальнаго и обособленнаго сознанія, которое онъ находитъ въ себѣ теперь, усвоить себѣ такое всеобщее сознаніе, въ силу котораго онъ постоянно чувствовалъ бы себя частью великаго духовнаго цѣлаго? Да, безъ сомнѣнія, можетъ. Подумайте только: на ряду съ чувствомъ нашей личной индивидуальности мы носимъ въ сердцѣ своемъ ощущеніе нашей связи съ отечествомъ, семьей и идейной средой, членами которыхъ мы являемся; часто даже это послѣднее чувство живѣе перваго. Зародышъ высшаго сознанія живетъ въ насъ самымъ явственнымъ образомъ; онъ составляетъ сущность нашей природы; наше нынѣшнее *я* совсѣмъ не предопредѣлено намъ какимъ-либо неизбѣжнымъ закономъ: мы сами вложили его себѣ въ душу. Люди увидятъ, что человѣкъ не имѣетъ въ этомъ

мірѣ иного назначенія, какъ эта работа уничтоженія своего личнаго бытія и замѣны его бытіемъ вполнѣ соціальнымъ или безличнымъ. Вы видѣли, что это составляетъ единственную основу нравственной философіи *); вы видите теперь, что на этомъ же должно основываться и историческое мышленіе, и вы увидите далѣе, что съ этой точки зрѣнія всѣ заблужденія, которыя затемняютъ и искажаютъ различныя эпохи общей жизни человѣчества, должны быть разсматриваемы не съ холоднымъ научнымъ интересомъ, но съ глубокимъ чувствомъ нравственной правды. Какъ отожествлять себя съ чѣмъ-то, что никогда не существовало? Какъ связать себя съ *небытіемъ?* Только въ истинѣ проявляются притягательныя силы той и другой природы. Для того, чтобы подняться на эти высоты, мы должны при изученіи исторіи усвоить себѣ правило—никогда не мириться ни съ грезами воображенія, ни съ привычками памяти, но съ такимъ же рвеніемъ преслѣдовать положительное и достовѣрное, съ какимъ до сихъ поръ люди всегда искали живописнаго и занимательнаго. Наша задача не въ томъ, чтобы наполнить свою память фактами; что пользы въ нихъ? Ошибочно думать, будто масса фактовъ непремѣнно приноситъ съ собою достовѣрность. Какъ и вообще гадательность историческаго пониманія обусловливается не недостаткомъ фактовъ, точно такъ же и незнаніе исторіи объясняется не незнакомствомъ съ фактами, но недостаткомъ размышленія и неправильностью сужденія. Если бы въ этой научной области желали достигнуть достовѣрности или придти къ положительному знанію съ помощью однихъ только фактовъ, то кто же не понялъ бы, что ихъ никогда не наберется достаточно? Часто одна черта, удачно схваченная, проливаетъ больше свѣта и больше доказываетъ, чѣмъ цѣлая хроника. Итакъ, вотъ наше правило: будемъ размышлять о фактахъ, которые намъ извѣстны, и постараемся держать въ умѣ больше живыхъ образовъ, чѣмъ мертваго матеріала. Пусть другіе роются, сколько хотятъ, въ старой пыли исторіи; что касается насъ, то мы ставимъ себѣ иную задачу. Такимъ образомъ, историческій матеріалъ мы во всякое время считаемъ полнымъ; но къ исторической логикѣ мы всегда будемъ питать недовѣріе; ее мы постоянно должны будемъ осмотрительно провѣрять. Если въ потокѣ временъ мы, наравнѣ съ другими,

*) См. другое письмо.

будемъ видѣть только дѣятельность человѣческаго разума и проявленія совершенно свободной воли, то сколько бы мы ни нагромождали фактовъ въ нашемъ умѣ и съ какимъ бы тонкимъ искусствомъ ни выводили ихъ одни изъ другихъ, мы не найдемъ въ исторіи того, что ищемъ. Въ этомъ случаѣ она всегда будетъ представляться намъ той самой человѣческой игрой, какую люди видѣли въ ней во всѣ времена *). Она останется для насъ попрежнему той динамической и психологической исторіей, о которой я вамъ говорилъ недавно, которая стремится все объяснять личностью и воображаемымъ сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій, человѣческими фантазіями и мнимо-неизбѣжными слѣдствіями этихъ фантазій, и которая такимъ образомъ предоставляетъ человѣческій разумъ его собственному закону, не постигая того, что именно въ силу безконечнаго превосходства этой части природы надъ всей остальною, дѣйствіе высшаго закона необходимо должно быть здѣсь еще болѣе очевиднымъ, чѣмъ тамъ **).

*) Ни Геродота, ни Тита Ливія, ни Григорія Турскаго нельзя упрекать за то, что они заставляли Провидѣніе вмѣшиваться во всѣ человѣческія дѣла; но надо ли говорить, что не къ этой суевѣрной идеѣ повседневнаго вмѣшательства Бога хотѣли бы мы снова привести человѣческій умъ?

**) Въ томъ самомъ Римѣ, о которомъ столько говорятъ, гдѣ всѣ бывали и который все-таки очень мало понимаютъ, есть удивительный памятникъ, о которомъ можно сказать, что это — событіе древности, длящееся донынѣ, фактъ другой эпохи, остановившійся среди теченія временъ: это Колизей. По моему мнѣнію, въ исторіи нѣтъ ни одного факта, который внушалъ бы столько глубокихъ идей, какъ зрѣлище этой руины, который отчетливѣе обрисовывалъ бы характеръ двухъ эпохъ въ жизни человѣчества и лучше бы доказывалъ ту великую историческую аксіому, что до появленія христіанства въ обществѣ никогда не было ни истиннаго прогресса, ни настоящей устойчивости. Въ самомъ дѣлѣ, эта арена, куда римскій народъ стекался толпами, чтобы упиться кровью, гдѣ весь языческій міръ такъ вѣрно отражался въ ужасной забавѣ, гдѣ вся жизнь той эпохи раскрывалась въ самыхъ упоительныхъ своихъ наслажденіяхъ, въ самомъ яркомъ своемъ блескѣ, — не стоитъ ли она передъ нами, чтобы разсказать намъ, къ чему пришелъ міръ въ тотъ моментъ, когда всѣ силы человѣческой природы уже были употреблены на постройку соціальнаго зданія, когда уже со всѣхъ сторонъ все предвѣщало его паденіе и готовъ былъ начаться новый вѣкъ варварства? И тамъ же впервые задымилась кровь, которая должна была оросить фундаментъ новаго зданія. Не стоитъ ли поэтому одинъ этотъ памятникъ цѣлой книги? Но, странное дѣло! ни разу онъ не внушилъ ни одной исторической мысли, полной тѣхъ великихъ истинъ, которыя онъ въ

Чтобы не остаться голословнымъ, я приведу вамъ, сударыня, одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ ложности нѣкоторыхъ ходячихъ историческихъ воззрѣній. Вы знаете, что искусство сдѣлалось одной изъ величайшихъ идей человѣческаго ума благодаря грекамъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ это великолѣпное созданіе ихъ генія. Все, что есть матеріальнаго въ человѣкѣ, было идеализировано, возвеличено, обожествлено; естественный и *законный порядокъ былъ извращенъ;* то, что по своему происхожденію должно было занимать низшую сферу духовнаго бытія, было возведено на уровень высшихъ помысловъ человѣка; дѣйствіе чувствъ на умъ было усилено до безконечности, и великая разграничительная черта, отдѣляющая въ разумѣ божественное отъ человѣческаго, была нарушена. Отсюда хаотическое смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ элементовъ. Умъ устремился на предметы, наименѣе достойные его вниманія, съ такой же страстью, какъ и на тѣ, познать которые для него всего важнѣе. Всѣ области мышленія сдѣлались равно привлекательными. Вмѣсто первобытной поэзіи разума и правды, чувственная и лживая поэзія проникла въ воображеніе, и эта мощная способность, созданная для того, чтобы мы могли представлять себѣ лишенное образа и созерцать незримое, стала съ тѣхъ поръ служить лишь для того, чтобы дѣлать осязаемое еще болѣе осязательнымъ и земное еще болѣе земнымъ; въ результатѣ наше физическое существо выросло настолько же, насколько наше нравственное существо умалилось. И хотя мудрецы, какъ Пиѳагоръ и Платонъ, боролись съ этой пагубной наклонностью духа своего времени, будучи сами болѣе или менѣе заражены имъ, но ихъ усилія не привели ни къ чему, и лишь послѣ того, какъ человѣческій духъ былъ обновленъ христіанствомъ, ихъ

себѣ заключаетъ! Среди полчищъ путешественниковъ, стекающихся въ Римъ, нашелся, правда, одинъ, который, стоя на сосѣднемъ знаменитомъ холмѣ, откуда онъ свободно могъ созерцать удивительныя очертанія Колизея, казалось, видѣлъ, по его словамъ, какъ развертывались передъ нимъ вѣка и объясняли ему загадку своего движенія. И что же? онъ видѣлъ однихъ только тріумфаторовъ и капуциновъ. Какъ будто тамъ никогда не происходило ничего другого, кромѣ побѣдныхъ шествій и религіозныхъ процессій! Узкій и мелочный взглядъ, которому мы обязаны извѣстнымъ всему міру лживымъ произведеніемъ! настоящее поруганіе одного изъ прекраснѣйшихъ историческихъ геніевъ, когда-либо существовавшихъ!

доктрины пріобрѣли дѣйствительное вліяніе. Итакъ, вотъ что сдѣлало искусство грековъ; оно было апоѳеозомъ матеріи, — этого нельзя отрицать. Что же, такъ ли былъ понятъ этотъ фактъ? Далеко нѣтъ. На дошедшіе до насъ памятники этого искусства смотрятъ—не понимая ихъ значенія; услаждаютъ себя зрѣлищемъ этихъ дивныхъ вдохновеній генія, котораго, къ счастію, болѣе нѣтъ на землѣ, — даже не подозрѣвая нечистыхъ чувствъ, рождающихся при этомъ въ сердцѣ, и лживыхъ помысловъ, возникающихъ въ умѣ; это какое-то поклоненіе, опьяненіе, очарованіе, въ которомъ нравственное чувство гибнетъ безъ остатка. Между тѣмъ достаточно было бы хладнокровно отдать себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которымъ бываешь полонъ, когда предаешься этому нелѣпому восхищенію, чтобы понять, что это чувство вызывается самой низменной стороной нашей природы, что мы постигаемъ эти мраморныя и бронзовыя тѣла, такъ сказать, нашимъ тѣломъ. Замѣтьте притомъ, что вся красота, все совершенство этихъ фигуръ происходятъ исключительно отъ полнѣйшей тупости, которую онѣ выражаютъ: стоило бы только проблеску разума проявиться въ ихъ чертахъ, и плѣняющій насъ идеалъ мгновенно исчезъ бы. Слѣдовательно, мы созерцаемъ даже не образъ разумнаго существа, но какое-то человѣко-подобное животное, существо вымышленное, своего рода чудовище, порожденное самымъ необузданнымъ разгуломъ ума,—чудовище, изображеніе котораго не только не должно было бы доставлять намъ удовольствіе, но скорѣе должно было бы насъ отталкивать. Итакъ, вотъ какимъ образомъ самые важные факты исторической философіи искажены или затемнены предразсудкомъ,—тѣми школьными привычками, той рутиной мысли и той прелестью обманчивыхъ иллюзій, которыми и обусловливаются обыденныя историческія воззрѣнія.

Вы спросите меня, можетъ быть, всегда ли я самъ былъ чуждъ этимъ обольщеніямъ искусства? Нѣтъ, сударыня, напротивъ. Прежде даже, чѣмъ я ихъ позналъ, какой-то невѣдомый инстинктъ заставлялъ меня предчувствовать ихъ, какъ сладостныя очарованія, которыя должны наполнить мою жизнь. Когда же одно изъ великихъ событій нашего вѣка привело меня въ столицу, гдѣ завоеваніе собрало въ короткое время такъ много чудесъ,—со мной было то же, что съ другими, и я даже съ большимъ благоговѣніемъ бросалъ мой ѳиміамъ на

алтари кумировъ. Потомъ, когда я во второй разъ увидалъ ихъ при свѣтѣ ихъ родного солнца, я снова наслаждался ими съ упоеніемъ. Но надо сказать правду,—на днѣ этого наслажденія всегда оставалось что-то горькое, подобное угрызенію совѣсти; поэтому, когда понятіе объ истинѣ озарило меня, я не противился ни одному изъ выводовъ, которые изъ него вытекали, но принялъ ихъ всѣ тотчасъ же безъ увертокъ.

Вернемся, однако, сударыня, къ тѣмъ крупнымъ историческимъ личностямъ, которымъ, какъ я вамъ говорилъ намедни, исторія, по моему мнѣнію, не отводитъ подобающихъ имъ мѣстъ въ воспоминаніяхъ человѣчества. У васъ должно было получиться лишь неполное представленіе объ этомъ предметѣ. Начнемъ съ Моисея, самой гигантской и величавой изъ всѣхъ историческихъ фигуръ.

Слава Богу, прошло уже то время, когда великій законодатель еврейскаго народа былъ даже въ глазахъ людей, претендующихъ на глубокомысліе, не болѣе какъ существомъ какого-то фантастическаго міра, подобно всѣмъ этимъ героямъ, полубогамъ и пророкамъ, какихъ мы встрѣчаемъ на первыхъ страницахъ исторіи всякаго древняго народа,—не болѣе какъ поэтическимъ образомъ, въ которомъ историческая мысль должна открыть лишь то, что онъ представляетъ поучительнаго какъ типъ, символъ или выраженіе эпохи, къ которой его относитъ человѣческая традиція. Въ настоящее время нѣтъ никого, кто бы сомнѣвался въ исторической реальности Моисея. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что священная атмосфера, окружающая его имя, вовсе неблагопріятна для него, такъ какъ она мѣшаетъ ему занять подобающее ему мѣсто. Вліяніе, оказанное этимъ великимъ человѣкомъ на родъ человѣческій, далеко еще не понято и не оцѣнено надлежащимъ образомъ. Обликъ его слишкомъ затуманенъ таинственнымъ свѣтомъ, который его окружаетъ. Благодаря тому, что его недостаточно изучали, Моисей не представляетъ того назиданія, какое обыкновенно даетъ намъ созерцаніе великихъ историческихъ личностей. Ни общественный человѣкъ, ни частное лицо, ни мыслитель, ни дѣятель не находятъ въ исторіи его жизни всего поученія, которое въ ней содержится. Это—слѣдствіе привычекъ, сообщенныхъ уму религіей и придающихъ библейскимъ фигурамъ сверхъестественный видъ, что̀ заставляетъ ихъ казаться со-

всѣмъ не такими, каковы онѣ въ дѣйствительности *). Личность Моисея представляетъ между прочимъ какое-то необыкновенное смѣшеніе величія и простоты, силы и добродушія и особенно суровости и кротости, дающее, на мой взглядъ, неисчерпаемую пищу размышленію. Мнѣ кажется, что въ исторіи нѣтъ другого лица, характеръ котораго представлялъ бы соединеніе столь противоположныхъ свойствъ и способностей. И когда я размышляю объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ и о томъ вліяніи, которое онъ оказалъ на людей, я не знаю, чему болѣе удивляться: историческому ли явленію, виновникомъ котораго онъ былъ, или духовному явленію, какимъ представляется его личность. Съ одной стороны—это величавое представленіе объ избранномъ народѣ, т. е. о народѣ, облеченномъ высокой миссіей хранить на землѣ *идею единаго Бога*, и зрѣлище необычайныхъ средствъ, использованныхъ имъ съ цѣлью дать своему народу особое устройство, при которомъ эта идея могла бы сохраниться въ немъ не только во всей своей полнотѣ, но и съ такой жизненностью, чтобы явиться современемъ мощной и непреодолимой, какъ сила природы, предъ которой должны будутъ исчезнуть всѣ человѣческія силы и которой когда-нибудь подчинится весь разумный міръ. Съ другой стороны—человѣкъ простодушный до слабости, умѣющій проявлять свой гнѣвъ только въ безсиліи, умѣющій приказывать только путемъ усиленныхъ увѣщаній, принимающій указанія отъ перваго встрѣчнаго; странный геній, вмѣстѣ и самый сильный, и самый покорный изъ людей! Онъ творитъ будущее, и въ то же время смиренно подчиняется всему, что представляется ему подъ видомъ истины; онъ говоритъ людямъ, окруженный сіяніемъ метеора, его голосъ звучитъ черезъ вѣка, онъ поражаетъ народы какъ рокъ, и въ то же время онъ повинуется первому движенію чувствительнаго сердца, первому

---

*) Замѣтьте, что въ сущности библейскія лица должны быть намъ всего болѣе знакомы, такъ какъ ничьи черты не обрисованы такъ хорошо. Это—одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, которыми Писаніе дѣйствуетъ на людей. Такъ какъ надо было дать намъ возможность столь тѣсно сливаться съ этими лицами, чтобы они могли вліять на самое внутреннее существо наше и тѣмъ самымъ подготовляли души къ воспринятію гораздо болѣе нужнаго вліянія личности Христа, то въ Писаніи было найдено средство такъ ярко обрисовать черты этихъ лицъ, что образы ихъ неизгладимо врѣзываются въ умъ, производя впечатлѣніе людей, съ которыми мы жили въ близкомъ общеніи.

убѣдительному доводу, который ему приводятъ! Не поразительное ли это величіе, не единственный ли примѣръ?

Это величіе пытались умалить, утверждая, будто вначалѣ онъ помышлялъ лишь объ освобожденіи своего народа отъ невыносимаго ига, хотя и отдавали при этомъ должное героизму, выказанному имъ въ этомъ дѣлѣ. Въ немъ старались видѣть не болѣе, какъ великаго законодателя, и, кажется, въ настоящее время его законы находятъ удивительно либеральными. Говорили также, что его Богъ былъ только національнымъ Богомъ, и что онъ заимствовалъ всю свою теософію у египтянъ. Конечно, онъ былъ патріотомъ, да и можетъ ли великая душа, каково бы ни было ея призваніе на землѣ, быть лишенной патріотизма? Къ тому же, есть общій законъ, въ силу котораго воздѣйствовать на людей можно лишь черезъ посредство того домашняго круга, къ которому принадлежишь, той соціальной семьи, въ которой родился; чтобы явственно говорить роду человѣческому, надо обращаться къ своей націи, иначе не будешь услышанъ и ничего не сдѣлаешь. Чѣмъ болѣе непосредственно и конкретно нравственное воздѣйствіе человѣка на его ближнихъ, тѣмъ оно надежнѣе и сильнѣе; чѣмъ индивидуальнѣе слово, тѣмъ оно могущественнѣе. Высшее начало, двигавшее этимъ великимъ человѣкомъ, ни въ чемъ не познается такъ ясно, какъ въ безусловной дѣйствительности и вѣрности тѣхъ средствъ, которыми онъ пользовался для осуществленія предпринятаго имъ дѣла. Возможно также, что онъ нашелъ у своего племени или другихъ народовъ идею національнаго Бога и что онъ воспользовался этимъ фактомъ, какъ и многими другими данными, почерпнутыми имъ въ прошломъ, чтобы ввести въ человѣческій умъ свой возвышенный монотеизмъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Іегова не былъ и для него, какъ для христіанъ, всемірнымъ Богомъ. Чѣмъ болѣе онъ старается замкнуть и изолировать этотъ великій догматъ въ своемъ племени, чѣмъ болѣе онъ прибѣгаетъ для достиженія этой цѣли къ необычайнымъ средствамъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ во всей этой работѣ высокаго ума глубоко-универсальный замыселъ—сохранить для всего міра, для всѣхъ грядущихъ поколѣній понятіе о единомъ Богѣ. Среди господствовавшаго тогда по всей землѣ многобожія можно ли было найти болѣе вѣрное средство воздвигнуть истинному Богу неприкосновенный алтарь, какъ внушить народу, ставшему хранителемъ этого святилища, расовое отвращеніе ко всякому

племени идолопоклонниковъ и связать все соціальное бытіе этого народа, всю его судьбу, всѣ его воспоминанія и надежды, съ однимъ этимъ принципомъ? Прочитайте съ этой точки зрѣнія Второзаконіе, и вы будете изумлены тѣмъ, какой свѣтъ оно проливаетъ не только на систему Моисея, но и на всю философію откровенія. Въ каждомъ словѣ этого необыкновеннаго повѣствованія видна сверхчеловѣческая идея, владѣвшая умомъ автора. Ею объясняются также тѣ ужасныя поголовныя истребленія, которыя предписывалъ Моисей и которыя такъ странно противорѣчатъ мягкости его натуры и казались столь возмутительными философіи еще болѣе непонятливой, чѣмъ безбожной. Эта философія не постигала того, что человѣкъ, являвшійся столь дивнымъ орудіемъ въ рукѣ Провидѣнія, довѣреннымъ всѣхъ его тайнъ, не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствуетъ само Провидѣніе или природа; что для него эпохи и поколѣнія не имѣли никакой цѣны, что его миссія заключалась не въ томъ, чтобы явить міру образецъ правосудія или нравственнаго совершенства, но въ томъ, чтобы внести въ человѣческій умъ необъятную идею, которая не могла родиться въ немъ самостоятельно. Не думаютъ ли, что когда, заглушая вопль своего любящаго сердца, онъ приказывалъ истреблять цѣлыя племена и поражалъ людей мечомъ божественнаго правосудія, онъ былъ озабоченъ лишь разселеніемъ тупого и непокорнаго народа, который онъ велъ за собой? Поистинѣ превосходная психологія! Какъ поступаетъ она, чтобы не восходить до истинной причины разсматриваемаго явленія? Она избавляетъ себя отъ труда, совмѣщая въ одной и той же душѣ самыя противорѣчивыя черты, соединенія которыхъ въ одной личности ей на дѣлѣ никогда не приходилось наблюдать!

Что намъ за дѣло, впрочемъ, до того, почерпнулъ ли Моисей нѣкоторыя указанія изъ египетской мудрости? Что за важность, если онъ и помышлялъ сначала лишь объ освобожденія своего народа отъ ига рабства? Развѣ отъ этого становится менѣе достовѣрнымъ тотъ фактъ, что, осуществивъ среди этого народа идею, либо заимствованную имъ со стороны, либо почерпнутую въ глубинѣ собственнаго духа, и окруживъ ее всѣми условіями нерушимости и вѣчности, какія только можно найти въ человѣческой природѣ, онъ тѣмъ самымъ далъ людямъ истиннаго Бога, и, слѣдовательно, родъ человѣческій всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ, вытекающимъ изъ этого принципа, безспорно обязанъ ему?

Давидъ—одно изъ тѣхъ историческихъ лицъ, чьи черты намъ переданы всего лучше. Что можетъ быть ярче, драматичнѣе, правдивѣе его исторіи, что можетъ быть характернѣе его физіономіи? Повѣсть его жизни, его возвышенныя пѣсни, въ которыхъ настоящее удивительно сливается съ будущимъ, такъ хорошо рисуютъ стремленія его души, что въ его личности не остается для насъ рѣшительно ничего скрытаго. При всемъ томъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое мы получаемъ отъ героевъ Греціи и Рима, онъ производитъ лишь на умы глубоко религіозные. Это опять-таки происходитъ отъ того, что всѣ эти великіе люди Библіи принадлежатъ къ особому міру; сіяніе, окружающее ихъ чело, удаляетъ ихъ всѣхъ, къ несчастію, въ такую область, куда умъ переносится неохотно, въ сферу неотвязныхъ силъ, непреклонно требующихъ покорности, гдѣ всегда стоишь передъ лицомъ неумолимаго закона, гдѣ больше ничего не остается, какъ пасть ницъ передъ этимъ закономъ. А, между тѣмъ, какъ уразумѣть развитіе эпохъ, если не изучать его тамъ, гдѣ обусловливающее его начало обнаруживается всего явственнѣе?

Противопоставляя этимъ двумъ исполинамъ Писанія Сократа и Марка Аврелія, я хотѣлъ этимъ контрастомъ столь несходныхъ примѣровъ величія заставить васъ лучше оцѣнить тѣ два міра, откуда они взяты. Прочитайте у Ксенофонта анекдоты о Сократѣ, отрѣшившись при этомъ, если можете, отъ предубѣжденія, связаннаго съ его памятью; подумайте о томъ, какъ много его смерть прибавила къ его славѣ, вспомните о его пресловутомъ демонѣ, о его снисходительномъ отношеніи къ пороку, которое онъ, надо сознаться, доводилъ иногда до удивительной степени *); вспомните различныя обвиненія, которыя взводили на него его современники; вспомните ту фразу, которую онъ произнесъ передъ самой смертью и которая навсегда запечатлѣла для потомства всю шаткость его мысли; вспомните, наконецъ, о всѣхъ несогласныхъ, нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ ученіяхъ, которыя вышли изъ его школы. Что касается Марка Аврелія, то и по отношенію къ нему надо отбросить всякое суевѣріе; обдумайте хорошенько его книгу; припомните ліонскую рѣзню, ужаснаго человѣка, въ руки котораго онъ предалъ міръ, время,

*) Если бы я писалъ не къ женщинѣ, я предложилъ бы читателю, чтобы составить себѣ объ этомъ понятіе, прочесть особенно „Пиръ“ Платона.

въ которое онъ жилъ, высокую сферу, къ которой онъ принадлежалъ, и всѣ средства величія, которыми онъ располагалъ благодаря своему положенію въ мірѣ. Затѣмъ сравните, пожалуйста, плоды сократовской философіи съ вліяніемъ религіи Моисея, личность римскаго императора съ личностью того, кто, изъ пастуха ставъ царемъ, поэтомъ, мудрецомъ, воплотилъ въ себѣ великій и таинственный идеалъ пророка-законодателя, кто сдѣлался центромъ того міра чудесъ, въ которомъ должны были свершиться судьбы человѣчества, кто окончательно опредѣлилъ глубокое и исключительное религіозное направленіе своего народа, долженствовавшее поглотить все его существованіе, и этимъ путемъ создалъ на землѣ порядокъ вещей, благодаря которому только и стало возможнымъ возникновеніе на ней царства истины. Я не сомнѣваюсь, что вы согласитесь тогда, что если поэтическая мысль изображаетъ намъ людей, подобныхъ Моисею и Давиду, сверхчеловѣческими существами и окружаетъ ихъ особымъ свѣтомъ, то, съ другой стороны, и здравый смыслъ, при всей своей холодности, не можетъ не видѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ просто великихъ, необыкновенныхъ людей, и вамъ станетъ яснымъ, мнѣ кажется, что въ духовной жизни міра эти люди несомнѣнно были вполнѣ непосредственными проявленіями управляющаго ею высшаго закона, и что ихъ появленіе соотвѣтствуетъ тѣмъ великимъ эпохамъ физическаго порядка, которыя время отъ времени преобразуютъ и обновляютъ природу *).

Затѣмъ идетъ Эпикуръ. Вы понимаете, конечно, что я не придаю особеннаго значенія репутаціи этого лица. Но надо вамъ сказать прежде всего, что, поскольку дѣло касается его матеріализма, послѣдній ничѣмъ не отличался отъ идей другихъ древнихъ философовъ; разница лишь въ томъ, что, обладая болѣе прямымъ и послѣдовательнымъ сужденіемъ, чѣмъ большинство изъ нихъ, Эпикуръ не запутывается подобно имъ въ безконечныхъ противорѣчіяхъ. Языческій деизмъ кажется ему тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—нелѣпостью; спириту-

*) Впрочемъ, ничто не можетъ быть понятнѣе огромной славы Сократа, единственнаго въ древнемъ мірѣ человѣка, умершаго за свои убѣжденія. Этотъ единичный примѣръ идейнаго героизма долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ ошеломить народы, какъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. Но для насъ, видѣвшихъ цѣлые народы жертвующими жизнью за дѣло истины, не безуміе ли такъ же ошибаться на его счетъ?

ализмъ же обманомъ. Его физика, заимствованная, впрочемъ, цѣликомъ у Демокрита, о которомъ Бэконъ гдѣ-то отозвался, какъ о единственномъ разумномъ физикѣ древности, не стоитъ ниже воззрѣній на природу другихъ естествоиспытателей его времени; что же касается его теоріи атомовъ, то если очистить ее отъ метафизики, она въ наше время, когда молекулярная философія сдѣлалась столь положительной, далеко не будетъ казаться столь смѣшной, какъ ее находили. Но въ особенности его имя связано, какъ вамъ извѣстно, съ его нравственной доктриной, и она-то была причиною его дурной славы. Дѣло въ томъ, однако, что о его морали мы судимъ только по излишествамъ его секты и по болѣе или менѣе произвольнымъ ея истолкованіямъ, сдѣланнымъ послѣ него; собственныя его сочиненія, какъ вы знаете, до насъ не дошли. Цицеронъ, конечно, былъ воленъ содрагаться при одномъ имени сладострастія; но сравните, пожалуйста, это столь поносимое ученіе—въ томъ видѣ, какъ его должно представлять себѣ, основываясь на всемъ, что мы знаемъ о самой личности его автора, и отбросивъ тѣ послѣдствія, къ которымъ оно привело въ языческомъ мірѣ, такъ какъ эти послѣдствія въ гораздо большей степени объясняются общимъ складомъ ума въ ту эпоху, чѣмъ самой доктриной Эпикура,—сравните, говорю я, эту мораль съ другими нравственными системами древнихъ, и вы найдете, что, не будучи ни столь высокомѣрной, ни столь суровой, ни столь невыполнимой, какъ мораль стоиковъ, ни столь неопредѣленной, расплывчатой и безсильной, какъ мораль платониковъ, она отличалась сердечностью, благоволеніемъ, гуманностью, и въ нѣкоторомъ родѣ заключала въ себѣ долю христіанской морали. Никоимъ образомъ нельзя не признать того, что эта философія содержала въ себѣ одинъ существенно важный элементъ, котораго была совершенно лишена практическая мысль древнихъ, именно элементъ единенія, солидарности, благоволенія между людьми. Она въ особенности отличалась здравымъ смысломъ и отсутствіемъ гордости, чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ остальныхъ философскихъ ученій того времени. Впрочемъ, она и видѣла высшее благо въ душевномъ мирѣ и кроткой радости, которыя являются-де на землѣ подобіемъ небеснаго блаженства боговъ. Эпикуръ самъ подалъ примѣръ такого безмятежнаго существованія; онъ прожилъ свою жизнь почти безвѣстнымъ, отдаваясь самымъ нѣжнымъ привязанностямъ и научнымъ за-

нятіямъ. Если бы его нравственному ученію удалось вкорениться въ умахъ народовъ, не исказившись подъ вліяніемъ порочнаго начала, властвовавшаго тогда надъ міромъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, оно сообщило бы сердцамъ кротость и гуманность, которыхъ совершенно не въ состояніи были внушить ни хвастливая мораль Портика, ни мечтательное умозрѣніе академиковъ. Прошу васъ также обратить вниманіе на то, что Эпикуръ—единственный изъ мудрецовъ древности, отличавшійся вполнѣ безупречнымъ характеромъ, и единственный, память о которомъ у его учениковъ соединялась съ любовью и почитаніемъ, близкими къ поклоненію *). Вы понимаете теперь, почему намъ надо было постараться нѣсколько исправить наше представленіе объ этомъ человѣкѣ.

Къ Аристотелю мы не станемъ возвращаться. Правда, съ нимъ связанъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ новой исторіи, но это слишкомъ обширный предметъ, чтобы трактовать его мимоходомъ. Прошу васъ только замѣтить, что Аристотель въ нѣкоторомъ родѣ является порожденіемъ новаго ума. Вполнѣ естественно, что въ юности своей новый разумъ, томимый огромной потребностью въ знаніи, всѣми силами привязался къ этому механику человѣческаго ума, который съ помощью своихъ рукоятокъ, рычаговъ и блоковъ заставлялъ познаніе двигаться съ поразительной быстротой. Вполнѣ понятно также, что онъ пришелся такъ по вкусу арабамъ, которые первые откопали его. У этого внезапно возникшаго народа не было ничего своего, на что онъ могъ бы опереться; естественно, что готовая мудрость была для него подходящимъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, все это уже миновало: арабы, схоластики и ихъ общій учитель—всѣ они выполнили свои различныя назначенія. Уму все это придало бо̀льшую основательность и самонадѣянность, ходъ его развитія сталъ увѣреннѣе; онъ усвоилъ себѣ пріемы, облегчающіе его движенія и ускоряющіе его работу. Все сдѣлалось къ лучшему, какъ видите,—зло обратилось во благо, благодаря скрытымъ силамъ и озареніямъ обновленнаго ума. Теперь намъ надо вернуться назадъ и снова вступить на широкій путь, которымъ сознаніе шло въ тѣ времена, когда оно не располагало еще никакими другими орудіями, кромѣ золотыхъ и лазоревыхъ крыльевъ своей небесной природы.

*) Пиѳагоръ не составляетъ исключенія. Это была баснословная личность, которой всякій приписывалъ все, что хотѣлъ.

Обратимся къ Магомету. Если подумать о благихъ послѣдствіяхъ, которыя его религія имѣла для человѣчества, во-первыхъ, потому, что вмѣстѣ съ другими болѣе могущественными причинами она содѣйствовала искорененію многобожія, затѣмъ потому, что она распространила на огромной части земного шара и даже въ мѣстностяхъ, казалось бы, недоступныхъ общему умственному движенію, понятіе о единомъ Богѣ и о всемірной вѣрѣ и тѣмъ подготовила безчисленное множество людей къ конечнымъ судьбамъ человѣческаго рода,—если подумать обо всемъ этомъ, то нельзя не признать, что, несмотря на дань, которую этотъ великій человѣкъ, безъ сомнѣнія, заплатилъ своему времени и мѣсту, гдѣ онъ родился, онъ несравненно болѣе заслуживаетъ уваженія со стороны людей, чѣмъ вся эта толпа безполезныхъ мудрецовъ, которые не сумѣли ни одно изъ своихъ измышленій облечь въ плоть и кровь и ни въ одно человѣческое сердце вселить твердое убѣжденіе, которые лишь вносили раздѣленіе въ человѣческое существо, вмѣсто того, чтобы постараться объединить разрозненные элементы его природы. Исламъ представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій общаго закона; судить о немъ иначе, значитъ отрицать всеобъемлющее вліяніе христіанства, отъ котораго онъ произошелъ. Самое существенное свойство нашей религіи заключается въ томъ, что она можетъ облекаться въ самыя разнообразныя формы религіозной мысли, способна даже комбинироваться при случаѣ съ заблужденіемъ, чтобы достигнуть своего полнаго результата. Въ великомъ процессѣ развитія откровенной религіи ученіе Магомета необходимо должно быть разсматриваемо, какъ одна изъ ея вѣтвей. Самый исключительный догматизмъ долженъ безъ всякихъ затрудненій признать этотъ важный фактъ, и онъ, конечно, сдѣлалъ бы это, если бы хоть разъ, какъ слѣдуетъ, отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что́ побуждаетъ насъ видѣть въ магометанахъ естественныхъ враговъ нашей религіи, такъ какъ лишь отсюда и проистекаетъ предразсудокъ *). Вы знаете, впрочемъ, что въ коранѣ нѣтъ почти ни одной главы, въ ко-

*) Первоначально магометане не питали никакой антипатіи къ христіанамъ; ненависть и презрѣніе къ послѣднимъ развились у нихъ лишь въ результатѣ долгихъ войнъ, которыя они съ ними вели. Что касается христіанъ, то они, естественно, должны были смотрѣть на мусульманъ сначала какъ на идолопоклонниковъ, а потомъ—какъ на враговъ своей вѣры, какими тѣ дѣйствительно и сдѣлались.

торой не упоминалось бы объ Іисусѣ Христѣ. А не видѣть дѣйствія христіанства повсюду, гдѣ произносится хотя бы только имя Спасителя, не замѣчать, что онъ оказываетъ вліяніе на всѣ умы, какимъ бы то ни было образомъ соприкасающіеся съ его заповѣдями,—значитъ не имѣть яснаго представленія о великомъ дѣлѣ искупленія и ничего не понимать въ тайнѣ царства Христова; иначе пришлось бы исключить изъ числа лицъ, пользующихся милостью искупленія, множество людей, носящихъ названіе христіанъ,—а не значило ли бы это—свести царство Христово къ пустякамъ, а всемірное христіанство къ ничтожной горсти людей?

Представляя результатъ религіознаго броженія, вызваннаго на Востокѣ появленіемъ новой религіи, магометанство занимаетъ первое мѣсто въ ряду явленій, на первый взглядъ не вытекающихъ изъ христіанства, на дѣлѣ же несомнѣнно происходящихъ отъ него. Такимъ образомъ, помимо отрицательнаго воздѣйствія, которое оно оказало на образованіе христіанскаго общества, заставивъ различные частные интересы народовъ слиться въ единомъ интересѣ ихъ общей безопасности, помимо обширнаго матеріала, который арабская цивилизація доставила нашей (два обстоятельства, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть окольные пути, избранные Провидѣніемъ съ цѣлью выполнить задачу возрожденія рода человѣческаго),—въ собственномъ вліяніи ислама на духъ покорившихся ему народовъ необходимо признать прямое дѣйствіе того ученія, изъ котораго онъ проистекаетъ и которое въ этомъ случаѣ лишь приспособилось къ нѣкоторымъ требованіямъ мѣста и времени, въ цѣляхъ распространенія сѣмени истины на возможно большее пространство. Конечно, счастливы тѣ, кто служитъ Господу съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ! Но не будемъ забывать, что въ мірѣ существуетъ безконечное множество силъ, которыя повинуются голосу Христа, нисколько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что ими двигаетъ высшая сила.

Намъ остается еще только Гомеръ. Въ настоящее время вопросъ о томъ вліяніи, которое Гомеръ оказалъ на человѣческій умъ, не оставляетъ больше сомнѣній. Мы отлично знаемъ, что такое гомеровская поэзія; мы знаемъ, какимъ образомъ она содѣйствовала опредѣленію греческаго характера, въ свою очередь опредѣлившаго характеръ всего древняго міра; мы знаемъ, что эта поэзія явилась на смѣну другой, болѣе воз-

вышенной и болѣе чистой, отъ которой до насъ дошли только обрывки. Мы знаемъ также, что она ввела новый порядокъ идей на мѣсто прежняго, выросшаго не на греческой почвѣ, и что эти первоначальныя идеи, отвергнутыя новымъ мышленіемъ и нашедшія себѣ убѣжище частью въ мистеріяхъ Самоѳракіи, частью подъ сѣнью другихъ святилищъ забытыхъ истинъ, продолжали существовать съ тѣхъ поръ лишь для небольшого числа избранныхъ или посвященныхъ*); но чего, мнѣ кажется, мы не знаемъ, это той общей связи, которая существуетъ между Гомеромъ и нашимъ временемъ, того, что до сихъ поръ уцѣлѣло отъ него въ міровомъ сознаніи. Между тѣмъ въ этомъ собственно и заключается весь интересъ настоящей философіи исторіи, такъ какъ главная цѣль ея изслѣдованій состоитъ, какъ вы видѣли, въ отысканіи постоянныхъ результатовъ и вѣчныхъ послѣдствій историческихъ явленій.

Итакъ, для насъ Гомеръ въ современномъ мірѣ остается все тѣмъ же Тифономъ или Ариманомъ, какимъ онъ былъ въ мірѣ, имъ самимъ созданномъ. На нашъ взглядъ, гибельный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданное пристрастіе къ землѣ,—все это заимствовано нами у него. Замѣтьте, что ничего подобнаго никогда не наблюдалось въ другихъ цивилизованныхъ обществахъ міра. Одни только греки рѣшились такимъ образомъ идеализировать и обоготворять порокъ и преступленіе, такъ что поэзія зла существовала только у нихъ и у народовъ, унаслѣдовавшихъ ихъ цивилизацію. По исторіи среднихъ вѣковъ можно ясно видѣть, какое направленіе приняла бы мысль христіанскихъ народовъ, если бы она всецѣло отдалась рукѣ, которая ее вела. Слѣдовательно, эта поэзія не могла придти къ намъ отъ нашихъ сѣверныхъ предковъ: умъ людей сѣвера отличался совсѣмъ другимъ складомъ и менѣе всего былъ склоненъ прилѣпляться къ земному; если бы онъ одинъ сочетался съ христіанствомъ, то, вмѣсто того, что произошло, онъ скорѣе потерялся бы въ туманной неопредѣленно-

*) Вліяніе гомеровской поэзіи естественно сливается съ вліяніемъ греческаго искусства, такъ какъ она представляетъ собою прообразъ послѣдняго; другими словами, поэзія создала искусство, которое продолжало вліять въ томъ же направленіи. Вопросъ о томъ, существовалъ ли когда-нибудь Гомеръ какъ личность, для насъ совершенно безразличенъ; историческая критика никогда не будетъ въ состояніи изгладить память Гомера, философа же должна занимать только идея, связанная съ этой памятью, а не самая личность поэта.

сти своего мечтательнаго воображенія. Впрочемъ, отъ крови, которая текла въ ихъ жилахъ, у насъ уже ничего не осталось, и мы учимся жить не у народовъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, а у тѣхъ, которые составляли міръ Гомера.

Лишь съ недавняго времени поворотъ къ нашему собственному прошлому снова приводитъ насъ понемногу на лоно родной семьи и позволяетъ намъ мало-по-малу возстановить отцовское наслѣдіе. Мы унаслѣдовали отъ народовъ сѣвера однѣ лишь привычки и традиціи; умъ же питается только знаніемъ; наиболѣе застарѣлыя привычки утрачиваются, наиболѣе укоренившіяся традиціи изглаживаются, если онѣ не связаны со знаніемъ. Между тѣмъ всѣ наши идеи, за исключеніемъ религіозныхъ, мы несомнѣнно получили отъ грековъ и римлянъ.

Такимъ образомъ гомеровская поэзія, отвративъ сперва на древнемъ Западѣ ходъ человѣческой мысли отъ воспоминаній о великихъ дняхъ творенія, сдѣлала то же и съ новымъ; перейдя къ намъ вмѣстѣ съ наукой, философіей и литературой древнихъ, она до такой степени заставила насъ слиться съ ними, что въ настоящее время, при всемъ томъ, чего мы достигли, мы все еще колеблемся между міромъ лжи и міромъ истины. Хотя въ наши дни Гомеромъ занимаются очень мало и, навѣрно, его не читаютъ, его боги и герои тѣмъ не менѣе все еще оспариваютъ почву у христіанской мысли. Дѣло въ томъ, что въ этой глубоко земной, глубоко матеріальной поэзіи, необычайно снисходительной къ порочности нашей природы, дѣйствительно заключается какое-то удивительное обаяніе; она ослабляетъ силу разума, своими призраками и обольщеніями держитъ его въ какомъ-то тупомъ оцѣпенѣніи, убаюкиваетъ и усыпляетъ его своими мощными иллюзіями. И до тѣхъ поръ, пока глубокое нравственное чувство, порожденное яснымъ пониманіемъ всей древности и всецѣлымъ подчиненіемъ ума христіанской истинѣ, не наполнитъ наши сердца презрѣніемъ и отвращеніемъ къ этимъ вѣкамъ обмана и безумія, которыя до сихъ поръ въ такой степени владѣютъ нами, къ этимъ настоящимъ сатурналіямъ въ жизни человѣчества,—пока своего рода сознательное раскаяніе не заставитъ насъ стыдиться того безсмысленнаго поклоненія, которое мы слишкомъ долго расточали этому гнусному величію, этой ужасной добродѣтели, этой нечистой красотѣ,—до тѣхъ поръ старыя дурныя впечатлѣнія не перестанутъ составлять самый жизненный и дѣятельный эле-

ментъ нашего разума. Что касается меня, то, по моему мнѣнію, для того, чтобы намъ вполнѣ переродиться въ духѣ откровенія, мы должны еще пройти черезъ какое-нибудь великое испытаніе, черезъ всесильное искупленіе, которое весь христіанскій міръ испыталъ бы во всей его полнотѣ, которое на всей земной поверхности ощущалось бы какъ грандіозная физическая катастрофа; иначе я не представляю себѣ, какимъ образомъ мы могли бы очиститься отъ грязи, еще оскверняющей нашу память *). Итакъ, вотъ какъ философія исторіи должна понимать гомеризмъ. Судите теперь, какими глазами должна она смотрѣть на личность Гомера. Подумайте, не обязана ли она въ виду этого по совѣсти наложить на его чело клеймо неизгладимаго позора!

Вотъ, сударыня, мы и пересмотрѣли всю нашу галлерею лицъ. Я не сказалъ вамъ всего, что имѣлъ сказать, но пора кончить. И знаете ли что? Въ сущности у насъ, русскихъ, нѣтъ ничего общаго ни съ Гомеромъ, ни съ греками, ни съ римлянами, ни съ германцами; намъ все это совершенно чуждо. Но что же дѣлать? поневолѣ приходится говорить языкомъ Европы. Наше чужеземное образованіе до такой степени заставило насъ держаться Европы, что, хотя мы и не усвоили ея идей, у насъ нѣтъ другого языка, кромѣ того, на которомъ говоритъ она; такимъ образомъ намъ не остается ничего другого, какъ говорить этимъ языкомъ. Если немногіе имѣющіеся у насъ умственные навыки, традиціи и воспоминанія и все наше прошлое не связываютъ насъ ни съ однимъ народомъ земли, если мы не принадлежимъ въ сущности ни къ одной изъ системъ нравственнаго міра, то во всякомъ случаѣ внѣшность нашего соціальнаго быта связываетъ насъ съ западнымъ міромъ. Эта связь, очень слабая въ дѣйствительности, не скрѣпляетъ насъ съ Европой такъ тѣсно, какъ это воображаютъ, и не заставляетъ насъ всѣмъ нашимъ существомъ почувствовать совершающееся тамъ великое движеніе, но она тѣмъ не менѣе ставитъ всю нашу будущую судьбу въ зависимость отъ судебъ европейскаго общества. По-

*) Для нашего времени положительнымъ счастьемъ является вновь открытая съ недавнихъ поръ историческому мышленію область, не зараженная гомеризмомъ. Вліяніе идей Индіи уже сказывается на ходѣ развитія философіи чрезвычайно благотворнымъ образомъ. Дай Богъ, чтобы мы возможно скорѣе пришли этимъ кружнымъ путемъ къ той цѣли, къ которой болѣе короткій путь до сихъ поръ не могъ насъ привести.

этому, чѣмъ больше мы будемъ стараться слиться съ послѣднимъ, тѣмъ лучше это будетъ для насъ. До сихъ поръ мы жили совершенно обособленно. То, чему мы научились у другихъ, оставалось снаружи, служа простымъ украшеніемъ и не проникая намъ въ душу. Но въ настоящее время силы господствующаго общества настолько возросли, его вліяніе на остальную часть человѣческаго рода столь далеко распространилось, что скоро мы душой и тѣломъ будемъ вовлечены въ міровой потокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, и, навѣрно, намъ нельзя будетъ долго оставаться въ нашемъ одиночествѣ. Сдѣлаемъ же все, что можемъ, чтобы подготовить путь нашимъ потомкамъ. Такъ какъ мы не можемъ завѣщать имъ то, чего не имѣли сами— вѣрованій, образованнаго временемъ ума, рѣзко очерченной индивидуальности, мнѣній, развившихся въ теченіе долгой, оживленной и дѣятельной умственной жизни, плодотворной по своимъ результатамъ,—то оставимъ имъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько идей, которыя, хотя мы и не сами ихъ нашли, все же, перейдя отъ одного поколѣнія къ другому, будутъ заключать въ себѣ нѣкоторый традиціонный элементъ и въ силу этого будутъ обладать нѣсколько большей силой и плодовитостью, чѣмъ наши собственныя мысли. Такимъ образомъ мы окажемъ потомству важную услугу и не напрасно проживемъ на землѣ.

Прощайте, сударыня. Вполнѣ въ вашей власти заставить меня продолжить мои разсужденія объ этомъ предметѣ, сколько вамъ будетъ угодно. Впрочемъ, къ чему въ задушевной бесѣдѣ, гдѣ собесѣдники вполнѣ понимаютъ другъ друга, разрабатывать и исчерпывать до конца каждую мысль? Если того, что я сказалъ вамъ, достаточно, чтобы изученіе исторіи могло дать вамъ нѣчто новое и возбудить въ васъ болѣе глубокій интересъ, чѣмъ какой оно вызываетъ обыкновенно, я буду вполнѣ удовлетворенъ *).

Некрополь, 1829, 16 февраля.]

---

*) Отдавая эти письма въ печать, намъ слѣдовало бы, можетъ быть, просить читателя о снисхожденіи къ слабости и даже неправильности слога. Излагая свои мысли на чужомъ языкѣ и не имѣя никакихъ литературныхъ притязаній, мы, конечно, вполнѣ сознавали, чего намъ недостаетъ въ этомъ отношеніи. Но мы полагали, во-первыхъ, что въ нынѣшнее время свѣдущій читатель не придаетъ уже формѣ, какъ прежде, большаго значенія, чѣмъ она заслуживаетъ, и готовъ немного потрудиться, чтобы извлечь мысль, если она кажется ему стоющей того, изъ-подъ спуда самаго несовершеннаго изложенія. Затѣмъ мы полагали

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

(о зодчествѣ).

[Вы находите, по вашимъ словамъ, какую-то особенную связь между духомъ египетской архитектуры и духомъ архитектуры нѣмецкой, которую обыкновенно называютъ готической, и вы спрашиваете меня, откуда эта связь, т. е. что можетъ быть общаго между пирамидою фараона и стрѣльчатымъ сводомъ, между каирскимъ обелискомъ и шпилемъ западно-европейскаго храма? Дѣйствительно, какъ ни удалены другъ отъ друга эти два фазиса искусства промежуткомъ болѣе, чѣмъ въ тридцать вѣковъ, между ними есть разительное сходство, и я не удивляюсь, что вамъ пришло на мысль это любопытное сближеніе, такъ какъ оно до извѣстной степени неизбѣжно вытекаетъ изъ той точки зрѣнія, съ которой мы съ вами условились разсматривать исторію человѣчества. И прежде всего, въ отношеніи пластической природы этихъ двухъ стилей, ихъ внѣшней формы, обратите вниманіе на эту геометрическую фигуру—треугольникъ,—которая вмѣщаетъ въ себѣ и такъ хорошо очерчиваетъ и тотъ, и другой. Замѣтьте, далѣе, общій опять-таки обоимъ характеръ безполезности или, вѣрнѣе, простой монументальности. Именно въ немъ, по моему,—ихъ глубочайшая идея, то, что въ основѣ составляетъ ихъ общій духъ. Но вотъ что особенно любопытно. Сопоставьте вертикальную линію, характеризующую эти два стиля, съ горизонтальной, лежащей въ основѣ эллинскаго зодчества,—и вы тѣмъ самымъ вполнѣ опредѣлили всѣ разнообразные архитектурные стили всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. И эта огромная антитеза сразу укажетъ вамъ глубочайшую черту всякой эпохи и всякой страны, гдѣ только

что въ наше время цивилизація болѣе чѣмъ когда-либо требуетъ распространенія идей къ какой бы то ни было формѣ, и что бываютъ такіе случаи, такія соціальныя условія, когда человѣкъ, полагающій, что онъ имѣетъ сообщить человѣчеству нѣчто важное, лишенъ выбора: ему ничего другого не остается, какъ говорить на общераспространенномъ языкѣ, хотя бы онъ владѣлъ лишь смѣшнымъ, искаженнымъ нарѣчіемъ его. Наконецъ, мы полагали, что литературная держава слишкомъ благородна въ настоящее время, чтобы предписывать всѣмъ своимъ подданнымъ всякихъ мѣстностей и широтъ оффиціальный языкъ своего академическаго трибунала, и что, дорожа лишь тѣмъ, чтобы высказываемое было правдой, она не обращаетъ особеннаго вниманія на то, хорошо или дурно эта правда высказана. Вотъ на что мы разсчитывали.

она обнаруживается. Въ греческомъ стилѣ, какъ и во всѣхъ болѣе или менѣе приближающихся къ нему, вы откроете чувство осѣдлости, домовитости, привязанность къ землѣ и ея утѣхамъ, въ египетскомъ и готическомъ — монументальность, мысль, порывъ къ небу и его блаженству; греческій стиль со всѣми производными отъ него оказывается выраженіемъ матеріальныхъ потребностей человѣка, вторые два—выраженіемъ его нравственныхъ нуждъ; другими словами, пирамидальная архитектура является чѣмъ-то священнымъ, небеснымъ, горизонтальная же—человѣческимъ и земнымъ. Скажите, не воплощается ли здѣсь вся исторія человѣческой мысли, сначала устремленной къ небу въ своемъ природномъ цѣломудріи, потомъ, въ періодъ своего растлѣнія, пресмыкавшейся въ прахѣ, и, наконецъ, снова кинутой къ небу всесильной десницей Спасителя міра!

Надо замѣтить, что архитектура, еще нынѣ зримая на берегахъ Нила,—безъ сомнѣнія старѣйшая въ мірѣ. Есть, правда, древность еще болѣе отдаленная, но не для искусства. Такъ, циклопическія постройки, и въ томъ числѣ индійскія, наиболѣе обширныя въ этомъ родѣ, представляютъ собою лишь первые проблески идеи искусства, а не произведенія искусства въ собственномъ смыслѣ слова. Поэтому съ полнымъ правомъ можно утверждать, что египетскіе памятники содержатъ въ себѣ первообразы архитектонической красоты и первые элементы искусства вообще. Такимъ образомъ, египетское искусство и готическое искусство дѣйствительно стоятъ на обоихъ концахъ пути, пройденнаго человѣчествомъ, и въ этомъ тождествѣ его начальной идеи съ тою, которая опредѣляетъ его конечныя судьбы, нельзя не видѣть дивный кругъ, объемлющій всѣ протекшія, а, можетъ быть, и всѣ грядущія времена.

Но среди разнообразныхъ формъ, въ которыя попеременно облекалось искусство, есть одна, заслуживающая съ нашей точки зрѣнія особеннаго вниманія, именно готическая башня, высокое созданіе строгаго и вдумчиваго сѣвернаго христіанства, какъ бы цѣликомъ воплотившее въ себѣ основную мысль христіанства. Достаточно будетъ немногихъ словъ, чтобы уяснить вамъ ея значеніе въ области искусства. Вы знаете, какъ прозрачная атмосфера полуденныхъ странъ, ихъ чистое небо и даже ихъ безцвѣтная растительность способствуетъ рельефности очертаній греческихъ и римскихъ памятниковъ. Прибавьте сюда этотъ рой прелестныхъ воспоминаній, которыя витаютъ и группируются во-

кругъ нихъ и окружаютъ ихъ такимъ ореоломъ и столькими иллюзіями,—и вы получите всѣ элементы, составляющіе ихъ поэзію. Но готическая башня, не имѣющая другой исторіи, кромѣ темнаго преданія, которое старая бабушка разсказываетъ внучкамъ у камелька, столь одинокая и печальная, ничего не заимствующая отъ окружающаго,—откуда ея поэзія? Вокругъ нея—только лачуги да облака, ничего больше. Все ея очарованіе, значитъ, въ ней самой. Это, мнится,—сильная и прекрасная мысль, одиноко рвущаяся къ небесамъ, не обыденная земная идея, а чудесное откровеніе, безъ причины и задатковъ на землѣ, увлекающее васъ изъ этого міра и переносящее въ лучшій міръ.

Наконецъ, вотъ черта, которая окончательно выразитъ нашу мысль. Колоссы Нила, такъ же какъ и западные храмы, кажутся намъ сначала простыми украшеніями. Невольно спрашиваешь себя: къ чему они? Но, присмотрѣвшись ближе, вы замѣтите, что совершенно также обстоитъ дѣло и съ красотами природы. Въ самомъ дѣлѣ: видъ звѣзднаго небосвода, бурнаго океана, цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчными льдами, африканская пальма, качающаяся въ пустынѣ, англійскій дубъ, отражающійся въ озерѣ,—всѣ наиболѣе величественныя картины природы, какъ и изящнѣйшія ея произведенія, точно также сначала не будятъ въ умѣ никакой мысли о пользѣ, вызываютъ въ первую минуту лишь совершенно безкорыстныя мысли; между тѣмъ въ нихъ есть полезность, но на первый взглядъ она не видна и только позднѣе открывается размышленію. Такъ и обелискъ, не дающій даже достаточно тѣни, чтобы на минуту укрыть васъ отъ зноя почти тропическаго солнца, не служитъ ни къ чему, но заставляетъ васъ поднять взоръ къ небу; такъ великій храмъ христіанскаго міра, когда въ часъ сумерекъ вы блуждаете подъ его огромными сводами и глубокія тѣни уже наполнили весь корабль, а стекла купола еще горятъ послѣдними лучами заходящаго солнца, болѣе удивляетъ васъ, чѣмъ чаруетъ своими нечеловѣческими размѣрами; но эти размѣры показываютъ вамъ, что человѣческому созданію было дано однажды для прославленія Бога возвыситься до величія самой природы *). Наконецъ, когда тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, идя

*) Мы съ умысломъ причислили соборъ св. Петра въ Римѣ къ готическимъ храмамъ, ибо на нашъ взглядъ они, хотя и составлены изъ разныхъ элементовъ, но порождены однимъ и тѣмъ же началомъ и носятъ на себѣ его печать.

вдоль долины Рейна, вы приближаетесь къ одному изъ этихъ старинныхъ средневѣковыхъ городовъ, смиренно простершихся у подножья своего колоссальнаго собора, и дискъ луны въ туманѣ рѣетъ надъ верхушкой гиганта,—зачѣмъ этотъ гигантъ передъ вами? Но, можетъ быть, онъ навѣетъ на васъ какое-нибудь благочестивое и глубокое мечтаніе; можетъ быть, вы съ новымъ жаромъ падете ницъ передъ Богомъ этой могучей поэзіи; можетъ быть, наконецъ, свѣтозарный лучъ, исходящій отъ вершины памятника, проникетъ окружающій васъ мракъ и, освѣтивъ внезапно путь, вами пройденный, изгладитъ темный слѣдъ былыхъ ошибокъ и заблужденій! Вотъ почему стоитъ передъ вами этотъ гигантъ.

А послѣ этого идите въ Пестумъ и отдайте себѣ отчетъ во впечатлѣніи, которое онъ произведетъ на васъ. Вотъ что съ вами случится: вся изнѣженность, всѣ соблазны языческаго міра, принявъ самыя обольстительныя свои формы, внезапно встанутъ толпой вокругъ васъ и опутаютъ васъ своей фантастической сѣтью; всѣ воспоминанія о вашихъ безумнѣйшихъ утѣхахъ, о самыхъ пламенныхъ вашихъ порывахъ проснутся въ вашихъ чувствахъ, и тогда, забывъ ваши искреннѣйшія вѣрованія и задушевнѣйшія убѣжденія, вы помимо собственной воли будете всѣми фибрами вашего земного существа обожать тѣ нечистыя силы, которымъ такъ долго въ опьяненіи своего тѣла и души поклонялся человѣкъ. Ибо и прекраснѣйшій изъ греческихъ храмовъ не говоритъ намъ о небѣ; пріятное чувство, которое внушаютъ намъ его прекрасныя пропорціи, имѣетъ цѣлью лишь заставить насъ полнѣе вкушать земныя наслажденія; храмы древнихъ представляли собою въ сущности не что иное, какъ прекрасныя жилища, которыя они строили для своихъ героевъ, ставшихъ богами, тогда какъ наши церкви являются настоящими религіозными памятниками. И потому лично я испыталъ, признаюсь, въ тысячу разъ больше счастія у подножья Страсбургскаго собора, нежели предъ Пантеономъ или даже внутри Колизея, этого внушительнаго свидѣтеля двухъ величайшихъ славъ человѣчества: владычества Рима и рожденія христіанства. Госпожа Сталь сказала какъ-то, говоря о музыкѣ, что она одна отличается прекрасной безполезностью и что именно поэтому она такъ глубоко волнуетъ насъ. Вотъ наша мысль, выраженная на языкѣ генія; мы только прослѣдили въ другой области тотъ же принципъ. Въ общемъ несомнѣнно, что красота и

добро исходятъ изъ одного источника и подчиняются одному и тому же закону, что они являются таковыми лишь въ силу своей безкорыстности, что, наконецъ, исторія искусства—не что иное, какъ символическая исторія человѣчества.]

39.—Отрывки.

См. т. I, стр. 143.

1831 г.

40.—А. С. Пушкину.

[Что-же, мой другъ, что сталось съ моей рукописью? Отъ васъ нѣтъ вѣстей съ самаго дня вашего отъѣзда. Сначала я колебался писать вамъ по этому поводу, желая, по своему обыкновенію, дать времени сдѣлать свое дѣло; но подумавши, я нашелъ, что на этотъ разъ дѣло обстоитъ иначе. Я окончилъ, мой другъ, все, что имѣлъ сдѣлать, сказалъ все, что имѣлъ сказать: мнѣ не терпится имѣть все это подъ рукою. Постарайтесь поэтому, прошу васъ, чтобы мнѣ не пришлось слишкомъ долго дожидаться моей работы, и напишите мнѣ поскорѣе, что вы съ ней сдѣлали. Вы знаете, какое это имѣетъ значеніе для меня? Дѣло не въ честолюбивомъ эффектѣ, но въ эффектѣ полезномъ. Не то, чтобъ я не желалъ выйти немного изъ своей неизвѣстности, принимая во вниманіе, что это было бы средствомъ дать ходъ той мысли, которую я считаю себя призваннымъ дать міру; но главная забота моей жизни, это довершить эту мысль въ глубинахъ моей души и сдѣлать изъ нея мое наслѣдіе.

Это—несчастье, мой другъ, что намъ не пришлось въ жизни сойтись ближе съ вами. Я продолжаю думать, что намъ суждено было идти вмѣстѣ, и что изъ этого воспослѣдовало бы нѣчто полезное и для насъ и для другихъ. Эти мысли пришли мнѣ снова въ голову, съ тѣхъ поръ, какъ я бываю иногда, угадайте гдѣ?—въ англійскомъ клубѣ. Вы мнѣ говорили, что вамъ пришлось бывать тамъ; я бы васъ встрѣчалъ тамъ, въ этомъ прекрасномъ помѣщеніи, среди этихъ греческихъ колонадъ, въ тѣни этихъ прекрасныхъ деревьевъ; сила изліянія нашихъ умовъ

не замедлила бы сама собой проявиться. Мнѣ нерѣдко приходилось испытывать нѣчто подобное.

Будьте здоровы, мой другъ. Пишите мнѣ по-русски; вамъ не слѣдуетъ говорить на иномъ языкѣ, кромѣ языка вашего призванія. Жду отъ васъ милаго и длиннаго письма; говорите мнѣ о всемъ, что вамъ вздумается: все, что идетъ отъ васъ, будетъ мнѣ интересно. Намъ надо только разойтись; я увѣренъ, что мы найдемъ тысячу вещей сказать другъ другу. Вашъ и искренно вашъ всей душею. Чаадаевъ.

17-го іюня.]

41.—А. С. Пушкину.

[Дорогой другъ, я писалъ вамъ, прося вернуть мою рукопись; я жду отвѣта. Признаюсь вамъ, что мнѣ не терпится получить ее обратно; пришлите мнѣ ее, пожалуйста, безъ промедленія. У меня есть основанія думать, что я могу ее использовать немедленно и выпустить ее въ свѣтъ вмѣстѣ съ остальными моими писаніями.

Неужели вы не получили моего письма? Въ виду постигшаго насъ великаго бѣдствія, это не представляется невозможнымъ. Говорятъ, что Царское Село еще не затронуто. Мнѣ не нужно говорить вамъ, какъ я былъ счастливъ узнать это. Простите мнѣ, другъ мой, что я занимаю васъ собою въ такую минуту, когда ангелъ смерти столь ужасно носится надъ мѣстностью, гдѣ вы живете. Я бы такъ не поступилъ, если бы вы жили въ самомъ Петербургѣ; но увѣренность въ безопасности, которой вы еще пользуетесь тамъ, гдѣ вы находитесь, придала мнѣ смѣлости написать вамъ.

Какъ мнѣ было бы пріятно, мой другъ, если бы въ отвѣтъ на это письмо вы сообщили мнѣ подробности о себѣ и не оставляли меня безъ вѣстей все время, пока у васъ будетъ продолжаться эпидемія. Могу ли я разсчитывать на это? Будьте здоровы. Шлю непрестанныя мольбы о вашемъ благосостояніи и обнимаю васъ со всею нѣжностью. Пишите мнѣ, прошу васъ. Вашъ вѣрный Чаадаевъ.

7 іюля 1831.]

42.—А. С. Пушкину.

[Ну что-же, мой другъ, куда вы дѣвали мою рукопись? Холера ее забрала что ли? Но слышно, что холера къ вамъ не заходила. Можетъ быть, она сбѣжала куда-нибудь? Но, въ последнемъ случаѣ, сообщите мнѣ, пожалуйста, хоть что-нибудь объ этомъ. Съ большой радостью увидалъ я вновь вашъ почеркъ. Онъ напомнилъ мнѣ время, по правдѣ сказать немногаго стоившее, но когда была еще надежда; великія разочарованія еще не наступали тогда. Вы конечно понимаете, что я говорю о себѣ; но и для васъ, думается мнѣ, было нѣкоторое преимущество въ томъ, что еще не всѣ реальности были исчерпаны вами. Отрадными и блестящими были эти ваши реальности, мой другъ; но все-же, есть ли между ними такія, которыя сравнились бы съ ложными ожиданіями, обманчивыми предчувствіями, лживыми грезами счастливаго возраста невѣдѣнія?

Вамъ хочется потолковать, говорите вы: потолкуемъ. Но берегитесь, я не въ веселомъ настроеніи; а вы, вы нервны. Да притомъ, о чемъ мы съ вами будемъ толковать? У меня только одна мысль, вамъ это извѣстно. Если бы, невзначай, я и нашелъ въ своемъ мозгу другія мысли, то онѣ навѣрно будутъ стоять въ связи со сказанной: смотрите, подойдетъ ли это вамъ. Если бы вы хоть подсказали мнѣ какія-нибудь мысли изъ вашего міра, если бы вы вызвали меня? Но вы хотите, чтобъ я началъ говорить первый, ну что-жъ; но еще разъ, берегите свои нервы!

Итакъ, вотъ что я вамъ скажу. Замѣтили ли вы, что происходитъ нѣчто необычное въ нѣдрахъ моральнаго міра, нѣчто подобное тому, что происходитъ, говорятъ, въ нѣдрахъ міра физическаго? Скажите-же мнѣ, прошу васъ, какъ это отзывается на васъ? Что меня касается, то мнѣ сдается, что это готовый матеріалъ для поэзіи,—этотъ великій переворотъ въ вещахъ; вы не можете остаться безучастнымъ къ нему, тѣмъ болѣе, что эгоизмъ поэзіи найдетъ въ немъ, какъ мнѣ кажется, богатую пищу. Развѣ есть какая-либо возможность не быть затронутымъ въ задушевнѣйшихъ своихъ чувствахъ среди этого всеобщаго столкновенія всѣхъ началъ человѣческой природы! Мнѣ пришлось видѣть недавно письмо вашего друга, великаго поэта: это — такая безпечность и веселіе, что страхъ беретъ. Можете ли вы объяснить мнѣ, какъ подобный человѣкъ, знакомый нѣ-

когда съ печалью всѣхъ вещей, не испытываетъ нынѣ ни малѣйшаго чувства горя передъ гибелью цѣлаго міра? Ибо взгляните, мой другъ: развѣ не воистину нѣкій міръ погибаетъ, и развѣ для того, кто не обладаетъ предчувствіемъ новаго міра, имѣющаго возникнуть на мѣстѣ стараго, здѣсь можетъ быть что-либо, кромѣ надвигающейся ужасной гибели. Неужели и у васъ не найдется чувства, мысли, обращенной къ этому? Я убѣжденъ, что это чувство и эта мысль, невѣдомо для васъ, тлѣютъ гдѣ-нибудь въ глубинахъ вашей души; только онѣ не проявляются во-внѣ, онѣ погребены по всей вѣроятности; онѣ подъ кучей старыхъ мыслей, привычекъ, условностей, приличій, которыми, что бы вы ни говорили, неизбѣжно пропитанъ каждый поэтъ, хотя бы онъ и принималъ противъ этого всякія мѣры, ибо, другъ мой, начиная съ индуса Валмики, пѣвца Рамаяны, и грека Орфея, до шотландца Байрона, всякій поэтъ принужденъ былъ доселѣ повторять одно и то же, въ какомъ бы мѣстѣ свѣта онъ ни пѣлъ.

О, какъ желалъ бы я имѣть власть вызвать сразу всѣ силы вашего поэтическаго существа! Какъ желалъ бы я извлечь изъ него, уже теперь, все то, что, какъ я знаю, скрывается въ немъ, дабы и вы дали намъ услышать когда-нибудь одну изъ тѣхъ пѣсней, какія требуетъ вѣкъ. Какъ тогда все, что теперь безслѣдно для вашего ума проходитъ передъ вами, тотчасъ поразило бы васъ! Какъ все приняло бы новый обликъ въ вашихъ глазахъ!

А въ ожиданіи этого, все-же потолкуемъ. Еще недавно, съ годъ тому назадъ, міръ жилъ въ полномъ спокойствіи за свое настоящее и будущее и въ молчаніи провѣрялъ свое прошлое, поучаясь на немъ. Умъ возрождался въ мирѣ, человѣческая память обновлялась, мнѣнія сглаживались, страсть была подавлена, гнѣвъ не находилъ себѣ пищи, тщеславіе находило себѣ удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ; всѣ людскія потребности ограничивались мало-по-малу кругомъ умственной дѣятельности, и всѣ интересы людей сводились мало-по-малу къ единственному интересу прогресса вселенскаго разума. Во мнѣ это было вѣрой, было легковѣріемъ безконечнымъ. Въ этомъ счастливомъ покоѣ міра, въ этомъ будущемъ я находилъ мой покой, мое будущее. И вдругъ нагрянула глупость человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые бываютъ призваны, безъ ихъ согласія, къ управленію людскими дѣлами. И миръ, безопасность,

будущее, — все сразу обратилось въ ничто. Подумайте только: не какое либо изъ тѣхъ великихъ событій, которыя ниспровергаютъ царства и несутъ гибель народамъ, а нелѣпая глупость одного человѣка сдѣлала все это! Въ вашемъ вихрѣ вы не могли почувствовать этого, какъ я; это вполнѣ понятно. Но статочное ли дѣло, чтобы это небывалое и ужасное событіе, несущее на себѣ столь явную печать Провидѣнія, казалось вамъ самой обыкновенной прозой, или самое большее дидактической поэзіей, вродѣ какого-нибудь лиссабонскаго землетрясенія, съ которымъ вамъ нечего было бы дѣлать? Это невозможно! Что до меня, у меня навертываются слезы на глазахъ, когда я вижу это необъятное злополучіе стараго, моего стараго общества; это всеобщее бѣдствіе, столь непредвидѣнно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бѣдствіе. И тѣмъ не менѣе да, изъ этого воспослѣдуетъ одно только добро; я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, и мнѣ служитъ утѣшеніемъ видѣть, что не я одинъ не теряю надежды на то, что разумъ образумится. Но какъ совершится этотъ возвратъ, когда? Будетъ ли въ этомъ посредникомъ какой-либо могучій духъ, облеченный Провидѣніемъ на чрезвычайное посланничество для совершенія этого дѣла, или это будетъ слѣдствіемъ ряда событій, вызванныхъ Провидѣніемъ для наставленія рода человѣческаго? Не знаю.

Но смутное сознаніе говоритъ мнѣ, что скоро придетъ человѣкъ, имѣющій принести намъ истину времени. Быть можетъ на первыхъ порахъ это будетъ нѣчто, подобное той политической религіи, которую въ настоящее время проповѣдуетъ С.-Симонъ въ Парижѣ, или тому католицизму новаго рода, который нѣсколько смѣлыхъ священниковъ пытаются поставить на мѣсто прежняго, освященнаго временемъ. Почему бы и не такъ? Не все ли равно, такъ или иначе будетъ пущено въ ходъ движеніе, имѣющее завершить судьбы рода человѣческаго? Многое, изъ предшествовавшаго той великой минутѣ, когда добрая вѣсть была возвѣщена во дни оны Посланникомъ Божіимъ, имѣло своимъ предназначеніемъ приготовить вселенную; многое также несомнѣнно совершится и въ наши дни съ подобной же цѣлью, прежде чѣмъ новая добрая вѣсть будетъ намъ принесена съ небесъ. Будемъ ждать.

Говорятъ, ходятъ толки о всеобщей войнѣ? Я утверждаю, что ничего подобнаго не будетъ. Нѣтъ, мой другъ, пути крови не суть пути Провидѣнія. Какъ люди ни глупы, они не станутъ

раздирать другъ друга, какъ звѣри: послѣдній потокъ крови пролитъ, и теперь, въ тотъ часъ, когда я пишу вамъ, источникъ ея, слава Богу, изсякъ.

Спора нѣтъ, бури и бѣдствія еще грозятъ намъ; но уже не изъ слезъ народовъ возникнутъ тѣ блага, которыя имъ суждено получить; отнынѣ будутъ лишь случайныя войны, нѣсколько безсмысленныхъ и смѣшныхъ войнъ, чтобы отбить окончательно у людей охоту къ разрушеніямъ и убійствамъ. Замѣтили ли вы, что только что произошло во Франціи? Развѣ люди не вбили себѣ въ голову, что она намѣрена поджечь міръ съ четырехъ концовъ? И что-же, ничего подобнаго; а что произошло? Любителей славы, захватовъ подняли на смѣхъ; люди мира и разума восторжествовали; старыя фразы, которыя еще недавно такъ отмѣнно звучали для французскихъ ушей, уже не находятъ себѣ отклика.

Отклика! Кстати по его поводу. Конечно, весьма счастливо, что г-да Ламаркъ и его сотоварищи не находятъ отклика во Франціи; но я-то, найду ли его, мой другъ, въ вашей душѣ? Посмотримъ. Однако, при одной возможности сомнѣнія въ этомъ у меня падаетъ изъ рукъ перо. Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы я поднялъ его; немного сочувствія въ вашемъ слѣдующемъ письмѣ. Г-нъ Нащекинъ говорилъ мнѣ, что вы изумительно лѣнивы. Поройтесь немного въ вашей головѣ, и въ особенности въ вашемъ сердцѣ, которое такъ горячо бьется, когда хочетъ этого: вы найдете тамъ больше предметовъ для переписки, чѣмъ намъ можетъ понадобиться на весь остатокъ нашихъ дней. Прощайте, дорогой и старый другъ. А что-жъ моя рукопись? Я чуть было не забылъ ея. Вы не забудьте о ней, прошу васъ. Чаадаевъ.

18 сентября.

Мнѣ говорятъ, что вы назначены, или еще какимъ то способомъ поручено вамъ написать исторію Петра Великаго? Въ добрый часъ! Поздравляю васъ отъ всего сердца.

Подожду, прежде чѣмъ сказать вамъ что либо по этому поводу, чтобы вы сами заговорили со мной объ этомъ. Итакъ, прощайте.

Я только что увидалъ два вашихъ стихотворенія. Мой другъ, никогда еще вы не доставляли мнѣ такого удовольствія. Вотъ, наконецъ, вы—національный поэтъ; вы угадали, наконецъ, свое

призваніе. Не могу выразить вамъ того удовлетворенія, которое вы заставили меня испытать. Мы поговоримъ объ этомъ другой разъ, и подробно. Я не знаю, понимаете ли вы меня, какъ слѣдуетъ? Стихотвореніе къ врагамъ Россіи въ особенности изумительно; это я говорю вамъ. Въ немъ больше мыслей, чѣмъ ихъ было высказано и осуществлено за послѣднія сто лѣтъ въ этой странѣ. Да, мой другъ, пишите исторію Петра Великаго. Не всѣ держатся здѣсь моего взгляда, это вы вѣроятно и сами подозрѣваете; но пусть ихъ говорятъ, а мы пойдемъ впередъ; когда угадалъ... малую часть той силы, которая нами движетъ, другой разъ угадаешь ее... навѣрное всю. Мнѣ хочется сказать: вотъ, наконецъ, явился нашъ Дантъ... *) можетъ быть слишкомъ поспѣшный. Подождемъ.]

43.—М. Я. Чаадаеву.

[Мой добрый другъ. Прилагаю при семъ бумагу, касающуюся Васъ: меня это разсмѣшило — конечно, она не Васъ, а меня касается, но что прикажете дѣлать, такова ужъ моя глупость!— Все это утро я только и думалъ, что о вашей дружбѣ столь доброй, столь разсудительной. Если бы я не боялся, говоря съ вами, пользоваться языкомъ, который можетъ вамъ показаться слишкомъ женственнымъ, я сказалъ бы вамъ, что чувствую, какъ мое сердце таетъ при этой мысли. Но разъ ужъ сказано, относитесь къ этому, какъ хотите, я смѣюсь надъ вашей строгостью; я не съ этого конца люблю васъ. Затѣмъ, вы, пожалуй, опять скажете, реторика, чистѣйшая реторика! Ну что-жъ, пожалуй и такъ; но тѣмъ не менѣе это чувство настолько искренно, что я готовъ заплакать въ ту минуту, когда пишу эти строки. Вамъ никогда не узнать, что можно быть реторичнымъ и въ то же время чувствовать. Если бы не эта злосчастная лѣстница, я бы не замедлилъ отправиться къ вамъ. Будьте здоровы, дорогой другъ. Я примусь за изученіе бумаги Жихарева: посмотримъ, какъ я съ этимъ справлюсь.—

Какая уйма работы! письмо Норова, — цѣлый томъ! сказанный документъ! рѣчи Руайе-Коллара и Гизо! и все это надо продѣлать въ одно утро! Да къ тому же еще — день почты; покорствуя вамъ, надо написать Степану.— Будьте здоровы.]

---

*) [Подлинникъ оборванъ.]

1832 г.

44.—Шеллингу.

[1832. Москва.

Милостивый Государь.

Не знаю, помните ли вы молодого человѣка, русскаго по національности, котораго вы видѣли въ Карлсбадѣ въ 1825 году. Онъ имѣлъ преимущество часто бесѣдовать съ вами о философскихъ предметахъ, и вы сдѣлали ему честь сказать, что съ удовольствіемъ дѣлитесь съ нимъ вашими мыслями. Вы сказали ему, между прочимъ, что по нѣкоторымъ пунктамъ вы измѣнили свои воззрѣнія, и вы посовѣтовали ему подождать выхода новаго произведенія, которымъ вы тогда были заняты, прежде чѣмъ знакомиться съ вашей философіей. Это произведеніе не появилось, и этотъ молодой человѣкъ былъ я. Въ ожиданіи я прочелъ, милостивый государь, всѣ ваши произведенія. Сказать, что я поднялся по вашимъ стопамъ на тѣ высоты, куда въ такомъ прекрасномъ порывѣ вознесъ васъ вашъ геній, было бы, можетъ быть, самонадѣянностью съ моей стороны; помнится, вы находили, что г. Кузенъ плохо васъ понялъ; и было бы слишкомъ смѣло со стороны человѣка, неизвѣстнаго въ европейскомъ мірѣ, притязать на превосходство передъ столь крупной литературной извѣстностью; но мнѣ будетъ позволено, думаю я, сказать вамъ, что изученіе вашихъ произведеній открыло мнѣ новый міръ; что при свѣтѣ вашего разума мнѣ пріоткрылись въ царствѣ мыслей такія области, которыя дотолѣ были для меня совершенно закрытыми; что это изученіе было для меня источникомъ плодотворныхъ и чарующихъ размышленій; мнѣ будетъ позволено сказать вамъ еще и то, что, хотя и слѣдуя за вами по вашимъ возвышеннымъ путямъ, мнѣ часто доводилось приходить въ концѣ-концовъ не туда, куда приходили вы. Въ настоящее время я узналъ отъ одного изъ своихъ друзей, который провелъ недавно нѣсколько дней въ вашихъ мѣстахъ, что вы преподаете *философію откровенія*. Публичный курсъ, который вы читаете въ настоящее время, милостивый государь, является, думается мнѣ, развитіемъ той мысли, которая зарождалась въ вашемъ умѣ, когда я васъ видѣлъ въ Карлсбадѣ. Мнѣ неизвѣстно, что представляетъ изъ себя то ученіе, которое вы

излагаете въ данное время вашимъ слушателямъ, хотя, признаюсь, при чтеніи васъ у меня зачастую являлось предчувствіе, что изъ вашей системы должна когда-нибудь проистечь религіозная философія; но я не нахожу словъ сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ, когда узналъ, что глубочайшій мыслитель нашего времени пришелъ къ этой великой мысли о сліяніи философіи съ религіей. Съ первой же минуты, какъ я началъ философствовать, эта мысль встала передо мной, какъ свѣточъ и цѣль всей моей умственной работы. Весь интересъ моего существованія, вся любознательность моего разума были поглощены этой единственной мыслью; и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ моемъ размышленіи, я убѣждался, что въ ней лежитъ и главный интересъ человѣчества. Каждая новая мысль, примыкавшая въ моемъ умѣ къ этой основной мысли, казалась мнѣ камнемъ, который я приносилъ для построенія храма, гдѣ всѣ люди должны будутъ когда-нибудь сойтись для поклоненія, въ совершенномъ знаніи, явному Богу. Затерянный въ умственныхъ пустыняхъ моей страны, я долго полагалъ, что я одинъ истощаю свои силы надъ этой работой, или имѣю, по крайней мѣрѣ, лишь немного сотоварищей, разсѣянныхъ по землѣ; впослѣдствіи я открылъ, что весь мыслящій міръ движется въ томъ же направленіи; и великимъ былъ для меня тотъ день, когда я сдѣлалъ это открытіе. Но въ то же время я былъ пораженъ потребностью въ высокомъ индивидуальномъ разумѣ, въ отдѣльномъ великомъ дѣятелѣ, созданномъ для того, чтобъ руководить всѣми разумами, всѣми дѣятелями толпы. Съ тѣхъ поръ естественно я сталъ думать о васъ. Я сказалъ себѣ, возможно ли, чтобъ новый свѣтъ, который несомнѣнно вскорѣ просвѣтитъ насъ всѣхъ, не возсіялъ во всемъ своемъ блескѣ, прежде чѣмъ открыться глазамъ всего міра, предъ очами этого человѣка, столь высоко поставленнаго въ моральной сферѣ міра, и которому родъ человѣческій обязанъ въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что вновь обрѣлъ свои первыя и святыя воззрѣнія? Онъ, согласившій столько расходящихся началъ человѣческой мысли, не приведетъ ли къ соглашенію религіозное начало съ началомъ философскимъ, которыя уже теперь соприкасаются? Однимъ словомъ, въ моихъ сокровенныхъ положеніяхъ прогресса и совершенствованія я предназначалъ васъ къ осуществленію того великаго переворота, къ которому, на мой взглядъ, стремится новый разумъ: и вотъ мнѣ говорятъ, что уже не земную науку возвѣ-

щаетъ ваше краснорѣчивое слово, а науку небесную; мои желанія, мои предчувствія осуществились въ нѣкоторомъ родѣ!

Сначала, милостивый государь, я хотѣлъ написать вамъ лишь въ цѣляхъ поблагодарить васъ. Но теперь я не могу противостать желанію узнать что-нибудь объ этомъ новомъ обликѣ вашей системы. Будетъ ли съ моей стороны нескромностью просить васъ (безъ всякихъ другихъ правъ на благосклонное вниманіе, кромѣ моей страсти къ прогрессу человѣческаго разума и моего качества гражданина страны, въ высокой степени нуждающейся въ просвѣщеніи) сообщить мнѣ нѣкоторыя данныя объ общихъ основахъ, или главной мысли вашего теперешняго ученія. Ибо, какъ ни могуществен҃ъ вашъ голосъ, милостивый государь, онъ не достигаетъ нашихъ широтъ; мы очень удалены отъ васъ, милостивый государь; мы принадлежимъ къ другой солнечной системѣ; и свѣтлый лучъ, исходящій отъ какой-либо изъ звѣздъ вашего міра, совершаетъ огромный путь, прежде чѣмъ достигнуть нашего, и зачастую теряется въ пути.

Если г. Тургеневъ, другъ, о которомъ я только что говорилъ вамъ, все еще въ сношеніяхъ съ вами, онъ могъ бы, пожалуй, сообщить вамъ, что мои научныя занятія и мои труды дѣлаютъ меня достойнымъ общенія съ вами. Какъ бы то ни было, въ данную минуту я не хочу ни говорить вамъ о своихъ собственныхъ мысляхъ, ни повергать на ваше авторитетное сужденіе то, что я съ моей стороны называю своей системой; я знаю, что если на этотъ разъ я могу разсчитывать на что-либо, то исключительно на интересъ, который вы могли бы найти въ томъ, чтобы ввести въ вашу философію не только меня, но черезъ мое посредство и цѣлое молодое поколѣніе, бѣдное настоящимъ, но богатое будущимъ, столь же жадное къ просвѣщенію, какъ и имѣющее мало средствъ къ удовлетворенію своего научнаго пыла, и великія судьбины котораго не могутъ быть безразличны мудрецу, стремящемуся объять вселенскую судьбу всѣхъ вещей. Я очень желалъ бы, милостивый государь, не обмануться на этотъ разъ въ моемъ ожиданіи, какъ когда-то, но что бы ни случилось, я никогда не перестану удивляться вамъ и сохраню память о тѣхъ немногихъ часахъ, когда я наслаждался бесѣдой съ вами.

Благоволите принять, милостивый государь, увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи.]

1833 г.

45.—А. И. Тургеневу.

[Вотъ, любезный другъ, письмо къ знаменитому Шеллингу, которое прошу васъ доставить ему. Извѣстіе, которое вы какъ-то сообщили мнѣ о немъ въ письмѣ къ вашей кузинѣ, внушило мнѣ мысль написать ему. Письмо открыто, прочтите его, и вы увидите, о чемъ рѣчь. Такъ какъ я пишу ему о васъ, то я хотѣлъ, чтобы оно чрезъ васъ и дошло къ нему. Вы сдѣлаете мнѣ одолженіе, если, посылая ему это письмо, сообщите ему, что я владѣю нѣмецкимъ языкомъ, потому что мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ (если онъ пожелаетъ оказать мнѣ эту честь) на томъ языкѣ, на которомъ онъ столько разъ воскрешалъ моего друга Платона и на которомъ знаніе стало благодаря ему поэзіей и вмѣстѣ геометріей, а теперь, можетъ быть, уже и религіей. Дай-то Богъ! Пора всему этому слиться воедино.

Вы пишете г-жѣ Бравура, что не знаете, о чемъ мнѣ писать. Да вотъ вамъ тема для начала, а потомъ видно будетъ. Но вы, мой другъ, должны писать мнѣ по-французски. Не въ обиду вамъ сказать, я люблю больше ваши французскія, нежели ваши русскія письма. Въ вашихъ французскихъ письмахъ больше непринужденности, вы въ нихъ больше — вы сами. А вы только тогда и хороши, когда остаетесь совершенно самимъ собою. Ваши циркуляры на родномъ языкѣ — это, мой другъ, не что иное, какъ газетныя статьи, правда, очень хорошія статьи, но именно за это я ихъ не люблю, между тѣмъ какъ ваши французскія письма не сбиваются ни на что, и потому кажутся мнѣ великолѣпными. Если бы я писалъ женщинѣ, я сказалъ бы, что они похожи на васъ. Притомъ, вы — европеецъ до мозга костей. Въ этомъ, какъ вамъ извѣстно, я знаю толкъ. Поэтому французскій языкъ — вашъ обязательный костюмъ. Вы растеряли всѣ части вашей національной одежды по большимъ дорогамъ цивилизованнаго міра. Итакъ, пишите по-французски, и, пожалуйста, не стѣсняйте себя, такъ какъ, по милости новой необыкновенно сговорчивой школы, отнынѣ дозволено писать по-французски столь же непринужденно, какъ по-явански, гдѣ, по слухамъ, пишутъ безразлично сверху внизъ или снизу вверхъ, справа налѣво или слѣва направо, не терпя отъ того никакихъ неудобствъ.

Только-что появилась здѣсь (въ газетѣ) статья о нашемъ философѣ — вздоръ безпримѣрный, какъ вы легко можете себѣ представить. Если онъ хочетъ, чтобы его понимали въ этой странѣ, ему слѣдуетъ, я думаю, отвѣтить на мое письмо. Какъ и всѣ народы, мы, русскіе, подвигаемся теперь впередъ бѣгомъ, на свой ладъ, если хотите, но мчимся несомнѣнно. Пройдетъ немного времени, и, я увѣренъ, великія идеи, разъ настигнувъ насъ, найдутъ у насъ болѣе удобную почву для своего осуществленія и воплощенія въ людяхъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что не встрѣтятъ у насъ ни закоренѣлыхъ предразсудковъ, ни старыхъ привычекъ, ни упорной рутины, которыя противостали бы имъ. Поэтому для европейскаго мыслителя судьба его идей у насъ теперь, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть совсѣмъ безразличной. Впрочемъ, прочитавъ мое письмо, вы увидите, что я пишу ему не для того, чтобы снискать себѣ письмо великаго человѣка, и что въ моемъ поступкѣ нѣтъ тщеславія,—что я просто хочу знать, что дѣлается и до чего дошелъ человѣческій умъ въ этой области.

Я хотѣлъ бы также, мой другъ, немного побесѣдовать съ вами, но для лучшаго освѣдомленія подожду, пока вы первый напишете мнѣ. Кто знаетъ? можетъ быть мы сумѣемъ сообщить другъ другу много добрыхъ и серьезныхъ вещей, которыя не затеряются въ пространствѣ безслѣдно. А пока я долженъ, по моему обыкновенію, пожурить васъ. Какъ! вы живете въ Римѣ, и не понимаете его, послѣ того какъ мы столько говорили о немъ! Поймите же разъ навсегда, что это не обычный городъ, скопленіе камней и люда, а безмѣрная идея, громадный фактъ. Его надо разсматривать не съ Капитолійской башни, не изъ фонаря св. Петра, а съ той духовной высоты, на которую такъ легко подняться, попирая стопами его священную почву. Тогда Римъ совершенно преобразится передъ вами. Вы увидите тогда, какъ длинныя тѣни его памятниковъ ложатся на весь земной шаръ дивными поученіями, вы услышите, какъ изъ его безмолвной громады звучитъ мощный гласъ, вѣщающій неизрѣченныя тайны. Вы поймете тогда, что Римъ — это связь между древнимъ и новымъ міромъ, такъ какъ безусловно необходимо, чтобы на землѣ существовала такая точка, куда каждый человѣкъ могъ бы иногда обращаться съ цѣлью конкретно, физіологически соприкоснуться со всѣми воспоминаніями человѣческаго рода, съ чѣмъ нибудь ощутительнымъ,

осязательнымъ, въ чемъ видимо воплощена вся идея вѣковъ,— и что эта точка—именно Римъ. Тогда эта пророческая руина повѣдаетъ вамъ всѣ судьбы міра, и это будетъ для васъ цѣлая философія исторіи, цѣлое міровоззрѣніе, больше того—живое откровеніе. И тогда—какъ не преклониться предъ этимъ обаятельнымъ символомъ столькихъ вѣковъ, какъ не накинуть завѣсу на его обезображенный обликъ? Но папа, папа! Ну, что же? Развѣ и онъ—не просто идея, не чистая абстракція? Взгляните на этого старца, несомаго въ своемъ паланкинѣ подъ балдахиномъ, въ своей тройной коронѣ, теперь такъ же, какъ тысячу лѣтъ назадъ, точно ничего въ мірѣ не измѣнилось: поистинѣ, гдѣ здѣсь человѣкъ? Не всемогущій ли это символъ времени—не того, которое идетъ, а того, которое неподвижно, чрезъ которое все проходитъ, но которое само стоитъ невозмутимо и въ которомъ и посредствомъ котораго все совершается? Скажите, неужели вамъ совсѣмъ не нужно, чтобы на землѣ существовалъ какой-нибудь непреходящій духовный памятникъ? Неужели, кромѣ гранитной пирамиды, вамъ не нужно никакого другого человѣческаго созданія, которое было бы способно противостоять закону смерти?

Покойной ночи, мой другъ. Остальное—до другого раза, если хотите. Пишите мнѣ. До свиданія.

Кстати: я вижу многихъ вашихъ друзей, всѣхъ вашихъ дамъ, Пашковыхъ, Киндяковыхъ и пр. Всѣ васъ любятъ и дружески привѣтствуютъ, какъ и я.

Москва, 20 апрѣля.]

46.—Гр. А. Х. Бенкендорфу.

[Графъ.

Я только что получилъ отъ генерала Васильчикова письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ о благорасположеніи ко мнѣ Вашего Сіятельства. Онъ пишетъ мнѣ, графъ, что вы желаете, чтобы я написалъ вамъ. Вы уже предлагали мнѣ сдѣлать это, когда я имѣлъ честь васъ видѣть послѣдній разъ. Если я до сихъ поръ не воспользовался любезнымъ предложеніемъ прибѣгнуть къ вашему покровительству, то это потому, что, состоя нѣкогда при генералѣ и считая себя связаннымъ чувствомъ бла-

годарности за его постоянное дружеское ко мнѣ отношеніе, я полагалъ, что долженъ разсматривать его какъ естественнаго моего покровителя. Надѣюсь, графъ, что вы оцѣните мое поведеніе при данныхъ обстоятельствахъ и сохраните ваше милостивое расположеніе ко мнѣ.

Я знаю, графъ, что не имѣю никакого права на вниманіе правительства. Печальныя обстоятельства, слишкомъ долго удалявшія меня отъ службы, окончательно отбросили меня въ число людей, не имѣющихъ законныхъ основаній предъявлять ему какія-либо ходатайства. Тѣмъ не менѣе я имѣю смѣлость надѣяться, что, если Его Величество удостоитъ вспомнить обо мнѣ, Онъ, быть можетъ, припомнитъ и то, что я не во всѣхъ отношеніяхъ недостоинъ того, чтобы Онъ милостиво далъ мнѣ возможность доказать ему мою преданность и примѣнить тѣ силы, которыя я могъ бы отдать на службу ему. Я полагалъ сначала, что, за отсутствіемъ навыка въ гражданскихъ дѣлахъ, я могу ходатайствовать лишь о предоставленіи мнѣ дипломатической должности; и въ виду этого я просилъ генерала Васильчикова сообщить стоящему во главѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ казалось, могли бы найти примѣненіе при настоящемъ положеніи Европы, а именно о необходимости пристально слѣдить за движеніемъ умовъ въ Германіи. Да и въ настоящую минуту я вижу, что это было бы той службой, на которой я могъ бы лучше всего использовать плоды моихъ научныхъ занятій и труда всей моей жизни. Но положеніе вещей въ мірѣ политическомъ усложняется со дня на день, и при этихъ условіяхъ правительство можетъ положиться въ такомъ дѣлѣ лишь на хорошо извѣстныхъ ему лицъ. Теперь я стремлюсь лишь къ счастью быть извѣстнымъ Его Величеству. Среди дивныхъ дѣлъ этого славнаго царствованія, когда столько нашихъ надеждъ осуществилось, столько нашихъ благопожеланій исполнилось, наиболѣе разительнымъ является выборъ людей, призванныхъ къ дѣламъ. И если всегда утверждали, что первымъ качествомъ монарха является умѣніе найти людей, то, конечно, каждый изъ подданныхъ Его Величества, разъ онъ только стремится къ чести быть Имъ замѣченнымъ, можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что его усердіе будетъ оцѣнено по достоинству, что его пламенное желаніе служить Ему не пропадетъ даромъ, что мудрость его Государя сумѣетъ разобраться въ способностяхъ, какъ бы ничтожны онѣ ни были, разъ онъ можетъ ими воспол-

зоваться для блага Государства. Итакъ я отдаю себя въ полное и безусловное распоряженіе Его Величества: я буду счастливъ, если моей грядущей судьбой буду обязанъ исключительно моему Императору, августѣйшему судьѣ всѣхъ нашихъ достоинствъ, законному цѣнителю тѣхъ услугъ, которыя каждый изъ насъ можетъ оказать отечеству!

Но вы, графъ, согласившійся со столь благородной любезностью предстательствовать за меня передъ лицомъ Властителя, вы соблаговолите, смѣю надѣяться, обратить Его вниманіе и на невыгоды моего положенія. Въ Бозѣ почившій Императоръ, увольняя меня въ отставку, не пожелалъ пожаловать мнѣ чинъ полковника, слѣдовавшій мнѣ, но котораго я безспорно не заслуживалъ въ виду моего смѣшного упорства уйти въ отставку. Такимъ образомъ я имѣю лишь чинъ капитана гвардіи. Я долженъ сказать однако, что если плохое состояніе моего здоровья и моихъ имущественныхъ дѣлъ долгое время препятствовало мнѣ поступить на службу Его Величества, я все же провелъ все это время не безъ того, чтобъ постараться собрать кое-какія свѣдѣнія и кое-какія знанія, которыя я могъ бы, при случаѣ, использовать для блага моей страны. Я въ высшей степени нуждаюсь, графъ, во всемогущемъ благорасположеніи Императора. Безъ него, погребенный во мракѣ, на который осуждаетъ меня мой чинъ, я едва ли могу разсчитывать на то, что взглядъ Его Величества падетъ на меня.

Благоволите, графъ, принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи.

Чаадаевъ.

Москва. 1833. 1 іюня.]

47.—Николаю I.

[Государь.

Ваше Величество благоволили согласиться на мое ходатайство о принятіи меня вновь на службу. Вамъ угодно, чтобы я поступилъ въ министерство финансовъ. Ваша воля, Государь, законъ для меня, и милость, съ которой Вы снизошли на мою просьбу, составляетъ мое счастье. Но когда я рѣшился вновь посвятить себя службѣ Вашего Величества, я имѣлъ въ виду не только мою выгоду, я стремился и къ славѣ съ пользой послужить Вамъ. Вѣдомство, къ которому Вы меня предназна-

чаете, Государь, предполагаетъ положительныя свѣдѣнія по предмету, который мнѣ чуждъ. Одушевленный желаніемъ исполнить Вашу волю, я вижу, что прилежаніемъ въ сихъ предметахъ я въ состояніи буду достигнуть когда-нибудь знакомства съ ними въ общихъ чертахъ. Но, Государь, высокіе взгляды, проводимые Вами во всѣхъ отрасляхъ управленія, и великія законодательныя мѣры, предпринятыя Вами, дѣлаютъ изъ Вашего царствованія славную эпоху, когда рядовыя способности и знанія у служителей Государства уже не могутъ соотвѣтствовать тому широкому розмаху, который приданъ правленію. Я, Государь, могъ бы явить на этомъ поприщѣ лишь непригодность человѣка, всѣ научныя занятія котораго въ прошломъ связаны были съ предметами, чуждыми этой области.

Государь, я не смѣю проникать Вашей царственной мысли, мнѣ невѣдомы Ваши намѣренія относительно меня. Но я знаю, и весь міръ, какъ и я, знаетъ, что всѣ дѣйствія Вашего правительства запечатлѣны великой мыслью, и эта мысль исходитъ отъ Васъ. Я обращаюсь поэтому къ Вамъ въ сознаніи, что говорю съ государемъ, столь же высоко стоящемъ, какъ человѣкъ, среди людей, сколь онъ высоко поставленъ, какъ Монархъ, среди монарховъ.

Я много размышлялъ надъ положеніемъ образованія въ Россіи и думаю, Государь, что, занявъ должность по народному просвѣщенію, я могъ бы дѣйствовать соотвѣтственно предначертаніямъ Вашего правительства. Я думаю, что въ этой области можно много сдѣлать, и именно въ томъ духѣ, въ которомъ, какъ мнѣ представляется, направлена мысль Вашего Величества. Я полагаю, что на учебное дѣло въ Россіи можетъ быть установленъ совершенно особый взглядъ, что возможно дать ему національную основу, въ корнѣ расходящуюся съ той, на которой оно зиждется въ остальной Европѣ, ибо Россія развивалась во всѣхъ отношеніяхъ иначе, и ей выпало на долю особое предназначеніе въ этомъ мірѣ. Мнѣ кажется, что намъ необходимо обособиться въ нашихъ взглядахъ на науку не менѣе, чѣмъ въ нашихъ политическихъ воззрѣніяхъ, и русскій народъ, великій и мощный, долженъ, думается мнѣ, во всемъ не подчиняться воздѣйствію другихъ народовъ, но съ своей стороны воздѣйствовать на нихъ. Если бы эти мысли оказались согласными со взглядами Вашего Величества, я былъ бы несказанно счастливъ содѣйствовать осуществленію ихъ въ нашей странѣ. Но прежде всего, я глубоко

убѣжденъ, что какой-либо прогрессъ возможенъ для насъ лишь при условіи совершеннаго подчиненія чувствъ и взглядовъ подданныхъ чувствамъ и взглядамъ Монарха.

Государь, я счелъ долгомъ честнаго человѣка доложить Вамъ о моей непригодности въ той области, которую Вы мнѣ предназначили, и о томъ, что я могъ бы дать въ другой области. Но какова бы ни была Ваша верховная воля по отношенію ко мнѣ, я буду счастливъ подчиниться ей. Вы, Государь, судья въ вопросѣ о томъ, какое примѣненіе слѣдуетъ дать для общаго блага способностямъ того или другого изъ Вашихъ подданныхъ. Я умоляю лишь Ваше Величество соблаговолить милостиво оцѣнить тѣ поводы, которые вызываютъ мое поведеніе въ настоящемъ случаѣ.

Государь,
имѣю честь быть
Вашего Величества
вѣрноподданный
Чаадаевъ.

Іюль 15.]

48.—Гр. А. Х. Бенкендорфу.

См. т. I., стр. 176.

49.—Гр. А. Х. Бенкендорфу.

См. т. I., стр. 177.

50.—М. Я. Чаадаеву.

[Съ того дня, какъ я васъ видѣлъ, и ничего новаго не узналъ объ этомъ дѣлѣ. Матвѣевъ взялъ у меня вашъ приказъ и не возвращался. Тонъ вашей записки огорчилъ меня. Но, да будетъ такъ!]

51.—М. Я. Чаадаеву.

[Дорогой другъ. Матвѣевъ не показывался. Онъ долженъ былъ быть сегодня утромъ. Я надѣюсь, что онъ завтра придетъ. Я не

вызывалъ Оммона, чтобы они не встрѣтились; но я, можетъ быть, увижу его сегодня.]

52.—Гр. А. Х. Бенкендорфу.

См. т. I, стр. 179.

1835 г.

53.—А. И. Тургеневу.

[Ваше письмо, дорогой другъ, доставило мнѣ большое удовольствіе. Оно преисполнено того горячаго участія къ дѣламъ, представляющимъ общій интересъ, которое съ каждымъ днемъ все рѣже встрѣчается среди насъ: скоро объ этомъ и помину не будетъ. Но я долженъ вамъ сказать, что оно и огорчило меня. Рукопись, о которой вы говорите, никуда не годится; вотъ почему я и хотѣлъ взять ее у васъ обратно при вашемъ отъѣздѣ. Поэтому я и не намѣренъ отвѣтствовать за ея содержаніе. Вы получите другой экземпляръ того же; бросьте этотъ въ огонь, и пусть отъ него и слѣдовъ не останется. Вы поймете по этому, что я не имѣю ничего возразить противъ благожелательныхъ исправленій графини Ржевусской. Увѣрьте ее, пожалуйста, если встрѣтите ее, что я весьма тронутъ ея симпатіями, и, въ качествѣ философа женщинъ, очень высоко ихъ ставлю. Какъ знать? Быть можетъ, когда-нибудь мнѣ доведется лично высказать ей это. Если я выберусь когда-нибудь изъ моей страны, то она можетъ быть увѣрена, что мнѣ ничего не будетъ стоить сдѣлать крюкъ миль въ двѣсти и даже болѣе, чтобы засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. Но въ ожиданіи того, что мнѣ удастся посѣтить эту умную женщину, представьте себѣ, что всѣ умныя женщины уѣзжаютъ отсюда. Орлова уѣзжаетъ; Бравура уѣзжаетъ; Елагина уѣзжаетъ; княгиня Мещерская уѣхала. Эта, по крайней мѣрѣ, вернется; что касается остальныхъ, то онѣ отправляются къ вамъ въ Италію: вы легко можете себѣ представить, что я не пожелалъ имъ счастливаго пути, ибо, видитъ Богъ, у насъ и безъ того довольно...

Имѣете ли вы извѣстія о томъ, что у насъ появилось въ свѣтъ на этихъ дняхъ? Во-первыхъ, мы имѣемъ томъ разсказовъ Пав-

лова. Постарайтесь добыть его, и прочтите первый разсказъ: это стоитъ почитать. Или я очень ошибаюсь, или это произведеніе представляетъ событіе. Затѣмъ у насъ есть драма. Тоже событіе, но въ другомъ смыслѣ. Пьеса озаглавлена Скопинъ Шуйскій; авторъ—Кукольникъ, нѣчто въ родѣ Виктора Гюго въ маленькомъ форматѣ и, понятно, безъ его устремленій. Вамъ извѣстно, что этотъ Скопинъ Шуйскій одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей исторіи, единственное, быть можетъ, по своему размѣру на всемъ протяженіи нашихъ лѣтописей. Это цивилизованный герой, герой на западный ладъ. Между тѣмъ въ драмѣ не онъ является первенствующимъ лицомъ, а Ляпуновъ. Этотъ послѣдній—дикарь, варваръ, своей варварской грузностью совершенно подавляющій Шуйскаго, и онъ—является великимъ человѣкомъ даннаго поэтическаго произведенія. Ему, слѣдовательно, апплодисменты, ему фанатизмъ публики. Вамъ понятно, куда клонитъ эта прекрасная концепція. Тамъ есть мѣста, исполненныя дикой энергіи и направленныя противъ всего, идущаго съ Запада, противъ всякаго рода цивилизаціи, а партеръ этому неистово хлопаетъ! Вотъ, мой другъ, до чего мы дошли.

Еще любопытную вещь найдете вы въ Библіотекѣ. Крикъ бѣшенаго безумца противъ нѣмецкой философіи. Обратите на это свое вниманіе; никогда еще литературное безстыдство, никогда еще цинизмъ духа не заходили такъ далеко; и что всего забавнѣе: эта статья помѣщена бокъ-о-бокъ съ прелестнѣйшимъ письмомъ Жуковскаго, пропитаннымъ нѣмецкимъ духомъ.

Въ настоящую минуту у насъ происходитъ какой-то странный процессъ въ умахъ. Вырабатывается какая-то національность, которая, не имѣя возможности обосноваться ни на чемъ, такъ какъ для сего рѣшительно отсутствуетъ какой-либо матеріалъ, будетъ, понятно, если только удастся соорудить что-нибудь подобное, совершенно искусственнымъ созданіемъ. Такимъ образомъ, поэзія, исторія, искусство, все это рухнетъ въ бездну лжи и обмана, и это въ тотъ вѣкъ, когда, въ другихъ мѣстахъ, огромный анализъ расправляется съ послѣдними остатками иллюзій въ областяхъ пониманія. Въ настоящее время невозможно предвидѣть, куда это насъ приведетъ; быть можетъ въ глубинѣ всего этого скрывается нѣкоторое добро, которое и проявится въ назначенный для сего часъ; возможно, что это тоже своего рода анализъ, который приведетъ насъ въ концѣ-кон-

цовъ къ сознанію того, что мы должны искать обоснованія для нашего будущаго въ высокой и глубокой оцѣнкѣ нашего настоящаго положенія предъ лицомъ вѣка, а не въ нѣкоторомъ прошломъ, которое является ничѣмъ инымъ, какъ небытіемъ. Какъ бы то ни было, въ ожиданіи того, что предначертанія Провидѣнія станутъ явными, это направленіе умовъ представляется мнѣ истиннымъ бѣдствіемъ. Скажите, развѣ это не жалость видѣть, какъ мы въ то время, какъ всѣ народы братаются, и всѣ мѣстныя и географическія отличія стираются, обращаемся такимъ образомъ вновь на себя и возвращаемся къ квасному патріотизму? Вы знаете, что я держусь того взгляда, что Россія призвана къ необъятному умственному дѣлу: ея задача дать въ свое время разрѣшеніе всѣмъ вопросамъ, возбуждающимъ споры въ Европѣ. Поставленная внѣ того стремительнаго движенія, которое уноситъ тамъ умы, имѣя возможность спокойно и съ полнымъ безпристрастіемъ взирать на то, что волнуетъ тамъ души и возбуждаетъ страсти, она, на мой взглядъ, получила въ удѣлъ задачу дать въ свое время разгадку человѣческой загадки. Но если это направленіе умовъ продолжится, мнѣ придется проститься съ моими прекрасными надеждами: можете судить, чувствую ли я себя въ виду этого счастливымъ. Мнѣ, который любилъ въ своей странѣ лишь ея будущее, что прикажете мнѣ тогда дѣлать съ ней? Этой точкѣ зрѣнія, свободной отъ всякихъ предразсудковъ, отъ всякихъ эгоизмовъ, замедляющихъ еще въ старомъ обществѣ конечное развитіе разума, точкѣ зрѣнія, къ которой понуждаетъ насъ самая природа вещей; этому могучему порыву, который долженъ былъ перенести насъ однимъ скачкомъ туда, куда другіе народы могли придти лишь путемъ неслыханныхъ усилій и пройдя черезъ страшныя бѣдствія, этой широкой мысли, которая у другихъ могла быть лишь результатомъ духовной работы, поглотившей цѣлые вѣка и поколѣнія, предпочитаютъ узкую идею, отвергнутую въ настоящее время всѣми націями и повсюду исчезающую. Ну что-жъ, пусть будетъ такъ; я больше въ это вмѣшиваться не стану. Я громко высказалъ мою мысль, остальное будетъ дѣломъ Бога. Будьте здоровы, мой другъ. *Да пріидетъ царствіе Твое.*

Доставьте мнѣ удовольствіе: соберите кой-какія свѣдѣнія о нѣкоемъ Филаретѣ Шаль, превосходныя статьи котораго попадаются мнѣ въ Revue de Paris. Затѣмъ, что такое аббатъ Лакордеръ? Свѣчина можетъ вамъ навѣрное сообщить кой-что о

немъ. Кн. Мещерская вернулась и поручила мнѣ сказать вамъ, что она говорила о вашихъ Обливанцахъ, и что эти маленькія преслѣдованія происходятъ безъ вѣдома высшихъ властей, и что преслѣдователи уже получили выговоръ по этому поводу.

1 мая.]

54.—А. И. Тургеневу.

[Вотъ, дорогой другъ, рукопись, которую я обѣщалъ прислать вамъ. Это лишь новый экземпляръ того, что у васъ есть; но онъ можетъ на этотъ разъ, думается мнѣ, безъ стыда появиться передъ публикой цивилизованнаго міра. Поспѣшите, пожалуйста, увѣдомить меня о полученіи. Вы понимаете, что я не вполнѣ увѣренъ въ его благополучномъ прибытіи. Впрочемъ заботу о немъ взялъ на себя Мейндорфъ. Мейндорфъ много разсказывалъ мнѣ о какой-то France littéraire, гдѣ онъ во что бы то ни стало хочетъ напечатать меня. Въ добрый часъ. Но что такое France littéraire? Сиркуры не больно ее хвалятъ. Это, говорятъ, партійное предпріятіе. Не забудьте сообщить мнѣ, получили ли вы длинное письмо въ отвѣтъ на ваше письмо изъ Вѣны, гдѣ я писалъ вамъ о всякой всячинѣ, главнымъ образомъ о нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. На этотъ разъ я вамъ не сообщу ничего. Итакъ, будьте здоровы. Если правда, что вы все еще въ Парижѣ, въ этомъ центрѣ мрачнаго свѣта, то не забудьте, когда будете писать мнѣ, послать мнѣ нѣсколько лучей этого мрака, ну хотя бы что-нибудь Мишеле, Лерминье, проповѣдь Лакордера и т. д., и т. д. Передайте, пожалуйста, пожатіе руки изъ самыхъ нѣжныхъ вашему брату. Да пріидетъ царство Твое.]

55.—А. И. Тургеневу.

[Благодарю васъ, мой другъ, за ваши крайне интересныя сообщенія. Это—настоящее Обозрѣніе въ формѣ письма. Ваше письмо изъ Лондона въ особенности живо меня заинтересовало. Значитъ правда, что существуетъ только одна мысль отъ края до края вселенной; значитъ дѣйствительно есть вселенскій Духъ, парящій надъ міромъ, тотъ Welt-Geist, о которомъ говорилъ мнѣ Шеллингъ, и передъ которымъ онъ такъ величественно скло-

нялся; можно значитъ подать руку другому на огромномъ разстояніи; для мысли не существуетъ пространства, и эта безконечная цѣпь единомысленныхъ людей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль всѣми силами своей души и своего разума, идетъ, слѣдовательно, въ ногу и объемлетъ своимъ кольцомъ всю вселенную. Продолжайте давать мнѣ чувствовать движеніе міра: ваши труды, я надѣюсь, не пропадутъ даромъ. Есть впрочемъ вещи, которыя ускользаютъ отъ васъ. Вы ничего мнѣ не сказали, напримѣръ, о послѣднемъ сочиненіи Гейне. Правда, что большая часть главъ этой странной книги появились уже раньше въ различныхъ журналахъ; но не можетъ быть, чтобы соединеніе ихъ въ одно цѣлое не вызвало волненія въ философскомъ мірѣ. Знаете, какъ я назвалъ Гейне? Фіески въ философіи. Вы знаете, что онъ проводитъ параллель между Кантомъ и Робеспьеромъ, Фихте и Наполеономъ, и Шеллингомъ и Карломъ X. Я, слѣдовательно, только продолжилъ параллель и вполнѣ естественно пришелъ къ ужасающему сочетанію этихъ двухъ сатанинскихъ существъ, представляющихъ, какъ тотъ, такъ и другой, цареубійцъ, каждый на свой ладъ. Смѣю думать, что этотъ новый Фіески немногимъ лучше стараго; но во всякомъ случаѣ его книга есть покушеніе, во всемъ подобное бульварному, съ тою только разницею, что короли Гейне законнѣе короля Фіески; ибо это, во-первыхъ, самъ Господь Богъ, а затѣмъ всѣ помазанные науки и философіи. Въ остальномъ, тотъ же анархическій принципъ, то же слѣдствіе вашей прославленной революціи; наконецъ, какъ тотъ, такъ и другой безспорно вышли изъ парижской грязи.

Я не знаю, каково въ настоящее время ваше мнѣніе объ этомъ волканическомъ изверженіи всей накопленной Франціей грязи, выбросившемъ въ свѣтъ плачевную золотую посредственность; что до меня, то я съ каждымъ днемъ нахожу новыя основанія негодовать на него. Повѣрьте мнѣ, оно отодвинуло міръ на полъ-столѣтія назадъ, спутало окончательно всѣ соціальныя идеи, и Богъ знаетъ, когда они еще распутаются! Это сужденіе есть сужденіе ума безпристрастнаго въ той степени, въ какой это только возможно, ибо это умъ русскій, доведенный до предѣловъ свойственной ему безличности. Вы знаете, что, по моимъ воззрѣніямъ, русскій умъ есть умъ безличный по преимуществу. Дѣло въ томъ, что оцѣнить, какъ слѣдуетъ, европейскія событія можно лишь съ того разстоянія, на ко-

торомъ мы отъ нихъ находимся. Мы стоимъ, по отношенію къ Европѣ, на исторической точкѣ зрѣнія, или, если угодно, мы—публика, а тамъ актеры, намъ и принадлежитъ право судить пьесу.

Эта великая пьеса, которая разыгрывается народами Европы, и на представленіи которой мы присутствуемъ въ качествѣ холодныхъ и безпристрастныхъ зрителей, напоминаетъ маленькую пьесу Загоскина, которая въ скоромъ времени будетъ поставлена здѣсь, на которую также будетъ взирать безпристрастная и холодная публика, и заглавіе которой *Недовольные*. Недовольные! Понимаете вы всю тонкую иронію этого заглавія? Чего я, съ своей стороны, не могу понять, это—гдѣ авторъ разыскалъ дѣйствующихъ лицъ своей пьесы. У насъ, слава Богу, только и видишь, что совершенно довольныхъ и счастливыхъ людей. Глуповатое благополучіе, блаженное самодовольство, вотъ наиболѣе выдающаяся черта эпохи у насъ; и что особенно замѣчательно, это то, что какъ разъ въ то время, когда всѣ эти слѣпыя и страстныя національныя самоутвержденія, враждебныя другъ другу, унаслѣдованныя христіанскими народами отъ временъ язычества, сглаживаются, и всѣ цивилизованныя націи начинаютъ отрекаться отъ презрительнаго самодовольства въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, намъ взбрело въ голову стать въ позу безсмысленнаго созерцанія нашихъ воображаемыхъ совершенствъ. Говорятъ, что О... и я выведены въ новой пьесѣ. Странная мысль сдѣлать недовольнаго изъ О..., изъ этого свѣтскаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ счастливаго, счастливаго до фанатичности. А я, что я сдѣлалъ, что я сказалъ такого, что могло бы послужить основаніемъ къ обвиненію меня въ оппозиціи? Я только одно непрестанно говорю, только и дѣлаю, что повторяю, что все стремится къ одной цѣли, и что эта цѣль есть Царство Божіе. Ужъ не попала ли невзначай молитва Господня подъ запретъ? Правда, я иногда прибавляю, что земныя власти никогда не мѣшали міру идти впередъ, ибо умъ есть нѣкій флюидъ несжимаемый, какъ и электричество; что намъ нѣтъ дѣла до крутни Запада, ибо сами то мы не Западъ; что Россія, если только она уразумѣетъ свое призваніе, должна принять на себя иниціативу проведенія всѣхъ великодушныхъ мыслей, ибо она не имѣетъ привязанностей, страстей, идей и интересовъ Европы. Что же во всемъ этомъ еретическаго, скажите на милость? И почему бы я не имѣлъ права сказать и того, что Россія слишкомъ могуще-

ственна, чтобы проводить національную политику; что ея дѣло въ мірѣ есть политика рода человѣческаго; что Императоръ Александръ прекрасно понялъ это, и что это составляетъ лучшую славу его; что Провидѣніе создало насъ слишкомъ великими, чтобъ быть эгоистами; что оно поставило насъ внѣ интересовъ національностей и поручило намъ интересы человѣчества; что всѣ наши мысли въ жизни, наукѣ, искусствѣ должны отправляться отъ этого и къ этому приходить; что въ этомъ наше будущее, въ этомъ нашъ прогрессъ; что мы представляемъ огромную непосредственность безъ тѣсной связи съ прошлымъ міра, безъ какого-либо безусловнаго соотношенія къ его настоящему; что въ этомъ наша дѣйствительная логическая данность; что если мы не поймемъ и не признаемъ этихъ нашихъ основъ, весь нашъ послѣдующій прогрессъ во-вѣки будетъ лишь аномаліей, анахронизмомъ, безсмыслицей. Пеняйте на Загоскина за всю эту болтовню, но позвольте вамъ сказать еще и слѣдующее. Въ насъ есть, на мой взглядъ, изумительная странность. Мы сваливаемъ всю вину на правительство. Правительство дѣлаетъ свое дѣло, только и всего; давайте дѣлать свое, исправимся. Странное заблужденіе считать безграничную свободу необходимымъ условіемъ для развитія умовъ. Взгляните на Востокъ! Развѣ это не классическая страна деспотизма? И что жъ? Какъ разъ оттуда пришелъ міру всяческій свѣтъ. Взгляните на арабовъ! Имѣли ли они хоть какое-нибудь представленіе о счастьи, даруемомъ конституціоннымъ режимомъ? И тѣмъ не менѣе мы имъ обязаны доброй частью нашихъ познаній. Взгляните на средніе вѣка. Имѣли ли они хоть малѣйшее понятіе о несказанной прелести золотой посредственности? И однако именно въ средніе вѣка человѣческій умъ пріобрѣлъ свою наивеличайшую энергію. Наконецъ, думаете ли вы, что цензура, упрятавшая Галилея въ тюрьму, въ чемъ либо уступала цензурѣ Уварова и присныхъ его? И тѣмъ не менѣе земля вертится себѣ послѣ пинка, даннаго ей Галилеемъ! Слѣдовательно, будьте геніальны, и увидите.

Я только что прочелъ въ Journal des Débats превосходную статью Марка Жирарденъ по поводу новаго изданія св. Іоанна Златоуста. Если вы знакомы съ Жир., то скажите ему, что московскій философъ, изъ вашихъ друзей, проситъ васъ передать ему благодарность за нее. Нужно, чтобы тамъ знали, что хорошее находитъ отголосокъ даже и въ сихъ областяхъ, гдѣ средняя температура пятнадцать дней къ ряду стоитъ на 30^0 Реомю-

ра, какъ было у насъ недавно, и что холодъ, замораживающій ртуть, не замораживаетъ глубокой идеи. Быть можетъ также они поймутъ, что нашъ вѣкъ не столь атеистиченъ, какъ о немъ говорятъ, когда увидятъ, что религіозная идея немедленно встрѣчаетъ привѣтъ даже въ столь отдаленной странѣ, какъ только она выражена выдающимся умомъ.

Жир. показываетъ, что весь прогрессъ физическихъ наукъ за послѣднее время клонится къ подтвержденію системы, изложенной въ библейской книгѣ Бытія, и основывается на новомъ трактатѣ объ электричествѣ Беккереля. Какъ разъ въ то время, какъ я сѣлъ писать вамъ, я кончалъ чтеніе этого трактата. Любопытно то, что самъ авторъ не подозрѣваетъ, что его книгу можно использовать въ этомъ смыслѣ, онъ даже опровергаетъ тѣ доводы, которые Кювье приводитъ въ пользу космогоніи Моисея. Я напалъ при чтеніи еще на одно странное обстоятельство. Какъ это случилось, что въ великое дѣло электричества, въ которомъ приняли участіе люди всѣхъ цивилизованныхъ націй, мы не внесли ничего. Кое-какія наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ, сдѣланныя чужестранцами, напримѣръ Купферомъ, и это, пожалуй, все. Однажды попадается имя Симонова, изъ Казани, и то съ тѣмъ, чтобъ оказать ему, что его наблюденіе ровно ничего не стоитъ. Приходится признаться, что въ нашей умственной организаціи есть какой-то глубокій недостатокъ. Мы совершенно лишены, напримѣръ, способности къ логической послѣдовательности, духа метода и постепенности. Спурцгеймъ въ своей френологической классификаціи человѣческихъ способностей даетъ этой группѣ названіе органа *причинности;* вотъ этотъ то органъ и остался безъ развитія въ нашемъ бѣдномъ мозгу; стоитъ только пощупать свой черепъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что идея никогда не властвовала среди насъ; мы никогда не были движимы великими вѣрованіями, могучими убѣжденіями. Что представляютъ собой, въ самомъ дѣлѣ, мелочныя событія нашей религіозной исторіи по сравненію со вспышками христіанской мысли на Западѣ? И не говорите, что мы молоды, что мы отстали отъ другихъ народовъ, что мы нагонимъ ихъ. Нѣтъ, мы столь же мало представляемъ собой XVI или XV вѣкъ Европы, сколь и XIX ея вѣкъ. Возьмите любую эпоху въ исторіи западныхъ народовъ, сравните ее съ тѣмъ, что представляемъ мы въ 1835 году по Р. X., и вы увидите, что у насъ другое начало цивилизаціи, чѣмъ у этихъ народовъ; вы увидите, что

эти націи всегда жили жизнью одушевленной, разумной, плодотворной; что имъ съ самаго начала дана была нѣкоторая идея, и что погоня за этой идеей, ея развитіе создали всю ихъ исторію; что, наконецъ, они всегда творили, выдумывали, изобрѣтали. Скажите мнѣ, гдѣ та идея, которую мы развиваемъ? Что мы открыли, выдумали, создали? Поэтому намъ не зачѣмъ бѣжать за другими; намъ слѣдуетъ откровенно оцѣнить себя, понять, что мы такое, выйти изъ лжи и утвердиться въ истинѣ. Тогда мы пойдемъ впередъ, и пойдемъ скорѣе другихъ, потому что пришли позднѣе ихъ, потому что мы имѣемъ весь ихъ опытъ и весь трудъ вѣковъ, предшествовавшихъ намъ. Люди Европы странно ошибаются на нашъ счетъ. Вотъ, къ примѣру, Жуффруа сообщаетъ намъ, что наше предназначеніе—цивилизовать Азію. Прекрасно; но спросите его, пожалуйста, гдѣ тѣ народы Азіи, которые были цивилизованы нами? Развѣ что мастодонты и остальное ископаемое населеніе Сибири; насколько мнѣ извѣстно, это единственный родъ существъ, выведенный нами изъ мрака, да и то благодаря Палласамъ и Фишерамъ. Они упорно уступаютъ намъ Востокъ; по какому-то инстинкту европейской національности, они оттѣсняютъ насъ на Востокъ, чтобы не встрѣчать насъ больше на Западѣ. Намъ не слѣдуетъ попадаться на ихъ невольную хитрость; постараемся сами открыть наше будущее, и не будемъ спрашивать у другихъ, что намъ дѣлать. Востокъ—удѣлъ господствующихъ надъ морями, это очевидно; мы значительно болѣе удалены отъ него, чѣмъ англичане, и теперь уже не тѣ времена, когда всѣ перевороты на Востокѣ шли изъ центральной Азіи. Новый уставъ Индійской Компаніи, вотъ отнынѣ дѣйствительное цивилизующее начало Азіи. Мы призваны, напротивъ, обучить Европу безконечному множеству вещей, которыхъ ей не понять безъ этого. Не смѣйтесь: вы знаете, что это мое глубокое убѣжденіе. Придетъ день, когда мы станемъ умственнымъ средоточіемъ Европы, какъ мы уже сейчасъ являемся ея политическимъ средоточіемъ, и наше грядущее могущество, основанное на разумѣ, превыситъ наше теперешнее могущество, опирающееся на матеріальную силу. Таковъ будетъ логическій результатъ нашего долгаго одиночества; все великое приходило изъ пустыни. Могучій голосъ, на этихъ дняхъ раздавшійся въ мірѣ, въ особенности послужитъ къ ускоренію исполненія судебъ нашихъ.

Пришедшая въ остолбенѣніе и ужасъ, Европа съ гнѣвомъ

оттолкнула насъ; роковая страница нашей исторіи, написанная рукой Петра Великаго, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежимъ къ Европѣ: итакъ, съ этого дня наша вселенская миссія началась. Поэтому обратите вниманіе, что никогда еще ни одно дѣйствіе правительства не было встрѣчено болѣе единодушными симпатіями націи, никогда не видано было болѣе совершеннаго согласія между чувствами государя и чувствами народовъ! Ибо въ данномъ случаѣ само Провидѣніе говорило устами монарха: вотъ почему всѣ инстинкты націи преклонились передъ этимъ глаголомъ свыше.

Но, впрочемъ, будетъ философствовать; поговоримъ немного о себѣ. Я получилъ недавно вѣсти о нашемъ славномъ Шеллингѣ черезъ молодого Гагарина. Если все, что этотъ молодой человѣкъ передалъ мнѣ отъ имени философа, не преувеличено, то я не могу не быть весьма тронутымъ этимъ приложеніемъ ученія о *Тождествѣ* къ моей незначительной персонѣ. Повидимому, жалкая статья *Библіотеки* не дошла до него. Но вы ничего мнѣ не пишете больше о Балланшѣ.

А знаете, что я было построилъ цѣлую философію на его симпатіяхъ. Признаюсь вамъ, впрочемъ, что я былъ крайне удивленъ его сужденію о моей статьѣ; плохой экземпляръ, бывшій въ его рукахъ, не давалъ мнѣ основаній разсчитывать на это. Какъ бы то ни было, въ интересахъ философіи вамъ не слѣдовало бы давать порваться связямъ, установленію которыхъ вы сами содѣйствовали. Еще съ кѣмъ бы мнѣ очень хотѣлось установить сношенія, это де-Генудъ. Есть что-то живое въ этой душѣ священника: онъ не смотритъ, сложа руки, на проходящихъ мимо людей. онъ стучится во всѣ двери, онъ вездѣ со своимъ Христомъ. Такова католическая философія. Начало католичества есть начало дѣятельное, начало соціальное, прежде всего. Этотъ характеръ вы найдете въ немъ во всѣ эпохи новаго времени. Одно оно восприняло Царство Божіе не только какъ идею, но еще и какъ фактъ, ибо одно оно владѣло тѣми священными традиціями, тѣмъ ученіемъ избранныхъ, которыя во всѣ времена поддерживали существованіе міра, причемъ этотъ послѣдній даже и не подозрѣвалъ объ этомъ. *Въ мірѣ былъ, и міръ черезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ.* Какъ видите, моя религія не совсѣмъ совпадаетъ съ религіей богослововъ, и вы можете мнѣ сказать, пожалуй, что это и не религія народовъ. Но я вамъ скажу, что это та религія, которая скрыта въ умахъ,

а не та, которая у всѣхъ на языкѣ; что это религія вещей, а не религія формъ; что это религія, какова она есть, а не какова она намъ кажется; наконецъ, что это та предвосхищенная религія, къ которой въ настоящее время взываютъ всѣ пламенныя сердца и глубокія души, и которая, по словамъ великаго историка будущаго, станетъ въ грядущемъ послѣдней и окончательной формой поклоненія и всей жизнью человѣчества; но которая, въ ожиданіи этого, не сталкивается съ народными вѣрованіями, а, напротивъ, въ своей любвеобильности пріемлетъ ихъ, хотя и идетъ дальше ихъ. Если бы въ тѣ времена, когда я искалъ религіи, я встрѣтилъ бы въ окружающей меня средѣ готовую, я навѣрное принялъ бы ее; но не найдя таковой, я принужденъ былъ принять исповѣданіе Фенелоновъ, Паскалей, Лейбницовъ и Беконовъ. Вы, между прочимъ, были неправы, когда опредѣлили меня какъ истиннаго католика. Я, конечно, не стану отрекаться отъ своихъ вѣрованій; да, впрочемъ, мнѣ было бы и не къ лицу теперь, когда моя голова начинаетъ покрываться сѣдиной, извращать смыслъ цѣлой жизни и всѣхъ убѣжденій моихъ; тѣмъ не менѣе, признаюсь, я не хотѣлъ бы, чтобы двери убѣжища захлопнулись передо мной, когда я постучусь въ нихъ въ одно прекрасное утро. Пусть сіе заключеніе моей рѣчи не смущаетъ васъ; вы знаете, что я уже съ давнихъ поръ готовлюсь къ катастрофѣ, которая явится развязкой моей исторіи. Моя страна не упуститъ подтвердить мою систему, въ этомъ я ни мало не сомнѣваюсь.

Будьте здоровы, мой другъ. Смѣю надѣяться, что вы не будете больше упрекать меня въ безмолвіи и сами не измѣните вашимъ добрымъ привычкамъ. Сообщите мнѣ, какъ поживаетъ Свѣчина, вы не можете не понимать, сколь глубоко я интересуюсь всѣмъ, что касается этой дамы. Что касается вашихъ порученій, то они исполняются по мѣрѣ ихъ полученія, если не всегда съ успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ всегда съ усердіемъ. Впрочемъ, нужно было бы быть болѣе свѣдующимъ въ физіологіи страстей, чѣмъ я, чтобы съ успѣхомъ служить вамъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ крѣпко люблю и дѣлаю, что могу. *Да пріидетъ Царствіе Твое.*

Княгиня Мещерская пріѣзжаетъ на-дняхъ изъ деревни, итакъ я буду имѣть случай поговорить съ ней о васъ.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ написано это письмо. Булгакова не было въ Москвѣ. Повидимому, онъ уже давно вернулся, но я

узналъ объ этомъ только вчера. Отправляю его, какъ оно есть, дабы не брать на себя труда писать новое. За это время я получилъ брошюру Экштейна. Передайте ему, пожалуйста, что я весьма тронутъ этой чисто философской любезностью, и что я не замедлю написать ему. Вы не говорите мнѣ ничего о человѣкѣ, который такъ долго былъ лучшимъ изъ друзей. Это нехорошо съ вашей стороны.]

1836 г.

56.—А. С. Пушкину.

См. т. I, стр. 190.

57.—А. И. Тургеневу.

[Вотъ, дорогой другъ, письмо къ барону Экштейну. Не знаю, гдѣ оно застанетъ васъ, ибо вы мнѣ пишете объ отъѣздѣ, но не говорите мнѣ, въ какія страны свѣта вы направляете свои шаги. Я промедлилъ съ письмомъ къ барону въ виду того, что гг. *Наблюдатели* предполагали использовать его брошюру для своего журнала. Они ничего не сдѣлали въ этомъ смыслѣ, а я тѣмъ временемъ откладывалъ писаніе со дня на день, чтобы имѣть возможность сказать ему что-нибудь по этому поводу. Говорятъ, что мы находимся по сосѣдству съ Индіей: неправда ли, что мы проявляемъ отмѣнное любопытство по отношенію къ индійскимъ дѣламъ!

Скажите все это Экштейну, если эти письма прибудутъ въ Парижъ до вашего отъѣзда. Вы пишете мнѣ о цѣломъ рядѣ вещей, которыя вы выслали Вяземскому, и которыя онъ долженъ былъ передать мнѣ по прочтеніи. Я еще ничего изъ этого не получалъ. Ни «Молитвы Господней», ни Ликордера. Кстати, надѣюсь, что онъ въ Римѣ приметъ мѣры, чтобы стать папой: я гарантирую ему благодать Св. Духа. Святой Духъ былъ всегда Духомъ вѣка, вотъ что слѣдуетъ понять хорошенько. Что въ настоящее время нужно Церкви, такъ это Гильдебранда, который столь же былъ бы проникнутъ духомъ своего времени, сколь тотъ былъ проникнутъ духомъ своего. Почему бы вашему

Лакордеру не быть призваннымъ къ сему человѣкомъ? Глубокія вещи зарыты въ демократическомъ элементѣ папства. Кто знаетъ, быть можетъ грядущему конклаву суждено возродить Церковь?

У насъ здѣсь Пушкинъ. Онъ очень занятъ своимъ Петромъ Великимъ. Его книга придется какъ разъ кстати, когда будетъ разрушено все дѣло Петра Великаго: она явится надгробнымъ словомъ ему. Вы знаете, что онъ издаетъ также журналъ подъ названіемъ *Современникъ*. Современникъ чего? XVI-го столѣтія, да и то нѣтъ? Странная у насъ страсть приравнивать себя къ остальному свѣту. Что у насъ общаго съ Европой? Паровая машина, и только. У *Токвилля* есть глубокая мысль, которую онъ укралъ у меня, а именно, что *точка отправленія народовъ опредѣляетъ ихъ судьбы*. У насъ этого не хотятъ понять: а между тѣмъ въ этомъ вся наша исторія. Поэтому, болѣе чѣмъ когда либо: *Да пріидетъ Царствіе Твое*. Княгиня Мещерская не менѣе меня жаждетъ получить хоть нѣсколько строкъ Лакордера, что не мѣшаетъ ей посылать вамъ дружескій привѣтъ. Будьте здоровы, мой другъ.]

58.—Кн. С. Мещерской.

См. т. I, стр. 192.

59.—Н. П. Брянчанинову.

См. т. I, стр. 193.

60.—А. И. Тургеневу.

[Не знаю, извѣстно ли вамъ уже, мой другъ, о домашнемъ обыскѣ, которымъ меня почтили. Забрали всѣ мои бумаги. Мнѣ остались только мои мысли: бѣдныя мысли, которыя привели меня къ этой прекрасной развязкѣ. Впрочемъ, я могу лишь одобрить похвальное любопытство властей, пожелавшихъ ознакомиться съ моими писаніями: отъ всего сердца желаю, чтобы это имъ пошло на пользу. Но не въ этомъ дѣло. Во-первыхъ: лишенный возможности продолжать мою работу, я скучаю, въ

первый разъ въ жизни. Самое удобное время для того, чтобы читать и учиться. Верните мнѣ поэтому *Штрауса*, если возможно, и опроверженія, которыя вы мнѣ обѣщали. Если у васъ есть еще что-нибудь, какое-либо пространное сочиненіе, то не скупитесь и пришлите мнѣ и его. Я не оставлю всего, а сдѣлаю выборъ. Не можете ли вы мнѣ дать, напримѣръ, книгу де-Местра о Беконѣ? Надѣюсь, что не злоупотреблю вашей снисходительностью, если попрошу васъ объ этомъ. Затѣмъ второе. Не думаете ли вы, что будутъ удивлены, не найдя вашихъ писемъ въ моихъ бумагахъ? Обдумайте поэтому, не будетъ ли въ вашихъ интересахъ переслать ихъ Бенкендорфу. Наконецъ, принуждены ли вы все еще сидѣть дома. Если вы не въ состояніи выходить, то я зайду къ вамъ нынче вечеромъ; а то, если можете, зайдите вы ко мнѣ сегодня же утромъ. *Да пріидетъ Царствіе Твое.*]

61.—С. Г. Строгонову.

См. т. I, стр. 194.

62.—А. И. Тургеневу.

[Мой добрый другъ, я былъ очень огорченъ, когда узналъ, что вы дважды заходили ко мнѣ и каждый разъ не заставали меня. Но вамъ слѣдовало бы подождать меня немножко въ моемъ большомъ креслѣ; тутъ ли малость подремать, или тамъ, не все ли равно? Какъ видите, я иногда позволяю себѣ прогуляться вечеркомъ; я думаю, что безопасность государства отъ этого не пострадаетъ. Впрочемъ, можно быть безумцемъ, и все же гулять по вечерамъ. Вы ничего не велѣли сказать мнѣ о томъ, придете ли вы завтра, въ середу, обѣдать ко мнѣ; мнѣ необходимо знать это сегодня, а также, придетъ ли Орловъ, или нѣтъ. Будьте здоровы, мой другъ, и дайте, пожалуйста, отвѣтъ.]

63.—А. И. Тургеневу.

[Вотъ двѣ изъ вашихъ книгъ. До меня дошелъ слухъ, что въ публикѣ толкуютъ, будто я пытался напечатать прославлен-

ный отрывокъ въ *Наблюдателѣ*. Это явная ложь; редакторы журнала могутъ подтвердить это. Имъ отлично извѣстно, что я не намѣревался ничего печатать въ ихъ журналѣ, кромѣ двухъ писемъ, прочитанныхъ на вечерѣ у Свербеевой. Первое письмо было сообщено имъ исключительно для того, чтобы имъ было понятно дальнѣйшее. Говорятъ также, что я уже дѣлалъ попытки напечатать оригиналъ у Семена. Опять таки ложь. Рукопись, переданная Семену, состояла изъ двухъ писемъ объ исторіи, въ которыхъ не было ничего, касающагося Россіи. Она была процензурована съ большимъ благожелательствомъ духовными цензорами отъ Тройцы, и у меня есть ихъ постановленіе по этому поводу. Разскажите это, пожалуйста, вашимъ знакомымъ. Вамъ понятно моральное значеніе всего этого. У меня нѣтъ демократическихъ замашекъ, и я никогда не искалъ благорасположенія толпы; но мнѣ очень дорого мнѣніе людей, почтившихъ меня своей дружбой.]

64.—Показанія Чаадаева въ 1836 году.

См. т. I, стр. 197.

65.—А. И. Тургеневу.

См. т. I, стр. 199.

66.—А. И. Тургеневу.

[Я только что узналъ, дорогой другъ, что Вы скоро возвращаетесь. Это мнѣ подало мысль попросить Васъ привезти мнѣ нѣсколько книгъ, которыхъ здѣсь найти нельзя. Прежде всего, исторію Гогенштауфеновъ Раумера и сочиненія Гегеля. Я думаю, что ни то, ни другое произведеніе не запрещено. Вы возьмете ихъ, конечно, у Грефа, и Вамъ не придется за нихъ платить, такъ какъ у него открытъ для меня кредитъ, къ тому же у него, какъ мнѣ кажется, еще лежитъ на коммиссіи одно изъ моихъ сочиненій. Затѣмъ, не найдете ли Вы англійскій религіозный кипсекъ и изслѣдованіе по философіи Индусовъ Колеброка, переводъ Тольтье. Наконецъ, привезите мнѣ побольше

французскихъ и нѣмецкихъ каталоговъ. Послѣ этого мнѣ остается только пожелать Вамъ всего лучшаго, но разъ перо у меня въ рукахъ, то я еще добавлю нѣсколько словъ.

Передайте, пожалуйста, Мейендорфу, что я глубоко огорченъ тѣмъ, что съ нимъ случилось, какъ бы ничтожно не было это происшествіе. Я надѣюсь, что съумѣютъ, наконецъ, дать должную оцѣнку тому злосчастному обороту мысли, который сорвался совершенно безсознательно съ его пера и что въ немъ увидятъ лишь преувеличенный комплиментъ, которымъ принято награждать любого автора любой рукописи. Нѣтъ человѣка, который болѣе чѣмъ Мейендорфъ расходился бы со мной во взглядахъ. Во всей этой исторіи, которая приняла такой серьезный оборотъ, нѣтъ и слѣда серьезныхъ убѣжденій, кромѣ убѣжденій самого автора, да и то убѣжденій болѣе философскаго характера, уже отчасти проржавѣвшихъ и готовыхъ уступить мѣсто болѣе современнымъ, болѣе національнымъ. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ печальныхъ послѣдствій моей наивной уступчивости болѣе всего огорчаютъ меня безпокойства, причиняемыя другимъ. Меня часто называли безумцемъ и я никогда не отрекался отъ этого званія и на этотъ разъ говорю — аминь, — какъ я всегда это дѣлаю, когда мнѣ на голову падаетъ кирпичъ, такъ какъ всякій кирпичъ падаетъ съ неба. И вотъ я снова въ своей Ѳиваидѣ, снова челнокъ мой присталъ къ подножію креста, и такъ до конца дней моихъ; скажу еще разъ: «буди, буди».

Пусть я безумецъ, но надѣюсь, что Пушкинъ приметъ мое искреннее привѣтствіе съ тѣмъ очаровательнымъ созданіемъ, его побочнымъ ребенкомъ, которое на-дняхъ дало мнѣ минуту отдыха отъ гнетущаго меня унынія. Скажите ему, пожалуйста, что особенно очаровало меня въ немъ его полная простота, утонченность вкуса, столь рѣдкія въ настоящее время, столь трудно достижимыя въ нашъ вѣкъ, вѣкъ фатовства и пылкихъ увлеченій, рядящійся въ пестрыя тряпки и валяющійся въ мерзости нечистотъ, подлинная блудница въ бальномъ платьѣ и съ ногами въ грязи. Иванъ Ивановичъ находитъ, что старый нѣмецкій генералъ былъ бы удачнѣе въ качествѣ историческаго лица, вѣдь эпоха то глубоко историческая; я, пожалуй, съ нимъ согласенъ, но это мелочь. Скажите еще Пушкину, что я погруженъ въ исторію Петра Великаго, читаю Голикова и счастливъ тѣми открытіями, которыя я дѣлаю въ этой невѣдомой странѣ. Было вполнѣ естественно для меня укрыться

у великаго человѣка, который кинулъ насъ на Западъ, и просить его защиты; но, признаюсь, я не ожидалъ найти его ни такимъ гигантомъ, ни столь расположеннымъ ко мнѣ.

Ну, будьте здоровы. Меня заливаютъ сплетни: это Ваша область; придите же и скажите этому морю: «стой, не далѣе!» Ваше повелѣніе, конечно, будетъ исполнено, и я съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ Васъ обниму.

Безумный.

NB. Нельзя ли найти въ Петербургѣ портретъ Беррье. Сегодня утромъ я прочиталъ его рѣчь въ парламентѣ, и сѣдая голова моя склонилась передъ этимъ грознымъ словомъ.]

1837 г.

67.—Л. М. Цынскому.

См. т. I, стр. 201.

68.—М. Я. Чаадаеву.

См. т. I, стр. 203.

69.—С. Л. Пушкину.

[Очень благодарю васъ, дорогой Пушкинъ, за вашу память обо мнѣ. Позвольте мнѣ оставить у себя до завтра письмо Жуковскаго. Мнѣ хочется показать его Орлову, одному изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ нашего славнаго покойника. Мнѣ только что вернули мои бумаги, среди которыхъ я нашелъ письмо Александра, пробудившее вновь всѣ мои сожалѣнія. Это письмо—единственное, сохранившееся у меня изъ всѣхъ многочисленныхъ писемъ, которыя онъ писалъ мнѣ въ разныя эпохи своей жизни, и я счастливъ, что нашелъ его. Итакъ до завтра съ письмомъ Жуковскаго.

Искренно преданный вамъ

Чаадаевъ.]

70.—И. Д. Якушкину.

См. т. I, стр. 205.

71.—А. И. Тургеневу.

См. т. I, стр. 208.

72.—А. И. Тургеневу.

Ты спрашиваешъ у нашей милой К. А. зачѣмъ я не пишу, а я у тебя спрашиваю зачѣмъ ты не пишешъ? Впрочемъ я готовъ писать, тѣмъ болѣе, что есть о чемъ, а именно о той книгѣ, которую ты мнѣ изволилъ прислать съ этой непристойной припиской, [*тому, кому вѣдать надлежитъ.*] По моему мнѣнію въ ней нѣтъ и того достоинства, которое во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ автора находилось, достоинства слога. И не мудрено: мысль совершенно ложная, хорошо выражена быть не можетъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что точка съ которой этотъ человѣкъ съ начала отправился была ложъ, теперь и подавно въ этомъ увѣренъ. Какъ можно искать разума въ толпѣ? Гдѣ видано, чтобъ толпа была разумна? [Что народъ можетъ имѣть общаго съ разумомъ?] сказалъ я когда-то какому-то нѣмцу. Пріѣхалъ бы къ намъ вашъ г. Ламене, и послушалъ бы, что у насъ толпа толкуетъ; посмотрѣлъ бы я какъ бы онъ тутъ приладилъ свой [гласъ народа, гласъ Божій?] Къ тому же это вовсе не христіанское исповѣданіе. Каждому извѣстно, что христіанство, во первыхъ, предполагаетъ жительство истины не на земли, а на небеси; во вторыхъ, что когда она является на земли, то возникаетъ не изъ толпы, а изъ среды избранныхъ или призванныхъ. Для меня во все непостижимо, какъ умъ столь высокой, одаренный дарами столь необычайными, могъ дать себѣ это странное направленіе, и притомъ видя, что̀ вокругъ него творится, дыша воздухомъ породившимъ воплощенную революцію и нелѣпую [золотую середину.] Ему есть одинъ только примѣръ въ исторіи христіанства, Саванарола; но какая разница! Какъ тотъ глубоко постигалъ свое посланіе, какъ точно отвѣчалъ потребности своего времени? Политическое хри-

стіанство отжило свой вѣкъ; оно въ наше время не имѣетъ смысла; оно тогда было нужно, когда созидалось новѣйшее общество, когда вырабатывался новый законъ общественной жизни. И вотъ почему, западное христіанство мнѣ кажется совершенно выполнило цѣль предозначенную христіанству вообще, а особенно на западѣ, гдѣ находились всѣ начала потребныя для составленія новаго гражданскаго міра. Но теперь дѣло совсѣмъ иное. Великій подвигъ совершенъ; общество сооружено; оно получило свой уставъ; орудія безпредѣльнаго совершенствованія вручены человѣчеству; человѣкъ вступилъ въ свое совершеннолѣтіе. Ни эпизоды безначалія, ни эпизоды угнетенія не въ силахъ болѣе остановить человѣческій родъ на пути своемъ. Такимъ образомъ, бразды міроправленія должны были естественно выпасть изъ рукъ римскаго первосвященника; христіанствс политическое должно было уступить мѣсто христіанству чисто духовному; и тамъ, гдѣ столь долго царили всѣ власти земныя, во всѣхъ возможныхъ видахъ, остались только символъ единства мысли, великое поученіе и памятники прошлыхъ временъ. Однимъ словомъ, христіанство нынче не должно иное что быть, какъ та высшая идея времени, которая заключаетъ въ себѣ идеи всѣхъ прошедшихъ и будущихъ временъ, и слѣдовательно должно дѣйствовать на гражданственность только посредственно, властію мысли а не вещества. Болѣе нежели когда должно оно жить въ области *духа* и отъ туда озарять міръ, и тамъ искать себѣ окончательнаго выраженія. Никогда толпа не была менѣе способна какъ въ наше время на то содѣйствіе, которое отъ нея ожидаетъ и требуетъ Ламене. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что и нынче много дѣла дѣлается и говорится на свѣтѣ, но возможно ли отыскать гласъ божій въ этомъ разногласномъ говорѣ мыслящаго и не мыслящаго народа, въ этомъ порывѣ одной толпы къ одному вещественному, другой, къ одному несбыточному? справедливо и то, что вѣчный разумъ повременно выражается въ дѣлахъ человѣческихъ, и что можно отъ части за нимъ слѣдовать въ исторіи народовъ, но не должно же принимать за его выраженіе возгласъ каждаго зброда людей, который мгновенно поколебавши воздухъ, ни малѣйшаго по себѣ не оставляетъ слѣда. Одному своему пріятелю, вотъ что писалъ я объ этой книгѣ: [«Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни христіанства. Вмѣсто того, чтобы просить у неба новыхъ откровеній, въ которыхъ могла бы нуждаться церковь

для своего возрожденія, этотъ ересіархъ обращается къ народамъ, вопрошаетъ народы, у народовъ ищетъ истины! Къ счастію для него, а также и для народовъ, сіи послѣдніе и не подозрѣваютъ о существованіи нѣкоего падшаго ангела, бродящаго среди мрака, имъ самимъ вокругъ себя созданнаго, и вопіющаго къ намъ изъ глубины этого мрака: «Народы, вставайте! вставайте во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Да, его мрачный вопль перепугалъ всѣхъ серьезныхъ христіанъ и надолго отодвинулъ наступленіе окончательныхъ выводовъ христіанства; черезъ него духъ зла вновь попытался растерзать священное единство, драгоцѣннѣйшій даръ, данный религіей человѣчеству; наконецъ, онъ самъ разрушилъ то, что нѣкогда самъ же создалъ. Итакъ, предоставимъ этого человѣка его заблужденіямъ, его совѣсти и милосердію Божію, и пусть, если это возможно, поднятый имъ соблазнъ не ляжетъ на него слишкомъ тяжкимъ бременемъ!»]

Сей часъ прочелъ я Вяземскаго Пожаръ. [Я не представлялъ его себѣ ни такимъ отмѣннымъ французомъ, ни такимъ отмѣннымъ русскимъ.] Зачѣмъ онъ прежде не вздумалъ писать по бусурмански? Не во гнѣвъ ему будь сказано, онъ гораздо лучше пишетъ по французски нежели какъ по руски. Вотъ дѣйствіе хорошихъ образцовъ, которыхъ по нещастію у насъ еще не имѣется. Для того, чтобъ писать хорошо на нашемъ языкѣ, надо быть необыкновеннымъ человѣкомъ, надо быть Пушкину или Карамзину *). Я знаю, что нынче не многіе захотятъ признать Карамзина за необыкновеннаго человѣка; фанатизмъ такъ называемой народности, слово по моему мнѣнію безъ граматическаго значенія у народа, который пользуется всѣмъ избыткомъ своего громаднаго бытія въ томъ видѣ въ которомъ оно составлено необходимостію, этотъ фанатизмъ говорю я, многихъ заставляетъ нынче забывать при какихъ условіяхъ развивается умъ человѣческій, и чего стоитъ у насъ человѣку родившемуся съ великими способностями сотворить себя хорошимъ писателямъ. [Дѣйственность краснорѣчія въ одобреніи слушателей], говоритъ Цицеронъ, и это относится до всякаго художественнаго произведенія. Что касается въ особенности до Карамзина, то скажу тебѣ, что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность въ

*) Я говорю о прозѣ, поэтъ вездѣ необыкновенный человѣкъ.

этой душѣ, какая теплота въ этомъ сердцѣ! Какъ здраво, какъ толково, любилъ онъ свое отечество! Какъ простодушно любовался онъ его огромностію, и какъ хорошо разумѣлъ, что весь смыслъ Россіи заключается въ этой огромности! А между тѣмъ, какъ и всему чужому зналъ цѣну и отдавалъ должную справѣдливость! Гдѣ это нынче найдешъ? А какъ писатель, что за стройной, звучной періодъ, какое вѣрное естетическое чувство! Живописность его пера необычайна: въ исторіи-же Россіи это главное дѣло; мысль разрушила бы нашу исторію, кистью одною можно ее создать. Нынче говорятъ, что намъ до слога? пиши какъ хочешъ, только пиши дѣло. Дѣло, дѣло! да гдѣ его взять, и кому его слушать? Я знаю, что не такъ развивался умъ у другихъ народовъ, тамъ мысль подавала руку воображенію и оба шли вмѣстѣ, тамъ долго думали на готовомъ языкѣ, но другіе намъ не примѣръ, у насъ свой путь. —

[Чтобы вернуться къ В.,] никто по моему мнѣнію не въ состояніи лучше его познакомить Европу съ Россіею. Его оборотъ ума именно тотъ самой, который нынче нравится европейской публикѣ. Подумаешъ, что онъ взросъ на улицѣ St. Honoré, а не у Калымажнаго двора. —

73.—М. Ѳ. Орлову.

[Да, другъ мой, сохранимъ нашу прославленную дружбу, и пусть міръ себѣ катится къ своимъ неисповѣдимымъ судьбинамъ. Насъ обоихъ треплетъ буря, будемъ же рука объ руку и твердо стоять среди прибоя. Мы не склонимъ нашего обнаженнаго чела передъ шквалами, свистящими вокругъ насъ. Но главнымъ образомъ не будемъ болѣе надѣятъся ни на что, рѣшительно ни на что для насъ самихъ. Ничто такъ не истощаетъ, ничто такъ не способствуетъ малодушію, какъ безумная надежда. Надежда, безспорно, добродѣтель, и она одно изъ величайшихъ обрѣтеній нашей святой религіи, но она можетъ быть подчасъ и чистѣйшей глупостью. Какая необъятная глупость въ самомъ дѣлѣ надѣяться, когда погруженъ въ стоячее болото, гдѣ съ каждымъ движеніемъ тонешь все глубже и глубже. А потому, изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей будемъ прилежать къ двумъ первымъ, любви и вѣрѣ, и станемъ молить Бога

простить намъ, что мы отвыкли отъ третьей. Но все же будемъ надѣяться о братьяхъ нашихъ, о нашихъ дѣтяхъ, о священной родинѣ нашей, столь великой, столь могущественной, столь спокойной! Что до насъ, то если земля намъ неблагопріятна, то что мѣшаетъ намъ взять приступомъ небо? Развѣ небо не удѣлъ тѣхъ, которые берутъ его силою? Правда, что по этому вопросу мы съ вами расходимся во взглядахъ. Вы по несчастью вѣрите въ смерть; для васъ небо неизвѣстно гдѣ, гдѣ-то тамъ за гробомъ; вы изъ тѣхъ, которые еще вѣрятъ, что жизнь не есть нѣчто цѣлое, что она разбита на двѣ части, и что между этими частями—бездна. Вы забываете, что вотъ уже скоро восемнадцать съ половиной вѣковъ, какъ эта бездна заполнена; однимъ словомъ, вы полагаете, что между вами и небомъ лопата могильщика. Печальная философія, не желающая понять, что вѣчность не что иное, какъ жизнь праведника, жизнь, образецъ которой завѣщалъ намъ Сынъ Человѣческій: что она можетъ, что она должна начинаться еще въ этомъ мірѣ, и что она дѣйствительно начнется съ того дня, когда мы взаправду пожелаемъ, чтобъ она началась; философія, воображающая, что міръ, окружающій насъ, таковъ въ своемъ реальномъ бытіи, и что его слѣдуетъ принять, и не видящая, что это нами созданный міръ, и что его слѣдуетъ уничтожить, которая только что не вѣритъ, какъ дѣти, что небо—это протянутая надъ нашими головами синь, и что туда не влѣзешь! Печальная философія, печальное наслѣдіе вѣковъ, когда земля не была еще ни освящена жертвою, ни примирена съ небомъ! Когда же, о Боже мой! дождусь я того, чтобъ всѣ мои друзья отвергли наконецъ все это невѣдѣніе языческой скверны? Когда же они узнаютъ всѣ, что есть только одинъ способъ быть христіаниномъ, а именно быть имъ вполнѣ? Нѣкогда я мечталъ, что мнѣ дано распространить среди нихъ кое-какія святыя истины, и я говорилъ съ ними, и подчасъ они слушали меня. Но въ одинъ прекрасный день нагрянулъ ураганъ, *) подулъ; и поднялся тогда прахъ пустыни, забилъ уши и заглушилъ мой голосъ. Да будетъ воля Твоя, о мой Боже, суды твои всегда праведны, и надежды наши всегда тщетны. А все же это былъ прекрасный сонъ, и сонъ добраго гражданина. Почему мнѣ не сказать этого? Я долгое время, признаться,

*) [Одно слово вырвано.]

стремился къ отрадному удовлетворенію увидать вокругъ себя рядъ цѣломудренныхъ и строгихъ умовъ, рядъ великодушныхъ и глубокихъ душъ, чтобы вмѣстѣ съ ними призывать милость неба на человѣчество и на родину. Я думалъ, что моя страна, юная, дѣвственная, не испытавшая жестокихъ волненій, оставившихъ повсюду въ другихъ мѣстахъ глубокіе слѣды въ умахъ и понынѣ столь часто отвращающихъ умы отъ добрыхъ и законныхъ путей, чтобъ бросить ихъ на пути дурные и преступные, предназначена первая провозгласить простыя и великія истины, которыя рано или поздно весь міръ долженъ будетъ принять; что Россіи выпала величественная задача осуществить раньше всѣхъ другихъ странъ всѣ обѣтованія христіанства, ибо христіанство осталось въ ней незатронутымъ людскими страстями и земными интересами, ибо въ ней оно, подобно своему божественному основателю, лишь молилось и смирялось, а потому мнѣ представлялось вѣроятнымъ, что ему здѣсь дарована будетъ милость послѣднихъ и чудеснѣйшихъ вдохновеній. Химеры, мой другъ, химеры все это! Да совершится будущее, каково бы оно ни было, сложимъ руки и будь что будетъ, или, склонившись передъ святыми иконами, какъ наши благочестивые и доблестные предки, эти герои покорности, станемъ ждать въ молчаніи и мирѣ душевномъ, чтобы оно разразилось надъ нами, какое бы то ни было, доброе или злое.]

74.—Апологія сумасшедшаго.

> [О мои братья! Я сказалъ много горькихъ истинъ, не безъ всякой горечи.
>
> *Кольриджъ.]*

[*Милосердіе*, говоритъ ап. Павелъ, *все терпитъ, всему вѣритъ, все переноситъ:* итакъ, будемъ все терпѣть, все переносить, всему вѣрить, — будемъ милосердны. Но прежде всего, катастрофа, только-что столь необычайнымъ образомъ исказившая наше духовное существованіе и кинувшая на вѣтеръ трудъ цѣлой жизни, является въ дѣйствительности лишь результатомъ того зловѣщаго крика, который раздался среди извѣстной части общества при появленіи нашей статьи, ѣдкой,

если угодно, но конечно вовсе не заслуживавшей тѣхъ криковъ, какими ее встрѣтили.

Въ сущности правительство только исполнило свой долгъ; можно даже сказать, что въ мѣрахъ строгости, примѣняемыхъ къ намъ сейчасъ, нѣтъ ничего чудовищнаго, такъ какъ онѣ безъ сомнѣнія далеко не превзошли ожиданій значительнаго круга лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, что еще можетъ дѣлать правительство, одушевленное самыми лучшими намѣреніями, какъ не слѣдовать тому, что оно искренно считаетъ серьезнымъ желаньемъ страны? Совсѣмъ другое дѣло—вопли общества. Есть разные способы любить свое отечество; напримѣръ, самоѣдъ, любящій свои родные снѣга, которые сдѣлали его близорукимъ, закоптѣлую юрту, гдѣ онъ скорчившись проводитъ половину своей жизни, и прогорклый оленій жиръ, заражающій вокругъ него воздухъ зловоніемъ, любитъ свою страну конечно иначе, нежели англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова; и безъ сомнѣнія, было бы прискорбно для насъ, если бы намъ все еще приходилось любить мѣста, гдѣ мы родились, на манеръ самоѣдовъ. Прекрасная вещь — любовь къ отечеству, но есть еще нѣчто болѣе прекрасное — это любовь къ истинѣ. Любовь къ отечеству рождаетъ героевъ, любовь къ истинѣ создаетъ мудрецовъ, благодѣтелей человѣчества. Любовь къ родинѣ раздѣляетъ народы, питаетъ національную ненависть и подчасъ одѣваетъ землю въ трауръ; любовь къ истинѣ распространяетъ свѣтъ знанія, создаетъ духовныя наслажденія, приближаетъ людей къ Божеству. Не чрезъ родину, а чрезъ истину ведетъ путь на небо. Правда, мы, русскіе, всегда мало интересовались тѣмъ, что̀ истина и что ложь, поэтому нельзя и сердиться на общество, если нѣсколько язвительная филиппика противъ его немощей задѣла его за живое. И потому, смѣю увѣрить, во мнѣ нѣтъ и тѣни злобы противъ этой милой публики, которая такъ долго и такъ коварно ласкала меня: я хладнокровно, безъ всякаго раздраженія, стараюсь отдать себѣ отчетъ въ моемъ странномъ положеніи. Не естественно ли, скажите, чтобы я постарался уяснить по мѣрѣ силъ, въ какомъ отношеніи къ себѣ подобнымъ, своимъ согражданамъ и своему Богу стоитъ человѣкъ, пораженный безуміемъ по приговору высшей юрисдикціи страны?

Я никогда не добивался народныхъ рукоплесканій, не искалъ

милостей толпы; я всегда думалъ, что родъ человѣческій долженъ слѣдовать только за своими естественными вождями, помазанниками Бога, что онъ можетъ подвигаться впередъ по пути своего истиннаго прогресса только подъ руководствомъ тѣхъ, кто тѣмъ или другимъ образомъ получилъ отъ самого неба назначеніе и силу вести его; что общее мнѣніе отнюдь не тождественно съ безусловнымъ разумомъ, какъ думалъ одинъ великій писатель нашего времени; что инстинкты массъ безконечно болѣе страстны, болѣе узки и эгоистичны, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка, что такъ называемый здравый смыслъ народа вовсе не есть здравый смыслъ; что не въ людской толпѣ рождается истина; что ея нельзя выразить числомъ; наконецъ, что во всемъ своемъ могуществѣ и блескѣ человѣческое сознаніе всегда обнаруживалось только въ одинокомъ умѣ, который является центромъ и солнцемъ его сферы. Какъ же случилось, что въ одинъ прекрасный день я очутился передъ разгнѣванной публикой, — публикой, чьихъ похвалъ я никогда не добивался, чьи ласки никогда не тѣшили меня, чьи прихоти меня не задѣвали? Какъ случилось, что мысль, обращенная не къ моему вѣку, которую я, не желая имѣть дѣло съ людьми нашего времени, въ глубинѣ моего сознанія завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ, лучше освѣдомленнымъ, — при той гласности въ тѣсномъ кругу, которую эта мысль пріобрѣла уже издавна, какъ случилось, что она разбила свои оковы, бѣжала изъ своего монастыря и бросилась на улицу, въ припрыжку среди остолбенѣлой толпы? Этого я не въ состояніи объяснить. Но вотъ что я могу утверждать съ полною увѣренностью.

Уже триста лѣтъ Россія стремится слиться съ Западной Европой, заимствуетъ оттуда всѣ наиболѣе серьезныя свои идеи, наиболѣе плодотворныя свои познанія и свои живѣйшія наслажденія. Но вотъ уже вѣкъ и болѣе, какъ она не ограничивается и этимъ. Величайшій изъ нашихъ царей, тотъ, который, по общепринятому мнѣнію, началъ для насъ новую эру, которому, какъ всѣ говорятъ, мы обязаны нашимъ величіемъ, нашей славой и всѣми благами, какими мы теперь обладаемъ, полтораста лѣтъ назадъ предъ лицомъ всего міра отрекся отъ старой Россіи. Своимъ могучимъ дуновеніемъ онъ смелъ всѣ наши учрежденія; онъ вырылъ пропасть между нашимъ прошлымъ и нашимъ настоящимъ, и грудой бросилъ туда всѣ наши преданія. Онъ самъ пошелъ въ страны Запада, и сталъ тамъ

самымъ малымъ, а къ намъ вернулся самымъ великимъ; онъ преклонился предъ Западомъ и всталъ нашимъ господиномъ и законодателемъ. Онъ ввелъ въ нашъ языкъ западныя рѣченія; свою новую столицу онъ назвалъ западнымъ именемъ; онъ отбросилъ свой наслѣдственный титулъ и принялъ титулъ западный; наконецъ, онъ почти отказался отъ своего собственнаго имени и не разъ подписывалъ свои державныя рѣшенія западнымъ именемъ. Съ этого времени мы только и дѣлали, что, не сводя глазъ съ Запада, такъ сказать, вбирали въ себя вѣянія, приходившія къ намъ оттуда, и питались ими. Должно сказать, что наши государи, которые почти всегда вели насъ за руку, которые почти всегда тащили страну на буксирѣ безъ всякаго участія самой страны, сами заставили насъ принять нравы, языкъ и одежду Запада. Изъ западныхъ книгъ мы научились произносить по складамъ имена вещей. Нашей собственной исторіи научила насъ одна изъ западныхъ странъ; мы цѣликомъ перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились въ ея лоскутья, и наконецъ стали счастливы, что походимъ на Западъ, и гордились, когда онъ снисходительно соглашался причислять насъ къ своимъ.

Надо сознаться — оно было прекрасно, это созданіе Петра Великаго, эта могучая мысль, овладѣвшая нами и толкнувшая насъ на тотъ путь, который намъ суждено было пройти съ такимъ блескомъ. Глубоко было его слово, обращенное къ намъ: «Видите ли тамъ эту цивилизацію, плодъ столькихъ трудовъ,— эти науки и искусства, стоившія такихъ усилій столькимъ поколѣніямъ! все это ваше при томъ условіи, чтобы вы отказались отъ вашихъ предразсудковъ, не охраняли ревниво вашего варварскаго прошлаго и не кичились вѣками вашего невѣжества, но цѣлью своего честолюбія поставили единственно усвоеніе трудовъ, совершонныхъ всѣми народами, богатствъ, добытыхъ человѣческимъ разумомъ подъ всѣми широтами земного шара». И не для своей только націи работалъ великій человѣкъ. Эти люди, отмѣченные Провидѣніемъ, всегда посылаются для всего человѣчества. Сначала ихъ присваиваетъ одинъ народъ, затѣмъ ихъ поглощаетъ все человѣчество, подобно тому, какъ большая рѣка, оплодотворивъ обширныя пространства, несетъ затѣмъ свои воды въ дань океану. Чѣмъ инымъ, какъ не новымъ усиліемъ человѣческаго генія выйти изъ тѣсной ограды родной страны, чтобы занять мѣсто на широкой аренѣ человѣ-

чества, было зрѣлище, которое онъ явилъ міру, когда, оставивъ царскій санъ и свою страну, онъ скрылся въ послѣднихъ рядахъ цивилизованныхъ народовъ? Таковъ былъ урокъ, который мы должны были усвоить; мы дѣйствительно воспользовались имъ и до сего дня шли по пути, который предначерталъ намъ великій императоръ. Наше громадное развитіе есть только осуществленіе этой великолѣпной программы. Никогда ни одинъ народъ не былъ менѣе пристрастенъ къ самому себѣ, нежели русскій народъ, какимъ воспиталъ его Петръ Великій, и ни одинъ народъ не достигъ также болѣе славныхъ успѣховъ на поприщѣ прогресса. Высокій умъ этого необыкновеннаго человѣка безошибочно угадалъ, какова должна быть наша исходная точка на пути цивилизаціи и всемірнаго умственнаго движенія. Онъ видѣлъ, что за полнымъ почти отсутствіемъ у насъ историческихъ данныхъ, мы не можемъ утвердить наше будущее на этой безсильной основѣ; онъ хорошо понялъ, что, стоя лицомъ къ лицу со старой европейской цивилизаціей, которая является послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ прежнихъ цивилизацій, намъ незачѣмъ задыхаться въ нашей исторіи и незачѣмъ тащиться, подобно западнымъ народамъ, чрезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ, по узкимъ тропинкамъ мѣстныхъ идей, по изрытымъ колеямъ туземной традиціи, что мы должны свободнымъ порывомъ нашихъ внутреннихъ силъ, энергическимъ усиліемъ національнаго сознанія овладѣть предназначенной намъ судьбой. И вотъ онъ освободилъ насъ отъ всѣхъ этихъ пережитковъ прошлаго, которые загромождаютъ бытъ историческихъ обществъ и затрудняютъ ихъ движеніе; онъ открылъ нашъ умъ всѣмъ великимъ и прекраснымъ идеямъ, какія существуютъ среди людей; онъ передалъ намъ Западъ сполна, какимъ его сдѣлали вѣка, и далъ намъ всю его исторію за исторію, все его будущее за будущее.

Неужели вы думаете, что если бы онъ нашелъ у своего народа богатую и плодотворную исторію, живыя преданія и глубоко укоренившіяся учрежденія, онъ не поколебался бы кинуть его въ новую форму? Неужели вы думаете, что будь предъ нимъ рѣзко очерченная, ярко выраженная народность, инстинктъ организатора не заставилъ бы его, напротивъ, обратиться къ этой самой народности за средствами, необходимыми для возрожденія его страны? И, съ другой стороны, позволила ли бы страна, чтобы у нея отняли ея прошлое и, такъ сказать,

навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петръ Великій нашелъ у себя дома только листъ бѣлой бумаги и своей сильной рукой написалъ на немъ слова *Европа* и *Западъ;* и съ тѣхъ поръ мы принадлежимъ къ Европѣ и Западу. Не надо заблуждаться: какъ бы великъ ни былъ геній этого человѣка и необычайная энергія его воли, то, что онъ сдѣлалъ, было возможно лишь среди націи, чье прошлое не указывало ей властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи традиціи были безсильны создать ей будущее, чьи воспоминанія смѣлый законодатель могъ стереть безнаказанно. Если мы оказались такъ послушны голосу государя, звавшаго насъ къ новой жизни, то это, очевидно, потому, что въ нашемъ прошломъ не было ничего, что̀ могло бы оправдать сопротивленіе. Самой глубокой чертой нашего историческаго облика является отсутствіе свободнаго почина въ нашемъ соціальномъ развитіи. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный фактъ нашей исторіи пришелъ извнѣ, каждая новая идея почти всегда заимствована. Но въ этомъ наблюденіи нѣтъ ничего обиднаго для національнаго чувства; если оно вѣрно, его слѣдуетъ принять — вотъ и все. Есть великіе народы, — какъ и великія историческія личности, — которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно опредѣляетъ верховная логика Провидѣнія: таковъ именно нашъ народъ; но, повторяю, все это нисколько не касается національной чести. Исторія всякаго народа представляетъ собою не только вереницу слѣдующихъ другъ за другомъ фактовъ, но и цѣпь связанныхъ другъ съ другомъ идей. Каждый фактъ долженъ выражаться идеей; чрезъ событія должна нитью проходить мысль или принципъ, стремясь осуществиться: тогда фактъ не потерянъ, онъ провелъ борозду въ умахъ, запечатлѣлся въ сердцахъ, и никакая сила въ мірѣ не можетъ изгнать его оттуда. Эту исторію создаетъ не историкъ, а сила вещей. Историкъ приходитъ, находитъ ее готовою и разсказываетъ ее; но придетъ онъ или нѣтъ, она все равно существуетъ, и каждый членъ исторической семьи, какъ бы ни былъ онъ незамѣтенъ и ничтоженъ, носитъ ее въ глубинѣ своего существа. Именно этой исторіи мы и не имѣемъ. Мы должны привыкнуть обходиться безъ нея, а не побивать камнями тѣхъ, кто первый подмѣтилъ это.

Возможно, конечно, что наши фанатическіе славяне при

ихъ разнообразныхъ поискахъ будутъ время отъ времени откапывать диковинки для нашихъ музеевъ и библіотекъ; но, по моему мнѣнію, позволительно сомнѣваться, чтобы имъ удалось когда-нибудь извлечь изъ нашей исторической почвы нѣчто такое, что могло бы заполнить пустоту нашихъ душъ и дать плотность нашему расплывчатому сознанію. Взгляните на средневѣковую Европу: тамъ нѣтъ событія, которое не было бы въ нѣкоторомъ смыслѣ безусловной необходимостью и которое не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ сердцѣ человѣчества. А почему? Потому что за каждымъ событіемъ вы находите тамъ идею, потому что средневѣковая исторія — это исторія мысли новаго времени, стремящейся воплотиться въ искусствѣ, наукѣ, въ личной жизни и въ обществѣ. И оттого — сколько бороздъ провела эта исторія въ сознаніи людей, какъ разрыхлила она ту почву, на которой дѣйствуетъ человѣческій умъ! Я хорошо знаю, что не всякая исторія развивалась такъ строго и логически, какъ исторія этой удивительной эпохи, когда подъ властью единаго верховнаго начала созидалось христіанское общество; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что именно таковъ истинный характеръ историческаго развитія одного ли народа или цѣлой семьи народовъ, и что націи, лишенныя подобнаго прошлаго, должны смиренно искать элементовъ своего дальнѣйшаго прогресса не въ своей исторіи, не въ своей памяти, а въ чемъ-нибудь другомъ. Съ жизнью народовъ бываетъ почти то же, что съ жизнью отдѣльныхъ людей. Всякій человѣкъ живетъ, но только человѣкъ геніальный или поставленный въ какія-нибудь особенныя условія, имѣетъ настоящую исторію. Пусть, напримѣръ, какой-нибудь народъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, не имъ созданныхъ, въ силу географическаго положенія, не имъ выбраннаго, разселится на громадномъ пространствѣ, не сознавая того, что дѣлаетъ, и въ одинъ прекрасный день окажется могущественнымъ народомъ: это будетъ, конечно, изумительное явленіе и ему можно удивляться сколько угодно; но что, вы думаете, можетъ сказать о немъ исторія? Вѣдь въ сущности это — не что иное, какъ фактъ чисто матеріальный, такъ сказать, географическій, правда, въ огромныхъ размѣрахъ, но и только. Исторія запомнитъ его, занесетъ въ свою лѣтопись, потомъ перевернетъ страницу, и тѣмъ все кончится. Настоящая исторія этого народа начнется лишь съ того дня, когда онъ проникнется идеей, которая ему довѣрена

и которую онъ призванъ осуществить, и когда начнетъ выполнять ее съ тѣмъ настойчивымъ, хотя и скрытымъ инстинктомъ, который ведетъ народы къ ихъ предназначенію. Вотъ моментъ, который я всѣми силами моего сердца призываю для моей родины, вотъ какую задачу я хотѣлъ бы, чтобы вы взяли на себя, мои милые друзья и сограждане, живущіе въ вѣкѣ высокой образованности и только-что такъ хорошо показавшіе мнѣ, какъ ярко пылаетъ въ васъ святая любовь къ отечеству.

Міръ искони дѣлился на двѣ части — Востокъ и Западъ. Это не только географическое дѣленіе, но также и порядокъ вещей, обусловленный самой природой разумнаго существа: это — два принципа, соотвѣтствующіе двумъ динамическимъ силамъ природы, двѣ идеи, обнимающія весь жизненный строй человѣческаго рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь въ самомъ себѣ, созидался человѣческій умъ на Востокѣ; раскидываясь во-внѣ, излучаясь во всѣ стороны, борясь со всѣми препятствіями, развивается онъ на Западѣ. По этимъ первоначальнымъ даннымъ естественно сложилось общество. На Востокѣ мысль, углубившись въ самое себя, уйдя въ тишину, скрывшись въ пустыню, предоставила общественной власти распоряженіе всѣми благами земли; на Западѣ идея, всюду кидаясь, вступаясь за всѣ нужды человѣка, алкая счастья во всѣхъ его видахъ, основала власть на принципѣ права; тѣмъ не менѣе и въ той, и въ другой сферѣ жизнь была сильна и плодотворна; тамъ и здѣсь человѣческій разумъ не имѣлъ недостатка въ высокихъ вдохновеніяхъ, глубокихъ мысляхъ и возвышенныхъ созданіяхъ. Первымъ выступилъ Востокъ и излилъ на землю потоки свѣта изъ глубины своего уединеннаго созерцанія; затѣмъ пришелъ Западъ со своей всеобъемлющей дѣятельностью, своимъ живымъ словомъ и всемогущимъ анализомъ, овладѣлъ его трудами, кончилъ начатое Востокомъ и, наконецъ, поглотилъ его въ своемъ широкомъ обхватѣ. Но на Востокѣ покорные умы, колѣнопреклоненные предъ историческимъ авторитетомъ, истощились въ безропотномъ служеніи священному для нихъ принципу и въ концѣ-концовъ уснули, замкнутые въ своемъ неподвижномъ синтезѣ, не догадываясь о новыхъ судьбахъ, которыя готовились для нихъ; между тѣмъ на Западѣ они шли гордо и свободно, преклоняясь только предъ авторитетомъ разума и неба, останавливаясь только предъ неизвѣстнымъ, непрестанно устремивъ взоръ въ без-

граничное будущее. И здѣсь они еще идутъ впередъ,—вы это знаете; и вы знаете также, что со времени Петра Великаго и мы думали, что идемъ вмѣстѣ съ ними.

Но вотъ является новая школа. Больше не нужно Запада, надо разрушить созданіе Петра Великаго, надо снова уйти въ пустыню. Забывъ о томъ, что сдѣлалъ для насъ Западъ, не зная благодарности къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, и къ Европѣ, которая насъ обучила, они отвергаютъ и Европу, и великаго человѣка, и въ пылу увлеченія этотъ новоиспеченный патріотизмъ уже спѣшитъ провозгласить насъ любимыми дѣтьми Востока. Какая намъ нужда, говорятъ они, искать просвѣщенія у народовъ Запада? Развѣ у насъ самихъ не было всѣхъ зачатковъ соціальнаго строя неизмѣримо лучшаго, нежели европейскій? Почему не выждали дѣйствія времени? Предоставленные самимъ себѣ, нашему свѣтлому уму, плодотворному началу, скрытому въ нѣдрахъ нашей мощной природы, и особенно нашей святой вѣрѣ, мы скоро опередили бы всѣ эти народы, преданные заблужденію и лжи. Да и чему намъ было завидовать на Западѣ? Его религіознымъ войнамъ, его папству, рыцарству, инквизиціи? Прекрасныя вещи, нечего сказать! Западъ ли родина науки и всѣхъ глубокихъ вещей? Нѣтъ— какъ извѣстно, Востокъ. Итакъ, удалимся на этотъ Востокъ, котораго мы всюду касаемся, откуда мы не такъ давно получили наши вѣрованія, законы, добродѣтели, словомъ все, что сдѣлало насъ самымъ могущественнымъ народомъ на землѣ. Старый Востокъ сходитъ со сцены: не мы ли его естественные наслѣдники? Между нами будутъ жить отнынѣ эти дивныя преданія, среди насъ осуществятся всѣ эти великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ было ввѣрено ему отъ начала вещей.— Вы понимаете теперь, откуда пришла буря, которая только-что разразилась надо мной, и вы видите, что у насъ совершается настоящій переворотъ въ національной мысли, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ идей Запада,—противъ того просвѣщенія и тѣхъ идей, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть, и плодомъ которыхъ является эта самая реакція, толкающая насъ теперь противъ нихъ. Но на этотъ разъ толчокъ исходитъ не сверху. Напротивъ, въ высшихъ слояхъ общества память нашего державнаго преобразователя, говорятъ, никогда не почиталась болѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, починъ всецѣло принадлежитъ странѣ. Куда приведетъ насъ этотъ первый актъ эмансипированнаго

народнаго разума? Богъ вѣсть! Но кто серьезно любитъ свою родину, того не можетъ не огорчать глубоко это отступничество нашихъ наиболѣе передовыхъ умовъ отъ всего, чему мы обязаны нашей славой, нашимъ величіемъ; и, я думаю, дѣло честнаго гражданина—стараться по мѣрѣ силъ оцѣнить это необычайное явленіе.

Мы живемъ на востокѣ Европы—это вѣрно, и тѣмъ не менѣе мы никогда не принадлежали къ Востоку. У Востока—своя исторія, не имѣющая ничего общаго съ нашей. Ему присуща, какъ мы только что видѣли, плодотворная идея, которая въ свое время обусловила громадное развитіе разума, которая исполнила свое назначеніе съ удивительной силою, но которой уже не суждено снова проявиться на міровой сценѣ. Эта идея поставила духовное начало во главу общества; она подчинила всѣ власти одному ненарушимому высшему закону—закону исторіи; она глубоко разработала систему нравственныхъ іерархій; и хотя она втиснула жизнь въ слишкомъ тѣсныя рамки, однако она освободила ее отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія и отмѣтила печатью удивительной глубины. У насъ не было ничего подобнаго. Духовное начало, неизмѣнно подчиненное свѣтскому, никогда не утвердилось на вершинѣ общества; историческій законъ, традиція, никогда не получалъ у насъ исключительнаго господства; жизнь никогда не устраивалась у насъ неизмѣннымъ образомъ; наконецъ, нравственной іерархіи у насъ никогда не было и слѣда. Мы просто сѣверный народъ, и по идеямъ, какъ и по климату, очень далеки отъ благоуханной долины Кашмира и священныхъ береговъ Ганга. Нѣкоторыя изъ нашихъ областей, правда, граничатъ съ государствами Востока, но наши центры не тамъ, не тамъ наша жизнь, и она никогда тамъ не будетъ, пока какое-нибудь планетное возмущеніе не сдвинетъ съ мѣста земную ось или новый геологическій переворотъ опять не броситъ южные организмы въ полярные льды.

Дѣло въ томъ, что мы еще никогда не разсматривали нашу исторію съ философской точки зрѣнія. Ни одно изъ великихъ событій нашего національнаго существованія не было должнымъ образомъ характеризовано, ни одинъ изъ великихъ переломовъ нашей исторіи не былъ добросовѣстно оцѣненъ; отсюда всѣ эти странныя фантазіи, всѣ эти ретроспективныя утопіи, всѣ эти мечты о невозможномъ будущемъ, которыя волнуютъ теперь наши патріотическіе умы. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ нѣмецкіе ученые

открыли нашихъ лѣтописцевъ; потомъ Карамзинъ разсказалъ звучнымъ слогомъ дѣла и подвиги нашихъ государей; въ наши дни плохіе писатели, неумѣлые антикваріи и нѣсколько неудавшихся поэтовъ, не владѣя ни ученостью нѣмцевъ, ни перомъ знаменитаго историка, самоувѣренно рисуютъ и воскрешаютъ времена и нравы, которыхъ уже никто у насъ не помнитъ и не любитъ: таковъ итогъ нашихъ трудовъ по національной исторіи. Надо признаться, что изъ всего этого мудрено извлечь серьезное предчувствіе ожидающихъ насъ судебъ. Между тѣмъ именно въ немъ теперь все дѣло; именно эти результаты составляютъ въ настоящее время весь интересъ историческихъ изысканій. Серьезная мысль нашего времени требуетъ прежде всего строгаго мышленія, добросовѣстнаго анализа тѣхъ моментовъ, когда жизнь обнаруживалась у даннаго народа съ большей или меньшей глубиной, когда его соціальный принципъ проявлялся во всей своей чистотѣ, ибо въ этомъ—будущее, въ этомъ элементы его возможнаго прогресса. Если такіе моменты рѣдки въ вашей исторіи, если жизнь у васъ не была мощной и глубокой, если законъ, которому подчинены ваши судьбы, представляетъ собою не лучезарное начало, окрѣпшее въ яркомъ свѣтѣ національныхъ подвиговъ, а нѣчто блѣдное и тусклое, скрывающееся отъ солнечнаго свѣта въ подземныхъ сферахъ вашего соціальнаго существованія,—не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью народовъ историческихъ, когда на самомъ дѣлѣ, похороненные въ вашей необъятной гробницѣ, вы жили только жизнью ископаемыхъ. Но если въ этой пустотѣ вы какъ-нибудь наткнетесь на моментъ, когда народъ дѣйствительно жилъ, когда его сердце начинало биться по настоящему, если вы услышите, какъ шумитъ и встаетъ вокругъ васъ народная волна,—о, тогда остановитесь, размышляйте, изучайте,—вашъ трудъ не будетъ потерянъ: вы узнаете, на что способенъ вашъ народъ въ великіе дни, чего онъ можетъ ждать въ будущемъ. Таковъ былъ у насъ, напримѣръ, моментъ, закончившій страшную драму междуцарствія, когда народъ, доведенный до крайности, стыдясь самого себя, издалъ наконецъ свой великій сторожевой кличъ и, сразивъ врага свободнымъ порывомъ всѣхъ скрытыхъ силъ своего существа, поднялъ на щитъ благородную фамилію, царствующую теперь надъ нами: моментъ безпримѣрный, которому нельзя достаточно надивиться, особенно если вспомнить пустоту предшествующихъ вѣковъ нашей исторіи и совершенно особен-

ное положеніе, въ какомъ находилась страна въ эту достопамятную минуту. Отсюда ясно, что я очень далекъ отъ приписаннаго мнѣ требованія вычеркнуть всѣ наши воспоминанія.

Я сказалъ только, и повторяю, что пора бросить ясный взглядъ на наше прошлое, и не затѣмъ, чтобы извлечь изъ него старыя, истлѣвшія реликвіи, старыя идеи, поглощенныя временемъ, старыя антипатіи, съ которыми давно покончилъ здравый смыслъ нашихъ государей и самого народа, но для того, чтобы узнать, какъ мы должны относиться къ нашему прошлому. Именно это я и пытался сдѣлать въ трудѣ, который остался неоконченнымъ и къ которому статья, такъ странно задѣвшая наше національное тщеславіе, должна была служить введеніемъ. Безъ сомнѣнія, была нетерпѣливость въ ея выраженіяхъ, рѣзкость въ мысляхъ, но чувство, которымъ проникнутъ весь отрывокъ, нисколько не враждебно отечеству: это—глубокое чувство нашихъ немощей, выраженное съ болью, съ горестью,—и только.

Больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умѣю цѣнить высокія качества моего народа; но вѣрно и то, что патріотическое чувство, одушевляющее меня, не совсѣмъ похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существованіе и снова выбросили въ океанъ людскихъ треволненій мою ладью, приставшую-было у подножья креста. Я не научился любить свою родину съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что человѣкъ можетъ быть полезенъ своей странѣ только въ томъ случаѣ, если ясно видитъ ее; я думаю, что время слѣпыхъ влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родинѣ истиной. Я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его. Мнѣ чуждъ, признаюсь, этотъ блаженный патріотизмъ, этотъ патріотизмъ лѣни, который приспособляется все видѣть въ розовомъ свѣтѣ и носится со своими иллюзіями, и которымъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь у насъ многіе дѣльные умы. Я полагаю, что мы пришли послѣ другихъ для того, чтобы дѣлать лучше ихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки, въ ихъ заблужденія и суевѣрія. Тотъ обнаружилъ бы, по-моему, глубокое непониманіе роли, выпавшей намъ на долю, кто сталъ бы утверждать, что мы обречены кое какъ повторять весь длинный рядъ безумствъ, совершенныхъ народами, которые находились въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ мы, и снова пройти черезъ всѣ бѣдствія, пережитыя ими.

Я считаю наше положеніе счастливымъ, если только мы сумѣемъ правильно оцѣнить его; я думаю, что большое преимущество—имѣть возможность созерцать и судить міръ со всей высоты мысли, свободной отъ необузданныхъ страстей и жалкихъ корыстей, которыя въ другихъ мѣстахъ мутятъ взоръ человѣка и извращаютъ его сужденія. Больше того: у меня есть глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить большую часть проблемъ соціальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество. Я часто говорилъ и охотно повторяю: мы, такъ сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящимъ совѣстнымъ судомъ по многимъ тяжбамъ, которыя ведутся передъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните, что дѣлается въ тѣхъ странахъ, которыя я, можетъ быть, слишкомъ превознесъ, но которыя тѣмъ не менѣе являются наиболѣе полными образцами цивилизаціи во всѣхъ ея формахъ. Тамъ неоднократно наблюдалось: едва появится на свѣтъ Божій новая идея, тотчасъ всѣ узкіе эгоизмы, всѣ ребяческія тщеславія, вся упрямая партійность, которыя копошатся на поверхности общества, набрасываются на нее, овладѣваютъ ею, выворачиваютъ ее на изнанку, искажаютъ ее, и минуту спустя, размельченная всѣми этими факторами, она уносится въ тѣ отвлеченныя сферы, гдѣ исчезаетъ всякая безплодная пыль. У насъ же нѣтъ этихъ страстныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ мнѣній, этихъ установившихся предразсудковъ; мы дѣвственнымъ умомъ встрѣчаемъ каждую новую идею. Ни наши учрежденія, представляющія собою свободныя созданія нашихъ государей или скудные остатки жизненнаго уклада, вспаханнаго ихъ всемогущимъ плугомъ, ни наши нравы—эта странная смѣсь неумѣлаго подражанія и обрывковъ давно изжитого соціальнаго строя, ни наши мнѣнія, которыя все еще тщетно силятся установиться даже въ отношеніи самыхъ незначительныхъ вещей,—ничто не противится немедленному осуществленію всѣхъ благъ, какія Провидѣніе предназначаетъ человѣчеству. Стоитъ лишь какой-нибудь властной волѣ высказаться среди насъ—и всѣ мнѣнія стушевываются, всѣ вѣрованія покоряются и всѣ умы открываются новой мысли, которая предложена имъ. Не знаю, можетъ быть, лучше было бы пройти черезъ всѣ испытанія, какими шли остальные христіан-

скіе народы, и черпать въ нихъ, подобно этимъ народамъ, новыя силы, новую энергію и новые методы; и можетъ быть наше обособленное положеніе предохранило бы насъ отъ невзгодъ, которыя сопровождали долгое и многотрудное воспитаніе этихъ народовъ; но несомнѣнно, что сейчасъ рѣчь идетъ уже не объ этомъ: теперь нужно стараться лишь постигнуть нынѣшній характеръ страны въ его готовомъ видѣ, какимъ его сдѣлала сама природа вещей, и извлечь изъ него всю возможную пользу. Правда, исторія больше не въ нашей власти, но наука намъ принадлежитъ; мы не въ состояніи продѣлать сызнова всю работу человѣческаго духа, но мы можемъ принять участіе въ его дальнѣйшихъ трудахъ; прошлое уже намъ не подвластно, но будущее зависитъ отъ насъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть міра подавлена своими традиціями и воспоминаніями: не будемъ завидовать тѣсному кругу, въ которомъ онъ бьется. Несомнѣнно, что большая часть народовъ носитъ въ своемъ сердцѣ глубокое чувство завершенной жизни, господствующее надъ жизнью текущей, упорное воспоминаніе о протекшихъ дняхъ, наполняющее каждый нынѣшній день. Оставимъ ихъ бороться съ ихъ неумолимымъ прошлымъ.

Мы никогда не жили подъ роковымъ давленіемъ логики временъ; никогда мы не были ввергаемы всемогущею силою въ тѣ пропасти, какія вѣка вырываютъ передъ народами. Воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ, въ силу котораго мы должны повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, сознательной воли. Познаемъ, что для насъ не существуетъ непреложной необходимости, что, благодаря небу, мы не стоимъ на крутой покатости, увлекающей столько другихъ народовъ къ ихъ невѣдомымъ судьбамъ; что въ нашей власти измѣрять каждый шагъ, который мы дѣлаемъ, обдумывать каждую идею, задѣвающую наше сознаніе; что намъ позволено надѣяться на благоденствіе еще болѣе широкое, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пылкіе служители прогресса, и что для достиженія этихъ окончательныхъ результатовъ намъ нуженъ только одинъ властный актъ той верховной воли, которая вмѣщаетъ въ себѣ всѣ воли націи, которая выражаетъ всѣ ея стремленія, которая уже не разъ открывала ей новые пути, развертывала предъ ея глазами новые горизонты и вносила въ ея разумъ новое просвѣщеніе.

Что же, развѣ я предлагаю моей родинѣ скудное буду-

щее? Или вы находите, что я призываю для нея безславныя судьбы? И это великое будущее, которое, безъ сомнѣнія, осуществится, эти прекрасныя судьбы, которыя, безъ сомнѣнія, исполнятся, будутъ лишь результатомъ тѣхъ особенныхъ свойствъ русскаго народа, которыя впервые были указаны въ злополучной статьѣ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ давно хотѣлось сказать, и я счастливъ, что имѣю теперь случай сдѣлать это признаніе: да, было преувеличеніе въ этомъ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ великому народу, вся вина котораго въ конечномъ итогѣ сводилась къ тому, что онъ былъ заброшенъ на крайнюю грань всѣхъ цивилизацій міра, далеко отъ странъ, гдѣ естественно должно было накопляться просвѣщеніе, далеко отъ очаговъ, откуда оно сіяло въ теченіе стольких вѣковъ; было преувеличеніемъ не признать того, что мы увидѣли свѣтъ на почвѣ, не вспаханной и не оплодотворенной предшествующими поколѣніями, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ задатковъ новаго міра; было преувеличеніемъ не воздать должнаго этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утѣшаетъ за пустоту нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каждаго мужественнаго поступка, каждаго прекраснаго самоотверженія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи; наконецъ, можетъ быть, преувеличеніемъ было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, изъ нѣдръ котораго вышли могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина.

Но за всѣмъ тѣмъ надо согласиться также, что капризы нашей публики удивительны.

Вспомнимъ, что вскорѣ послѣ напечатанія злополучной статьи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, на нашей сценѣ была разыграна новая пьеса. И вотъ, никогда ни одинъ народъ не былъ такъ бичуемъ, никогда ни одну страну не волочили такъ въ грязи, никогда не бросали въ лицо публикѣ столько грубой брани, и однако, никогда не достигалось болѣе полнаго успѣха. Неужели же серьезный умъ, глубоко размышлявшій о своей странѣ, ея исторіи и характерѣ народа, долженъ быть осужденъ на молчаніе, потому что онъ не можетъ устами скомороха высказать патріотическое чувство, которое его гнететъ? Почему же мы такъ снисходительны къ циническому уроку комедіи и столь пугливы по отношенію къ строгому

слову, проникающему въ сущность явленій? Надо сознаться, причина въ томъ, что мы имѣемъ пока только патріотическіе инстинкты. Мы еще очень далеки отъ сознательнаго патріотизма старыхъ націй, созрѣвшихъ въ умственномъ трудѣ, просвѣщенныхъ научнымъ знаніемъ и мышленіемъ; мы любимъ наше отечество еще на манеръ тѣхъ юныхъ народовъ, которыхъ еще не тревожила мысль, которые еще отыскиваютъ принадлежащую имъ идею, еще отыскиваютъ роль, которую они призваны исполнить на міровой сценѣ; наши умственныя силы еще не упражнялись на серьезныхъ вещахъ; однимъ словомъ, до сего дня у насъ почти не существовало умственной работы. Мы съ изумительной быстротой достигли извѣстнаго уровня цивилизаціи, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держитъ въ трепетѣ міръ, наша держава занимаетъ пятую часть земного шара, но всѣмъ этимъ, надо сознаться, мы обязаны только энергичной волѣ нашихъ государей, которой содѣйствовали физическія условія страны, обитаемой нами.

Обдѣланные, отлитые, созданные нашими властителями и нашимъ климатомъ, только въ силу покорности стали мы великимъ народомъ. Просмотрите отъ начала до конца наши лѣтописи, — вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое воздѣйствіе власти, непрестанное вліяніе почвы, и почти никогда не встрѣтите проявленій общественной воли. Но справедливость требуетъ также признать, что, отрекаясь отъ своей мощи въ пользу своихъ правителей, уступая природѣ своей страны, русскій народъ обнаружилъ высокую мудрость, такъ какъ онъ призналъ тѣмъ высшій законъ своихъ судебъ: необычайный результатъ двухъ элементовъ различнаго порядка, непризнаніе котораго привело бы къ тому, что народъ извратилъ бы свое существо и парализовалъ бы самый принципъ своего естественнаго развитія. Быстрый взглядъ, брошенный на нашу исторію съ точки зрѣнія, на которую мы стали, покажетъ намъ, надѣюсь, этотъ законъ во всей его очевидности.

II.

Есть одинъ фактъ, который властно господствуетъ надъ нашимъ историческимъ движеніемъ, который красною нитью

проходитъ чрезъ всю нашу исторію, который содержитъ въ себѣ, такъ сказать, всю ея философію, который проявляется во всѣ эпохи нашей общественной жизни и опредѣляетъ ихъ характеръ, который является въ одно и то же время и существеннымъ элементомъ нашего политическаго величія, и истинной причиной нашего умственнаго безсилія: это — фактъ географическій *).]

1839 г.

75. — Кн. С. Мещерской.

[27 мая 1839.

Вы не поняли меня, княгиня, и это не мало удивляетъ. Чтобы понять опроверженіе какого-либо сочиненія, говорите вы, нужно быть знакомымъ съ опровергаемымъ сочиненіемъ: совершенно справедливо. Поэтому я хочу въ немногихъ словахъ познакомить васъ съ вопросомъ и изложить вамъ суть моей мысли. Но прежде всего я долженъ предупредить васъ, что я считаю невозможнымъ принять ученіе объ одинаковой важности всего, находящагося въ Писаніи. Работа здравой экзегезы научила меня различать въ святой книгѣ то, что является прямымъ воздѣйствіемъ Св. Духа, и то, что есть дѣло рукъ человѣческихъ; поэтому боговдохновенность, покоящаяся на этомъ дивномъ произведеніи, не можетъ сдѣлать въ моихъ глазахъ одинаково святымъ и ненарушимымъ каждое слово, каждый слогъ, каждую букву, къ которымъ люди прибѣгли, чтобы передать мысль, которую Духъ Святой вложилъ въ сердца ихъ. Чтобы стать понятнымъ для человѣческаго разума, божественное слово должно было пользоваться человѣческимъ языкомъ, а слѣдовательно и подчиниться несовершенствамъ этой рѣчи. Подобно тому, какъ Сынъ Божій, ставъ сыномъ человѣческимъ, принялъ всѣ условія плоти, духъ Божій, проявляясь въ духѣ человѣческомъ, также долженъ былъ принять всѣ условія человѣческой рѣчи; но подобно тому, какъ Спаситель не въ каждомъ изъ актовъ своей жизни торже-

---

*) [На этомъ рукопись обрывается, и ничто не указываетъ на то, чтобы она когда-нибудь была продолжена.

Примѣч. И. Гагарина.]

ствуеть надъ плотью, но во всей своей жизни въ ея цѣломъ, Св. Духъ также торжествуетъ надъ человѣческой рѣчью не въ каждой строчкѣ Писанія, но въ его цѣломъ. Говорить, что все въ Библіи, съ начала до конца,—вдохновеніе, истина, ученіе, значитъ, на мой взглядъ, въ одно и то же время не понимать ни природы воздѣйствія духа Божія на духъ человѣческій, ни божественнаго начала христіанства, которое въ силу самой его божественности не всегда можетъ быть съ успѣхомъ замкнуто въ букву съ вносимыми ею неизбѣжно видоизмѣненіями. Нѣтъ, этого, конечно, я и не думалъ говорить. Не дай Богъ, чтобы я когда-нибудь вернулся къ этимъ глубокимъ заблужденіямъ, причинившимъ столько зла человѣчеству! Кто же не знаетъ, что именно этому чрезмѣрному благоговѣнію передъ библейскимъ текстомъ мы обязаны всѣми раздорами въ христіанскомъ обществѣ? что, опираясь на текстъ, каждая секта, каждая ересь провозглашала себя единственной истинной церковью Бога? что, благодаря тексту, приданъ былъ римскому первосвященнику титулъ видимаго главы христіанства, викарія І. Х., и что съ текстомъ же въ рукахъ оспаривали и донынѣ оспариваютъ его право на этотъ верховный санъ?

И позвольте мнѣ сказать вамъ, княгиня, что, на мой взглядъ, путь черезъ тексты далеко не самый прямой; мнѣ думается, напротивъ, что это путь наиболѣе извилистый и наиболѣе длинный: свидѣтельствомъ тому могутъ служить опять таки вѣчные споры законниковъ и богослововъ, которые вертятся всегда, какъ вамъ отлично извѣстно, на буквѣ Писанія. Наиболѣе прямой путь, по мнѣ, это путь хорошо дисциплинированнаго разума, руководимаго ясной вѣрою и свободнаго отъ всякаго корыстнаго чувства. Текстъ удобенъ въ томъ отношеніи, что онъ закрываетъ ротъ и принуждаетъ склониться передъ нимъ; посему онъ и былъ во всѣ времена убѣжищемъ религіозной гордыни. А какъ хотите вы, чтобъ гордость шла прямымъ путемъ? Это невозможно. Что касается до меня, то я, благодаренье небу, не богословъ, не законникъ, а просто христіанскій философъ, и только въ качествѣ таковаго я взялся за перо, чтобы оспаривать мнѣнія человѣка, котораго я люблю и уважаю, человѣка знающаго, человѣка умнаго, но не философа, и полагающаго, какъ многіе другіе, что вѣра и разумъ не имѣютъ ничего между собою общаго: вотъ та ошибка, которую я старался опровергнуть, вотъ весь предметъ моего письма.

Нашъ другъ утверждаетъ, во-первыхъ, что, при обученіи исторіи, библейская космогонія, то есть откровенная исторія созданія міра, должна быть опущена, ибо, по его мнѣнію, эта исторія относится къ области вѣры, а не науки. Я постарался поэтому доказать, что исторія человѣческаго рода не имѣетъ смысла, если не возводить ее къ первымъ днямъ міра и къ сотворенію человѣка; что все неизбѣжно обратится въ хаосъ и мракъ въ этой области человѣческаго познанія, если мы не бросимъ на нее яркій свѣтъ глубокихъ истинъ и дивныхъ символовъ, находящихся въ книгѣ Бытія. Переходя затѣмъ къ сущности предмета, я сказалъ, что въ задачи божественнаго основателя христіанства никогда не входило навязывать міру нѣмую и близорукую вѣру, какъ, повидимому, предполагаетъ авторъ; что, разъ христіанство есть слово и свѣтъ по преимуществу, оно естественно вызываетъ слово и распространяетъ возможно большій свѣтъ на всѣ объекты интеллектуальнаго воззрѣнія человѣка; что оно не только не противорѣчитъ даннымъ науки, но, напротивъ, подтверждаетъ ихъ своимъ высокимъ авторитетомъ, между тѣмъ какъ наука въ свою очередь ежедневно подтверждаетъ своими открытіями христіанскія истины; что христіанство снабдило человѣческій умъ новыми и многочисленными орудіями, давъ ему поводъ къ безмѣрному упражненію въ тѣ времена, когда наиболѣе прославленные святые были въ то же время и величайшими философами своего вѣка; что, наконецъ, доказано, что наиболѣе плодотворными эпохами въ исторіи человѣческаго духа были тѣ, когда наука и религія шли рука объ руку. Поэтому въ страницахъ, прочтенныхъ вами, я имѣлъ въ особенности въ виду прискорбную тенденцію увѣковѣчивать расколъ между религіей и наукой, установленный XVIII вѣкомъ, и о которомъ ни отцы церкви, ни учителя средневѣковья, эти гиганты религіозной мысли, не имѣли даже представленія, тенденцію, въ которой, къ сожалѣнію, доселѣ упорствуютъ многіе выдающіеся и строго религіозные умы, несмотря на обратное направленіе нашего вѣка въ его цѣломъ, стремящагося, напротивъ, изо всѣхъ силъ вернуться къ пріемамъ добраго времени твердыхъ вѣрованій и слить въ одинъ потокъ свѣта эти два великихъ маяка человѣческой мысли.

Естественно, что я не могу повторить всего, что я сказалъ, но необходимо добавить еще нѣсколько словъ къ этому изложенію въ краткихъ чертахъ того, что уже было мною раньше

высказано. Да, Библія есть драгоцѣннѣйшее сокровище человѣчества; она — источникъ всякой моральной истины; она пролила на міръ потоки свѣта, она утвердила человѣческій разумъ и обосновало общество; Библіи родъ человѣческій главнымъ образомъ обязанъ тѣми благами, которыми онъ пользуется, и ей будетъ онъ, по всей вѣроятности, обязанъ и концомъ тѣхъ бѣдъ, которыя еще тяготятъ надъ нимъ; но воздержимся отъ того, чтобъ ставить писаное слово на высоту, которой оно не имѣетъ, остережемся, какъ бы намъ не впасть въ поклоненіе, въ идолопоклонство буквѣ, въ особенности же остережемся представленія, что все христіанство замкнуто въ священной книгѣ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Никогда божественное слово не могло быть заточено между двумя досками какой-либо книги; весь міръ не столь обширенъ, чтобы объять его; оно живетъ въ безпредѣльныхъ областяхъ духа, оно содержится въ неизреченномъ таинствѣ Евхаристіи, на непреходящемъ памятникѣ креста оно начертало свои мощные глаголы.

Какъ видите, княгиня, эти строки содержатъ полное исповѣданіе вѣры. Благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ случай исповѣдать оную, и въ особенности въ обращеніи къ вамъ. Мои религіозные взгляды, подвергаемые нелѣпѣйшимъ толкованіямъ въ нашихъ гостиныхъ, нуждались въ формулировкѣ, хоть сколько-нибудь точной и опредѣленной, и разъ это сдѣлано, они не могли бы найти лучшаго судью, чѣмъ вы, вся жизнь которой посвящена была осуществленію искренней и просвѣщенной религіи.]

76.—В. А. Жуковскому.

См. т. I, стр. 238.

77.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ, дорогая Наташа, нѣсколько словъ для Лизы. Дѣло идетъ о Кюстинѣ. Краткость того, что я написалъ, не помѣшаетъ, конечно, письму достигнуть своей цѣли. Можетъ быть она угадаетъ мою мысль и найдетъ способъ сама сказать или передать черезъ кого-либо другого этому человѣку то, что ему слѣдуетъ знать. Если вы можете дать мнѣ еще 500 р., буду вамъ очень обязанъ. Но денегъ не нужно посылать, сообщите мнѣ только, когда я могу за ними зайти.]

1840 г.

78.—С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 239.

1841 г.

79.—А. И. Тургеневу.

Вотъ Батюшковъ, котораго ты знаешъ; сталобы дѣло не о немъ. Но есть въ Парижѣ Руской, человѣкъ необыкновеннаго ума, по имени *Сазоновъ*, котораго, къ крайнему моему удивленію, не знаешъ. Онъ находится въ Парижѣ по препорученію министра г. имуществъ, слѣд. офиціальной человѣкъ, [и вы не рискуете, мой милый, несчастный либералъ, компрометировать себя, оказывая ему услугу.] Найди его и постарайся ему пригодиться. За Галахова благодаренъ. Здѣсь всѣ живы и здоровы; народность преуспѣваетъ; по улицамъ разьѣзжаютъ тройки съ позвонками, лапотный элементъ въ полномъ развитіи; ежедневно дѣлаемъ новыя открытія, открываемъ Славянъ повсюду; на дняхъ вытолкаемъ изъ міру все неединокровное.—За симъ прощай. Кланяйся брату, Экштейну, Голицыну, Гагарину, Сиркуру, Теплякову.

Свербеева въ деревнѣ, была здѣсь недавно; мила по прежнему. Въ будущемъ мѣсяцѣ переселюсь въ ее сторону на остатокъ дней.

80.—Кн. С. С. Мещерской.

[Декабрь 1841.

Безспорно, княгиня, весьма интересно то, что сообщаетъ намъ въ своей книгѣ достопочтенный J. о новомъ направленіи въ англиканской церкви. Надо благословлять небо, внушающее различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ мысль о взаимномъ сближеніи. Учтивый тонъ рѣчи, столь непохожій на тотъ, который раньше употреблялся при обсужденіи подобныхъ вопросовъ, умѣренность въ обвиненіяхъ, выставляемыхъ противъ чужихъ вѣрованій, наконецъ, духъ любви, характеризующій эту маленькую

книжку, вполнѣ заслуживаютъ нашихъ симпатій. Мнѣ кажется, что можно возлагать большія надежды на это новое направленіе, которое принимаютъ въ наши дни религіозные взгляды въ нѣкоторыхъ странахъ, но долженъ признаться вамъ, что я желалъ бы, чтобъ пренія возникли на другой почвѣ. Я думаю, что лучшій способъ оцѣнить какое-либо начало, получившее господство въ мірѣ, это взглянуть на плодъ, который оно принесло; сводить вопросъ на чисто богословскій вопросъ значитъ, по мнѣ, слишкомъ суживать его. Вашъ англійскій священникъ нападаетъ, напримѣръ, съ жаромъ на почитаніе Св. Дѣвы и святыхъ; но если даже и признать, къ чему я, разумѣется, вовсе не склоненъ, что это почитаніе, въ томъ видѣ, какъ оно исповѣдуется нашими великими церквами — матерями, какъ бы запятнано суевѣріемъ, то не слѣдуетъ забывать при этомъ того благотворнаго вліянія, которое оно оказало на міръ. Въ спорѣ между добрыми христіанами недостаточно того, чтобъ правъ былъ умъ, нужно, чтобы и сердце было право. Развѣ не это почитаніе сдѣлало христіанскую мораль исполнимой, проливъ потоки любви Богоматери на землю и давъ человѣческой слабости нѣкоторое число образцовъ для подражанія, прежде чѣмъ она могла обратиться къ великому образцу, стоящему на вершинѣ христіанской лѣстницы? Развѣ не этому почитанію мы обязаны тѣмъ, что есть наиболѣе плодотворнаго въ средневѣковьѣ? Отнимите у этой поры дикаго величія ея восторженное поклоненіе Св. Дѣвѣ и ея глубокое благоговѣніе къ священному нимбу, и міръ былъ бы и теперь еще, быть можетъ, въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ находился тогда. Въ эти вѣка, когда владычествовала грубая сила, думаете ли вы, что простая мораль Евангелія и однѣ сверхчеловѣческія добродѣтели Спасителя были бы достаточны, чтобы смягчить нравы этихъ людей сѣвера, желѣзная природа которыхъ только что ознакомилась со всей испорченностью римской цивилизаціи, выродившейся въ безконечныя сатурналіи? Развѣ не нужно было показать имъ добродѣтели по ихъ мѣркѣ и научить ихъ склонять головы и преклонять колѣна передъ ними? Развѣ не нужно было говорить съ ними языкомъ, доступнымъ для нихъ, и обращаться болѣе къ ихъ сердцу и къ ихъ воображенію, чѣмъ къ ихъ уму? Внѣ сомнѣнья, напримѣръ, что христіанское искусство, этотъ прекрасный цвѣтъ чистѣйшаго религіознаго чувства, было бы невозможно безъ почитанія святыхъ. А если это такъ, то вѣдь это искусство без-

спорно принесло больше пользы обществу, чѣмъ принесутъ ему когда-либо цѣлые тома холодныхъ проповѣдей. Мало того, и что касается меня, то я увѣренъ въ этомъ, даже въ настоящее время дивные храмы, которые разсыпала по всей Англіи низвергнутая церковь, лучше возвѣщаютъ Евангеліе въ своемъ молчаніи ея неблагодарному населенію, кстати сказать мало цѣнящему это великолѣпное наслѣдіе, чѣмъ проповѣдники нынѣ господствующей церкви. Долженъ, впрочемъ, признаться вамъ, что мнѣ трудно понять, какъ эта церковь, самое наименованіе которой *уставленная Церковь*—указываетъ на ея происхожденіе, какъ она можетъ быть той самой церковью, которая была основана еще во времена апостольскія и затѣмъ разрушена Саксами. Но какъ бы то ни было, разъ она отрицаетъ свое недавнее происхожденіе и желаетъ вести свое начало съ той поры, когда была только одна церковь въ мірѣ, эта послѣдняя церковь, донынѣ пребывающая, будетъ, конечно, весьма счастлива открыть ей свои объятія. Это отреченіе въ нѣкоторомъ родѣ отъ нечистаго источника, которымъ она нѣкогда кичилась, есть безспорно большой шагъ впередъ, и мы должны отъ всего сердца привѣтствовать ее на этомъ пути. Какъ могли бы, въ самомъ дѣлѣ, древнія исповѣданія, въ лонѣ которыхъ христіанство развернулось и опредѣлилось, исповѣданія, стяжавшія ему міръ, не порадоваться при видѣ своихъ юныхъ сестеръ, понявшихъ наконецъ, что можетъ быть лишь одна христіанская церковь, и притомъ не нѣкая метафизическая церковь, парящая въ сферахъ идеи, но церковь вполнѣ видимо и вполнѣ реально основанная І. Х. на этой землѣ, орошенной его кровью и освященной его пребываніемъ среди насъ?

Я замѣчаю, княгиня, что я только еще приступаю къ своему предмету, а уже успѣлъ заполнить двѣ страницы; я не знаю, удовольствуетесь ли вы тѣмъ, что я сказалъ вамъ, но мнѣ не хотѣлось бы заключать своего письма, не попытавъ въ нѣсколькихъ словахъ резюмировать мои чувства по этому интересному вопросу. Итакъ, я думаю, что призваніе Церкви въ вѣкахъ было дать міру христіанскую цивилизацію, для чего ей необходимо было сложиться въ мощи и силѣ; что, имѣя задачей показать людямъ, что есть лишь одинъ способъ познать Бога и поклоняться Ему, она естественно должна была испытывать потребность въ сохраненіи собственнаго единства; что если бы она укрылась въ преувеличенномъ спиритуализмѣ или въ узкомъ

аскетизмѣ, если бы она не вышла изъ святилища, она тѣмъ самымъ обрекла бы себя на безплодіе и никогда не была бы въ состояніи завершить своего дѣла; наконецъ, что ея земныя судьбы могутъ быть выполнены лишь въ условіяхъ человѣческаго разума, условіяхъ, возлагавшихъ на нее обязанность непрестанно приспособляться къ духу временъ, черезъ которыя ей пришлось проходить, а потому и не слѣдуетъ упрекать ее въ томъ, что она пошла дорогой, предначертанной ей природой вещей, и слѣдовательно единственной, по которой она могла идти. Еще одно слово: вы знаете, что нѣкогда, въ самый разгаръ феодальныхъ неистовствъ, Церковь воспретила какія бы то ни было враждебныя дѣйствія въ теченіе четырехъ дней недѣли, и что ея послушались: ну, такъ спрашиваю васъ, думаете ли вы, что еслибъ она сложилась иначе, чѣмъ это было на дѣлѣ, она могла бы рѣшиться провозгласить этотъ пресловутый *миръ Божій*, истинный кодексъ милосердія и мира, который, по признанію даже протестантскихъ писателей, болѣе всего способствовалъ развитію у современныхъ націй всяческихъ гуманныхъ чувствъ? Конечно, нѣтъ. Мнѣ кажется, что при общихъ и мирныхъ преніяхъ, которыя, быть можетъ, возникнутъ при данныхъ обстоятельствахъ въ религіозномъ мірѣ, необходимо будетъ постоянно имѣть въ виду какъ услуги, оказанныя человѣчеству древними вѣрованіями, такъ и необходимость, въ которую они были поставлены, выступать въ качествѣ общественныхъ силъ и подчинять себѣ всѣ остальныя власти. И тогда, если новыя вѣрованія, исполненныя благодарности за оказанное ими благо, съ любовью протянутъ имъ руку, можно будетъ надѣяться, что самъ Духъ Святой благоволитъ просвѣтить ихъ и открыть имъ цѣлый міръ любви, гдѣ нѣкогда наиболѣе расходившіяся мнѣнія сольются и смѣшаются. Пусть эта счастливая минута скорѣе порадуетъ сердца истинныхъ христіанъ! А главное, чего можно весьма опасаться въ наши дни, да не вздумаетъ заносчивая философія, претендующая съ помощью нѣсколькихъ варварскихъ формулъ примирить все непримиримое, выступить посредницей между глубокими и искренними убѣжденіями, природы которыхъ она не можетъ понять и значенія которыхъ она не можетъ измѣрить, и тѣмъ свести всю эту святую работу религіозныхъ умовъ къ какому-нибудь неудачному компромиссу, къ какимъ-нибудь философскимъ пересудамъ, недостойнымъ религіи Христа.]

1842 г.

81.—Шеллингу.

[1842. Москва, 20 мая.

Милостивый Государь,

Съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлали честь написать мнѣ, произошло не мало событій въ философскомъ мірѣ, но изъ всѣхъ этихъ событій наиболѣе живой интересъ вызвало во мнѣ ваше выступленіе на новой сценѣ, куда призвалъ васъ государь, другъ генія. Какъ только я узналъ о вашемъ прибытіи въ Берлинъ, во мнѣ проснулось стремленіе обратиться къ вамъ съ пожеланіями успѣха вашимъ ученіямъ въ этомъ средоточіи нѣмецкой науки; различныя обстоятельства, независимыя отъ моей воли, помѣшали мнѣ выполнить это: теперь мнѣ остается только поздравить васъ съ вашимъ успѣхомъ. Я не настолько самонадѣянъ, чтобы предположить, что мои привѣтствія могутъ васъ безконечно тронуть, и если бы мнѣ не было ничего другого сказать вамъ, то я, можетъ быть, воздержался бы отъ того, чтобъ писать вамъ; но я не могъ противостать желанію сообщить вамъ о томъ могущественномъ интересѣ, который связанъ для насъ съ вашимъ теперешнимъ ученіемъ, а также о глубокихъ симпатіяхъ, съ которыми маленькій кружокъ нашихъ философствующихъ умовъ привѣтствовалъ ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ вашего славнаго поприща.

Вамъ извѣстно, вѣроятно, что спекулятивная философія издавна проникла къ намъ; что большая часть нашихъ юношей, въ жаждѣ новыхъ знаній, поспѣшила пріобщиться къ этой готовой мудрости, разнообразныя формулы которой являются для нетерпѣливаго неофита драгоцѣннымъ преимуществомъ, избавляя его отъ трудностей размышленія, и горделивыя замашки которой такъ нравятся юношескимъ умамъ; но чего вы не знаете, вѣроятно, это, что мы переживаемъ въ данную минуту нѣчто въ родѣ умственнаго кризиса, имѣющаго оказать чрезвычайное вліяніе на будущее нашей цивилизаціи; что мы сдѣлались жертвой національной реакціи, страстной, фанатической, ученой, являющейся естественнымъ слѣдствіемъ экзотическихъ тенденцій, подъ властью которыхъ мы слишкомъ долго жили, но которая, однако, въ своей узкой исключительности, поставила себѣ зада-

чей не болѣе, не менѣе, какъ коренную перестройку идеи страны въ томъ видѣ, какъ она дана теперь не вслѣдствіе какого-либо насильственнаго общественнаго переворота, что еще могло бы до извѣстной степени оправдывать насильственное возвращеніе къ прошлому, но просто въ силу естественнаго хода вещей, непогрѣшимой логики столѣтій, а главное въ силу самаго характера націи. Надо принять въ соображеніе, что философія, низвергнуть съ престола которую вы явились въ Берлинъ, проникнувъ къ намъ, соединившись съ ходовыми у насъ идеями и вступивъ въ союзъ съ господствующимъ у насъ въ настоящее время духомъ, грозила окончательно извратить наше національное чувство, то есть скрытое въ глубинѣ сердца каждаго народа начало, составляющее его совѣсть, тотъ способъ, которымъ онъ воспринимаетъ себя и ведетъ себя на путяхъ, предначертанныхъ ему въ общемъ распорядкѣ міра. Необыкновенная эластичность этой философіи, поддающейся всевозможнымъ приложеніямъ, вызвала къ жизни у насъ самыя причудливыя фантазіи о нашемъ предназначеніи въ мірѣ, о нашихъ грядущихъ судьбахъ; ея фаталистическая логика, почти уничтожающая свободу воли, возстановляя ее въ то же время на свой ладъ, усматривающая вездѣ неумолимую необходимость, обратясь къ нашему прошлому, готова была свести всю нашу исторію къ ретроспективной утопіи, къ высокомѣрному апоѳеозу русскаго народа; ея система всеобщаго примиренія путемъ совершенно новаго хронологическаго пріема, занимательнаго образца нашихъ философскихъ способностей, вела насъ къ вѣрѣ, что упредивъ ходъ человѣчества, мы уже осуществили въ нашей средѣ ея честолюбивыя теоріи; наконецъ, она, быть можетъ, лишила бы насъ прекраснѣйшаго наслѣдія нашихъ отцовъ, той цѣломудренности ума, той трезвости мысли, культъ которой, сильно запечатлѣнный созерцательностью и аскетизмомъ, проникалъ все ихъ существо. Вы можете судить, сколь искренно привѣтствовали ваше появленіе въ самомъ очагѣ этой философіи, вліяніе которой могло стать для насъ столь гибельнымъ, всѣ тѣ изъ насъ, которые дѣйствительно любятъ свою страну. И не думайте, чтобы я преувеличивалъ это вліяніе. Бываютъ минуты въ жизни народовъ, когда всякое новое ученіе, каково бы оно ни было, всегда явится облеченнымъ чрезвычайной властью въ силу чрезвычайнаго движенія умовъ, характеризующаго эти эпохи. А слѣдуетъ признаться, что горячность, съ которой у насъ волнуются на поверхности общества въ поискахъ

какой то потерянной національности, невѣроятна. Роются во всѣхъ уголкахъ родной исторіи; передѣлываютъ исторію всѣхъ народовъ міра, навязываютъ имъ общее происхожденіе съ привилегированной расой, расой славянской, смотря по большему или меньшему достоинству ихъ; перерываютъ всю кору земного шара, чтобы найти титулы новаго народа Божія; и въ то время, какъ эта непокорная національность ускользаетъ отъ всего этого безплоднаго труда, фабрикуютъ новую, которую претендуютъ навязать странѣ, относящейся впрочемъ совершенно безучастно къ лихорадочнымъ восторгамъ этой науки, у которой еще молоко на губахъ не обсохло. Но горячки заразительны, и если бы ученіе о непосредственномъ проявленіи абсолютнаго Духа въ человѣчествѣ вообще и въ каждомъ изъ его членовъ въ частности продолжало царить въ вашей ученой метрополіи, то мы вскорѣ увидали бы, въ этомъ я увѣренъ, весь нашъ литературный міръ перешедшимъ къ этой системѣ, подслужливымъ царедворцемъ человѣческаго разума, мило льстящимъ всѣмъ его притязаніямъ. Вы знаете, въ вопросахъ философіи мы еще ищемъ своего пути: поэтому весь вопросъ въ томъ, отдадимся ли мы порядку мыслей, поощряющему въ высокой степени всякія личныя пристрастія, или, вѣрные дорогѣ, которой мы слѣдовали до сего дня, мы и впредь пойдемъ по путямъ того религіознаго смиренія, той скромности ума, которые во всѣ времена были отличительной чертой нашего національнаго характера и, въ конечномъ счетѣ, плодотворнымъ началомъ нашего своеобразнаго развитія. Продолжайте же, милостивый государь, торжествовать надъ высокомѣрной философіей, притязавшей вытѣснить вашу. Вы видите, судьбы великой націи зависятъ въ нѣкоторомъ родѣ отъ вашей системы. И да будетъ дано намъ увидать когда-нибудь созрѣвшими въ нашей средѣ всѣ плоды истинной философіи, и это, благодаря вамъ!]

1843 г.

82.—С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 246.

83.—А. И. Тургеневу.

[1 Ноября. Басманная.

Не успѣлъ я написать вамъ письмо, наполненное глупостями, въ отвѣтъ на тѣ, съ которыми вы обратились ко мнѣ въ вашемъ письмѣ къ Свербеевой, какъ она получила другое для передачи мужу, въ которомъ было нѣсколько словъ по моему адресу. Вотъ я и сѣлъ впросакъ съ моимъ глупымъ письмомъ. Признаюсь, однако, что мнѣ немножко жаль, что такъ случилось, ибо въ моемъ письмѣ были отмѣнныя вещи, и вы сами съ удовольствіемъ прочли бы ихъ. Но у васъ какой-то даръ дѣлать все некстати. Какъ бы то ни было, теперь уже говорить объ этомъ не приходится, и мнѣ въ настоящее время остается только сообщить вамъ о томъ удовольствіи, которое доставило мнѣ это, правда, немного запоздавшее, удовлетвореніе, но которое я принимаю отъ всего сердца, и за которое я вамъ во всѣхъ отношеніяхъ благодаренъ. Я, впрочемъ, никогда не сомнѣвался въ вашемъ добромъ сердцѣ, какъ ни извращено оно филантропіей, а также въ вашей дружбѣ, и крѣпко надѣялся, что въ одинъ прекрасный день вы вернетесь ко мнѣ. Я убѣжденъ, что, написавъ эти трогательныя строки, вы почувствовали, что всѣ успѣхи самолюбія не стоятъ сладости добраго чувства. Кстати, я долженъ вамъ сказать, что вашъ странный гнѣвъ ни мало не изумилъ меня; я лучше кого-либо другого понимаю тягость такого существованія, какъ ваше, лучше кого-либо другого знаю, что всѣ мы лишены дѣйствительнаго благосостоянія души, и что, слѣдовательно, намъ поневолѣ приходится заполнять нашу жизнь туманами тщеславія. Къ несчастью эти туманы зачастую весьма пагубны и искажаютъ въ концѣ-концовъ нашъ организмъ.

Я очень радъ тому, что вы часто встрѣчаетесь съ моей кузиной. Это одна изъ самыхъ почтенныхъ личностей, какихъ я только знаю. Совѣтую вамъ, для чести страны, всячески постараться ввести ее въ парижское общество. Отчего вы не пишете мнѣ ничего о брошюрѣ Лабенскаго? Я только что прочелъ ее. Хотя и написанная стилемъ выходца или, вѣрнѣе, иностранца, она имѣетъ, по-моему, то несомнѣнное достоинство, что отлично доказываетъ необходимость реформы Петра Великаго въ ту эпоху, когда онъ появился. Ничто великое или плодотворное въ порядкѣ общественномъ не появляется, если оно не вызвано настоятельной потребностью, и соціальныя реформы удаются

лишь при томъ условіи, если онѣ отвѣчаютъ этой потребности. Этимъ объясняется вся исторія Петра Великаго. Если бы Петръ Великій не явился, то, кто знаетъ, можетъ быть мы были бы теперь шведской провинціей, и что, скажите, подѣлывала бы тогда наша милѣйшая историческая школа.

Мы еще пребываемъ здѣсь въ лѣтней тишинѣ, и я очень боюсь, что, когда зима вернетъ намъ людей, она принесетъ намъ жизни лишь ровно настолько, чтобъ мы могли не почитать себя мертвыми. Если вы соберетесь написать мнѣ, въ чемъ я слегка сомнѣваюсь, то сообщите мнѣ побольше объ этой милой Лизѣ, которую мнѣ не удалось заставить особенно полюбить меня, но которую я люблю болѣе, чѣмъ въ силахъ это выразить. Это между нами. Свербеева собирается вамъ писать. Вы понимаете, какая пустота образовалось въ ея существованіи, сотканномъ изъ привязанностей и симпатій, со смертью добрѣйшей графини З.; она еще далеко не оправилась отъ своего горя, вы сумѣете поэтому оцѣнить это свидѣтельство ея дружбы къ вамъ, ибо люди неохотно отрываются отъ истиннаго и глубокаго горя. Итакъ, будьте здоровы. Не говорю вамъ до свиданія, ибо въ Мартѣ мѣсяцѣ окончательно покидаю Москву съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться туда. — Передайте всяческія изъявленія почтительности съ моей стороны г-жѣ Сиркуръ и кн. Еленѣ, если только она въ Парижѣ. Нѣжно обнимите вашего брата отъ меня.]

1844 г.

84. — А. С. Хомякову.

См. т. I, стр. 248.

85. — Неизвѣстному.

См. т. I, стр. 249.

86. — С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 253.

1845 г.

87.—Гр. Сиркуру.

[Басманная, 15 января 1845.

Только что получилъ тотъ нумеръ «Semeur», гдѣ напечатанъ отрывокъ изъ проповѣди нашего митрополита. Журналъ былъ адресованъ прямо владыкѣ, у котораго и находился до сихъ поръ; вотъ почему я такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Было бы, разумѣется, лучше, если бы эти нескромныя страницы попали сначала ко мнѣ, и еще лучше, если бы проповѣдь была напечатана цѣликомъ и безъ страннаго комментарія редакціи. Къ счастію, владыка не обратилъ на него большого вниманія. Я только-что видѣлся съ нимъ; онъ принялъ меня какъ нельзя любезнѣе. Лестное предисловіе, повидимому, подкупило его. Вы отлично знаете, что во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ есть часовни, и что въ мірѣ не существуетъ церкви болѣе снисходительной, чѣмъ православная. Она, можетъ быть, даже слишкомъ снисходительна. Религіозный принципъ по самой своей природѣ склоненъ распаляться (s'exalter) въ томъ, что составляетъ его сокровенную суть,—такъ сказать, доводить до гиперболы то, что̀ въ немъ есть наиболѣе глубокаго. Наша же церковь по существу—церковь аскетическая, какъ ваша по существу — соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему, что̀ совершается внѣ ея, и живое участіе другой ко всему на свѣтѣ. Это — два полюса христіанской сферы, вращающейся вокругъ оси своей безусловной истины, своей дѣйствительной истины. На практикѣ обѣ церкви часто обмѣниваются ролями, но принципы нельзя оцѣнивать по отдѣльнымъ явленіямъ. А насчетъ того, чтобы видѣть въ нашемъ святомъ владыкѣ реформатора, то отъ этого нельзя не расхохотаться. Онъ самъ отъ всего сердца смѣется надъ этимъ. Журналистъ просто-на́-просто принялъ риторическую фигуру, примѣненную къ тому же, на мой взглядъ, очень умѣстно, за религіозную революцію. Не могу надивиться на то, что̀ дѣлается съ вашими наиболѣе серьезными мыслителями, какъ только они оказываютъ намъ честь заговорить о насъ. Точно мы живемъ на другой планетѣ, и они могутъ наблюдать насъ лишь при помощи одного изъ тѣхъ телескоповъ, которые даютъ обратное изображеніе. Правда, тутъ есть и наша вина. Ошибки, въ которыя вы такъ часто впадаете на нашъ счетъ, объясняются отчасти тѣмъ,

что пока мы принимали еще очень мало участія въ общемъ умственномъ движеніи человѣчества. Но, я надѣюсь, недалекъ тотъ день, когда мы займемъ ожидающее насъ мѣсто въ ряду народовъ—просвѣтителей міра. Вы недавно сами видѣли насъ и, конечно, не рѣшитесь отрицать за нами правъ на подобное мѣсто. Если же вы все-таки почему-нибудь еще не знаете въ точности, каковы эти права, вамъ стоитъ лишь справиться объ этомъ у молодой школы, красы Россіи, чей вдохновенный жаръ и высокую важность вы сами имѣли случай оцѣнить; и ручаюсь, что она представитъ вамъ внушительный списокъ этихъ правъ. Какъ видите, я нѣсколько ославянился, какъ сказала бы m-me Сиркуръ. Что̀ дѣлать! Какъ спастись отъ этой заразы, тѣмъ болѣе сильной, что она—совершенно новое патологическое явленіе въ нашихъ краяхъ? Въ ту минуту, напримѣръ, когда я пишу вамъ, у насъ здѣсь читается курсъ исторіи русской литературы, возбуждающій всѣ національныя страсти и поднимающій всю національную пыль. Просто голова кругомъ идетъ. Ученый профессоръ поистинѣ творитъ чудеса. Вы не можете себѣ представить, сколько дивныхъ заключеній онъ извлекаетъ изъ ничтожнаго числа литературныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по необъятнымъ степямъ нашей исторіи, сколько могучихъ силъ онъ откапываетъ въ нашемъ прошломъ. Затѣмъ онъ сопоставляетъ съ этимъ благороднымъ прошлымъ жалкое прошлое католической Европы и стыдитъ ее съ такой мощью и высокомѣрностью, что вы не повѣрите. Не думайте притомъ, чтобы это новое ученіе встрѣчало среди насъ лишь поверхностное сочувствіе. Нѣтъ, успѣхъ оглушительный. Замѣчательно! сторонники и противники, всѣ рукоплещутъ ему,—послѣдніе даже громче первыхъ, очевидно прельщенные тѣмъ, что̀ и имъ также представляется торжествомъ ихъ нелѣпыхъ идей. Не сомнѣваюсь, что нашему профессору въ концѣ-концовъ удастся доказать съ полной очевидностью превосходство нашей цивилизаціи надъ вашей,—тезисъ, къ которому сводится вся его программа. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что уже многимъ непокорнымъ головамъ пришлось склониться предъ мощью его кристально-ясной, пламенной и картинной рѣчи, вдохновляемой просвѣщеннымъ патріотическимъ чувствомъ, столь родственнымъ патріотизму нашихъ отцовъ, и въ особенности несомнѣнной благосклонностью высшихъ сферъ, которыя неоднократно во всеуслышаніе выражали свой взглядъ на эти любопытные вопросы. Говорятъ, что онъ собирается напечатать свои

курсъ; сочту за счастіе представить его ученой Европѣ на языкѣ, общемъ всему цивилизованному міру. Изданная по-французски, эта книга несомнѣнно произведетъ глубокое впечатлѣніе въ вашихъ широтахъ и даже, можетъ быть, обратитъ на путь истины изрядное число обитателей вашей дряхлой Европы, истомленной своей безплодной рутиной и навѣрное не подозрѣвающей, что бокъ-о-бокъ съ нею существуетъ цѣлый неизвѣстный міръ, который изобилуетъ всѣми не достающими ей элементами прогресса и содержитъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ занимающихъ ее и не разрѣшимыхъ для нея проблемъ. Впрочемъ, ничего не можетъ быть естественнѣе этого превосходства нашей цивилизаціи надъ западной. Что̀ такое въ концѣ-концовъ ваше общество? Конгломератъ множества разнородныхъ элементовъ, хаотическая смѣсь всѣхъ цивилизацій міра, плодъ насилія, завоеванія и захвата. Мы же, напротивъ,—не что̀ иное, какъ простой, логическій результатъ одного верховнаго принципа,—принципа религіознаго, принципа любви. Единственный чуждый христіанству элементъ, вошедшій въ нашъ соціальный укладъ, это славянскій элементъ, а вы знаете, какъ онъ гибокъ и податливъ. Поэтому всѣ вожди литературнаго движенія, совершающагося теперь у насъ,—какъ бы далеко ни расходились ихъ мнѣнія по другимъ вопросамъ,—единогласно признаютъ, что мы — истинный, Богомъ избранный народъ новѣйшаго времени. Эта точка зрѣнія не лишена, если хотите, нѣкотораго аромата мозаизма; но вы не будете отрицать ея необычайной глубины, если обратите вниманіе на великолѣпную роль, которую играла церковь въ нашей исторіи, и на длинный рядъ нашихъ предковъ, увѣнчанныхъ ею ореоломъ святости. Мало того, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ мыслителей, котораго вы легко узнаете по этому признаку, недавно доказалъ съ отличающей его силой логики, что въ принципѣ христіанство было возможно лишь въ нашей соціальной средѣ, что лишь въ ней оно могло расцвѣсти вполнѣ, такъ какъ мы были единственнымъ народомъ въ мірѣ, вполнѣ приспособленнымъ къ тому, чтобы принять его въ его чистѣйшей формѣ; откуда слѣдуетъ, какъ видите, что Іисусъ Христосъ, строго говоря, могъ бы не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ, и что для исполненія распредѣленной между ними обязанности было совершенно достаточно одного апостола Андрея. Однако, само собою разумѣется, что разъ откровенное ученіе достигнетъ въ этой предуготовленной ему обстановкѣ своего полнаго развитія, ничто не

помѣшаетъ ему продолжать свой путь для достиженія своего мірового палингенезиса, и такимъ образомъ вы не совсѣмъ лишены надежды увидѣть его когда-нибудь и у себя. Конечно, было бы нѣсколько затруднительно примирить эту теорію съ принципомъ всемірности христіанства, столь упорно исповѣдуемымъ въ другой половинѣ христіанскаго міра; но именно этимъ кореннымъ разногласіемъ между обоими ученіями и обусловливаются всѣ наши преимущества передъ вами. Такимъ образомъ, мы не осуждены, подобно вамъ, на вѣчную неподвижность и не окаменѣли въ догматѣ подобно вамъ: напротивъ, наше вѣроученіе допускаетъ необыкновенно удобныя и разнообразныя примѣненія христіанскаго начала, особенно по отношенію къ національному принципу, и это есть неизмѣримое преимущество, которое должно возбуждать въ васъ сильнѣйшую зависть. Еще нашъ милѣйшій профессоръ недавно повѣствовалъ намъ съ высоты своей каѳедры тономъ глубочайшаго убѣжденія и необыкновенно звучнымъ голосомъ, что мы—избранный сосудъ, предназначенный воспринять и сохранить евангельскій догматъ во всей его чистотѣ, дабы въ урочное время передать его народамъ, устроеннымъ менѣе совершенно, чѣмъ мы. Этотъ новый маршрутъ Евангелія—любопытное открытіе нашей доморощенной мудрости—несомнѣнно будетъ тотчасъ признанъ всѣми христіанскими общинами, какъ только онъ станетъ имъ извѣстенъ; а тѣмъ временемъ пусть васъ не слишкомъ удивитъ, если какъ-нибудь на-дняхъ вы вдругъ узнаете, что въ ту эпоху, когда вы были погружены въ средневѣковой мракъ, мы гигантскими шагами шли по пути всяческаго прогресса; что мы уже тогда обладали всѣми благами современной цивилизаціи и большинствомъ учрежденій, которыя у васъ даже теперь можно найти лишь на степени утопій. Нѣтъ надобности говорить вамъ, какое пагубное обстоятельство остановило насъ въ нашемъ тріумфальномъ шествіи чрезъ пространство столѣтій: вы тысячу разъ слышали объ этомъ во время вашего пребыванія въ Москвѣ. Но я не могу оставить васъ въ неизвѣстности относительно моего личнаго взгляда на этотъ предметъ. Да: вторженіе западныхъ идей—идей, отвергаемыхъ всѣмъ нашимъ историческимъ прошлымъ, всѣми нашими національными инстинктами,—вотъ что парализовало наши силы, извратило всѣ наши прекрасныя наклонности, исказило всѣ наши добродѣтели, наконецъ, низвело насъ почти совсѣмъ на вашъ уровень. Итакъ, мы должны вернуться назадъ, должны воскресить то прошлое, кото-

рое вы такъ злобно похитили у насъ, возстановить его въ возможной полнотѣ и засѣсть въ немъ навсегда. Вотъ работа, которою заняты теперь всѣ наши лучшіе умы, къ которой и я присоединяюсь всей душой, и успѣхъ которой есть предметъ моихъ желаній, особенно потому, что вполнѣ оцѣнить тотъ своеобразный поворотъ, который мы совершаемъ теперь, можно будетъ, по моему убѣжденію, лишь въ день его окончательнаго торжества.—Не знаю, какъ вы взглянете на то, что̀ я разсказалъ вамъ здѣсь, и надѣюсь, что вы не ошибетесь насчетъ моего взгляда на эти вещи; но несомнѣнно, что если вы, спустя нѣсколько лѣтъ, навѣстите насъ, вы будете имѣть полную возможность налюбоваться плодами нашего попятнаго развитія... Я уже собирался запечатать это письмо, какъ получилъ вашу статью изъ «Semeur». Надѣюсь, что его высокопреосвященство отнесется къ вашей критикѣ по-христіански. Ваши замѣчанія, по моему, нѣсколько суровы, хотя въ существѣ правильны. Мы еще потолкуемъ о нихъ, когда я буду писать вамъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ на нашего достопочтеннаго пастыря. Мнѣ еще не удалось добыть тотъ нумеръ «Bibl. de Genève», о которомъ вы пишете мнѣ; но надѣюсь на этихъ дняхъ достать его и прочитать вашу статью. — Не откажите напомнить обо мнѣ m-me Сиркуръ и увѣрить ее въ моей преданности. Льщу себя надеждою, что она сохранила не слишкомъ дурное воспоминаніе о нашемъ славянскомъ фанатизмѣ вообще и моемъ въ частности. И я—не большой охотникъ до исключительнаго и узкаго націонализма; признаюсь даже, что невысоко цѣню эту географическую добродѣтель, которою такъ кичилась языческая древность и которая чужда Евангелію. Однако, вотъ соображеніе, которое я позволю себѣ предложить снисходительному вниманію m-me Сиркуръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Парижъ—въ настоящее время главный очагъ соціальнаго движенія въ мірѣ, что его салоны—привилегированные центры изустной мысли нашего вѣка; несомнѣнно также, что въ наши дни идеи и умы именно въ Парижѣ ищутъ и получаютъ свои вѣнцы, патенты и ореолъ. Но нельзя же отрицать и того, что и въ другихъ мѣстахъ коегдѣ существуютъ небольшіе очаги, невѣдомые міру центры, и въ этихъ очагахъ, въ этихъ центрахъ—кое-какія бѣдныя идеи, кое-какіе бѣдные умы, которые безъ большой самонадѣянности могутъ разсчитывать на долю—если не глубокаго интереса, то по крайней мѣрѣ серьезнаго любопытства, въ особенности со

стороны тѣхъ, кого противный вѣтеръ иногда заноситъ на наши безплодные берега и кто такимъ образомъ можетъ самъ оцѣнить тѣ усилія, которыя мы употребляемъ для ихъ распашки. Примите, милостивый государь, выраженіе моей глубочайшей преданности. П. Чаадаевъ.]

88.—А. И. Тургеневу.

См. т. I, стр. 258.

89.—И. В. Кирѣевскому.

См. т. I, стр. 259.

90.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Дѣло Ласавиновой на ходу, дорогой другъ. Я думаю, что нужды писать объ этомъ Акинфьеву. Это можно устроить черезъ Панина. Вы знаете, впрочемъ, что Миквицъ лечитъ у Ренваль. Я провелъ вчера ужасный день, пришлось даже послать къ Сокологорскому, котораго не нашли. Миквицъ заходилъ утромъ, но до припадка. Сегодня мнѣ немного лучше. Пришлите мнѣ, пожалуйста, Сокологорскаго,—если онъ не прійдетъ сегодня утромъ, конечно. Недавно Эвансъ обѣдалъ со мной вдвоемъ, и мнѣ было такъ хорошо, что я обѣщалъ пойти съ нимъ къ Орловой, трогательное приглашеніе которой онъ мнѣ передалъ. Вечеромъ пришелъ Салтыковъ, чтобы пригласить меня отъ имени кн. Сергѣя Голицына на обѣдъ къ нему въ воскресеніе. Ему я тоже обѣщался быть. Сегодня же я не могу и думать объ этомъ. Я опять въ полномъ упадкѣ.—Орлова наняла квартиру въ домъ Фошъ, напротивъ Павловыхъ,—мы почти сосѣди. Къ несчастью я не смогу воспользоваться этимъ. Когда она тамъ водворится, я навѣрное уже буду въ своей могилѣ въ Дмитровѣ. У меня много есть, что вамъ сказать, только писать слишкомъ длинно. Мнѣ нечего и думать о томъ, чтобъ выйти до 10-ти часовъ,—если я вообще выйду. Вамъ нездоровилось? Какъ вы себя чувствуете теперь? Какія вѣсти отъ Ивана? Когда я могу послать Лизѣ мое прощальное письмо? Управляющій Левашовыхъ приходилъ ко мнѣ просить отсрочки до 1-го Сентября. Надо будетъ постараться прожить до этого времени.]

91.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Что васъ не видать, дорогой другъ? Вамъ вѣроятно сказали, что мнѣ лучше. Неправда. Я обѣдалъ, дѣйствительно, въ Кузминкахъ въ воскресенье. Я вообразилъ тогда, что я здоровъ, вотъ и все. Тотъ день я провелъ очень хорошо, но сегодня я въ прежнемъ состояніи. Мы говорили съ И. М. Кочетовымъ о васъ и о Лизѣ. Я встрѣтилъ тамъ тьму старыхъ знакомыхъ и самое любезное вниманіе со стороны княженъ. На обратномъ пути я заблудился. Я хотѣлъ бы васъ повидать, чтобы поговорить съ вами о вещахъ, которыя васъ не удивили бы и, пожалуй, были бы вамъ пріятны. Будьте здоровы. Миквицъ боленъ.—

Пришлите мнѣ мое письмо къ Сиркуру, если оно у васъ. Я вамъ его верну.]

92.—Кузинѣ.

[Прошу у васъ прощенія, дорогой другъ, что не отвѣтилъ на вашу записку, которую получилъ только вечеромъ. Надѣюсь, что вы не ждали меня, и что приглашеніе принять участіе въ вашей скромной трапезѣ не было серьезнымъ. Объ этихъ вещахъ не приходится теперь думать. Съ самаго вашего отъѣзда, я вышелъ только разъ—подышать ночной прохладой и найти минутное забвеніе моихъ страданій въ тупой дремотѣ англійскаго клуба. Все, что я могу вамъ сказать о моемъ состояніи, это, что я еще живъ, благодаря моимъ гостямъ. Оверъ еще не заѣзжалъ. Милѣйшій Миквицъ продолжаетъ бывать. Кн. Волхонская пріѣзжала проститься со мною и съ тѣмъ, чтобъ я написалъ нѣсколько строкъ въ ея альбомѣ рядомъ со строками, написанными Ермоловымъ. Она упоминала о васъ съ трогательной любовью. Новосильцова, уѣхавшая на дняхъ изъ Москвы, написала мнѣ нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ. Она полагала, что я въ деревнѣ.—Если бы вы были такъ добры справиться, вернулся ли Сокологорскій, и сообщить мнѣ, я былъ бы вамъ безконечно обязанъ. Муравьева съѣздила къ Тройцѣ и чувствуетъ себя прекрасно.—Прощайте, моя добрая.—

Будьте любезны справиться, въ Москвѣ ли Боборыкинъ.]

93.—Кузинѣ.

[Мнѣ предписано, дорогой другъ, выйти завтра. Значитъ, беречь меня больше не намѣрены.—Ваша записка огорчила

меня, я ничего въ ней не понялъ. Я собирался на обѣдъ къ Раевскому, который провелъ у меня вечеръ и звалъ меня. Но понятно, что я предпочитаю быть завтра у васъ. — Поэтому закажите куриныя котлеты и скажите мнѣ, что вы ждете меня.— Тѣмъ, что я чувствую себя лучше, я обязанъ лекарствамъ Заблоцкаго; скажите ему это и попросите его заѣхать ко мнѣ завтра утромъ, чтобы убѣдиться въ состояніи моего здоровья.— Итакъ, до завтра, я надѣюсь. Я только что написалъ Ивану Матвѣевичу. — Свербеева уже присылала ко мнѣ Тургенева, чтобъ сообщить о рожденіи сына. —]

94. —Кузинѣ.

[Я посылаю человѣка въ ваши мѣста. Сообщите, пожалуйста, Заболоцкому, что кровотеченіе значительно усилилось.—]

95.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вчерашній день прошелъ ужасно. Были минуты, когда я не зналъ, куда дѣваться, когда мысли о самоубійствѣ, помимо воли, приходили мнѣ въ голову. Я дважды посылалъ за Заблоцкимъ, который не пришелъ. Онъ не знаетъ моей натуры; и тѣмъ не менѣе одинъ онъ можетъ быть мнѣ полезенъ въ данное время. Къ счастью у меня были гости весь вечеръ. Проѣзжалъ Салтыковъ, возвращаясь изъ Кузминокъ. Если вы можете завтра выѣхать, то у меня къ вамъ будетъ просьба. Не можете ли вы заѣхать къ Максутовымъ. Гильдебрандтъ только что сообщилъ мнѣ, что деньги, предназначенные къ уплатѣ мнѣ, были случайно употреблены на покрытіе просроченныхъ платежей въ ломбардъ, но что Максутовъ написалъ Дельвигу, чтобы исправить это. Говорятъ, что это легко сдѣлать, но я очень желалъ бы знать, что изъ этого вышло. Не знаю, что со мной будетъ сегодня; день начинается довольно печальными предзнаменованіями. До свиданія. Вы забыли прислать мнѣ номеръ Revue. Неужели Свербѣевъ не знаетъ, что я боленъ. До свиданія.]

96.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Къ моему величайшему удивленію я довольно хорошо выпутался ихъ своего вчерашняго вечера. Пожалуйста, пришлите мнѣ мой портретъ безъ рамки. Съ него нужно снять копію. Не

забудьте прислать мнѣ письмо Лизы. Я встрѣтилъ у Васильчиковыхъ кн. Долгорукову, которая сказала мнѣ, что Лиза была у нея на дняхъ.]

97.—Н. Д. Шаховской.

[Я вамъ писалъ, дорогая Натали, чтобы узнать, какъ поживаете вы и Дмитрій. Вы мнѣ не отвѣтили. Сейчасъ слишкомъ жарко для того, чтобы ѣхать къ вамъ. Постараюсь все же сдѣлать это завтра. Но вы, которая чувствуете себя, какъ я полагаю, хорошо, почему вы не подаете признаковъ жизни? Сегодня буду брать ванну, не знаю, что изъ этого выйдетъ. Получили вы записку Барщова? Что вы о ней скажете. Я думаю, что Петръ Ив. правъ. Разница въ цѣнѣ такъ незначительна, что желательнѣе остановиться на этой квартирѣ: она много лучше, и владѣлецъ не капризная женщина. Мой прежній хозяинъ Рѣшетниковъ предлагаетъ мнѣ мою прежнюю квартиру за прежнюю плату, 1200 р. въ годъ. Это еще очень хорошо.—Я полагаюсь во всемъ этомъ на Бога и на васъ. Благоволите мнѣ прислать вѣсточку о себѣ. Если ванна меня не уморитъ, я къ вамъ пріѣду.]

98.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ и разрушены всѣ наши планы. Вы знаете, что дѣло идетъ не о *временной* квартирѣ, каковая, *впрочемъ, у меня имѣется у Перовскихъ, напротивъ*. Вы знаете, что Шульцъ не собирается ничего дѣлать зимой; принимая, впрочемъ, во вниманіе все, что нужно сдѣлать, это было бы и невозможнымъ. Какъ хотите вы, чтобы я искалъ квартиру при такомъ состояніи моего здоровья. Я выхожу только по предписанію врача, чтобы подышать воздухомъ и пріучить лицо къ атмосферѣ. Петръ Ивановъ обѣщался поискать, и Лиза пишетъ мнѣ, что вы обѣ собираетесь этимъ занятся. Въ добрый часъ! Когда мнѣ будетъ лучше, я со своей стороны сдѣлаю все, что могу. Въ вашемъ домѣ есть квартира, которая, думается, могла бы быть для меня подходящей, но за нее просятъ 1200 р.—это мнѣ не по средствамъ. Въ томъ кварталѣ, гдѣ вы живете, или гдѣ живетъ Лиза, можно было бы, думается мнѣ, найти за 1000. Прикажите, пожалуйста, посмотрѣть и заѣзжайте сегодня вечеромъ; будьте увѣрены, что

застанете меня дома каждый вечеръ. — Мнѣ еще далеко до того, чтобъ проводить вечера внѣ дома.

Есть прекрасная квартира на Кисловкѣ, противъ дома Теплова, въ домѣ бывшемъ Лангъ.

Я беру ванны, взялъ одну, которая мнѣ помогла, завтра возьму еще одну. — Въ одинъ изъ этихъ дней я разсчитываю вернуть вамъ часть того, что я вамъ долженъ; но только не сегодня. Это бы меня утомило. —

Поднимите на ноги всѣхъ своихъ знакомыхъ: пусть ищутъ квартиру — это главное. Еще нѣсколько лицъ тоже взялись за это. До свиданія, до вечера, послѣ 8-ми часовъ. Будетъ Эвансъ.

Лиза говоритъ, что вы обѣ собираетесь выручить меня изъ моего затруднительнаго положенія, *совершенно мнѣ не подходящаго*. —

Эти слова меня очень порадовали. Въ общемъ мнѣ лучше, благодаря Гейману и ваннѣ, которую мнѣ дала Муравьева.]

99. — Кн. Н Д Шаховской.

[Дорогой другъ. Повидимому Лиза не пріѣхала. Вы еще не сказали мнѣ, что она вамъ отвѣтила на просьбу, которую вы ей передали отъ меня. Вы знаете, въ какомъ я положеніи. Невозможно оставаться на моей квартирѣ; вы знаете, что говоритъ о ней Заблоцкій. Квартира Жихаревыхъ еще сомнительна, но я увѣренъ, что если бы вы и Лиза постарались немножко, дѣло скоро стало бы вѣрнымъ, ибо надо только закончить часть домика, а я могъ бы тотчасъ же дать 1000 р. впередъ, въ счетъ моей квартирной платы. Если бы все это вышло, я былъ бы устроенъ до конца моей жизни. Я убѣжденъ, что, какъ только я буду имѣть увѣренность въ этомъ, я быстро поправлюсь. Переселившись, имѣя квартиру, гдѣ оставаться мнѣ было бы не противно и не страшно снова заболѣть, я устроился бы скромно и экономно. Но что дѣлать, если изъ всего этого ничего не выйдетъ? Вчера говорили о новой квартирѣ для Лизы. Ну вотъ! прибавивъ тѣ 700 р., которые я даю Шульцу, Лиза могла бы меня устроить у себя, и, признаюсь, я не понимаю, чѣмъ бы я ее стѣснилъ, принимая во вниманіе нашу взаимную привычку къ независимости. Какъ видите, я обращаюсь къ вамъ съ смиренной и настоятельной просьбой, но что дѣлать, болѣзнь заставляетъ. Я надѣялся, какъ вамъ извѣстно, найти себѣ убѣжище

или въ Рождественѣ или у тетушки, но въ данную минуту, какъ видите, не могу объ этомъ и думать и разсчитываю на васъ двухъ, какъ на добрыхъ и великодушныхъ родственницъ, которыя извлекутъ меня изъ этихъ безднъ, хотя бы для того, чтобы отъ меня отдѣлаться. Пока же вамъ извѣстно, что я только черезъ мѣсяцъ могу взять свои деньги изъ ломбарда, что деньги Левашовыхъ получатся тоже не такъ-то скоро, наконецъ, что я получаю свою треть только въ половинѣ сентября; а до тѣхъ поръ надо считаться съ моей жизнью больного, немного болѣе дорогой, чѣмъ жизнь здороваго человѣка. Я думаю иногда о томъ, чтобъ лечь въ больницу, но, кажется, это не особенно легко устроить.—Вчера я провелъ остатокъ дня у Раевскаго, слушая его прекрасный органъ, дивно исполнившій Stabat mater Россини. Милый Раевскій очень ухаживалъ за мной; къ несчастью, онъ не можетъ въ данную минуту пріютить меня у себя, такъ какъ Орлова и Пашкова пріѣдутъ въ скорости.—До свиданія, мой добрый другъ. Скажите, когда и какъ я васъ увижу. Надѣюсь, что въ вашей квартирѣ черезъ нѣсколько дней уже не будетъ такъ холодно, какъ вчера.—Мой вчерашній выѣздъ въ сущности мнѣ не повредилъ, несмотря на холодъ вашихъ комнатъ, но все же мое состояніе еще очень неопредѣленно. Обѣдать отправлюсь къ Раевскимъ.—Само собой разумѣется, что эта записка, которая, какъ вы видите, есть вопль отчаянія, обращена какъ къ вамъ, такъ и къ Лизѣ. Положеніе мое весьма затруднительно, но я упорно надѣюсь на Васъ. Итакъ до свиданія, дорогой другъ, и да поможетъ вамъ Богъ въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ.]

100.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ Василиса.—Вчера вечеромъ, проходя по Малой Дмитровкѣ мимо дома Головина, о которомъ вы мнѣ, кажется, говорили, я остановился для того, чтобы спросить о цѣнѣ и узнать, сдается ли еще флигель. Цѣна за главный домъ 3000 р., флигель же занятъ хозяиномъ. Попросите, пожалуйста, Лизу посмотрѣть этотъ домъ; не можетъ быть, чтобы онъ ей не понравился.—Чудесно было бы намъ поселиться въ этой мѣстности.—Съ ума можно сойти при одной мысли объ этомъ.—Будьте здоровы.—Сегодня я не такъ хорошо себя чувствую, какъ вчера, но съ помощью Божіей и вашей можетъ быть будетъ лучше. Пусть

дамы посмотрятъ также квартиру въ домѣ Голицына. Кажется, отдача въ наемъ зависитъ отъ княгини; надѣюсь, что она будетъ ко мнѣ благосклонна. Впрочемъ у меня тамъ есть протекція Салтыкова.

Что ваша головная боль?]

101.– Кн. Н. Д. Шаховской.

[Еще разъ перечелъ вашу записку.—Я не собирался къ вамъ вчера вечеромъ; къ тому же я провелъ день довольно плохо и не могъ взять ванны. Мнѣ не нужно было писать Салтыкову, онъ самъ ко мнѣ пришелъ; я ему написалъ наканунѣ о томъ, что желалъ бы съ нимъ поговорить. Отъ меня онъ пошелъ къ кн. Голицыной замолвить за меня словечко. Вы не хотите, чтобы я поселился вмѣстѣ съ Лизой: напрасно.—Дѣло идетъ не о постоянномъ жилищѣ для меня, по той простой причинѣ, что я не настолько богатъ, чтобы провести остатокъ дней моихъ въ Москвѣ, и вы отлично знаете, что единственный исходъ для меня—это жизнь въ деревнѣ, *въ Рождественѣ или у тетушки*.—Въ настоящее же время поневолѣ приходится оставаться въ Москвѣ въ виду состоянія моего здоровья. Но какъ только я поправлюсь, *необходимо* будетъ уѣхать.—Неужели вы не знаете, что дѣла мои далеко не въ цвѣтущемъ положеніи и что вокругъ меня все еще одни разочарованія.—Васильчикова тронула меня своимъ вниманіемъ; вчера утромъ ея мужъ приходилъ меня навѣстить и извинялся, что не пришелъ раньше.—Я глубоко чувствую, дорогой другъ, все безпокойство, которое вы себѣ причиняете ради меня, бѣднаго больного.—Я пріѣду поцѣловать васъ вечеромъ, между 8 и 9 часами.—Сегодня я себя чувствую недурно.—]

102.—Кн. Е. Д. Щербатовой.

[Я собирался писать вамъ вчера, дорогой другъ, какъ разъ въ ту минуту, когда мнѣ принесли вашу записку, чтобы сказать вамъ, что я не пріѣду къ вамъ обѣдать и буду обѣдать у Раевскаго. Мнѣ не хотѣлось задерживать вашего посланнаго, а потому я и написалъ вамъ ту неразборчивую записку, которую вы получили. Я просилъ на дняхъ вашего дворецкаго сходить посмотрѣть квартиру противъ васъ. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ это. Мой сосѣдъ, Нарышкинъ, говорилъ мнѣ вчера, что это помѣщеніе очень не дурно. Прикажите поэтому, пожалуйста,

сходить его посмотрѣть и напишите мнѣ словечко. Вы знаете, что я не возлагаю на все это большихъ надеждъ, но все же надо сдѣлать что-нибудь, чтобы тебя не обвиняли въ отсутствіи доброй воли. Шла еще рѣчь о квартирѣ рядомъ съ Львовыми. Вечеръ я проведу у кн. Марьи, съ Блумфильдомъ и Долгоруковымъ, и тамъ, вѣроятно, узнаю, какъ и что. Вы спрашивали, имѣю ли я извѣстія отъ брата? Никакихъ. Прощайте. *Тысячу пожеланій всего, что можетъ быть вамъ пріятно и спасительно.* Какъ у васъ хватаетъ храбрости обращаться съ такими фразами къ человѣку больному и безпріютному.] Богъ съ тобою.— [Простите за это стилистическое замѣчаніе.]

103.—Кн. Е. Д. Щербатовой.

[Благодарю васъ, дорогой другъ, за память обо мнѣ. Жаль, что квартира противъ васъ плоха; я все-таки схожу посмотрѣть ее. Квартира на Дмитровкѣ превосходна, но уже взята. Не знаю, почему объ этомъ не подумали раньше; она все лѣто стояла пустой. Я не могу послѣдовать вашему приглашенію. Илья Долгоруковъ заходилъ ко мнѣ вчера, и я обѣщалъ быть у него сегодня; тамъ будетъ и его невѣстка. Будьте любезны передать Бибиковой чувства моей преданности. данности. Я удивляюсь и завидую вашей философіи, и желалъ бы умѣть пользоваться ею. Мое замѣчаніе, какъ я уже сказалъ вамъ, было чисто стилистическимъ замѣчаніемъ. Вы знаете, что я немножко писатель по ремеслу, и, въ качествѣ таковаго, я могъ бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній и по поводу вашей утренней записки. Будьте здоровы, дорогой другъ. Благодаренье Богу, развязка приближается быстрыми шагами.—*Тысячу пожеланій всего, что можетъ быть вамъ пріятно и спасительно.*]

1846 г.

104.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Мартъ 1846.]

[Благодарю васъ, дорогая Кузина, за предупрежденіе.—Мнѣ очень прискорбно, что я смутилъ на минуту вашъ покой, который мнѣ такъ дорогъ.— Я считаю все же, что вы немного ошибаетесь

относительно чувствъ, сохранившихся у васъ ко мнѣ, какъ вы полагаете, но не тревожтесь объ этомъ, прошу васъ. Берегите всю ясность своей души для другихъ привязанностей; наслаждайтесь спокойно всѣми добрыми чувствами, которыя вамъ подсказываетъ ваше сердце, продолжайте поддерживать тѣ симпатіи, которыми вы окружены и которыхъ вы такъ достойны, и да будетъ дано вамъ найти въ нихъ столько же искренности, правды и безкорыстія, сколько вы ихъ встрѣчали у другихъ.—Во всемъ этомъ, повѣрьте мнѣ, нѣтъ ни славизма, ни желанія обратить. Новое чувство встало рядомъ съ нашей старой дружбой и поглотило ее, вотъ и все.—Подобныя вещи будутъ случаться съ вами еще не разъ. Ваше любящее сердце почувствуетъ еще не однажды потребность согрѣться у очага болѣе молодой привязанности. Женщинъ, дорогая кузина, не обратишь отвлеченными идеями; въ своихъ взглядахъ онѣ колеблятся, какъ тростникъ, по волѣ окружающихъ вѣтерковъ. Какъ я вамъ говорилъ, дружба есть добродѣтель.—Къ несчастью нашъ народъ, обладающій столькими великими и прекрасными добродѣтелями, развиваетъ въ себѣ меньше всего эту добродѣтель; поэтому совершенно естественно, что по мѣрѣ того, какъ погрязаешь въ жизни страны, теряешь инстинкты другого нравственнаго порядка.—Образъ жизни, который вы мнѣ предписываете, совершенно невыполнимъ. Правительство запретило мнѣ писать, вы запрещаете говорить: это слишкомъ. Мнѣ осталось недолго жить въ Москвѣ; я унесу съ собой въ свое уединеніе воспоминаніе о нашей дружбѣ, прерванной столь внезапно; какъ лучъ далекаго солнца, она скраситъ своимъ теплымъ свѣтомъ закатъ моей жизни. Итакъ, прощайте, моя милая кузина. Богъ да ниспошлетъ вамъ и всей вашей семьѣ щедрыя свои благословенія.]

105.—Гр. Сиркуру.

[Я только что писалъ вамъ, милостивый государь, а теперь берусь за перо, чтобы просить васъ пристроить въ печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую онъ хотѣлъ бы помѣстить въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій. Рукопись доставитъ вамъ на дняхъ г. Мельгуновъ, котораго вы, кажется, знаете. Излишне говорить, какъ мнѣ пріятно снова бесѣдовать съ вами. Тема статьи—мнѣнія иностранцевъ о Россіи. Вы знаете, что я не раздѣляю взглядовъ автора;

тѣмъ не менѣе я старался, какъ вы увидите, передать его мысль съ величайшей тщательностью. Мнѣ было бы, пожалуй, пріятнѣе опровергать ее; но я полагалъ, что наилучшій способъ заставить нашу публику цѣнить произведенія отечественной литературы, это—дѣлать ихъ достояніемъ широкихъ слоевъ европейскаго общества. Какъ ни склонны мы уже теперь довѣрять нашему собственному сужденію, все-таки среди насъ еще преобладаетъ старая привычка руководиться мнѣніемъ вашей публики. Вы такъ хорошо знаете нашу внутреннюю жизнь, вы посвящены въ наши семейныя тайны; итакъ, моя мысль будетъ вамъ совершенно ясна. Я думаю, что прогрессъ еще невозможенъ у насъ безъ апелляціи къ суду Европы. Не то, чтобы въ нашемъ собственномъ существѣ не крылись задатки всяческаго развитія, но несомнѣнно, что починъ въ нашемъ движеніи все еще принадлежитъ иноземнымъ идеямъ и — прибавлю — принадлежалъ имъ искони: странное динамическое явленіе, быть можетъ, не имѣющее примѣра въ исторіи народовъ. Вы понимаете, что я говорю не только о близкихъ къ намъ временахъ, но обо всемъ нашемъ движеніи на пространствѣ вѣковъ. И прежде всего, вся наша умственность есть, очевидно, плодъ религіознаго начала. А это начало не принадлежитъ ни одному народу въ частности: оно, стало быть, постороннее намъ такъ же, какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ міра. Но оно всюду подвергалось вліянію національныхъ или мѣстныхъ условій, тогда какъ у насъ христіанская идея осталась такою же, какою она была привезена къ намъ изъ Византіи, т. е. какъ она нѣкогда была формулирована силою вещей,—важное обстоятельство, которымъ наша церковь справедливо гордится, но которое тѣмъ не менѣе характеризуетъ своеобразную природу нашей народности. Подъ дѣйствіемъ этой единой идеи развилось наше общество. Къ той минутѣ, когда явился со своимъ преобразованіемъ Петръ Великій, это развитіе достигло своего апогея. Но то не было собственно соціальное развитіе: то былъ интимный фактъ, дѣло личной совѣсти и семейнаго уклада, т. е. нѣчто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мѣрѣ политическаго роста страны. Естественно, что весь этотъ домашній строй, примѣненный къ государству, распался тотчасъ, какъ только могучая рука кинула насъ на поприще всемірнаго прогресса. Я знаю: насъ хотятъ увѣрить теперь, что Петръ Великій встрѣтилъ въ своемъ народѣ упорное сопротивленіе, которое онъ сломилъ будто бы потоками крови.

Къ несчастію, исторія не отмѣтила этой величественной борьбы народа съ его государемъ. Но вѣдь ничто не мѣшало странѣ послѣ смерти Петра вернуться къ своимъ старымъ нравамъ и старымъ учрежденіямъ. Кто могъ запретить народному чувству проявиться со всей присущей ему энергіей въ тѣ два царствованія, которыя слѣдовали за царствованіемъ преобразователя? Конечно, ни Меншикову, правившему Россіей при Екатеринѣ I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими и поселившемуся въ древней столицѣ Россіи, очагѣ и средоточіи всѣхъ нашихъ народныхъ предразсудковъ, никогда не пришло бы въ голову воспротивиться національной реакціи, если бы народъ вздумалъ предпринять таковую. За ужаснымъ Бироновскимъ эпизодомъ послѣдовало царствованіе Елизаветы, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, чисто-національнымъ направленіемъ, мягкостью и славой. Излишне говорить о царствованіи Екатерины II, носившемъ столь національный характеръ, что, можетъ быть, еще никогда ни одинъ народъ не отождествлялся до такой степени со своимъ правительствомъ, какъ русскій народъ въ эти годы побѣдъ и благоденствія. Итакъ, очевидно, что мы съ охотой приняли реформу Петра Великаго; слабое сопротивленіе, встрѣченное имъ въ небольшой части русскаго народа, было лишь вспышкою личнаго недовольства противъ него со стороны одной партіи, а вовсе не серьезнымъ противодѣйствіемъ проводимой имъ идеѣ. Эта податливость чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, все равно—чужеземцами или нашими собственными господами, является, слѣдовательно, существенной чертой нашего нрава, врожденной или пріобрѣтенной— это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себѣ это наше свойство, и не путемъ какой-нибудь этнографической теоріи изъ числа тѣхъ, которыя сейчасъ такъ въ модѣ, а просто путемъ непредубѣжденнаго и искренняго уразумѣнія нашей исторіи. Мнѣ хочется передать вамъ вполнѣ мою мысль объ этомъ предметѣ. Постараюсь быть кратокъ.

Мы представляемъ собою, какъ я только что замѣтилъ, продуктъ религіознаго начала; это несомнѣнно, но это не все. Не надо забывать, что это начало бываетъ дѣйствительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполнѣ независимо отъ свѣтской власти, когда мѣсто, откуда оно осуществляетъ свое дѣйствіе на народъ, находится въ области, недосягаемой для властей

земныхъ. Такъ было въ древнемъ Египтѣ, на всемъ Востокѣ, особенно въ Индіи, и наконецъ, въ Западной Европѣ. У насъ, къ несчастью, дѣло обстояло иначе. При всемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ наши государи относились къ духовенству и христіанскимъ догматамъ, духовная власть далеко не пользовалась въ нашемъ обществѣ всей полнотою своихъ естественныхъ правъ. Чтобы понять это явленіе, необходимо подняться мысленно къ той эпохѣ, когда только складывался строй нашей церкви, т. е. къ Константину Великому. Всякій знаетъ, что принятіе христіанства этимъ монархомъ какъ государственной религіи было колоссальнымъ политическимъ фактомъ, но, какъ мнѣ кажется, вообще недостаточно ясно представляютъ себѣ вліяніе, которое оно оказало на самую религію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что печатъ, наложенная этой революціей на церковь, оказалась бы для нея скорѣе пагубной, чѣмъ благотворной, если бы, по счастью, Константину не вздумалось перенести резиденцію правительства въ Новый Римъ, что избавило старый отъ докучнаго присутствія государя. Въ эту эпоху римская имперія представляла собою уже не республиканскую монархію первыхъ цезарей, а восточный деспотизмъ, созданный Діоклетіаномъ и упроченный Константиномъ. Поэтому императоры скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ высшую власть духовную, такъ же какъ и свѣтскую. Они смотрѣли на себя какъ на вселенскихъ епископовъ, поставили свой тронъ въ алтарѣ, предсѣдательствовали на церковныхъ соборахъ, называли себя апостольскими и, наконецъ, какъ сообщаетъ намъ историкъ Сократъ, присвоили себѣ полновластіе въ религіозныхъ дѣлахъ и невозбранно распоряжались на самыхъ большихъ соборахъ. По словамъ св. Аѳанасія, Констанцій говорилъ собравшимся **вокругъ** него епископамъ: «то, чего я хочу, должно считаться закономъ церкви», и вы, конечно, знаете, что на Константинопольскомъ соборѣ Ѳеодосій Великій былъ привѣтствованъ титуломъ первосвященника. Таковъ былъ путь, которымъ шла императорская власть въ первомъ вѣкѣ христіанской церкви. А въ это самое время и въ виду этихъ вторженій свѣтской власти въ духовную сферу, западная церковь, благодаря своей отдаленности отъ императорской резиденціи, организуется вполнѣ независимо, ея епископы простираютъ свою власть даже на свѣтскій бытъ, и римскій патріархъ, опираясь на престижъ, какой сообщали ему этотъ высокій санъ, кровь мучениковъ, которою пропитана почва вѣчнаго города,

преемственная связь со старшимъ изъ апостоловъ, память о другомъ великомъ апостолѣ и, въ особенности, присущая христіанскому міру потребность въ средоточіи и символѣ единства, мало-по-малу достигаетъ той мощи, которая потомъ вступитъ въ единоборство съ имперіей и одолѣетъ ее. Я знаю, среди вашихъ мыслителей эту побѣду одобряли только немногіе, но мы, безпристрастные свидѣтели въ этомъ дѣлѣ, можемъ оцѣнить ее лучше вашего; мы, неуклонно слѣдующіе по стопамъ Византіи, слишкомъ хорошо знаемъ, что представляетъ собою духовная власть, отданная на произволъ земныхъ владыкъ. Я только что упомянулъ Ѳеодосія Великаго. Этотъ самый Ѳеодосій, котораго въ Константинополѣ провозглашали первосвященникомъ,— вы знаете, какъ сурово обошелся съ нимъ св. Амвросій въ Миланѣ; и надо прибавить, что послѣдній, запретивъ императору входъ въ церковь, не удовольствовался этимъ, но велѣлъ также вынести изъ храма императорскій престолъ. Это, на мой взглядъ, какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ той и другой церкви: здѣсь мы видимъ духовенство, одушевленное глубокимъ чувствомъ независимости, стремящееся поставить духовную власть выше силы, тамъ—церковь самое покорную матеріальной власти и домогающуюся стать какъ бы христіанскимъ халифатомъ.

Таково наслѣдіе, которое мы получили отъ Византіи вмѣстѣ съ полнотою догмы и ея первоначальной чистотой. Эта чистота, безъ сомнѣнія,—неоцѣнимое благо, и она должна утѣшать насъ во всѣхъ недостаткахъ нашего духовнаго строя; но у насъ идетъ рѣчь сейчасъ только о нашемъ соціальномъ развитіи, и вы согласитесь, что западный религіозный строй гораздо болѣе благопріятствовалъ такого рода развитію, нежели тотъ, который выпалъ на нашу долю. Надо все время помнить одно,—что въ нашемъ обществѣ не существовало никакого другого нравственнаго начала, кромѣ религіозной идеи, такъ что ей одной обязанъ нашъ народъ своимъ историческимъ воспитаніемъ и ей должно быть приписано все, что у насъ есть,—доброе, какъ и злое. Итакъ, возвращаясь къ нашему предмету, мы видимъ воочію, что эта наша готовность подчиняться разнороднымъ предначертаніямъ извнѣ есть неизбѣжное послѣдствіе религіознаго строя, лишеннаго свободы, гдѣ нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, гдѣ ее чтутъ лишь подъ условіемъ, чтобы она держалась смирно, гдѣ она пользуется авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его удѣ-

ляетъ ей политическая власть, гдѣ, наконецъ, ее безпрестанно стѣсняютъ въ дѣятельности ея служителей, въ ея движеніяхъ и духѣ. Не знаю, согласитесь ли вы со мною, но мнѣ кажется, что этимъ способомъ очень легко можно объяснить всю нашу исторію. Народъ простодушный и добрый, чьи первые шаги на соціальномъ поприщѣ были отмѣчены тѣмъ знаменитымъ отреченіемъ въ пользу чужого народа, о которомъ такъ наивно повѣствуютъ наши лѣтописцы, — этотъ народъ, говорю я, принялъ высокія евангельскія ученія въ ихъ первоначальной формѣ, т. е. раньше, чѣмъ въ силу развитія христіанскаго общества они пріобрѣли соціальный характеръ, задатокъ котораго былъ присущъ имъ съ самаго начала, но который и долженъ былъ, и могъ обнаружиться лишь въ урочное время. Ясно, что нравственная идея христіанства должна была оказать на этотъ народъ только самое непосредственное свое дѣйствіе, т. е. до чрезвычайности усилить въ немъ аскетическій элементъ, оставляя втунѣ всѣ остальныя начала, заключенныя въ ней,—начала развитія, прогресса и будущности. Христіанская догма, какъ плодъ Высшаго Разума, не подлежитъ ни развитію, ни совершенствованію, но она допускаетъ безчисленныя примѣненія въ зависимости отъ условій національной жизни. Извѣстно, какія громадныя явленія, какія неизмѣримыя послѣдствія породила жизнь западныхъ народовъ, оплодотворенная христіанствомъ. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможныхъ плодоносныхъ элементовъ, не была скована узкимъ спиритуализмомъ, что она находила покровительство, сочувствіе и свободу тамъ, гдѣ у насъ жизнь встрѣчала лишь монастырскую суровость и рабское повиновеніе интересамъ государя. Не удивительно, что мы шли отъ отреченія къ отреченію. Вся наша соціальная эволюція—сплошной рядъ такихъ фактовъ. Вы слишкомъ хорошо знаете нашу исторію, чтобы мнѣ надо было перечислять ихъ; довольно указать вамъ на колоссальный фактъ постепеннаго закрѣпощенія нашего крестьянства, представляющій собою не что иное, какъ строго-логическое слѣдствіе нашей исторіи. Рабство всюду имѣло одинъ источникъ: завоеваніе. У насъ не было ничего подобнаго. Въ одинъ прекрасный день одна часть народа очутилась въ рабствѣ у другой просто въ силу вещей, вслѣдствіе настоятельной потребности страны, вслѣдствіе непреложнаго хода общественнаго развитія, безъ злоупотребленій съ одной стороны и безъ протеста съ другой.

Замѣтьте, что это вопіющее дѣло завершилось какъ разъ въ эпоху наибольшаго могущества церкви, въ тотъ памятный періодъ патріаршества, когда глава церкви одну минуту дѣлилъ престолъ съ государемъ. Можно ли ожидать, чтобы при такомъ безпримѣрномъ въ исторіи соціальномъ развитіи, гдѣ съ самаго начала все направлено къ къ порабощенію личности и мысли, народный умъ сумѣлъ свергнуть иго вашей культуры, вашего просвѣщенія и авторитета? Это немыслимо. Часъ нашего освобожденія, стало быть, еще далекъ. Вся работа новой школы будетъ безплодна до тѣхъ поръ, пока наша ретроспективная точка зрѣнія не измѣнится совершенно. Конечно, наука могущественна въ наши дни; судьбы обществъ въ значительной степени забисятъ отъ нея, — но она дѣйствительно можетъ вліять на народъ лишь въ томъ случаѣ, когда она въ области соціальныхъ идей оперируетъ такъ же безпристрастно и безлично, какъ она это дѣлаетъ въ сферѣ чистаго мышленія. Только тогда ея формулы и теоріи способны дѣйствительно стать выраженіемъ законовъ соціальной жизни и вліять на нее, какъ въ естественныхъ наукахъ онѣ постоянно выражаютъ законы природы и даютъ средства вліять на нее. Я увѣренъ, придетъ время, когда мы сумѣемъ такъ понять наше прошлое, чтобы извлекать изъ него плодотворные выводы для нашего будущаго, а пока намъ слѣдуетъ довольствоваться простой оцѣнкой фактовъ, не силясь опредѣлить ихъ роль и мѣсто въ дѣлѣ созиданія нашихъ будущихъ судебъ. Мы будемъ истинно свободны отъ вліянія чужеземныхъ идей лишь съ того дня, когда вполнѣ уразумѣемъ пройденный нами путь, когда изъ нашихъ устъ помимо нашей воли вырвется признаніе во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ раскаянія и скорби, отзвукъ котораго наполнитъ міръ. Тогда мы естественно займемъ свое мѣсто среди народовъ, которымъ предназначено дѣйствовать въ человѣчествѣ не только въ качествѣ тарановъ или дубинъ, но и въ качествѣ идей. И не думайте, что намъ еще очень долго ждать этой минуты. Въ нѣдрахъ этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не одинъ свѣтлый умъ и не одна честная душа вынуждены были признать тотъ или другой грѣхъ нашихъ отцовъ. Мужественное изученіе нашей исторіи неизбѣжно приведетъ насъ къ неожиданнымъ открытіямъ, которыя прольютъ новый свѣтъ на нашу протекшую жизнь; мы научимся, наконецъ,

знать не то, что у насъ было, а то, чего намъ не хватало, не что надо вернуть изъ былого, а что изъ него слѣдуетъ уничтожить. Ничто не можетъ быть благодатнѣе того направленія, которое приняла теперь наша умственная жизнь. Благодаря ему огромное число фактовъ воскрешено изъ забвенія, интереснѣйшія эпохи нашей исторіи возсозданы вполнѣ, и въ ту минуту, когда я пишу вамъ, готовится къ выходу въ свѣтъ крупный трудъ подобнаго рода. Съ другой стороны, воззрѣніе, противоположное національной школѣ, также принуждено заняться серьезными изысканіями въ исторической области, и, исходя изъ совершенно иной точки зрѣнія, оно приходитъ къ результатамъ не менѣе непредвидѣннымъ. Нельзя отрицать: безстрашіе, съ которымъ оба воззрѣнія изслѣдуютъ свой предметъ, дѣлаетъ честь нашему времени и подаетъ добрыя надежды на будущее, когда нашъ языкъ и умъ будутъ свободнѣе, когда они уже не будутъ, какъ всегда до сихъ поръ, скованы путами лицемѣрнаго молчанія. Столь часто повторяемое теперь сравненіе нашей исторической жизни съ исторической жизнью другихъ народовъ показываетъ намъ на каждомъ шагу, какъ рѣзко мы отличаемся отъ нихъ. Позже мы узнаемъ, можно ли народу такъ обособиться отъ остального міра и долженъ ли онъ считаться частью историческаго человѣчества, разъ онъ можетъ предъявить послѣднему только нѣсколько страницъ географіи. Если мнѣ удалось выяснить тѣ двѣ идеи, которыя дѣлятъ между собою теперь наше мыслящее общество, я доволенъ, и вы можете видѣть, что я продолжаю попрежнему откровенно выражать мою мысль о моей родной странѣ. Въ эпоху, когда смерть и возрожденіе народовъ занимаютъ столько умовъ, нельзя, мнѣ кажется, лучше уяснить своей странѣ ея собственную національность, какъ изобразивъ ее предъ всѣмъ міромъ, предъ глазами иностранцевъ и соотечественниковъ, такою, какою она представляется намъ самимъ. Тогда всякій можетъ поправить насъ, если мы ошиблись.

Я обѣщалъ вамъ быть краткимъ. Не знаю, сдержалъ ли я слово, но знаю навѣрное, что если бы я захотѣлъ руководиться тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое я испытываю, бесѣдуя съ вами о вашихъ дѣлахъ, вамъ пришлось бы осиливать безконечное письмо.]

106.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Постарайтесь, милый и дорогой другъ, повидаться со мной на минуту утромъ или вечеромъ. Я хотѣлъ сказать вамъ многое вчера вечеромъ о нашихъ планахъ относительно моего устройства и не могъ. Я предполагаю выйти завтра. Мнѣ бы очень хотѣлось прочесть мой переводъ Лизѣ. Ея тонкій вкусъ имѣлъ бы для меня рѣшающее значеніе. Я долженъ его отправить Сиркуру, какъ только выздоровлю. Что мнѣ дѣлать съ завтрашнимъ днемъ, если вы уѣдете; я такъ разсчитывалъ на васъ!—Минуту свиданія, прошу васъ, дорогая моя попечительница. Мнѣ бы только поцѣловать васъ утромъ; это будетъ для меня самое лучшее успокоительное, а вы знаете, какъ я въ немъ нуждаюсь.—Лиза непремѣнно должна навѣстить меня на этихъ дняхъ для того, чтобы меня исцѣлить. Безъ этого мнѣ не будетъ изцѣленія.—Не отказывайте мнѣ въ радости побыть немного въ вашемъ миломъ и дружескомъ обществѣ.—Я разсчитываю на это съ нетерпѣніемъ больного и съ горячностью друга.—Подумайте же, что въ васъ двухъ единственная моя опора.—

Устройте такъ, чтобы мы провели здѣсь по-семейному день рожденія Лизы.—

Вотъ Коннигсби—для Лизы и для васъ.—Не держите его слишкомъ долго, онъ не мой.]

107.—Неизвѣстному.

[Басманная. 15 ноября 1846.

Благодарю васъ, любезный другъ, за ваше письмо. Я вѣдь говорилъ вамъ, что у васъ сердце ни въ чемъ не уступаетъ уму. Многимъ покажется чрезмѣрной такая похвала, но я увѣренъ, что этого не найдутъ ни ваши лучшіе друзья, ни люди, умѣющіе цѣнить свойства возвышеннаго ума. Дѣло въ томъ, что люди вашего пошиба бываютъ почти всегда очень добрыми людьми. Человѣкъ гораздо цѣльнѣе, нежели думаютъ. Поэтому я составилъ себѣ свое мнѣніе о васъ уже съ первыхъ дней нашего знакомства, и мнѣ казалось очень страннымъ, что ваши друзья постоянно твердили мнѣ только о вашемъ умѣ. Къ тому же, есть столько вещей, доступныхъ только взору, идущему отъ сердца, неуловимыхъ иначе, какъ органами души, что нѣтъ

возможности оцѣнить вполнѣ объемъ нашего ума, не принимая во вниманіе всю нашу личность. Я радъ случаю сказать вамъ свое мнѣніе о васъ, и мнѣ отрадно думать, что, можетъ быть, я способствовалъ развитію наиболѣе цѣнныхъ свойствъ вашей природы. Примите, мой другъ, это наслѣдство человѣка, вліяніе котораго на его ближнихъ бывало порой не безплодно. Если моей усталой жизни суждено скоро кончиться, ничто не усладитъ моихъ послѣднихъ дней больше, чѣмъ память о привязанности, которой мнѣ отвѣчали на мою любовь къ нимъ нѣсколько молодыхъ, горячихъ сердецъ. Вы изъ ихъ числа. Мнѣ до-нельзя жаль, что вы застали меня въ одну изъ моихъ худшихъ минутъ, и я отъ всего сердца желаю, чтобы это непріятное впечатлѣніе не оставило слѣда на вашей счастливой жизни. Моя жизнь сложилась такъ причудливо, что, едва выйдя изъ дѣтства, я оказался въ противорѣчіи съ тѣмъ, что меня окружало; это конечно не могло не отразиться на моемъ организмѣ, и въ моемъ теперешнемъ возрастѣ мнѣ ничего другого не остается, какъ принять это неизбѣжное слѣдствіе моего земного поприща. Къ счастію, жизнь не кончается въ день смерти, а возобновляется за нимъ. Какъ бы ни былъ этотъ день далекъ или близокъ, я надѣюсь, что до него вы сохраните мнѣ то расположеніе, которое вы мнѣ теперь выказали. Если мы и не всегда были одного мнѣнія о нѣкоторыхъ вещахъ, мы, можетъ быть, со временемъ увидимъ, что разница въ нашихъ взглядахъ была не такъ глубока, какъ мы думали. Я любилъ мою страну по-своему, вотъ и все, и прослыть за ненавистника Россіи было мнѣ тяжеле, нежели я могу вамъ выразить. Довольно жертвъ. Теперь, когда моя задача исполнена, когда я сказалъ почти все, что имѣлъ сказать, ничто не мѣшаетъ мнѣ болѣе отдаться тому врожденному чувству любви къ родинѣ, которое я слишкомъ долго сдерживалъ въ своей груди. Дѣло въ томъ, что я, какъ и многіе мои предшественники, бо̀льшіе меня, думалъ, что Россія, стоя лицомъ къ лицу съ громадной цивилизаціей, не могла имѣть другого дѣла, какъ стараться усвоить себѣ эту цивилизацію всѣми возможными способами; что въ томъ исключительномъ положеніи, въ которое мы были поставлены, для насъ было немыслимо продолжать шагъ за шагомъ нашу прежнюю исторію, такъ какъ мы были уже во власти этой новой, всемірной исторіи, которая мчитъ насъ къ любой развязкѣ. Быть можетъ, это была ошибка, но, согласитесь, ошибка очень естественная.

Какъ бы то ни было, новыя работы, новыя изысканія познакомили насъ со множествомъ вещей, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишкомъ мало походимъ на остальной міръ, чтобы съ успѣхомъ подвигаться по одной съ нимъ дорогѣ. Поэтому, если мы дѣйствительно сбились съ своего естественнаго пути, намъ прежде всего предстоитъ найти его,—это несомнѣнно. Но разъ этотъ путь будетъ найденъ, что тогда дѣлать? Это укажетъ намъ время. А пока будемъ всѣ безъ исключенія работать единодушно и добросовѣстно въ поискахъ его, каждый по своему разумѣнію. Для этого никому изъ насъ нѣтъ необходимости отрекаться отъ своихъ убѣжденій. Одобряемъ ли мы, или не одобряемъ тотъ путь, по которому мы недавно двигались, намъ все равно придется вернуться въ извѣстной мѣрѣ къ нему, такъ какъ очевидно, что наше уклоненіе съ него намъ рѣшительно не удалось. Да и есть ли возможность неподвижно держаться своихъ мнѣній среди той ужасающей скачки съ препятствіями, въ которую вовлечены всѣ идеи, всѣ науки, и которая мчитъ насъ въ невѣдомый намъ новый міръ! Всѣ народы подаютъ теперь другъ другу руку: пусть то же сдѣлаютъ и всѣ мнѣнія. Таковъ, по моему, лучшій способъ удержаться въ правдѣ реальной и живой, всегда согласованной съ данной минутой. Эпоха желѣзныхъ дорогъ не должна ли быть эпохой всевозможныхъ сближеній? Я говорю это серьезно, а не для игры словъ.—Я позабылъ вамъ сказать, что ваши друзья дуются на васъ за то, что вы написали мнѣ на презрѣнномъ нарѣчіи запада; итакъ, пишите мнѣ на туземномъ языкѣ, если хотите доставить имъ удовольствіе. Говорятъ, что вы продолжаете съ успѣхомъ обращать; если это правда, надо будетъ признать въ этомъ явленіе большой важности. До свиданія, любезный другъ. Отовсюду вамъ всяческій привѣтъ, не считая моего, очень искренняго и очень нѣжнаго.

Петръ Чаадаевъ.]

1847 г.

108.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ книга для Лизы. Только и говорятъ, что о «Чертовой Лужѣ». Лиза великодушно предлагаетъ мнѣ позаботиться о моей квартирѣ. Я ей безконечно благодаренъ, но вы знаете, дорогой

другъ, что объ этомъ больше не слѣдуетъ думать. Благоволите назначить мнѣ свиданіе у васъ или у меня. Я обѣдаю сегодня у Шиповыхъ, послѣ можетъ быть зайду къ вамъ. Я расшатанъ нравственно еще болѣе, чѣмъ физически. Сегодня я позирую для портрета карандашомъ, предназначаемаго Ж . . . . . ву. Художникъ, котораго вамъ рекомендую,—зовутъ его Петровскій—далъ сдѣлать мой портретъ даромъ. Будьте здоровы.—Среда.—

Сейчасъ получилъ замѣтку Кавелина, которая сегодня будетъ передана.—Я также напишу Вяземскому о немъ, *какъ онъ меня просилъ.*

Орлова спрашиваетъ у меня адресъ Щербинина. Не можете ли вы его найти? Она очень торопитъ...]

109.—Кн. П. А. Вяземскому.

См. т. I., стр. 279.

110.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 285.

111.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 286.

112.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 286.

113.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 287.

114.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 287.

1848 г.

115.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Очень благодаренъ вамъ, дорогая кузина, за честь, оказанную мнѣ вашимъ визитомъ. Прошу у васъ прощенья, что не велѣлъ остановиться вчера, какъ мы разминовались съ вами; я ѣхалъ

къ Раевскому и боялся опоздать къ нему. Боюсь, что ваше любезное приглашеніе было передано мнѣ въ нѣсколько неопредѣленной формѣ. Кажется, въ воскресенье вы были такъ любезны позволить мнѣ пріѣхать къ вамъ обѣдать, и вы желаете, не правда ли, чтобъ я увѣдомилъ васъ, пріѣду ли я? Въ опасеніи помѣшать вамъ, еслибъ я имѣлъ нескромность пріѣхать не въ подходящій для васъ день, осмѣливаюсь просить васъ повторить ваши приказанія сегодня вечеромъ съ маленькой почтой, что дастъ мнѣ возможность увѣдомить завтра утромъ лицъ, разсчитывавшихъ на меня, о причинахъ моего отсутствія. Прошу прощенія, что затрудняю васъ, но вы такъ рѣдко оказываете мнѣ милость принимать меня у себя, что васъ не удивитъ, я полагаю, мое усердное желаніе воспользоваться ею. Я забылъ вамъ сказать, что Вяземскій желалъ бы знать, довольны ли вы тѣмъ мѣстомъ, которое дано вашему протеже.

Прошу васъ вѣрить въ мое глубокое уваженіе и неизмѣнную привязанность.]

116.—С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 288.

1849 г.

117.—А. С. Хомякову.

См. т. I, стр. 289.

118.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 290.

1850 г.

119.—Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

[Басманная, 5 Января.

Вотъ, дорогой князь, письмо къ нашему другу Вигелю, которое я попрошу Васъ приказать переслать ему какъ можно скорѣе. Эта милѣйшая особа написала мнѣ, не сообщивъ своего адреса,

котораго здѣсь никто не знаетъ. Чтобы вы могли хорошенько понять, о чемъ идетъ дѣло между сказаннымъ Вигелемъ и мною, необходимо было бы послать вамъ его письмо, чего я въ настоящую минуту сдѣлать не могу; но въ двухъ словахъ—дѣло вотъ въ чемъ. Какой-то глупый шутникъ вздумалъ послать ему на именины мой литографированный портретъ, сопроводивъ его русскими стихами, авторство которыхъ онъ приписываетъ мнѣ. Таковъ мотивъ его письма, въ слащавой и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовитой путаницѣ котораго трудно разобраться. Равнымъ образомъ невозможно ни понять смысла стиховъ, ни догадаться, кто ихъ авторъ. Какъ бы то ни было, вы видите, что необходимо возможно скорѣе предотвратить возможныя послѣдствія недоброжелательнаго предположенія этого господина, ибо стихи могутъ вызвать прескверное впечатлѣніе, и это—во многихъ отношеніяхъ. Если вамъ не извѣстенъ его адресъ, то я думаю, что вамъ могутъ сообщить его въ домѣ Блудова. Я злоупотребляю вашей дружбой, дорогой князь, но думаю, что вы дали мнѣ на это право. За дружбу можно расплатиться только дружбой. Если эти строки доставятъ мнѣ удовольствіе прочесть ваши, то я буду благодаренъ неизвѣстному, подавшему къ тому поводъ. Пишу вамъ по-французски, ибо не имѣю времени писать вамъ на родномъ нарѣчіи, менѣе послушномъ моему перу, или менѣе поддающемся эпистолярному стилю, затрудняюсь сказать, что изъ двухъ. Что касается до васъ, то вы имѣете достаточно времени, чтобы написать мнѣ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ: да, впрочемъ, если бы и не такъ, вы все равно на другомъ бы языкѣ писать не стали.

Можетъ быть вы найдете какое-нибудь средство прочесть мое посланіе. Въ такомъ случаѣ сообщите мнѣ ваше мнѣніе о немъ; я былъ бы очень радъ его знать.

Впрочемъ, вотъ что: я велю переписать письмо Вигеля, а также и мое, и вы найдете ихъ оба въ этомъ конвертѣ.

Засвидѣтельствуйте мое глубокое почтеніе княгинѣ, память о благосклонномъ участіи которой я свято храню.

Я полагаю, что вы не сомнѣваетесь въ моей неизмѣнной и искренной преданности.

Петръ Чаадаевъ.]

120.—Ф. Ф. Вигелю.

См. т. I, стр. 291.

121.—А. Е. Венцелю.

См. т. I, стр. 292.

122.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 294.

123.—Неизвѣстной.

Позвольте, милостивѣйшая Н. П. еще разъ попросить васъ о томъ же, а именно дозволить мнѣ оставить у себя Окружное Посланіе на одинъ день. Прочитавъ статью Стурдзы, мнѣ открылись въ немъ новыя стороны.

Вы конечно уже прочли прекрасное описаніе праздника, такъ удачно осуществившаго мысль нашего умнаго пріятеля. Увидавъ заглавіе, я было съ начала подумалъ, что это обѣщанная статья А. С.; но потомъ съ удовольствіемъ увидалъ, что это разсказъ о томъ, какъ его мысль была въ лицахъ представлена въ домѣ московской посадницы. Пріятно видѣть, какъ у насъ люди, нѣкоторымъ образомъ правительству принадлежащіе, вѣрно слѣдятъ за движеніемъ мыслей народныхъ, а иногда даже и опереживаютъ ихъ. Нельзя не признаться, что пагубное разъединеніе государства съ землею часъ отъ часу болѣе изглаживается, и невольно услаждаешь себя надеждою, что въ скоромъ времени увидимъ возстановленіе древняго нашего быта и торжественное воцареніе зипуна и всѣхъ благъ съ нимъ сопряженныхъ.

[NB. Старая апологія?]

124.—Н. В. Сушкову.

См. т. I, стр. 295.

125.—Н. В. Сушкову.

См. т. I, стр. 295.

1851 г.

126.—В. А. Жуковскому.

См. т. I, стр. 295.

127.—Гр. А. Ѳ. Орлову.

См. т. I, стр. 298.

128. —А. И. Герцену.

Москва, 26 Іюля 1851.

Слышу, что вы обо мнѣ помните и меня любите. Спасибо вамъ. Часто думаю также о васъ, душевно и умственно сожалѣя, что событія міра разлучили насъ съ вами можетъ быть навсегда. Хорошо бы было, если бъ вамъ удалось сроднитъся съ какимъ-нибудь изъ народовъ европейскихъ и съ языкомъ его, такъ чтобы вы могли на немъ высказать все, что у васъ на сердцѣ. Всего бы мнѣ кажется лучше было усвоить вамъ себѣ языкъ французскій. Кромѣ того, что это дѣло довольно легкое, при чтеніи хорошихъ образцевъ, ни на какомъ иномъ языкѣ современные предметы такъ складно не выговариваются. Тяжело однако жъ будетъ вамъ разстаться съ роднымъ словомъ, на которомъ вы такъ жизненно выражались. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы не станете жить сложа руки и зажавъ ротъ, а это главное дѣло. Стыдно бы было, чтобъ въ наше время русскій человѣкъ стоялъ ниже Кошихина.

Благодарю васъ за извѣстныя строки. Можетъ быть придется вамъ скоро сказать еще нѣсколько словъ объ томъ же человѣкѣ, и вы конечно скажете, не общія мѣста—а общія мысли. Этому человѣку кажется суждено было быть примѣромъ не угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди—а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое, если не ошибаюсь, по этому самому гораздо пагубнѣе перваго. [Не примите этого за общее мѣсто.] Можетъ быть дурно выразился.

Мнѣ вѣроятно не долго остается быть земнымъ свидѣтелемъ

дѣлъ человѣческихъ; но вѣруя искренно въ міръ загробный, увѣренъ, что мнѣ и отъ туда можно будетъ любить васъ также, какъ теперь люблю, и смотрѣть на васъ съ тою же любовью, съ которою теперь смотрю. Простите.

1852 г.

129.—Кузинѣ.

[Говорятъ, что вы собираетесь, дорогая кузина, отдать послѣдній долгъ нашей бѣдной тетушкѣ. Хотѣлъ бы я имѣть возможность сдѣлать то же. Я передалъ Михаилу 50 руб. сер.; я думаю, что съ тѣми 50, которые онъ получилъ отъ васъ, онъ будетъ въ состояніи прилично обставить этотъ печальный обрядъ. Если бы, по случайности, этой суммы не хватило, то дайте ему, прошу васъ, еще немного взаймы. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ онъ взялъ у меня еще 30 руб. сер. Если бы я зналъ часъ, когда вы думаете пуститься въ дорогу, я бы къ вамъ заѣхалъ, чтобы сказать вамъ еще нѣсколько словъ.]

130.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 300.

1852–1854 г.

131.—Кузинѣ.

[Не понимаю, дорогой другъ, какъ вы могли усмотрѣть изъ документа, о которомъ идетъ рѣчь, что мое дѣло безнадежно, и какъ у васъ хватило храбрости бросить мнѣ въ лицо этотъ приговоръ, столь мало согласный съ рѣшеніемъ Сената. Не будучи ни юрисконсультомъ, ни сутягой по профессіи, я все же увѣренъ, что вы глубоко ошибаетесь, и что рѣшеніе Общаго Собранія несомнѣнно будетъ утверждено совѣтомъ, тѣмъ болѣе, что

министръ въ своемъ заключеніи всецѣло становится на нашу сторону. Разность взглядовъ департамента и Общаго Собранія на нѣкоторыя побочныя обстоятельства, не представляющія важности, является единственной причиной того, что дѣло перешло въ Совѣтъ, и *по существу дѣла* это не болѣе, какъ простая формальность. Вамъ, впрочемъ, извѣстенъ взглядъ Пинскаго на это дѣло. Тѣмъ не менѣе ваша опытность въ веденіи тяжбъ не позволяетъ мнѣ оставить ваше личное мнѣніе безъ вниманія, и я очень желалъ бы поближе ознакомиться съ нимъ. Итакъ постарайтесь, прошу васъ, повидаться со мною тѣмъ или другимъ способомъ. Что касается до суммы, которую мы ищемъ, то не знаю, что вамъ сказать, развѣ, что мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ только продать свои книги и послѣднее свое достояніе.]

132. — Н. Д. Шаховской

[Верните мнѣ пожалуйста, дорогая Натали, бумагу, которую вамъ передала Mlle Щерб. Что вы думаете объ этомъ документѣ? Это прекрасно, но не можетъ принести никакой пользы въ настоящемъ дѣлѣ, то есть между чужими. Вы ничего не говорите о результатѣ вашихъ попытокъ. Повидимому у васъ на это есть основательныя причины. Не знаю, передавала ли вамъ Mlle Щерб. остальной нашъ разговоръ. Я поручилъ ей сказать вамъ, чтобы вы дали понять Горчаковымъ, что для нихъ нѣтъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ въ послѣдней инстанціи, и что, слѣдовательно, имъ лучше было бы отказаться отъ своихъ притязаній. Буква закона совершенно опредѣленна. Акимф. мнѣ показывалъ текстъ; смыслъ его ясенъ, какъ день. (Позволяется, обойдя ближ. наслѣдн., отдать *одному* изъ рода). Притомъ въ ихъ пользу было сдѣлано больше, чѣмъ слѣдовало; даже инцидентъ кн. Голицыной былъ устраненъ. Будьте здоровы, дорогая кузина. Я все еще надѣюсь на васъ, чтобы сохранить хоть какую-нибудь надежду.

Только что видѣлъ одного изъ крестьянъ брата. Все, что онъ мнѣ разсказывалъ о его жизни, восхитительно. Я понимаю прекрасно, что ему некогда обо мнѣ думать; жизнь его слишкомъ полна. Если мнѣ приходится быть жертвой этого, то быть можетъ мнѣ это будетъ зачтено предъ лицомъ всевышняго судіи во имя того блага, которое отъ этого проистекаетъ.]

133.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Изъ городскихъ толковъ я узналъ, дорогая кузина, что вы скоро уѣзжаете за границу. Позвольте васъ спросить, не возьметесь ли вы, уѣзжая, передать письмо Сиркуру, и когда именно вы разсчитываете отправиться въ путь? Я полагаю, что кузина Лиза поѣдетъ съ вами; въ такомъ случаѣ она могла бы передать Сиркуру, съ которымъ знакома, письмо въ собственныя руки. Позвольте васъ спросить еще, добились ли вы чего-нибудь для Ник. Семен., который, кажется, собирался просить вашей протекціи у Олсуфьева для полученія мѣста въ Воспитательномъ Домѣ?

Алекс. Макс. увѣдомятъ о томъ, что ея касается, и я полагаю, что она не замедлитъ пріѣхать въ Москву. Я думаю, что вы не сомнѣваетесь въ моей совершенной и постоянной преданности. П. Чаадаевъ.

Вторникъ.]

134.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Дорогая кузина. Не знаю, въ Москвѣ ли вы еще. Пишу вамъ поэтому нѣсколько словъ наудачу. Мнѣ не сказали, что вы заѣзжали ко мнѣ. Я хотѣлъ вамъ дать нѣсколько писемъ, думая, что они вамъ пригодятся. Что меня касается, то я буду вамъ писать по почтѣ, если только вы не скажете мнѣ, что остаетесь еще на нѣсколько дней; въ послѣднемъ случаѣ, я успѣю приготовить нѣчто объемистое. Мнѣ было бы очень тяжело, если бы не пришлось васъ увидать до вашего отъѣзда; въ день же, назначенный вами, это было невозможно, я былъ на другомъ краю свѣта. Нѣтъ ли у васъ въ домѣ портрета нашего дѣда? Я хотѣлъ бы снять съ него копію. Будьте здоровы, дорогая Натали; въ надеждѣ васъ увидѣть.

Воскресенье утромъ.]

135.—Кузинѣ.

[Мнѣ пишутъ изъ деревни, что Алекс. Макс. больна и не можетъ пріѣхать. Я сожалѣю, дорогая кузина, что былъ невольною причиною того труда, который вамъ пришлось положить

на полученіе обратно вашего письма; я думаю, что вамъ не легко было сообщить моему брату мотивъ, побуждавшій васъ требовать возвращенія его. Какъ бы то ни было, вамъ везетъ больше, чѣмъ мнѣ; вотъ уже три года, какъ я его прошу вернуть мнѣ нужное мнѣ письмо, и до сихъ я не могъ получить его. Если мое дѣло за послѣднее время не двинулось ни на шагъ, то вы, конечно, понимаете, что я нимало не приписываю этого несвоевременному волненію, вызванному смертью моей бѣдной тетушки; но несомнѣнно, что эта новая помѣха не утѣшительна для меня и не способствуетъ скорѣйшей развязкѣ моего дѣла. Благоволите замѣтить, дорогая кузина, что если я нарушилъ молчаніе, наложенное на меня вами по этому дѣлу, то исключительно, чтобы отвѣтить на вашу справку. Надѣюсь, впрочемъ, что эти немногія слова не смутятъ ясности вашей души и не заставятъ васъ усомниться въ моей совершенной привязанности. П. Чаадаевъ.

Воскресенье.]

136.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Я просилъ у васъ 100 р., а вы мнѣ присылаете 150. Я тронутъ до слезъ этимъ милымъ поступкомъ. Можете по этому судить, какъ мнѣ были нужны эти деньги, и какъ я цѣню доказательстьо вашей дружбы. Пользуюсь этимъ случаемъ для того, чтобы попросить у васъ прощенія, если въ чемъ-нибудь согрѣшилъ передъ вами, и прошу васъ вполнѣ вѣрить моей признательности. —

Я дѣлаю все, что въ моихъ силахъ, для того чтобы выпутаться изъ бѣды и вступить во владѣніе своимъ небольшимъ имѣньемъ.

Благослови васъ Богъ.]

1854 г.

137.—Замѣчанія Чаадаева на два мѣста изъ брошюры А. С. Хомякова въ отвѣтъ Лоренси.

[**Страница 15.** „Тенденція, въ которой насъ обвиняютъ, есть тенденція къ протестантизму“.

Точнѣе было бы, конечно, приписать намъ попросту сильно выраженное предрасположеніе къ протестантскому культу, ибо

тенденція обозначаетъ постоянную работу мысли, а къ сему у насъ привычки не имѣется. Что касается нашихъ симпатій къ этой религіи, то лучшимъ доказательствомъ тому служитъ, на мой взглядъ, самый фактъ опубликованія этихъ интересныхъ страницъ подъ эгидою одного изъ наиболѣе уважаемыхъ въ средѣ кальвинистовъ именъ. Итакъ, очевидно, что тутъ только споръ о словахъ и ничего болѣе.

Страница 16. Кальвинизмъ, могущественный въ Богеміи, Венгріи, Польшѣ, Литвѣ, остановился, встрѣтившись лицомъ къ лицу не съ расой, но съ вѣрованіемъ.

Хорошо, кабы это было такъ! Мы обладали бы въ такомъ случаѣ серьезными вѣрованіями, которыя, открывая намъ доступъ въ небеса, въ то же время одарили бы насъ, быть можетъ, кое-какими земными благами, прямыми или косвенными плодами христіанства, которые мы въ настоящее время съ завистью подмѣчаемъ у другихъ христіанскихъ народовъ. Къ несчастью дѣло происходило совсѣмъ иначе. Нѣтъ, не передъ вѣрованіемъ остановилась ересь, упрочившаяся на границахъ величайшей изъ православныхъ странъ, а передъ восточнымъ деспотизмомъ, опиравшимся на восточный культъ, цѣликомъ замкнутый въ своихъ безплодныхъ обрядностяхъ и уже по одному этому безсильный открыться религіи, враждебной всякому внѣшнему великолѣпію. Самъ будучи идеей, протестантизмъ остановился на этотъ разъ вполнѣ естественно тамъ, гдѣ кончалось царство идеи, гдѣ начиналось царство грубаго факта и обряда; вотъ и все. Нѣтъ, не передъ вѣрованіемъ онъ отступилъ и тогда, когда подошелъ къ вратамъ покоренной и угнетенной Греціи: онъ отступилъ передъ ненавистью, которую эта несчастная страна питала къ Западу, ненавистью быть можетъ и вполнѣ заслуженною, но такъ или иначе достаточною для того, чтобы она изгнала съ своей обездоленной почвы всякую религіозную идею, идущую изъ этой проклятой области, все равно, какую бы форму эта идея ни приняла. Прибавимъ къ этому, что время реформы совпало съ временемъ наибольшей мощи Оттомановъ при Солиманѣ Великомъ, когда полумѣсяцъ побѣдоносно обрушился на Бѣлградъ и отнялъ островъ Родосъ у его знаменитыхъ рыцарей; что грекамъ было въ это время не до того, чтобъ заниматься религіозными новшествами; а вѣдь извѣстно, что обыкновенно подобнаго рода идеи вліяютъ особенно сильно на умы при первомъ своемъ появленіи.

Что сказать объ остальныхъ областяхъ, исповѣдовавшихъ восточное вѣроученіе? Нѣтъ никакой возможности разобраться въ этой смѣси полуварварскихъ племенъ, подпадавшихъ подъ власть то той, то другой державы, изъ коихъ одни оставались вѣрными религіи отцовъ своихъ, другія переходили въ исламъ, а нѣкоторыя искали спасенія въ лонѣ римской церкви, подъ вліяніемъ, повидимому, все того-же страха передъ соблазнами Лютера и Кальвина.

Наконецъ, спрашивается, какимъ образомъ ученый и остроумный критикъ могъ не замѣтить, что протестантской ереси, представляющей прежде всего возстаніе противъ власти папъ и противъ злоупотребленій римской церкви, очевидно нечего было дѣлать въ странахъ восточнаго культа? Признаюсь вамъ, что сколько я ни перебираю всѣ представляющіяся моему уму возможности, я нахожу только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, но высказать его откровенно было бы для меня слишкомъ тяжело, ибо онъ явился бы осужденіемъ всей этой доброй народности, которую преувеличенное чувство національной исключительности силится,—увы, съ чрезмѣрнымъ успѣхомъ!—отвратить отъ естественныхъ и законныхъ путей его.

Еще нѣсколько словъ. Да справедливо ли въ концѣ-концовъ, какъ утверждаете вы, что протестантизмъ замеръ у границъ православнаго міра? Да кто же, скажите на-милость, наши Духоборцы, какъ не протестанты и притомъ самого плохого сорта, того сорта, въ которомъ, по вашему вѣрному замѣчанію, остается одна только тѣнь христіанства? И развѣ вамъ неизвѣстно, что эта секта, вся пропитанная раціонализмомъ, являющимся, на вашъ взглядъ, отличительной чертой западныхъ исповѣданій, введена въ Россію анабаптистами или моравскими братьями, пришедшими изъ Германіи? Правда, что бы вы ни говорили, заключается въ томъ, что протестантизмъ неоднократно проникалъ въ Россію подъ различными видами; что онъ встрѣтился тамъ съ тѣмъ гнуснымъ и нелѣпымъ преслѣдованіемъ, которое обращаетъ нашихъ собственныхъ отщепенцевъ, людей въ основѣ своей крайне безобидныхъ, во враговъ общественнаго порядка; что поневолѣ пришлось ему поворотить оглобли передъ свѣтской властью, прошедшей школу монголовъ и поддерживаемой религіозной властью, не менѣе ея ревнующей объ использованіи этого рокового наслѣдія.]

138.—С. П. Шевыреву.

Я на дняхъ заходилъ къ Вамъ почтеннѣйшій Степанъ Петровичь, чтобъ поговорить съ вами о *Бартеньевскихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Моск. Вѣдомостяхъ.* Вы конечно замѣтили, что описывая молодость Пушкина и года́ проведенные имъ въ Лицеѣ, авторъ статей ни слова не упоминаетъ обо мнѣ, хотя въ тоже время и выписываетъ нѣсколько стиховъ изъ его ко мнѣ посланія и даже намѣкаетъ на извѣстное приключеніе въ его жизни, въ которомъ я имѣлъ участіе, но приписывая это участіе исключительно другому лицу. Признаюсь, это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину, глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность къ своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ! Пушкинъ *гордился моею дружбою;* онъ говоритъ, что я *спасъ отъ гибели его и его чувства, что я воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому*, а Г. Бартеньевъ находитъ, что до этаго никому нѣтъ дѣла, полагая вѣроятно, что обращенное потомство, вмѣсто стиховъ Пушкина, будетъ читать его *Матеріялы.* Надѣюсь однакожъ, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія.

Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ въ себѣ живое сочувствіе ко всѣму доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему. Я увѣренъ, что настанетъ время, когда и у насъ всѣму и каждому воздастся должное, но не льзя же между тѣмъ видѣть равнодушно какъ современники безчестно прячутъ правду отъ потомковъ. Никому кажется не льзя лучше васъ, въ этомъ случаѣ, заступиться за истинну и за минувшее поколѣніе, котораго теплоту и безкорыстіе сохраняете въ душѣ своей; но если думаете, что мнѣ самому должно взяться за покинутое перо, то послѣдую вашему совѣту, [хотя и съ рискомъ дать Бартеневу новый доводъ въ пользу того, что не слѣдуетъ придавать особой важности дружескому расположенію ко мнѣ Пушкина.] Въ среду постараюсь зайти къ вамъ изъ клуба, за совѣтомъ.

Искренно и душевно преданный Вамъ,

Петръ Чаадаевъ.

Написавъ эти строки, узналъ, что Г. Б. оправдываетъ себя тѣмъ, что говоря о лицѣйскихъ годахъ друга моего, онъ не полагалъ нужнымъ говорить о его отношеніяхъ со мною, предоставляя себѣ упомянуть обо мнѣ въ послѣдующихъ статьяхъ. Но неужто Г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина, въ то время когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго впослѣдствіи онъ назвалъ лучшимъ своимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на это развитіе? Если не ошибаюсь, то первое условіе біографа, есть знаніе человѣческаго сердца.

139.—Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной. 1854.

[Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ—не такъ мы въ молодости любили нашу родину. Мы хотѣли ея благоденствія, мы желали ей хорошихъ учрежденій и подчасъ осмѣливались даже желать ей, если возможно, нѣсколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали ее ни самой могущественной, ни самой счастливой страною въ мірѣ. Намъ и на мысль не приходило, чтобы Россія олицетворяла собою нѣкій отвлеченный принципъ, заключающій въ себѣ конечное рѣшеніе соціальнаго вопроса,—чтобы она сама по себѣ составляла какой-то особый міръ, являющійся прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ славной восточной имперіи, равно какъ и всѣхъ ея правъ и достоинствъ,—чтобы на ней лежала нарочитая миссія вобрать въ себя всѣ славянскія народности и этимъ путемъ совершить обновленіе рода человѣческаго; въ особенности же мы не думали, что Европа готова снова впасть въ варварство, и что мы призваны спасти цивилизацію посредствомъ крупицъ этой самой цивилизаціи, которыя недавно вывели насъ самихъ изъ нашего вѣкового оцѣпенѣнія. Мы относились къ Европѣ вѣжливо, даже почтительно, такъ какъ мы знали, что она выучила насъ многому, и между прочимъ—нашей собственной исторіи. Когда намъ случалось нечаянно одерживать надъ нею верхъ, какъ это было съ Петромъ Великимъ,—мы говорили: этой побѣдой мы обязаны вамъ, господа. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день мы вступили въ Парижъ, и намъ оказали извѣстный вамъ пріемъ, забывъ на минуту, что мы въ сущности—не болѣе, какъ молодые выскочки, и что мы еще не внесли

никакой лепты въ общую сокровищницу народовъ, будь то хотя бы какая-нибудь крохотная солнечная система, по примѣру подвластныхъ намъ поляковъ, или какая-нибудь плохонькая алгебра, по примѣру этихъ нехристей-арабовъ, съ нелѣпой и варварской религіей которыхъ мы боремся теперь. Къ намъ отнеслись хорошо, потому что мы держали себя какъ благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, какъ приличествуетъ новичкамъ, не имѣющимъ другихъ правъ на общее уваженіе, кромѣ стройнаго стана. Вы повели все это по иному,—и пусть; но дайте мнѣ любить мое отечество по образцу Петра Великаго, Екатерины и Александра. Я вѣрю, недалеко то время, когда, можетъ быть, признáютъ, что этотъ патріотизмъ не хуже всякаго другого.

Замѣтьте, что всякое правительство, безотносительно къ его частнымъ тенденціямъ, инстинктивно ощущаетъ свою природу, какъ сила одушевленная и сознательная, предназначенная жить и дѣйствовать; такъ, напримѣръ, оно чувствуетъ или не чувствуетъ за собою поддержку своихъ подданныхъ. И вотъ, русское правительство чувствовало себя на этотъ разъ въ полнѣйшемъ согласіи съ общимъ желаніемъ страны; этимъ въ большой мѣрѣ объясняется роковая опрометчивость его политики въ настоящемъ кризисѣ. Кто не знаетъ, что мнимо-національная реакція дошла у нашихъ новыхъ учителей до степени настоящей мономаніи? Теперь уже дѣло шло не о благоденствіи страны, какъ раньше, не о цивилизаціи, не о прогрессѣ въ какомъ-либо отношеніи; довольно было быть русскимъ: одно это званіе вмѣщало въ себѣ всѣ возможныя блага, не исключая и спасенія души. Въ глубинѣ нашей богатой натуры они открыли всевозможныя чудесныя свойства, невѣдомыя остальному міру; они отвергали всѣ серьезныя и плодотворныя идеи, которыя сообщила намъ Европа; они хотѣли водворить на русской почвѣ совершенно новый моральный строй, который отбрасывалъ насъ на какой-то фантастическій христіанскій Востокъ, придуманный единственно для нашего употребленія, нимало не догадываясь, что, обособляясь отъ европейскихъ народовъ морально, мы тѣмъ самымъ обособляемся отъ нихъ и политически, что разъ будетъ порвана наша братская связь съ великой семьей европейской, ни одинъ изъ этихъ народовъ не протянетъ намъ руки въ часъ опасности. Наконецъ, храбрѣйшіе изъ адептовъ новой національной школы не задумались привѣтствовать войну, въ которую мы вовлечены, видя въ ней осуществленіе

своихъ ретроспективныхъ утопій, начало нашего возвращенія къ хранительному строю, отвергнутому нашими предками въ лицѣ Петра Великаго. Правительство было слишкомъ невѣжественно и легкомысленно, чтобы оцѣнить, или даже только понять эти ученыя галюцинаціи. Оно не поощряло ихъ, я знаю; иногда даже оно наудачу давало грубый пинокъ ногою наиболѣе зарвавшимся или наименѣе осторожнымъ изъ ихъ блаженнаго сонма; тѣмъ не менѣе, оно было убѣждено, что какъ только оно броситъ перчатку нечестивому и дряхлому Западу, къ нему устремятся симпатіи всѣхъ новыхъ патріотовъ, принимающихъ свои неоконченныя изысканія, свои безсвязныя стремленія и смутныя надежды за истинную національную политику, равно какъ и покорный энтузіазмъ толпы, которая всегда готова подхватить любую патріотическую химеру, если только она выражена на томъ банальномъ жаргонѣ, какой обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день авангардъ Европы очутился въ Крыму.]

1855 г.

140.—Завѣщаніе Чаадаева.

См. т. I, стр. 310.

141. – Кн. Н. Д. Шаховской.

[Я заѣзжалъ къ вамъ вчера, дорогая кузина, чтобы освѣдомиться о состояніи вашего здоровья и передать вамъ прилагаемую бумажку. Я надѣюсь, что вы будете въ Москвѣ во время предусматриваемаго въ ней событія и позаботитесь, какъ обѣщали, объ исполненіи выраженныхъ въ ней желаній. Я не назвалъ васъ, дорогая кузина, въ числѣ наслѣдниковъ моего добра, потому что у васъ уже есть мой портретъ, чѣмъ и прошу васъ удовлетвориться. Примите увѣреніе, дорогая кузина, въ моей привязанности. П. Чаадаевъ.

Воскресенье.]

142.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вчера вечеромъ я заходилъ къ вамъ, дорогая кузина, съ намѣреніемъ попросить у васъ на минуту ту бумажку, которую вы такъ любезно согласились взять на храненіе, чтобы прибавить къ моимъ посмертнымъ желаніямъ еще небольшую приписку; но многочисленное общество, которое я засталъ у васъ, заставило меня объ этомъ позабыть. Итакъ, будьте добры, верните мнѣ ее. Завтра я возвращу вамъ ее съ благодарностью и, чтобы не возвращаться къ этому болѣе, попрошу васъ обратить вниманіе на прибавленныя строки и замѣтить, что я придаю этому послѣднему пункту еще большее значеніе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, что вы безъ труда поймете.

Примите увѣреніе въ моихъ дружественныхъ чувствахъ. П. Чаадаевъ.

Воскресенье.]

143.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ, дорогая кузина, бумага, о которой была рѣчь, вмѣстѣ съ припиской. Вы найдете ее на другой сторонѣ листа, отмѣченную краснымъ крестомъ, что избавитъ васъ отъ скуки перечитывать всю эту глупую страницу. Очень благодарю васъ за вашу любезность и извиняюсь, что занимаю васъ такъ много собой. Быть можетъ я и ошибаюсь, но мой организмъ, слишкомъ сурово потрясенный въ послѣднее время, навелъ меня на мысль, что слѣдуетъ поспѣшить съ этимъ дѣломъ: вотъ мое оправданіе.

Къ сожалѣнію я еще не нашелъ вашего *аббата Рансе* въ своихъ книгахъ; да тамъ ли онъ еще. Впрочемъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что вы легко найдете среди православныхъ отшельниковъ многихъ, которые будутъ получше этого противнаго еритика.

Шлю вамъ сердечный привѣтъ. П. Чаадаевъ.

Воскресенье].

144.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Не можете ли вы, дорогая кузина, одолжить мнѣ 150 руб. до 15-го будущаго мѣсяца? Не умѣю сказать вамъ, до чего

мнѣ эта сумма нужна на этой недѣлѣ. Если вы расположены оказать мнѣ эту услугу, то я думаю, что вы спокойно можете послать мнѣ ее въ конвертѣ въ англійскій клубъ. Еще разъ не нахожу словъ, чтобы выразить, какъ кстати бы мнѣ пришлись въ настоящую минуту эти деньги. Прилагаю, на всякій случай, записочку, которая можетъ вамъ послужить обезпеченіемъ и которую вы можете разорвать, если не сочтете возможнымъ удовлетворить мою просьбу.

Шлю вамъ, дорогая кузина, мой сердечный привѣтъ.

П. Чаадаевъ.

23 ноября].

145.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Безконечно сожалѣю, дорогая кузина, что обратился къ вамъ въ ту минуту, когда вы были стѣснены, и поэтому еще болѣе благодаренъ вамъ за то рвеніе, которое вы положили на помощь мнѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что смогу уплатить свой долгъ даже ранѣе назначеннаго срока, и надѣюсь, что вы убѣдитесь въ томъ, что оказали услугу человѣку, не лишенному чувства благодарности.

Шлю вамъ сердечный привѣтъ.

П. Чаадаевъ.

25 ноября.]

1856 г.

146.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Дорогая кузина, я снова принужденъ просить у васъ помощи. Если вы въ состояніи одолжить мнѣ всего лишь 100 р. на нѣсколько дней, то окажете мнѣ этимъ величайшую услугу. Я надѣюсь на этотъ разъ быть болѣе аккуратнымъ, чѣмъ прошлый разъ, и неукоснительно верну вамъ ваши деньги 15 или 16 текущаго мѣсяца. Дѣло о наслѣдствѣ тетушки хотя и рѣшено сенатомъ въ нашу пользу, но требуетъ тѣмъ не менѣе всевозможныхъ мелкихъ издержекъ, сильно смущающихъ меня

въ настоящую минуту. Если вы согласитесь одолжить мнѣ эту маленькую сумму, то благоволите прислать ее, какъ и въ прошлый разъ, въ *Купеческій Клубъ*, гдѣ я буду до 7½. Эти заботы изнуряютъ меня, причиняя безсонницу и головокруженія, и заставляютъ постоянно ощущать необходимость отдыха и покоя. Если бы вы были милосердны и навѣстили меня когда-нибудь утромъ, то нашли бы меня въ крайне жалкомъ состояніи. Не знаю, въ Москвѣ ли кузина Лиза. Кажется я навлекъ на себя ея гнѣвъ. Если это такъ, то я не сталъ бы жаловаться, но безконечно пожалѣлъ бы объ этомъ: благоволите ей это передать.

Позвольте мнѣ надѣяться на то, что вы исполните мою просьбу и не будете сомнѣваться въ моей благодарности.]

147. Княжнѣ Е. Д. Щербатовой.

[Отправляясь вчера къ вамъ, дорогая кузина, я надѣялся, что этотъ день принесетъ съ собой конецъ моихъ мученій; это придало мнѣ мужество ѣхать къ вамъ и силу говорить о всемъ, кромѣ дѣлъ своихъ. Вышло иначе, и вечеромъ все опять отодвинулось на довольно отдаленное время. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ показалось, что я нашелъ въ одной изъ вашихъ записокъ что-то похожее на серьезное сочувствіе къ моему положенію; если это дѣйствительно такъ, то позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ одной услугѣ, ни въ какомъ отношеніи для васъ не обременительной, не требующей съ вашей стороны ни малѣйшей жертвы, и разрѣшите мнѣ въ такомъ случаѣ пріѣхать поговорить съ вами объ этомъ завтра въ какой-нибудь условленный часъ. Если же окажется, что я слишкомъ многаго захотѣлъ отъ вашей дружбы, то благоволите, умоляю васъ, предупредить меня объ этомъ однимъ словомъ, однимъ звукомъ, и не погружайте меня снова въ тѣ терзанія, отъ которыхъ я полагалъ сегодня утромъ освободиться на весь остатокъ дней моихъ. Вы видите, дорогая кузина, я прошу лишь аудіенціи, въ чемъ даже самые великіе міра сего не отказываютъ бѣднякамъ.]

Письма неизвѣстныхъ лѣтъ.

148.— А. И. Тургеневу.

[Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, дорогой другъ,— пришлите мнѣ автографъ Экштейна. Это весьма любопытный документъ для нашего брата — писаки. Любопытно прослѣдить, сколько нужно въ обрѣзъ литературнаго таланта, чтобы получился человѣкъ дѣйствія въ литературномъ мірѣ; ибо этотъ нѣмецъ провелъ своимъ несовершеннымъ перомъ борозду, которую не стереть цѣлой шайкѣ академиковъ. Мнѣ хочется это перечесть, и по прочтеніи я вамъ его верну.

Мы, кажется, должны были обѣдать завтра, въ первый день новаго года, у Марса и Беллоны; но я боюсь, что, при моей наклонности къ звону въ ушахъ, я буду слышать весь годъ воинственные клики. Поэтому я отобѣдаю преспокойно дома. Будьте здоровы, мой другъ, и желаю вамъ всего лучшаго въ наступающемъ году. — Вотъ еще что! Не вздумайте сунуть эту глупость въ вашъ мѣшокъ для тряпокъ по свойственной вамъ — въ вашемъ прославленномъ качествѣ великаго тряпичника на интеллектуальной мостовой—привычкѣ. Не слѣдуетъ увѣковѣчивать глупыя шутки.]

149. — А. И. Тургеневу.

[Вы пробудете здѣсь недолго, милый другъ; поэтому хорошо было бы, если бы вы заранѣе назначили вечеръ, который проведете у меня; я въ этотъ день совсѣмъ не буду выходить изъ-дому, и вы придете, въ какой вамъ будетъ угодно часъ. Что касается сегодняшняго дня, то тоже приходите, если вамъ угодно: я ничего не потеряю отъ того, что увижу васъ два раза.

Дубенскій передалъ мнѣ документъ, о которомъ была рѣчь.]

150.— А. И. Тургеневу.

См. т. I, стр. 315.

151.—А. И. Герцену.

[Не могли ли бы вы, дорогой Герценъ, дать на время Уварову документъ, который я вамъ передалъ. Онъ обѣщаетъ продержать его у себя всего нѣсколько дней, и увѣряю васъ, что, отдавая его вамъ, я забылъ, что уже обѣщалъ его ему. Извините, что причиняю вамъ это безпокойство, и прошу васъ принять увѣреніе въ совершенной моей преданности.

Чаадаевъ.]

152.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 316.

153.—М. П. Погодину.

См. т. I, стр. 316.

154.—С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 316.

155.—С. П. Шевыреву.

См. т. I, стр. 317.

156.—Ф. Ф. Вигелю.

См. т. I, стр. 317.

157.—Неизвѣстному.

См. т. I, стр. 318.

158.— Отрывки изъ писемъ къ М. И. Жихареву.

I.

См. т. I, стр. 319.

II.

[Не правда ли, дорогой другъ, когда вы заходили намедни ко мнѣ, это было за сочиненіемъ Аксакова? Ну такъ вотъ! Кажется, мнѣ его пришлютъ на этихъ дняхъ, и вы его найдете, какъ только вздумаете опять навѣстить меня.

На свѣтѣ только и есть хорошаго, что доброта.]

III.

[Вы знаете, что человѣкъ, пишущій вамъ эти строки,—тотъ, кто любитъ васъ больше всѣхъ, а также и тотъ, кто, въ ваши годы, написалъ страницы, которыя лѣтъ пятнадцать тому назадъ взволновали страну и, говорятъ, представляютъ эпоху въ нашей литературной исторіи.]

IV.

[Дружба юности, говорятъ, еще снисходительнѣе, чѣмъ дружба зрѣлаго возраста.]

159.—Кн. И. С. Гагарину.

[Обдумавъ вопросъ, я полагаю, что разсказъ о княгинѣ Аннѣ слѣдуетъ принять, какъ достовѣрный. Молчаніе нашихъ лѣтописей ничего не доказываетъ, ибо онѣ умалчиваютъ и о бракахъ другихъ дочерей Ярослава, вполнѣ доказанныхъ иными источниками. Можно предположить, что раздѣленіе двухъ церквей уже значительно обозначилось ко времени Нестора, и ему было непріятно отмѣчать факты, свидѣтельствовавшіе въ пользу первоначальнаго единства двухъ исповѣданій. Какъ бы то ни было, ясно, что наши религіозныя сношенія съ Западомъ носили въ ту эпоху весьма благожелательный характеръ; частые браки съ европейскими принцами и принцессами, причемъ никогда и не подымался вопросъ о перемѣнѣ религіи;

просьбѣ о поддержкѣ, съ которой обращался Изяславъ къ папѣ Григорію VII, и благорасположеніе къ нему народа, не покидавшее его до дня его смерти; исторія Антонія Римлянина, прибывшаго въ Новгородъ изъ Рима и основавшаго здѣсь монастырь; въ особенности письмо митрополита Іоанна къ папѣ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ это.

Будьте здоровы, дорогой князь, я не попаду въ ваши мѣста сегодня вечеромъ, я ѣду въ Всесвятское; если вы хотите потолковать со мной немного до отъѣзда, то приходите обѣдать въ англійскій клубъ; вы застанете меня тамъ часовъ около пяти, и я запишу васъ.]

160.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Я премного вамъ обязанъ, дорогая кузина, за ваше любезное извѣщеніе. Очень огорченъ тѣмъ, что васъ не видалъ. Благоволите передать дядѣ и Лизѣ, что поспѣшу поѣхать къ нимъ, какъ только раздѣлаюсь съ своимъ припадкомъ. А въ данную минуту я очень тронутъ тѣмъ, что вы мнѣ говорите о ихъ желаніи видѣть меня у себя. Съ того дня, какъ я васъ всѣхъ увидалъ зимою, особенно послѣ дядинаго пріема, моя мечта снова, какъ прежде, очутиться въ семьѣ. Будьте здоровы, дорогая кузина. Еще разъ, очень жалѣю о томъ, что не могъ съ вами проститься.]

161.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Случилось недоразумѣніе, дорогая кузина. У меня были гости, когда пришли отъ васъ, и это было, повидимому, причиной разсѣянности моего слуги. Я ничего не велѣлъ вамъ передавать, кромѣ сожалѣнія о томъ, что васъ не видалъ, вотъ и все. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы внушали Лизѣ, что надо примириться съ этой участью, что не надо больше думать объ этомъ и что отъ этого брака нельзя было ожидать особеннаго счастья. Я прекрасно знаю, что вѣрятъ лишь тому, чему хотятъ вѣрить, и что обстоятельства были совершенно исключительныя. Болѣе чѣмъ кто либо другой, я могу понять

значеніе разочарованія, но несомнѣнно и то, что шансы на счастье были въ этомъ случаѣ весьма незначительны по сравненію съ шансами на несчастье. Впрочемъ, что касается васъ, дорогая Натали, то лучшее, что вы можете сдѣлать, это найти Лизѣ другого мужа, и я говорю это вполнѣ серьезно, такъ какъ ничего невозможнаго въ этомъ не вижу. Пока же мнѣ очень хочется повидать Лизу и узнать, что у нея на сердцѣ. Будьте здоровы, дорогая кузина, не теряйте надежды.]

162.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Вотъ, дорогая кузина, клочекъ бумаги съ моей подписью. Менѣе чѣмъ когда либо, я могу позволить себѣ взять на себя какое либо обязательство безъ обезпеченія. Постепенный упадокъ моего здоровья, никому неизвѣстный, но отлично мною сознаваемый, налагаетъ на меня эту обязанность. Къ счастью мой братъ совершенно состотеленъ. Вашъ любезный поступокъ, дорогая кузина, помогъ мнѣ какъ физически, такъ и нравственно, за что васъ тысячу разъ благодарю. Въ вашей жизни тоже не было недостатка въ испытаніяхъ, и вы вполнѣ можете оцѣнить выражаемое мною чувство. Если я устою во всѣхъ затрудненіяхъ, причиняемыхъ мнѣ медлительностью и безпечностью брата, то отчасти благодаря вамъ, если же нѣтъ, то вы облегчите мнѣ послѣдніе дни моей жизни. Будьте здоровы.

Безконечно сожалѣю о томъ, что не видалъ Ивана.]

163.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Кажется вы мнѣ говорили, дорогая кузина, что въ пятницу дома не обѣдаете. Я еще не видѣлъ Акимфьева и потому не знаю, буду ли обѣдать у него въ этотъ день. По всей вѣроятности я увижу его лишь сегодня вечеромъ. Во всякомъ случаѣ увѣдомьте меня о своихъ намѣреніяхъ относительно пятницы и пообѣдаемте пожалуйста вмѣстѣ въ воскресенье. Я хочу вамъ прочесть еще одну страницу. Благодарю васъ за ваше участіе, повѣрьте, что я никогда не сомнѣвался въ вашей дружбѣ. Не хочу вамъ повторять своихъ обычныхъ жалобъ на здоровье. Можетъ быть Господь сжалится надо мною. Будьте здоровы.]

164.—Кузинѣ.

[Благодарю васъ, дорогая кузина, за ваше посѣщеніе тетушки. Я надѣюсь съѣздить къ ней послѣ новаго года. Я постараюсь до тѣхъ поръ повидаться съ вами, чтобы узнать подробности о ея состояніи: въ ея года обычно переходятъ отъ этой жизни къ той безбольно; откуда же эти страданія.]

165.— Кузинѣ.

[Не можете ли вы, дорогая кузина, переслать моему брату прилагаемое письмо, поручивъ это сдѣлать управляющему вашего нижегородскаго имѣнія? Я писалъ ему мѣсяцъ тому назадъ и не получилъ отвѣта. Такъ какъ дѣло довольно спѣшное и къ тому же не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей, то мнѣ это представляется страннымъ.—Надѣюсь повидать васъ завтра и услыхать отъ васъ добрыя вѣсти объ Иванѣ.]

166.— Кузинѣ.

[Дорогая кузина, мнѣ очень стыдно обращаться къ вамъ съ этими строками, но вотъ въ чемъ дѣло. Я не хотѣлъ встрѣчаться съ вами до тѣхъ поръ, пока кризисъ, въ которомъ я находился, не разрѣшится, чтобы имѣть удовольствіе обнять васъ отъ всего сердца и безъ малѣйшей досадной озабоченности. Въ пятницу моя племянница Ростъ и еще другое лицо, нѣкая Ворожейкина, сообщили мнѣ, что черезъ нѣсколько дней я получу 1000 руб. сер. Поэтому я поспѣшилъ къ вамъ, чтобы поздравить васъ съ пріѣздомъ, и полагаю, что вы не замѣтили во мнѣ другого чувства, кромѣ удовольствія снова увидѣть васъ. Но вотъ въ понедѣльникъ я узнаю, что эти деньги я получу только послѣ праздниковъ. Къ довершенію всего кредитъ въ клубѣ теперь ограниченъ пятьюдесятью рублями, каковая сумма вашимъ кузеномъ уже давно исчерпана. Итакъ, я былъ вынужденъ, хотя и поневолѣ, прибѣгнуть къ вамъ, моему всегдашнему провидѣнію. Если вы мнѣ пришлете

триста рублей серебромъ, то ихъ хватитъ мнѣ, чтобы дожить до обѣщанной получки денегъ. Впрочемъ я очень надѣюсь, что *свидѣтельство* моего брата прибудетъ тѣмъ временемъ. Если бы вы могли прислать мнѣ немножко больше денегъ, то это не повредило бы ни мнѣ, ни вамъ, т. к. на этотъ разъ вамъ навѣрно удастся выудить у меня ваши деньги черезъ нѣсколько дней. Вы, можетъ быть, знаете, что я собирался назначить въ продажу мою библіотеку, но, не имѣя къ ней каталога, нужно сначала заняться составленіемъ его. Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ сказать вамъ еще кое-что, какъ напримѣръ, что у меня всего десять рублей въ карманѣ на праздники; во всякомъ случаѣ, мнѣ хочется засвидѣтельствовать вамъ, что я имѣю полную увѣренность въ скоромъ времени разсчитаться съ вами за все то добро, которое вы мнѣ сдѣлали, и что я заранѣе съ радостью предвкушаю эту минуту.

Я надѣюсь, что вы позовете меня обѣдать въ первый день Праздника. Обнимаю васъ нѣжно и, повѣрьте мнѣ, самымъ безкорыстнымъ образомъ.

Вторникъ.]

167.—Кн. Н. Д. Шаховской.

[Благодарю васъ, дорогая кузина, за то, что вы подумали обо мнѣ. Вамъ не нужно было извиняться, я на васъ никогда не сердился. Къ тому же я лишенъ права испытывать какія нибудь другія чувства, кромѣ благожелательства. Еще болѣе тронутъ я тѣмъ, что вы пожелали дать мнѣ нѣчто вродѣ удовлетворенія. Награду за это вы найдете въ своемъ сердцѣ, и оно вамъ объяснитъ лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать, цѣнность вашего поступка. Прошу васъ только перечесть мою первую записку; вы увидите, что я вовсе не *попрекалъ васъ благодѣяніемъ*. Я вамъ говорилъ только, и притомъ съ глубочайшимъ сокрушеніемъ, *что быть можетъ вы припомните, какъ я однажды пришелъ вамъ на помощь въ обстоятельствахъ, гораздо менѣе для васъ тяжелыхъ, чѣмъ тѣ, въ коихъ я нахожусь въ настоящую минуту;* вотъ и все. Словомъ, я вижу во всемъ этомъ лишь затменіе мысли съ вашей стороны, совершенно естественное въ подобнаго рода дѣлахъ.

Я думаю, что ко всему этому больше не стоитъ возвращаться. Я все сдѣлалъ для того, чтобы спастись; иныя заботы должны меня занимать теперь.

Вы спрашиваете, какъ обстоитъ дѣло съ моими затрудненіями. Несмотря на неохоту объ этомъ говорить, я принужденъ вамъ отвѣтить. Отъ брата никакихъ извѣстій. Нѣкій Поспѣловъ, находящійся въ сношеніяхъ съ его бывшимъ камердинеромъ, говорилъ мнѣ, что онъ былъ боленъ; быть можетъ онъ и сейчасъ нездоровъ. Прошелъ ровно годъ, какъ онъ писалъ мнѣ въ точныхъ выраженіяхъ, что онъ *немедленно* приметъ необходимыя мѣры для того, *чтобы уплатить часть своего долга*, и что онъ увѣдомитъ меня о ходѣ дѣла. Мой камердинеръ нашелъ способъ заложить мое серебро за нѣсколько рублей подъ неимовѣрные проценты. На это я продержусь еще нѣсколько дней.

Я пожалѣлъ вчера, что не поцѣловалъ Дмитрія, разставаясь съ нимъ. Этотъ милый малый всегда былъ очень, очень добръ ко мнѣ, и я прошу васъ передать ему, что навсегда сохраню о немъ самое лучшее воспоминаніе. Онъ говорилъ мнѣ, что его жена намѣревалась меня навѣстить; благоволите передать ей, что я тронутъ этимъ проявленіемъ вниманія съ ея стороны.

Будьте здоровы, дорогая кузина. Не знаю, долженъ ли я идти къ вамъ. Думаю, что лучше избавить васъ отъ этого скучнаго визита.]

168.— Кузинѣ.

[Я не подумалъ, дорогая кузина, о томъ, что завтра понедѣльникъ, и можетъ случиться, что у меня будутъ гости. Поэтому не ждите меня къ обѣду и не тратьте изъ-за меня лишняго куска мяса. Если холера не будетъ такъ милостива и не прикончитъ меня до сегодняшняго вечера, то я уже навѣрное буду у васъ къ 9 съ половиной часамъ.]

169. — Кузинѣ.

[Мнѣ нехорошо.— Отъ брата нѣтъ извѣстій — и я въ полнѣйшей нуждѣ — постарайтесь прійти мнѣ на помощь,— во вторникъ могу у васъ обѣдать.]

170. — Кн. Н. Д. Шаховской.

[Я себя чувствую нехорошо, ноги мои ободраны, и я не пріѣду поэтому къ Муравьевой. Скажите, пожалуйста, въ которомъ часу производятся эти дѣла въ банкѣ? — Я можетъ быть пойду самъ, но все же необходимо, чтобы меня сопровождалъ вашъ человѣкъ. 1000 р. мнѣ нужны во вторникъ — для уплаты процентовъ Серебряковой. Мнѣ бы хотѣлось отложить это до будущей недѣли. Если у васъ есть тысяча р., одолжите мнѣ пожалуйста ихъ до тѣхъ поръ; если же нѣтъ, дайте мнѣ на завтра вашего человѣка, какъ мы условились. Будьте здоровы, дорогая кузина. Только что узналъ, что сегодня день Михаила Архангела. Придется идти пѣшкомъ поздравлять Салтыкова, ибо я не заказалъ лошадей. Не именинникъ ли сегодня Михаилъ Г.?]

171. — Кузинѣ.

[Я себя вчера такъ плохо чувствовалъ, что, къ величайшему моему сожалѣнію, не пошелъ на свадьбу. Вы велѣли мнѣ сказать, что ждали меня; вдвойнѣ жалѣю, и пишу вамъ эту записку для того, чтобы принести свое извиненіе. Сегодня мнѣ лучше, и я разсчитывалъ поѣхать во Всесвятское. Не поѣдете ли вы? Не знаю, гдѣ мнѣ помѣстить кресло. Оставьте его поэтому у себя, и благодарю васъ за предложеніе. Будьте здоровы. Когда вы уѣзжаете? Умираю отъ желанія на минуту увидѣть васъ. Любите меня хоть малость. Посмотрите, какую любопытную книгу прислали мнѣ Ховрины изъ деревни.]

172. — Княжнѣ Е. Д. Щербатовой.

[Черезъ двѣ недѣли я получу отъ брата мою треть, 666 р. серебромъ. Позвольте мнѣ попросить васъ одолжить мнѣ эту сумму до того времени. Прилагаю довѣренность на полученіе этихъ денегъ въ почтовой конторѣ на имя П. П. Если нужна другая редакція этой бумаги, то онъ можетъ ее написать самъ, а я поставлю свою подпись. Пока же нужно увѣдомить почту

о томъ, чтобы деньги эти, когда онѣ прибудутъ, не выдавали никому другому; говорятъ, это часто случается.

Все это очень печально, дорогая кузина. Но я очень боленъ и у меня нѣтъ ни гроша. Быть можетъ мнѣ бы не слѣдовало выходить, но у меня нѣтъ ни доктора, ни повара. Кажется я простудился, когда выходилъ. Я страдаю ужасно, на этихъ дняхъ все лицо было покрыто сыпью.

Вчера я заходилъ къ вамъ. Двадцать разъ собирался это сдѣлать и не рѣшался. Между нами цѣлая стѣна грязи. Къ тому же вы проявляете такъ мало желанія видѣть меня, что я не знаю, какъ мнѣ переступить черезъ нее.

Вы видите, что я пишу вамъ эти строки, вынужденный къ тому. Я нанялъ сегодня экипажъ, надѣясь васъ увидѣть. Благоволите мнѣ сказать, застану ли я васъ вечеромъ, или же пріѣзжайте сами ко мнѣ завтра утромъ.

Ввѣряю себя остаткамъ вашей дружбы.

Оказывается я не знаю ни званія, ни фамиліи П. И. Благоволите поэтому предложить ему написать упомянутую бумагу, если хотите оказать мнѣ эту услугу.

Я всегда получаю эти деньги въ первыхъ числахъ мая.]

173.— Княжнѣ Е. Д. Щербатовой.

[Дорогая Лиза, пожалуйста помогите мнѣ. Кошелекъ мой почти пустъ, а ломбардъ, какъ я узналъ, закрытъ на 15 дней. Дорогая, я васъ разоряю. Какъ только я устроюсь и поправлюсь вашими заботами, я надѣюсь расплатиться за все, благодаря остающимся еще у меня средствамъ и моей природѣ, которая еще такъ хорошо борется со своими немощами.—Я надѣялся перебиться до мая, не трогая своего маленькаго капитала и не издерживая впередъ того, что я долженъ получить съ Левашовыхъ, но повидимому я, какъ всегда, плохо разсчиталъ. Итакъ я надѣюсь на васъ, дорогая попечительница. Если вы можете мнѣ одолжить 1500 р., я буду вамъ очень обязанъ въ виду того, что съ приближеніемъ Пасхи придется расплатиться съ разными мелкими долгами. Представьте себѣ, что у меня въ шкатулкѣ осталось лишь 150 р. на всѣ праздники и съ этимъ надо протянуть до мая!—Я злоупотребляю вашей дружбой и нашимъ взаимнымъ положеніемъ; простите.—Завтра я обѣдаю

у Бреверновъ, а въ четвергъ у васъ, неправда-ли? — Передайте мнѣ ваше намѣреніе черезъ Петра Иванова. — Я себя чувствую сегодня не очень плохо, хотя и разстроенъ немного неожиданной пустотой моего кошелька. — Будьте здоровы. Я не могъ повидать васъ вчера изъ-за вечера у Соймоновыхъ.]

174. — Кузинѣ.

[Я боленъ, дорогой другъ, вотъ почему я еще не могъ васъ навѣстить на новой квартирѣ. Благодарю за деньги. Ужасно стыдно было просить ихъ у васъ, всегда такой доброй и щедрой! Но что дѣлать? Братъ, бывшій нѣкоторое время точнымъ, снова вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Я до сихъ поръ не получилъ той суммы, которую долженъ былъ имѣть 1-го числа. Вотъ уже три мѣсяца, какъ Левашовъ долженъ былъ прислать мнѣ 1000 р. процентовъ! — И ничего. — Вы видите, что это полное пораженіе, а вамъ извѣстно, что на-дняхъ придется уплатить г-жѣ — не припомню имени! — Я хочу пройтись пѣшкомъ, быть можетъ дойду до васъ. Мнѣ жаль, что мое письмо уже ушло; я хотѣлъ бы прибавить еще нѣсколько словъ, чтобы оно вѣрнѣе достигло своей цѣли. Итакъ, будьте здоровы.

Два тома С., говорятъ, у Муравьевой. Вы можете поэтому послать 3 — Салт. —]

175. — Кузинѣ.

[Я разсчитывалъ провести вечеръ у Полуденской; вмѣсто этого она сама пріѣхала ко мнѣ утромъ, такимъ образомъ вы могли отлично пріѣхать вечеромъ. Чтобы соблюсти приличія, я заѣзжалъ къ вамъ, будучи почти увѣренъ, что не застану васъ. Итакъ, счастливаго пути и благослови васъ Богъ. Я останусь совсѣмъ одинокъ, и мнѣ будетъ очень грустно. Верните мнѣ пожалуйста подписной листъ Зедергольма, онъ проситъ его обратно; — вамъ нѣтъ надобности подписываться.]

176. — Кн. Н. Д. Шаховской.

[Благоволите, дорогой другъ, послать мемуары Булгарина Кн. Петру Долгорукому, *на Пречистенкѣ, близъ Депо.* Я слы-

шалъ, что у васъ новыя безпокойства по поводу Ивана. Перфильевъ говорилъ мнѣ вчера, что надо было написать Орлову. Это я думалъ съ самаго начала. Позвольте предложить вамъ мое бѣдное перо, имѣющее иногда успѣхъ. Во всякомъ случаѣ прошу васъ высказать ваше мнѣніе объ этомъ. Мы будемъ имѣть случай поговорить съ вами объ этомъ во вторникъ у Лизы, но предварительно мнѣ хотѣлось бы немножко побесѣдовать съ вами по этому поводу. Будьте здоровы. Я очень нездоровъ, а Сокологорскій меня покидаетъ.]

177.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Благодарю васъ, дорогой другъ, за ваши сообщенія. Я особенно благодаренъ вамъ за то, что вы увѣдомили меня о пріѣздѣ Ивана. Будьте увѣрены, что я счастливъ вашимъ счастьемъ, а также счастьемъ нашего юноши, котораго я любилъ, какъ вамъ извѣстно, съ самаго дѣтства. Я чуть не задохнулся въ этихъ баняхъ у Каменнаго моста и не могъ ими воспользоваться. Попробую сегодня другія въ Сокольникахъ, а затѣмъ сдѣлаю все, что могу, для того, чтобы васъ увидѣть. — Мнѣ все хуже и хуже. — Жара меня доканаетъ. Примите мои пожеланія, чтобы всѣ встающія вокругъ васъ очаровательныя надежды сбылись, — говорятъ, что провидѣніе охотно снисходитъ на мольбы умирающихъ.

Муравьева, кн. Мещерскія и Орлова просятъ передать Лизѣ по ея прибытіи, что онѣ дружески вспоминаютъ о ней.]

178.— Кузинѣ.

[Мнѣ очень было жаль, дорогая кузина, что намъ не пришлось повидаться въ день апостола: я привыкъ съ вами встрѣчаться въ этотъ день. Еще болѣе былъ я огорченъ, узнавъ, что вы больны, и извиняюсь, что не пріѣхалъ справиться о состояніи вашего здоровья. Не знаю, смогу ли я пріѣхать къ вамъ сегодня и, пріѣхавъ, застану ли васъ; прошу васъ поэтому не отказать увѣдомить Щербинину о томъ, что я желалъ бы какъ можно скорѣе получить обратно свои несчастныя бумаги. Безполезно сообщать ей причину этого, но я очень прошу

ее не думать больше о копіи и возвратить мнѣ ихъ, какъ онѣ есть. Она сама предложила мнѣ свою помощь, и я прошу у нея извиненія за то, что злоупотреблялъ ея любезностью. Льщу себя надеждой, что вы ничего не можете сообщить мнѣ, кромѣ хорошаго, о моей кузинѣ и о вашемъ сынѣ.

На-дняхъ я позволилъ себѣ направить къ вамъ бѣдную деревенскую попадью, пришедшую отъ тетушкинаго священника, которую обокрали въ богадѣльнѣ, гдѣ она призрѣвается; но она не добилась доступа къ вамъ; я пожалѣлъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что ей довольно было бы самой маленькой помощи, и я думалъ, что моего имени будетъ достаточно, чтобы открыть ей ваши двери, если не вашъ кошелекъ.]

179.— Кузинѣ.

[П. И. только что сказалъ мнѣ, дорогой другъ, что вы проводите этотъ день въ деревнѣ. Жалѣю, что мнѣ не придется васъ поцѣловать въ день вашихъ именинъ, и прошу васъ принять мое поздравленіе письменно. Г-жа Шуазель пишетъ мнѣ, что Долгорукіе сегодня возвращаются въ городъ и не вернутся болѣе въ Люблино. Итакъ, вы можете поѣхать навѣстить больную, если хотите.

Моя бѣдная сегодня опять являлась къ вамъ и такъ же неудачно, какъ и въ первый разъ. Повидимому доступъ къ богатымъ окончательно воспрещенъ бѣднякамъ. Удивляйтесь послѣ этого кровавой республикѣ и смутамъ, волнующимъ весь міръ. —

Будьте здоровы, дорогой другъ.]

180.— Кузинѣ.

[Кажется сегодня, дорогая кузина, истекаетъ срокъ моего долга. Если я завтра не получу небольшой суммы, которая должна была пойти на уплату вамъ, благоволите пожалуйста дать мнѣ отсрочку на нѣсколько дней. Предполагая, что вы не можете ждать до конца мѣсяца, я принялъ необходимыя мѣры, чтобы быть въ состояніи уплатить свой долгъ на первыхъ дняхъ будущей недѣли, *во что бы то ни стало*.

Надѣюсь на вашу снисходительность и тысячу разъ прошу извиненія за то, что къ ней прибѣгаю.

Шлю вамъ сердечный поклонъ. П. Чаадаевъ.

Четвергъ.]

181.— Кузинѣ.

[Вотъ, дорогая кузина, тѣ 150 р., которые вы были такъ добры одолжить мнѣ на-дняхъ. Тысячу разъ извиняюсь за неаккуратность и прошу вѣрить, что я сдѣлалъ все, что во власти человѣка, чтобы вернуть ихъ вамъ въ срокъ. Благодарю васъ за оказанную мнѣ услугу и особенно за ту готовность, съ которой вы пошли на нее. Будьте увѣрены, что я всегда буду вспоминать объ этомъ съ безконечной благодарностью. Прикажите пожалуйста дать моему кучеру росписку въ полученіи денегъ.

Надѣюсь, что Иванъ находится на пути къ выздоровленію и что мнѣ скоро будетъ позволено его поцѣловать. Что же касается меня, то я боленъ, и это лишаетъ меня радости васъ видѣть.

Шлю вамъ сердечный поклонъ. П. Чаадаевъ.

Пятница 6 января.]

182.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Сожалѣю, дорогая кузина, что не въ силахъ сегодня воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ; жалѣю объ этомъ тѣмъ болѣе, что мнѣ очень хотѣлось бы немного поговорить съ вами до вашего отъѣзда. Такъ какъ кузина Лиза сюда не пріѣдетъ, я хотѣлъ васъ просить передать ей нѣсколько словъ отъ меня. Итакъ, прошу васъ доставить мнѣ удовольствіе повидать васъ на минуту завтра. Я не смѣю васъ просить заѣхать ко мнѣ; вы немного отвыкли отъ этого пути и могли бы заблудиться по дорогѣ; притомъ я совершенно не заслуживаю этой милости; но я надѣюсь, что вы окажете мнѣ другую, а именно дадите мнѣ возможность пріѣхать къ вамъ. Ваши симпатіи, какъ матери семейства, естественно при-

надлежать вашимъ дѣтямъ; но я и прошу лишь минутной бесѣды.

Н. Н. приходилъ ко мнѣ; безконечно вамъ благодаренъ за трудъ, который вы взяли на себя прислать его ко мнѣ, и за вниманіе, которое вы благоволили выказать мнѣ въ этомъ случаѣ.

Прекрасный молодой человѣкъ, съ которымъ вашъ сынъ меня на-дняхъ познакомилъ, былъ кажется у меня вчера вечеромъ и не назвалъ себя; если это такъ, благоволите спросить Дмитрія, гдѣ я могу его найти.

Я только что получилъ длинное письмо отъ Н. Бревернъ, помѣченное Вильдъ-Бадъ въ Тиролѣ, 14 іюня. Не могу передать вамъ его содержанія, такъ какъ еще не прочелъ его.]

183.— Кузинѣ.

[Мой кучеръ ходилъ вчера къ вамъ, дорогая кузина, чтобы узнать о васъ и попросить у васъ литургію Іоанна Златоуста на французскомъ языкѣ, которую проситъ у меня мой сосѣдъ Львовъ. Повидимому онъ не засталъ васъ или же забылъ о своемъ порученіи. Будьте любезны прислать мнѣ книгу и благоволите мнѣ сообщить что-нибудь о Дмитріи и о его супругѣ.

Я только что получилъ письмо отъ Нат. Бревернъ. Она пишетъ мнѣ, что чувствуетъ себя хорошо и что ходитъ на лекціи Фил. Шаля, съ которымъ она, повидимому, очень дружна,— и много другихъ вещей.

Я думаю, что книгу можно послать малой почтой.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.]

184.— Кн. Н. Д. Шаховской.

[Пришлите мнѣ пожалуйста, дорогая кузина, второй томъ мемуаровъ кн. Дашковой, который М. Н. Щерб. должна была передать вамъ. Я чувствую себя плохо и мнѣ нечего читать. Жду своего доктора сегодня утромъ. Посмотримъ, что онъ скажетъ.— Итакъ, будьте здоровы, весь вашъ.—

Вотъ письмо — *), можете держать его сколько вамъ угодно.]

185.— Кузинѣ.

[Басманная. 29 октября.

[Ваши приказанія исполнены, прекрасная кузина. Я написалъ Ж. (или Т.) Я сообщаю ему, что г-жа Муравьева очень рада будетъ видѣть у себя друга королевы французской и королевы de l'Abbaye au bois. Г-жа М. сама ему напишетъ, чтобы спросить его, увѣренъ ли онъ, что такая высокопоставленная дама захочетъ поселиться въ томъ маленькомъ и скудномъ помѣщеніи, которое она можетъ предложить ей. Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что онъ больше не показывается здѣсь. Жаль; мнѣ доставило бы истинное удовольствіе повернуться къ нему спиной. Представьте себѣ, дорогая кузина, что, поручая вамъ въ одномъ изъ своихъ писемъ засвидѣтельствовать мнѣ его почтеніе, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ставитъ меня въ хвостѣ цѣлаго ряда лицъ, которыхъ онъ знаетъ только со вчерашняго дня. Я отлично понимаю, что его шарлатанство не находитъ болѣе въ моей личности того интереса, который онъ нѣкогда находилъ въ ней, но все-таки слѣдовало бы соблюдать приличія. Передайте ему пожалуйста, что я не нуждаюсь ни въ его почтеніи, ни въ его памяти обо мнѣ. Признаюсь вамъ, что мнѣ пріятнѣе было бы, если бы мнѣ не приходилось писать этому жалкому человѣку; позвольте же мнѣ передъ вами поставить себѣ въ извѣстную заслугу этотъ актъ внутренней покорности.

Прилагаю письмо къ г-жѣ Сиркуръ, которое прошу васъ вложить въ ближайшее изъ вашихъ писемъ къ Ж. (или Т.) Съ нетерпѣніемъ жду, любезная кузина, когда вы здѣсь окончательно оснуетесь. Вашъ вѣрный и преданный Чаадаевъ.]

*) [Неразобранное слово.]

Приложеніе.

Записка графу Бенкендорфу.

[Его Величество удостоилъ бросить взглядъ на журналъ, котораго я былъ издателемъ. Онъ замѣтилъ нѣкоторыя мысли, которыя онъ счелъ предосудительными, и нашелъ все направленіе журнала таковымъ, что властямъ не слѣдовало бы терпѣть его изданія. Онъ повелѣлъ запретить его; на мою долю выпало самое большое несчастье, какое можетъ выпасть въ монархіи вѣрноподданному и доброму гражданину, а именно— быть опозореннымъ въ глазахъ своего государя. Вы позволили мнѣ, генералъ, обратиться къ вамъ съ апологіей моихъ мыслей; пользуюсь этой милостью съ глубокой покорностью рѣшенію, послѣдовавшему свыше, и съ упованіемъ на справедливость и мудрость моего державнаго судіи, надѣясь на то, что онъ снизойдетъ до ознакомленія съ моей защитой. Я полагаю, генералъ, что самое лучшее, что я могу сдѣлать для того, чтобы доказать, насколько мои дѣйствительные взгляды, рѣшаюсь это утверждать, отличны отъ того смысла, который императоръ придалъ словамъ, которыми я пользовался для выраженія ихъ, это представить вамъ въ цѣломъ мои взгляды по предмету, котораго я только коснулся въ моемъ журналѣ.

Было время, когда молодое поколѣніе, къ которому я принадлежу, мечтало о реформахъ въ странѣ, о системахъ управленія, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ въ странахъ Европы, о порядкѣ вещей, въ точности воспроизводящемъ порядокъ, установившійся въ этихъ странахъ; однимъ словомъ о конституціяхъ и всемъ, связанномъ съ ними. Младшій среди другихъ, я поддался этому теченію, держался тѣхъ же чувствъ, желалъ тѣхъ же преимуществъ для Россіи; я счастливъ, что только раздѣлялъ эти мысли, не пытаясь, какъ они, осуще-

ствить ихъ преступными путями, и не запятналъ себя, какъ они, ужаснымъ бунтомъ, наложившимъ неизгладимое пятно на національное достоинство. Я долженъ былъ начать съ этого признанія вамъ, генералъ, дабы заслужить ваше довѣріе; я не побоялся сказать вамъ, что́ я нѣкогда думалъ; послѣдующее изложеніе моихъ взглядовъ въ данную минуту покажетъ вамъ, что я могъ съ полнымъ спокойствіемъ принести мою исповѣдь.

Толчекъ, данный народному духу Петромъ Великимъ, и образъ дѣйствія всѣхъ послѣдующихъ государей ввели у насъ европейскую цивилизацію. Естественно, что всѣ мысли, бывшія въ обращеніи въ странахъ Европы, проникли къ намъ, и мы вообразили себѣ въ концѣ-концовъ, что политическія учрежденія этихъ странъ могутъ служить намъ образцами, какъ нѣкогда ихъ наука послужила нашему обученію; никто не подозрѣвалъ, что эти учрежденія, возникнувъ изъ совершенно чуждаго намъ общественнаго строя, не могутъ имѣть ничего общаго съ потребностями нашей страны, и разъ все наше образованіе было почерпнуто у европейскихъ писателей, а слѣдовательно и все, что мы въ ходѣ нашего изученія узнавали по вопросамъ законодательства и политики, проистекало изъ того же источника, мы естественно привыкли смотрѣть на наиболѣе совершенныя правительства Европы, какъ на содержащія правила и начала всякаго управленія вообще. Наши государи не только не противились этому направленію мыслей, но даже поощряли его. Правительство, такъ же какъ и народъ, не вѣдало, насколько наше историческое развитіе было отличнымъ отъ такового-же Европы и насколько слѣдовательно политическія теоріи, которыя у нихъ въ ходу, противоположны требованіямъ великой націи, создавшей себя самостоятельно, націи, которая не можетъ удовольствоваться ролью спутника въ системѣ соціальнаго міра, ибо это значило бы утратить всѣ начала силы и жизненности, которыя являются основой бытія народовъ. Смѣю увѣрить, генералъ, что въ настоящее время у насъ нѣтъ ни одного мыслящаго человѣка, который не былъ бы убѣжденъ, что эта роль менѣе всего подходитъ къ намъ. — Что до меня, то вотъ моя мысль въ цѣломъ. — Каково бы ни было дѣйствительное достоинство различныхъ законодательствъ Европы, разъ всѣ соціальныя формы являются тамъ необходимыми слѣдствіями изъ великаго множества предшествовавшихъ фактовъ, оставшихся намъ чуждыми,

они никоимъ образомъ не могутъ быть для насъ пригодными. Кромѣ того, мы въ нашей цивилизаціи значительно отстали отъ Европы, и въ нашихъ собственныхъ учрежденіяхъ есть еще безконечное число особенностей, явно не допускающихъ какое-либо подражаніе учрежденіямъ Европы, а посему намъ слѣдуетъ помышлять лишь о томъ, чтобы изъ нашего собственнаго запаса извлечь тѣ блага, которыми намъ въ будущемъ предстоитъ пользоваться. Прежде всего намъ слѣдуетъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобъ пріобрѣсти серьезное и основательное классическое образованіе; образованіе, позаимствованное не изъ внѣшнихъ сторонъ той цивилизаціи, которую мы находимъ въ настоящее время въ Европѣ, а скорѣе отъ той, которая ей предшествовала и которая произвела все, что есть истинно хорошаго въ теперешней цивилизаціи. Вотъ чего бы я желалъ на первомъ мѣстѣ для моей страны. Затѣмъ я желалъ бы освобожденія нашихъ крѣпостныхъ, потому что думаю, что это есть необходимое условіе всякаго дальнѣйшаго прогресса у насъ, и въ особенности прогресса моральнаго. Я думаю, что всѣ измѣненія, которыя правительство предположило бы внести въ наши законы, не принесли бы никакого плода, пока мы будемъ пребывать подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставляетъ въ нашихъ умахъ зрѣлище рабства, окружающаго насъ съ нашего дѣтства, и что только его постепенная отмѣна можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться остальными реформами, которыя наши государи, въ своей мудрости, сочтутъ умѣстными ввести современемъ. Я думаю, что исполненіе законовъ, какова бы ни была мудрость сихъ послѣднихъ, никогда не приведетъ къ осуществленію намѣреній законодателя, разъ оно будетъ поручено людямъ, которые впитываютъ съ молокомъ своихъ кормилицъ всяческую неправду, и до тѣхъ поръ, пока наша администрація будетъ пополняться лицами, съ колыбели освоившимися со всѣми родами несправедливости. Наконецъ, я желалъ бы для моей страны, чтобы въ ней проснулось религіозное чувство, чтобы религія вышла изъ того состоянія летаргіи, въ которое она погружена въ настоящее время. Я думаю, что то просвѣщеніе, которому мы завидуемъ у другихъ народовъ, является ничѣмъ инымъ, какъ плодомъ вліянія, которое имѣли тамъ религіозныя идеи; что это онѣ придали мысли ту энергію и ту плодотворность, которыя подняли ее на ту высоту, которой она достигла, и что даже и въ настоящее

время онѣ то и высвободятъ Европу изъ той пагубной бури, которая колеблетъ ее. Я не могу представить себѣ другой цивилизаціи, какъ цивилизація христіанская: это, кажется мнѣ, можно было бы усмотрѣть изъ той статьи, которая навлекла на меня, къ несчастью моему, монаршее неодобреніе. И я съ несказанной печалью вижу, что религія у насъ лишена всякой дѣйственности. Я возношу, въ тайнѣ сердца моего, пламенныя мольбы о томъ, чтобы она ожила въ нашей средѣ. И если бы я думалъ, что голосъ безвѣстнаго подданнаго имѣетъ право подняться къ подножію трона и что я, осужденный на молчаніе въ сей именно часъ священной властью, могу, не проявляя чрезмѣрной дерзости, вознести къ нему эти мольбы мои, — я умолялъ бы нашего августѣйшаго государя со всѣмъ рвеніемъ глубокаго убѣжденія: приклонить взоры свои на печальное состояніе религіи въ нашей странѣ и попытаться пламенемъ, горящемъ въ его сердцѣ, возжечь огонь, угасшій въ сердцахъ его подданныхъ.

Посудите теперь сами, генералъ, возможно ли, чтобы, говоря о цивилизаціи и разумѣ, я подразумѣвалъ свободу и конституцію? Возможно ли, чтобы я, твердо убѣжденный въ томъ, что мы можемъ восполнить наши недостатки лишь при спокойномъ сосредоточеніи нашихъ мыслей на глубоко обдуманномъ умственномъ трудѣ, и увѣренный въ томъ, что лишь подъ сѣнью попечительной о насъ власти, способной оградить насъ отъ волненій, столь жестоко потрясающихъ въ наши дни Европу, мы можемъ разсчитывать нагнать время, потерянное для нашихъ моральныхъ успѣховъ, чтобы я возымѣлъ намѣреніе скрыть подъ покровомъ спокойной философской мысли буйную мысль демагоговъ? Мой журналъ предполагалъ быть чисто литературнымъ произведеніемъ. Я пользовался языкомъ, обычнымъ при такомъ содержаніи. Для писателя, который впервые выступаетъ на литературномъ поприщѣ, первая забота естественно должна быть о томъ, чтобъ его прочли; а кто бы сталъ читать меня, генералъ, если бы я заговорилъ на языкѣ, смыслъ котораго былъ бы лишь мнѣ одному понятенъ? Если ужъ сознаться въ тщеславномъ намѣреніи такъ или иначе подѣйствовать на умы моихъ соотечественниковъ, то скажу, что я желалъ привить имъ вкусъ къ философской литературѣ и подвинуть ихъ такимъ образомъ на изученіе основъ, пройденныхъ уже остальными народами Европы, и къ которымъ мы еще не

приступали. Не съ Европой политической, а съ Европой мыслящей хотѣлъ я поставить насъ въ болѣе тѣсную связь; и это опять таки, полагаю я, можно было усмотрѣть изъ перваго выпуска моего журнала. Если бы мнѣ было дозволено продолжать, я постарался бы разъяснить моимъ читателямъ, что для насъ не можетъ быть другой политики, кромѣ науки; что безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ знаній самыя мудрыя и самыя благожелательныя мѣры правительства окажутся непримѣнимыми, и наилучшія намѣренія государя будутъ парализованы, какъ только приступятъ къ ихъ выполненію. Я постарался бы затѣмъ уяснить имъ, что для насъ важнѣе всего отдать себѣ хорошенько отчетъ въ нашемъ общественномъ положеніи, дабы уразумѣть, какое положеніе мы занимаемъ по отношенію къ Европѣ, ибо только такимъ путемъ мы можемъ узнать, что намъ подобаетъ заимствовать у Европы и что должно намъ остаться чуждымъ. Вотъ, генералъ, какое направленіе предполагалось придать моему журналу. Къ несчастью императоръ не призналъ полной чистоты моихъ намѣреній, и я бы молча снесъ наложенное на меня наказаніе, если бы вы не предложили мнѣ сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Разъ мнѣ это дозволено, я считаю долгомъ высказать все, внушаемое мнѣ скорбнымъ сознаніемъ, что Его Величество считаетъ мой умъ дурно направленнымъ.

Итакъ, во времена, когда склонность къ безпорядку столь плачевнымъ образомъ проявляетъ свои печальныя послѣдствія у народовъ, обогнавшихъ насъ, но обязанныхъ своимъ прогрессомъ исключительно тѣмъ эпохамъ, когда разумъ зрѣлъ въ мирѣ и безопасности, какъ могъ бы у насъ человѣкъ, любящій свою страну, ревнующій о ея благосостояніи, не пожелать, чтобы порядокъ и спокойствіе сохранились въ ней? Какъ могъ бы онъ въ настоящее время, если только онъ хоть сколько нибудь основательно изучилъ исторію своего народа и обдумалъ разницу положеній, занимаемыхъ націями въ общемъ распорядкѣ, не усмотрѣть, что общественныя потребности у насъ не совпадаютъ съ таковыми же въ другихъ мѣстахъ? Затѣмъ, въ наши дни было бы страннымъ ослѣпленіемъ не признавать, что нѣтъ страны, гдѣ бы государи столько сдѣлали для успѣха просвѣщенія и для блага народовъ, какъ въ Россіи; и что всей нашей цивилизаціей, всѣмъ, что мы есть, мы обязаны нашимъ монархамъ; что вездѣ правительства слѣдовали импульсу, ко-

торый имъ давали народы, и понынѣ слѣдуютъ оному, между тѣмъ какъ у насъ правительство всегда шло впереди націи, и всякое движеніе впередъ было его дѣломъ. Поэтому въ сердцѣ каждаго русскаго прежде всего должно жить чувство довѣрія и благодарности къ своимъ государямъ; и это-то сознаніе благодѣяній, ими оказанныхъ намъ, и должно руководить нами въ нашей общественной жизни. Видя, какъ они выполнили свое высокое призваніе, мы должны положиться на нихъ по отношенію къ будущему нашей страны и, въ ожиданіи, молча работать надъ собою; но въ особенности мы должны приложить наши старанія къ тому, чтобы создать себѣ общественную нравственность, которой у насъ еще не имѣется. Если намъ удастся утвердить ее на религіозномъ базисѣ, какъ это первоначально было сдѣлано во всѣхъ странахъ христіанскаго міра, и перестроить всю нашу цивилизацію на этихъ новыхъ основахъ, мы въ такомъ случаѣ окажемся на истинныхъ путяхъ, по коимъ человѣчество шествуетъ къ выполненію своихъ судебъ. Ясно, что все это должно произойти исключительно въ интеллектуальной сферѣ и что политика тутъ не причемъ. И какое намъ дѣло до того, что происходитъ въ настоящее время на поверхности европейскаго общества? Что у насъ можетъ быть общаго съ этой новой Европой, столь жестоко терзаемой потугами нѣкоего рожденія, въ смыслѣ котораго она сама не можетъ отдать себѣ отчета? Мы должны, какъ я уже говорилъ, искать уроковъ себѣ въ старой Европѣ, гдѣ совершены были столь великія дѣла, въ коихъ мы не принимали участія, гдѣ возникло столько великихъ мыслей, не дошедшихъ до насъ. Журнальная статья, въ которой я старался охарактеризовать философское направленіе вѣка, должна была служить лишь предисловіемъ къ развитію вышеизложенныхъ мыслей. Императоръ, озабоченный болѣе высокими предметами, могъ, конечно, обратить на эту статью лишь бѣглое вниманіе, и покорный и разумный подданный сумѣетъ по достоинству оцѣнить ту удаленность и высоту, на какую поставленъ монархъ для блага народовъ, и добросовѣстно подчиниться этому обстоятельству. Но смѣю думать, генералъ, что если бы Его Величество соблаговолилъ отдать больше времени на ея прочтеніе, Онъ не нашелъ бы въ ней ничего, что могло бы оправдать то строгое сужденіе, которое Онъ произнесъ о ней, и увидалъ бы въ ней лишь необходимыя разсужденія, которыя должны были приготовить чита-

теля къ дальнѣйшимъ болѣе обстоятельнымъ соображеніямъ. Излагая исторію философскаго разума за послѣднее время, я пытался показать, что умъ человѣка, отклоненный отъ своихъ законныхъ путей нелѣпой и безбожной философіей восемнадцатаго вѣка, вернулся наконецъ къ болѣе мудрой мысли; что въ настоящее время религія вступила вновь въ свои права въ области философіи и что наука стала столь же трезвой и умѣренной, сколь нѣкогда она была смѣлой и страстной. Признаюсь, я не могъ себѣ представить, чтобы эти мысли, равно какъ и тѣ, которыя я еще носилъ въ головѣ, имѣя въ виду высказать ихъ въ дальнѣйшемъ, могли не понравиться власти; я полагалъ, напротивъ, что онѣ во всемъ сходятся съ мыслью самого правительства, и что онѣ могутъ лишь способствовать тому благодѣтельному воздѣйствію, которое оно само хотѣло оказать на умы. Долженъ признать даже, что я думалъ, что ихъ распространеніе не останется безъ плода, въ особенности для той части нашей читающей публики, которая все еще идетъ на поводу у прошлаго вѣка. Я не могъ также представить себѣ, чтобы въ моихъ взглядахъ можно было усмотрѣть связь съ современными политическими теченіями. Я не ставилъ своей задачей обсужденіе политическихъ вопросовъ, и потому мнѣ не зачѣмъ было говорить о послѣднихъ событіяхъ въ Европѣ; въ противномъ случаѣ мнѣ было бы легко доказать, что народы потому именно и влекутся далѣе въ томъ дурномъ направленіи, которое было имъ предуказано прошлымъ вѣкомъ, что они не сознаютъ еще этого возвращенія науки къ понятіямъ болѣе правильнымъ, и что эти понятія еще не спустились съ высотъ отвлеченнаго мышленія въ низы, гдѣ живутъ массы. Я уже имѣлъ случай охарактеризовать революціонное начало, какъ начало разрушенія и крови, и высказать мимоходомъ мои политическіе взгляды, когда отмѣтилъ грубый способъ пониманія французской революціей словъ— свобода, разумъ и человѣчество. Этого, казалось, было достаточно, чтобъ оградить меня отъ нареканій, которымъ я подвергаюсь. Но какъ бы то ни было, теперь, когда я изложилъ вамъ, генералъ, всѣ мои взгляды, — и думаю, я сдѣлалъ это съ полнѣйшей искренностью, добросовѣстностью и чистосердечіемъ, — могу ли я разсчитывать, что не буду больше числиться въ разрядѣ людей легкомысленныхъ и склонныхъ къ смутамъ, которые полагаютъ, что для народовъ нѣтъ другого способа

движенія впередъ, кромѣ насильственныхъ переворотовъ, и не умѣютъ отдѣлять судебъ народа новаго и призваннаго къ необозримому будущему отъ судьбы старыхъ обществъ, лишь съ трудомъ дотягивающихъ послѣдніе дни своего многолѣтняго поприща? Могу ли я надѣяться, что строгое рѣшеніе, которымъ я заклеймленъ, какъ писатель, образъ рѣчи котораго не можетъ быть терпимъ, будетъ когда-нибудь отмѣнено, и мнѣ дозволено будетъ продолжать тотъ скромный путь, гдѣ я далекъ былъ отъ мысли идти въ разрѣзъ со взглядами правительства, а думалъ, напротивъ, послужить ему въ мѣру моихъ слабыхъ способностей? Я не смѣю сомнѣваться въ справедливости моего государя; я не могу повѣрить, что, если онъ нашелъ въ способѣ выраженія моихъ мнѣній что либо неприличное, заслуживающее наказанія, онъ и нынѣ можетъ оставить тяготѣть на мнѣ всю удручающую тяжесть своего неблаговоленія. Я думаю, напротивъ, что обнаружилъ бы неспособность оцѣнить по достоинству великодушіе Его Величества и благожелательное покровительство, которое онъ оказываетъ литературѣ, если бы и нынѣ отказывалъ себѣ въ надеждѣ на то, что мнѣ будетъ дано позволеніе вновь взяться за перо. — А васъ, генералъ, прошу принять увѣреніе въ глубокой и искренней моей признательности за то, что вы благоволили съ такой отмѣнной добротою протянуть мнѣ руку.

Французскій и англійскій тексты въ Примѣчаніяхъ.

5. — (*Стр.* 347).

М. И. Муравьевъ-Апостолъ — М. Я. Чаадаеву.

[Ст.-Петербургъ, 7 Іюля 1823.

Третьяго дня въ 9 часовъ вечера вашъ братъ отбылъ въ Англію. Намъ пришлось пробыть цѣлыхъ три дня въ Кронштадтѣ, такъ какъ все время дулъ противный вѣтеръ. Его корабль — превосходный парусникъ, онъ сдѣлалъ переходъ изъ Лондона въ Кронштадтъ въ 9 дней. Вещь неслыханная! — Онъ вручилъ мнѣ письмо къ вамъ, которое при семъ прилагаю. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы пріѣхали въ Москву этой зимою, ибо самъ имѣю намѣреніе быть тамъ. Сергѣй въ Бобруйскѣ съ дивизіей, которая тамъ въ сборѣ. Онъ несомнѣнно поручилъ бы мнѣ передать вамъ весьма многое, если бы могъ предположить, что я буду писать вамъ,—дружба, которую онъ питаетъ къ вамъ, служитъ порукою тому, чтò я говорю вамъ. Сердечно жму вашу руку.

М. Муравьевъ-Апостолъ.

P. S. Чтобы избѣжать почтовыхъ расходовъ, которые весьма значительны за-границей, вашъ братъ поручилъ мнѣ просить васъ адресовать ваши письма нижеслѣдующимъ образомъ:

A Messieurs Messieurs Baring freres a Londres. Pour remettre á Mr. de Tchadaew.

Кланяюсь вамъ.

Зиму онъ разсчитываетъ провести въ Парижѣ: впрочемъ онъ самъ вамъ о томъ напишетъ.]

35. — (*Стр.* 366).

Чарльзъ Кукъ — Томасу Марріоту.

[Флоренція, Янв. 31. 1825. Милостивый Государь. Позвольте мнѣ рекомендовать вашему знакомству и дружескому вниманію, на время пребыванія его въ Лондонѣ, г-на П. Чаадаева, который намѣренъ посѣтить Англію съ цѣлью изучить причины нашего моральнаго благополучія и возможность примѣнить оныя къ его родинѣ, Россіи. Чарльзъ Кукъ.]

38. — (*Стр.* 372).

Е. Д. Панова — Чаадаеву.

[Уже давно, милостивый государь, я хотѣла написать вамъ; боязнь быть навязчивой, мысль, что вы уже не проявляете болѣе никакого интереса къ тому, что касается меня, удерживала меня, но наконецъ я рѣшилась послать вамъ еще это письмо; оно вѣроятно будетъ послѣднимъ, которое вы получите отъ меня.

Я вижу къ несчастью, что потеряла то благорасположеніе, которое вы мнѣ оказывали нѣкогда; я знаю: — вы думаете, что въ томъ желаніи поучаться въ дѣлѣ религіи, которое я выказывала, была фальшь: эта мысль для меня невыносима; безъ сомнѣнія — у меня много недостатковъ, но никогда, увѣряю васъ, притворство ни на мигъ не находило мѣста въ моемъ сердцѣ; я видѣла, какъ всецѣло вы поглощены религіозными идеями, и мое восхищеніе, мое глубокое уваженіе къ вашему характеру внушили мнѣ потребность заняться тѣми же мыслями, какъ и вы; я со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ энтузіазмомъ, свойственнымъ моему характеру, отдалась этимъ столь новымъ для меня чувствамъ. Слыша ваши рѣчи, я вѣровала; мнѣ казалось въ эти минуты, что убѣжденіе мое было совершеннымъ и полнымъ, но затѣмъ, когда я оставалась одна, я вновь начинала сомнѣваться, совѣсть укоряла меня въ склонности къ католичеству, я говорила себѣ, что у меня нѣтъ личнаго убѣжденія, и что я только повторяю себѣ, что вы не можете заблуждаться; дѣйствительно, это производило наибольшее впечатлѣніе на мою вѣру, и мотивъ этотъ былъ чисто

человѣческимъ. Повѣрьте, милостивый государь, моимъ увѣреніямъ, что всѣ эти столь различныя волненія, которыя я не въ силахъ была умѣрить, *значительно* повліяли на мое здоровье; я была въ постоянномъ волненіи и всегда недовольна собою, я должна была казаться вамъ весьма часто сумасбродной и экзальтированной... вашему характеру свойственна большая строгость... я замѣчала за послѣднее время, что вы стали удаляться отъ нашего общества, но я не угадывала причины этого. *Слова, сказанныя вами моему мужу*, просвѣтили меня на этотъ счетъ. Не стану говорить вамъ, какъ я страдала, думая о томъ мнѣніи, которое вы могли составить обо мнѣ; это было жестокимъ, но справедливымъ наказаніемъ за то презрѣніе, которое я всегда питала къ мнѣнію свѣта... Но пора кончить это письмо; я желала бы, чтобъ оно достигло своей цѣли, а именно убѣдило бы васъ, что я ни въ чемъ не притворялась, что я не думала разыгрывать роли, чтобы заслужить вашу дружбу, что если я потеряла ваше уваженіе, то ничто на свѣтѣ не можетъ вознаградить меня за эту потерю, даже сознаніе, что я ничего не сдѣлала, что могло бы навлечь на меня это несчастье. Прощайте, милостивый государь, если вы мнѣ напишете нѣсколько словъ въ отвѣтъ, я буду очень счастлива, но рѣшительно не смѣю ласкать себя этой надеждой.

Е. Панова.]

44. — (*Стр.* 382.)

Шеллингъ — Чаадаеву.

[Милостивый Государь.

Въ то самое время, когда мы оканчиваемъ уже давно начатую нами въ тиши работу, результатомъ которой является новый интеллектуальный міръ, до сихъ поръ недоступный философіи, намъ отрадно узнать, что другія лица находятся на одномъ пути съ нами, что они слышатъ насъ, что они понимаютъ насъ заранѣе, и что не скудный и жалкій духъ индивида, а общій духъ времени вдохновилъ насъ и пожелалъ выявиться въ насъ и черезъ насъ.

Я только что усмотрѣлъ изъ письма моего друга, господина Тургенева, дружбу котораго я причисляю къ величайшимъ изъ

тѣхъ преимуществъ, которыми я обязанъ моимъ усиліямъ, что вы, милостивый государь, желали бы отъ меня нѣмецкаго письма. Но такъ какъ я уже выразилъ выше мою радость по поводу вашей солидарности со мною, то, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о моей теперешней точкѣ зрѣнія, я замѣчу только, что я собственно не покинулъ прежняго пути, но только продолжилъ его, равнымъ образомъ не отказался и отъ прежнихъ средствъ, но лишь пытался примѣнить ихъ въ болѣе высокой мѣрѣ, вообще говоря, не отбросилъ пріобрѣтеннаго прежде, но стремился повысить и превзойти его.

Философія откровенія, о которой писалъ вамъ нашъ почтеннѣйшій другъ, не есть наименованіе всей моей философіи, но лишь послѣдняя часть ея.

Сама система отличается отъ всѣхъ предыдущихъ только тѣмъ, что содержитъ философію, которая дѣйствительно можетъ проникнуть въ эту область, не насилуя философіи и христіанства.

Вотъ какимъ дѣломъ будетъ этотъ трудъ.

Я держался такимъ образомъ возможно ближе къ прежнему пути и изыскивалъ простѣйшія средства; и, стремясь преодолѣть господствовавшій до сихъ поръ раціонализмъ (не богословія, а самой философіи), въ той же мѣрѣ остерегался съ другой стороны впасть въ сантиментальность, мечтательность или родъ мистики, отвергаемый разумомъ.

Кромѣ того я остерегался оглашать результаты или положенія, которые какъ бы непосредственно хватаютъ за сердце человѣка и поэтому скоро и легко привлекаютъ его вниманіе и участіе; я отвергалъ матеріальное воздѣйствіе, пока не достигъ увѣренности въ совершенномъ формальномъ обоснованіи, ибо я забочусь не о субъективномъ, индивидуальномъ и мгновенномъ, но о всеобщемъ и пребывающемъ убѣжденіи, о прибыткѣ *навѣкъ*, который измѣнившееся всеобщее настроеніе не исторгнетъ у міра съ той же легкостью, съ какой теперешнее настроеніе дѣлаетъ его желательнымъ міру.

Будьте здоровы, милостивый государь, не оставляйте меня и впредь вашимъ участіемъ, какъ и я прошу васъ вѣрить въ неизмѣнность моего расположенія къ вамъ.

Шеллингъ.]

Мюнхенъ 21 Сент. 1833.

57. — (*Стр.* 391).

Бар. д'Экштейнъ — Чаадаеву.

[Милостивый Государь, прошло уже много мѣсяцевъ, какъ я получилъ письмо, которымъ вы благоволили почтить меня; уже много мѣсяцевъ также, какъ я собираюсь отвѣчать вамъ, но вы не сообщили мнѣ вашего адреса; господинъ Тургеневъ, который могъ бы мнѣ дать его, былъ въ отъѣздѣ; теперь, когда онъ вернулся, я пользуюсь случаемъ, чтобы выразить вамъ всю мою признательность и мое живое сочувствіе вашимъ взглядамъ и доктринамъ. Востокъ — новый міръ; онъ будетъ отнынѣ для старой революціонной Европы тѣмъ, чѣмъ Америка была для старой протестантизированной Европы; онъ обновитъ въ ней источники творчества, онъ направитъ ея моральную дѣятельность, равно какъ и ея дѣятельность матеріальную, онъ помѣшаетъ ей вращаться исключительно вокругъ самой себя съ тѣмъ, чтобъ пожирать себя. Мы не будемъ подражать тому, что не заслуживаетъ подражанія, но мы не будемъ также и полагать, что достигли геркулесовыхъ столповъ, какъ это воображали въ прошломъ вѣкѣ. Таковы нѣкоторые изъ взглядовъ, которые я стараюсь выставить въ періодическомъ трудѣ, который я здѣсь выпускаю въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Французское и иностранное обозрѣніе.* Правда, промышленность насъ захватываетъ и властвуетъ надъ нами, но я не вижу въ этомъ зла; лучше ужъ промышленность, чѣмъ лѣность. Невозможно, чтобы человѣческая дѣятельность развивалась исключительно на какой-нибудь одной точкѣ; рано или поздно она пробьется и въ остальныхъ дисциплинахъ; въ этомъ направленіи я и стараюсь бороться, не позоря однако при этомъ моего вѣка. Всегда слѣдуетъ принимать то, что существуетъ, съ тѣмъ однако, чтобы видоизмѣнять его и извлекать изъ него возможно большую пользу.

Благоволите принять, милостивый государь, выраженіе всей моей признательности, равно какъ высокаго и совершеннаго почитанія, съ которымъ имѣю честь быть

баронъ д'Экштейнъ.

Парижъ, улица Мондоре, 5,
12 октября.]

85. — (*Стр.* 402).

Ю. Ѳ. Самаринъ — Чаадаеву.

[Мнѣ невозможно было, дорогой г. Чаадаевъ, несмотря на все мое желаніе, зайти еще разъ проститься съ вами въ день моего отъѣзда. Я оставилъ васъ страдающимъ и озабоченнымъ, и хотя далеко не раздѣляю вашихъ опасеній, я вынесъ весьма тягостное впечатлѣніе. Для того, чтобы разрушить его, я и умоляю васъ написать мнѣ нѣсколько строкъ. Я знаю, что подобнаго рода вопросы, обращенные къ больному, не всегда умѣстны; поэтому я позволилъ себѣ дѣйствовать такимъ образомъ лишь въ силу того качества добраго малаго, которое вы признали за мною, и искреннѣйшей моей дружбы къ вамъ, въ которой вы не можете сомнѣваться. Слова, сказанныя мнѣ вами при нашемъ послѣднемъ свиданьи о томъ мнѣніи, которое вы имѣете обо мнѣ, доставили мнѣ величайшую радость. Я всегда и превыше всего домогался такихъ словъ и мнѣ весьма рѣдко доводилось ихъ выслушивать. Ручаюсь вамъ, что не забуду ихъ. Итакъ, если моя просьба пришлась некстати, считайте, словно ея не было; душевно желаю, чтобы случилось обратное и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять выраженіе искреннѣйшаго уваженія и привязанности.

преданнаго вамъ

Ю. Самарина.

5 Декабря 1846.

Рига.]

90—103. — (*Стр.* 406).

Записка неизвѣстной руки.

[Со вчерашняго вечера моей женѣ лучше, и она благодаритъ васъ, дорогая кузина, за ваше участіе. Что касается Чаадаева, то его болѣзнь приводитъ меня въ отчаяніе за него и досадна мнѣ лично. Рѣшительно не забавно ѣздить за семь верстъ, чтобы выслушивать глупости, съ которыми онъ изволитъ обращаться въ своемъ обычномъ ворчливомъ тонѣ, или слушать разсказъ о воображаемой болѣзни.]

159. — (*Стр.* 427).

Примѣчаніе Гагарина.

[Эта записка не лишена значительности. Совокупность идей Чаадаева склоняла его къ недопущенію для Россіи католическаго прошлаго. Когда я былъ послѣдній разъ въ Москвѣ, я завелъ съ нимъ рѣчь о бракѣ княжны Анны, дочери Ярослава Великаго, съ французскимъ королемъ Генрихомъ I-мъ, причемъ недопустимо предположеніе о перемѣнѣ религіи или смѣшанномъ бракѣ; отсюда проистекаетъ необходимость признать, что въ ту эпоху Россія и Франція принадлежали къ одной и той же церкви. Чаадаевъ не сразу сдался; но черезъ день или два написалъ мнѣ настоящее письмо.]

160—184. — (*Стр.* 428).

Записка кн. Е. Д. Щербатовой.

[Княгиня вѣроятно не пріѣдетъ, такъ какъ она уѣзжаетъ въ Симоновку. Я все же заѣду къ ней вскорости. Прилагаю миленькую записочку въ обычномъ стилѣ г. Чаадаева, ставящую меня въ большое затрудненіе. Если я дамъ ему эти деньги, а избѣжать этого я не вижу никакой возможности, то я буквально останусь безъ гроша на нѣкоторое время. — Доходы запоздали въ виду дорогъ и я послала, сколько могла, въ Италію. Я ждала подобнаго посланія и этой просьбы въ виду приближенія праздниковъ. Вѣдь надо же платить по [неразобранное слово] сапожниковъ, портныхъ, и т. д., и т. д. —]

Приложеніе. — (*Стр.* 431).

Примѣчаніе Гагарина къ «Запискѣ графу Бенкендорфу».

[Иванъ Кирѣевскій основалъ журналъ подъ наименованіемъ *Европеецъ*. Послѣдній былъ запрещенъ послѣ второго номера. Петръ Чаадаевъ былъ очень друженъ съ Иваномъ Кирѣевскимъ, хотя и не раздѣлялъ всѣхъ его мыслей; онъ составилъ записку,

которую Кирѣевскій долженъ былъ подать графу Бенкендорфу. Мы не знаемъ, была ли эта записка когда-либо вручена этому послѣднему, но она содержитъ на нашъ взглядъ разсужденія, достаточно замѣчательныя для того, чтобъ быть обнародованной. Мы напомнимъ только читателю, что Чаадаевъ, отдавая свое перо къ услугамъ одного изъ друзей своихъ и говоря не отъ своего имени, не можетъ считаться отвѣтственнымъ за всѣ высказанныя здѣсь мысли. Слѣдуетъ признать однако, что онъ старается въ этой запискѣ излагать мысли Кирѣевскаго съ той стороны, которая ихъ особенно сближаетъ съ его собственными. — И. Г.]

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ № 123.

Любезному указанію Н. П. Чулкова мы обязаны нижеслѣдующимъ разъясненіемъ. Въ письмѣ Чаадаева къ Н. П. (можетъ быть, Натальѣ Петровнѣ Кирѣевской, женѣ И. В. Кирѣевскаго?) рѣчь идетъ о маскарадѣ, устроенномъ графинею Закревской въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ Москвѣ 9 февраля 1849 г.; подъ «прекраснымъ описаніемъ праздника» Ч. разумѣетъ, безъ сомнѣнія, анонимную статью, подъ заглавіемъ: Англія и Россія. Праздникъ 9-го Февраля въ Москвѣ, появившуюся въ «Москвитянинѣ», во второй февральской книгѣ за 1849 г. (ценз. разрѣш. — отъ 14 февр.), отд. V, стр. 95—111. — Итакъ, письмо № 123 должно быть датировано не 1850 г., а 1849-мъ (см. примѣчаніе въ т. I, стр. 418), а подъ литерами А. С. надо подразумѣвать, очевидно, А. С. Хомякова.

Для того, чтобы уяснить смыслъ Чаадаевскаго письма, приводимъ выдержки изъ статьи, напечатанной въ «Москвитянинѣ». Она начинается такъ.

«Время зимнихъ удовольствій столицы, довольно скудныхъ въ этомъ году, подъ конецъ оживилось и всѣ они какъ будто сосредоточились въ одномъ великолѣпномъ, чудномъ праздникѣ, которому Московское общество было изумленнымъ свидѣтелемъ, въ ночь съ 9 на 10 Февраля, въ домѣ у Его Сіятельства Графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Праздникъ, и своею прекрасною мыслію, и художественнымъ характеромъ, и совершенною удачею исполненія, привелъ всѣхъ его видѣвшихъ въ единодушный восторгъ. По единогласному приговору, Москва въ своихъ общественныхъ увеселеніяхъ не запомнитъ подобнаго зрѣлища. Лѣтописи Московской пріятно сохранить память объ этой свѣтлой минутѣ, тѣмъ болѣе, что она вся проникнута была живою мыслію».

Далѣе говорится, что мысль праздника принадлежала его устроительницѣ — хозяйкѣ дома, т. е. А. Ѳ. Закревской, «московской посадницѣ» въ письмѣ Чаадаева.

«Въ наше время, въ образованной Европѣ, есть два великія государства, которыя могутъ понимать другъ друга въ своей непоколебимой и самостоятельной народности. Они оба остаются вѣрны мудрымъ началамъ своего политическаго устройства, оба вѣрятъ въ успѣхъ человѣческаго образованія и никакъ не думаютъ, чтобы можно было его достигнуть путемъ насилія, безначалія и крови. Оба, въ большинствѣ массы народа, уважаютъ свою исторію, свои отечественныя преданія, свою вѣру, законы, нравы и обычаи. Оба равно огромны, и какъ будто раздѣлили между собою планету на сушѣ и на водахъ: одно царица твердой земли, другое царица моря. Эти государства Россія и Англія.

«Прекрасно было въ праздникѣ осуществить эту мысль, представить ее въ живыхъ образахъ, въ характерныхъ лицахъ, въ безконечномъ разнообразіи самыхъ живописныхъ и богатѣйшихъ нарядовъ. Для того чтобы изобразить Англію, выбранъ былъ дворъ Елисаветы, какъ представилъ его Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ Кенильвортскомъ зáмкѣ. Россія же была олицетворена во всемъ величіи и красотѣ своихъ древне-Русскихъ и теперешнихъ народныхъ одеждъ, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ по мѣстностямъ, областямъ и племенамъ. Русское шествіе представляло намеки на исторію и географію Россіи, на движеніе столицъ, на постепенное возникновеніе и присоединеніе княжествъ, городовъ, царствъ, на все многовѣковое возрастаніе исполинскаго народа и Государства».

Далѣе слѣдуетъ, въ такомъ же тонѣ, подробное описаніе двухъ маскарадныхъ процессій: англійской — Елисавета и ея дворъ, и русской — рынды, витязь, гридни, бояре, боярыни, костромичъ въ глазетовомъ кафтанѣ, архангелогородецъ въ зипунѣ, и т. д. Статья кончается опять славословіемъ, съ намекомъ на европейскія революціи 1848 года:

«Счастливы мы, что можемъ во дни, назначенные для отдыха отъ труда и важныхъ занятій жизни, предаваться такому веселью, которое питаетъ умъ, поражаетъ воображеніе, согрѣваетъ сердце, движетъ торговлю и промышленность, сближаетъ общество во взаимномъ удовольствіи, отъ котораго люди должны бы жить дружелюбнѣе. Такіе праздники стали невозможны у

многихъ иныхъ народовъ, по свидѣтельству самихъ иностранцевъ, которые видѣли Московскій. Сердце обливается кровью за нихъ, когда вспомнишь о прошломъ годѣ и взглянешь на тучи горизонта въ будущемъ. Счастливы мы, что можемъ безопасно и бодро идти впередъ и не бояться потрясеній, лишь бы оставались вѣрнымъ тѣмъ основнымъ началамъ, которыя намъ даны Богомъ и въ насъ воспитаны нашею исторіей», и т. д.

Къ № 126.

По выходѣ въ свѣтъ I тома настоящаго изданія г. А. Ѳ. Онѣгинъ изъ Парижа любезно сообщилъ намъ текстъ подлиннаго письма Ч. къ Жуковскому; этотъ текстъ и печатается здѣсь. Все письмо писано Ч-мъ собственноручно. Оригиналъ находится въ коллекціи г. Онѣгина.

Басманная, 27 мая.

Многіе, можетъ быть, подобно мнѣ, не благодарили еще васъ, любезнѣйшій Василій Андрѣевичь, за доставленіе послѣднихъ трудовъ вашихъ, но немногіе, думаю, имѣютъ на то такое оправданіе какое я имѣю. Вы вѣроятно помните, что оставили меня, тому кажется десять лѣтъ назадъ, въ домѣ, который тогда уже разрушался отъ ветхости, и по словамъ вашимъ, держался не столбами, а однимъ только духомъ. Съ тѣхъ поръ продолжаетъ онъ спокойно разрушаться и стращать меня и моихъ посѣтителей своимъ косымъ видомъ. Вотъ одно изъ тѣхъ смѣшныхъ страданій глупой моей жизни, а ихъ много, которыя по неволѣ отвлекаютъ меня иногда отъ исполненія пріятнѣйшихъ обязанностей; но все таки винюсь предъ вами, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ выслушали меня о другомъ дѣлѣ, которое пусть служитъ и выраженіемъ моей запоздалой благодарности.

На дняхъ показывалъ мнѣ Булгаковъ письмецо ваше о нашихъ продѣлкахъ съ Фанни Елслеръ. Знаете ли какое впечатлѣніе произвели на меня эти немногія строки? Онѣ грустно напомнили мнѣ о моихъ утратахъ; онѣ напомнили мнѣ, что уже никого нѣтъ болѣе средь насъ, который бы могъ хоть посмѣяться надъ нами съ нѣкоторымъ *авторитетомъ*, то есть съ пользою. Иныхъ не стало, другіе за горами. Такимъ образомъ

пользуемся мы совершенною безнаказанностію, времъ что ни попало, на словахъ и на бумагѣ, въ пріятельской бесѣдѣ и предъ публикою. Нельзя сказать, чтобъ мы стали глупѣе прежняго, но нельзя однакожъ сказать, чтобъ мы стали и умнѣе. Само собою разумѣется, что многое узнали о чемъ прежде и слуха не было, но что въ томъ прока, если все это новознаніе, или поражено безплодіемъ, или выражается на какомъ то неслыханномъ нарѣчіи, наводящемъ тоску на читателя. Цензура не учитель, отъ нея ничему не научимся, а вкуса и подавно. Пора бы вамъ къ намъ пріѣхать: вотъ къ чему идетъ рѣчь моя. Обѣщаетесь быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ но надолго-ли, that is the question. Если пріѣдете на насъ только посмотрѣть да полюбоваться, то что въ этомъ будетъ пользы! Нѣтъ, пріѣзжайте съ нами пожить да насъ поучить. Зажились вы въ чужой глуши; право грѣхъ. Почемъ знать, можетъ статься, Богъ и наградить васъ за доброе дѣло и возвратитъ здоровье женѣ вашей на землѣ православной. Не повѣрите какъ мы избаловались съ тѣхъ поръ какъ живемъ безъ пѣстуновъ. Безначаліе губитъ насъ. Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ, не осталось налицо никого изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили; а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ гдѣ нибудь въ одиночествѣ ума и сердца. Всѣ нынче толкуютъ у насъ про направленіе: не направленіе намъ надобно, а правленіе. Грамотка безъ учителей не водится. Самодѣльныхъ властей у насъ развелось много, но лицъ съ настоящимъ значеніемъ въ просвѣщенномъ слоѣ общества, пока еще не завелось. Разумѣется, когда и было у насъ начальство, то къ которому и вы принадлежали, то не всегда его слушались: такъ всегда водилось; но все таки присутствіе людей всѣми чтимыхъ, не только за дѣла ума, но и за свойства душевныя, было полезно и научало новичковъ скромности. Слово это изчезло изъ нашего новѣйшаго ручнаго словаря. Пріѣзжайте хоть за тѣмъ, чтобы помочь намъ отыскать его. Странное дѣло! Никогда не видано было менѣе у насъ смиренія, какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ уставовъ христіанскихъ, учитъ смиренію, который весь ничто иное какъ смиреніе. Вотъ примѣръ этому. Одинъ изъ ревностныхъ служителей возвратнаго движенія написалъ въ прошломъ году драму. Хороша ли, дурна ли, до того дѣла нѣтъ; драма написана во славу

того быта, котораго будто бы сокрушила своенравная воля великаго человѣка, созданнаго впрочемъ, этимъ-же самымъ бытомъ; это и довольно по мнѣнію нашихъ пріятелей, то-есть сочувственниковъ автора. Но вотъ ее даютъ на здѣшнемъ театрѣ; и чтожъ! въ день представленія является въ вѣдомостяхъ статья самаго автора, который простодушно указываетъ на рукодѣлье свое какъ на образецъ настоящей русской драмы. Замѣтьте, что никого это не изумило, что никто даже и не обратилъ на это вниманія, такъ оно всѣмъ показалось естественнымъ. И не мудрено; какъ вы хотите, чтобъ безусловное поклоненіе одной какой-нибудь мысли, не привело насъ къ поклоненію тому разуму, которому одолжена она своимъ бытіемъ, хотя бы этотъ разумъ и былъ нашъ собственный разумъ, или разумъ нашихъ пріятелей. Voilà où nous en sommes. Этотъ авторъ, впрочемъ, умный, милый и благородный человѣкъ; но надобно же заплатить дань своему времени. Вѣдь и у насъ есть свое время, хотя и не такое безпутное какъ ваше бусурманское время.

Не знаю, показывалъ ли Булгаковъ письмо ваше нашей графинѣ; кажется онъ ей только выписалъ тѣ строки, которыя могли польстить ея авторскому самолюбію. Я взялъ было его у Булгакова, съ тѣмъ, чтобъ показать ей все письмо по старой своей привычкѣ любить друзей своихъ, не только для себя, но и для нихъ, но не зналъ ея дома. Должно однакожъ признаться, что *акаѳистъ* ея старой плясуньѣ, всѣхъ порядочныхъ людей возмутилъ, и здѣсь и въ Петербургѣ. Я назвалъ всю эту дурь, *le culte du jarret*, и спрашивалъ Ростопчину, какъ это выраженіе перевесть по русски, но она не съумѣла.

На прощаньѣ вторично повторяю свое челобитье о возвращеніи вашемъ на родину. Худо дѣтямъ жить безъ дядьки. Изъ этаго и взялъ перо, отъ котораго, какъ можете видѣть, не много поотсталъ, а то бы не былъ такъ многословенъ. Прошу принять мою болтовню снисходительно и не по учительски. Обнимаю васъ отъ всей души и ото всего сердца. Здѣсь есть ваши бумаги, но не успѣлъ еще ихъ видѣть, хотя онѣ находятся у Красныхъ воротъ. Прощайте. Всячески вамъ преданный Петръ Чаадаевъ.

Къ № 140.

Кн. Д. И. Шаховской сообщилъ намъ, что подлинникъ завѣщанія, находившійся у кн. Н. Д. Шаховской, сохранился; текстъ во всемъ совпадаетъ съ напечатаннымъ у насъ, за исключеніемъ слѣд. мѣстъ: строка 3 печ. текста—въ подлинникѣ... *въ вскоръ*; параграфъ 2, строка 5-я печ. текста — ... селѣ Говѣиновѣ, *тамъ, гдѣ*; параграфъ 3, строка 3-я печ. текста —... *мною причиненныхъ;* параграфъ 6, строка 2-я печ. текста — во всемъ *тѣмъ*. — Въ подлинникѣ, противъ параграфа 5-го, поставленъ красный крестъ; слѣдовательно этотъ текстъ — окончательный, см. п. № 143: «vous le trouverez (le codicille) de l'autre côté de la feuille, *marqué d'une croix rouge...*»

Къ № 159.

Въ 1862 году И. С. Гагаринъ писалъ объ этомъ письмѣ, что получилъ его во время своего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ (lors de mon dernier séjour à Moscou), см. т. I нашего изданія, стр. 427. — Оказывается — это было въ 1842 году; именно, въ литографированномъ «Письмѣ о. Гагарина Ю. Ѳ. Самарину въ отвѣтъ на письма, напечатанныя въ журналѣ *День*» (датировано 18/30 января 1866 г.) сказано: «Вы хорошо помните обстоятельства *моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ въ 1842 г.*»... Слѣдовательно, письмо № 159 должно быть датировано 1842 годомъ.

Къ №№ 131 — 185.

Кн. Д. И. Шаховской любезно сообщилъ намъ, по выходѣ 1-го тома, слѣдующія поправки, касающіяся датировки писемъ Ч. къ кузинамъ, за что приносимъ ему глубокую благодарность.

Пп. 131 и 132, тѣсно связанныя между собою по содержанію, должны быть датированы: *до 1848 г.*, такъ какъ Ѳ. В. Акинфіевъ, о которомъ говорится въ п. 132-мъ, ум. въ 1848 г. (30 іюня, см. «Москов. Некрополь», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. I, 1907 г., стр. 13). П. 131 адресовано кн. Н. Д. Шаховской.

П. 135 по связи съ п. 133 (въ обоихъ упоминается *Алекс. Макс.*), должно быть отнесено къ кн. Н. Д. Шаховской.

П. 160 писано до смерти кн. Д. М. Щербатова («mon oncle»), ум. въ 1839 г.

П. 161, по словамъ кн. Д. И. Шаховского, должно быть отнесено, на основаніи хранящихся у него семейныхъ писемъ, ко времени 1840—42 гг.: послѣ смерти кн. Д. М. Щербатова (1839) и до поѣздки кн. Е. Д. Щербатовой за-границу (1843).

П. 162 по содержанію должно быть отнесено по времени составленія Ч-мъ его завѣщанія, т. е. къ 1855 году.

П. 163 писано до смерти Ѳ. В. Акинфіева, т. е. до 30 іюня 1848 г. (см. выше).

П. 164 писано, очевидно, въ началѣ 1851 г.: бумага имѣетъ водяной знакъ 1851 г., а тетка Ч. умерла въ январѣ этого года; по письму она еще жива, но при смерти.

П. 165 адресовано кн. Н. Д. Шаховской: только у нея была земля въ Нижегор. губ.; Jean — ея сынъ, кн. Иванъ Ѳедоровичъ.

П. 177 по содержанію (un bain) сближается съ п. 97 (также и по бумагѣ), слѣд. относится къ 1845 г.

Пп. 178 и 179, тѣсно связанныя по содержанію (попадья и пр.), адресованы кн. Н. Д. Шаховской: votre fils въ п. 178 (вторая кузина Ч., княжна Е. Д. Щербатова, не была замужемъ), и писаны, вѣроятно, въ 1848 или 1849 г., на что указываютъ слова: république rouge въ концѣ п. 179-го.

Пп. 180 и 181 тѣсно связаны по содержанію съ п. 144: 23 ноября 1855 г. Ч. просилъ у кн. Н. Д. Шаховской взаймы 150 р. до 15 декабря (п. 144); въ четвергъ онъ пишетъ, что *сегодня* срокъ уплаты, — а въ 1855 году 15-ое декабря и приходилось въ четвергъ (п. 180); наконецъ, въ пятницу 6 января онъ возвращаетъ свой долгъ, — это 6 января 1856 г. Такимъ образомъ пп. 180 и 181 адресованы кн. Н. Д. Шаховской и датируются: п. 180 — 15 декабря 1855, п. 181 — 6 января 1856 г.

П. 183 писано, вѣроятно, къ кн. Н. Д. Шаховской, такъ какъ въ немъ говорится о ея сынѣ, кн. Д. Ѳ. Шаховскомъ.

П. 185 необходимо сопоставить съ началомъ п. 83-го, къ А. И. Тургеневу, тогда становится яснымъ, что рѣчь идетъ именно о Тургеневѣ (см. наше прим. въ т. I, стр. 431) и что письмо адресовано кн. Е. Д. Щербатовой и писано въ 1843 г., когда княжна была въ Парижѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ *)

*) Указатель относится только къ 1-му тому настоящаго изданія, т. е. къ основному тексту сочиненій и писемъ Чаадаева и къ примѣчаніямъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

тт. I и II.

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.

ЖИЗНЬ и МЫШЛЕНІЕ.

С.-Петербургъ. 1908.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія— въ кн. скл. М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васил. О., 5 лин., 28.

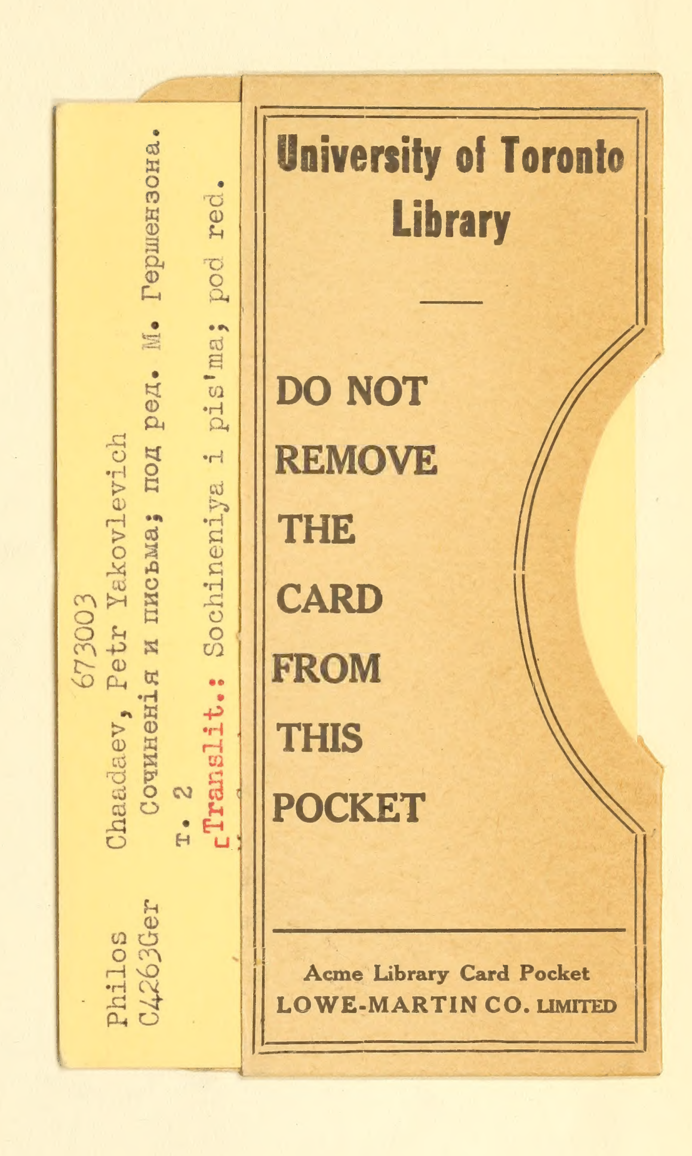
Того же автора.

Исторія Молодой Россіи. М. 1908.

Историческія записки. М. 1910.

Жизнь В. С. Печерина. М. 1911.

Образы прошлаго. М. 1912.

Philos
C4263Ger
673003
Chaadaev, Petr Yakovlevich
Сочиненія и письма; под ред. М. Гершензона.
т. 2
[Translit.: Sochineniya i pis'ma; pod red.
University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED